

Воины Зоны

Алексей Бобл

Предисловие

Автор благодарит за добросовестные и квалифицированные консультации по всевозможным специальным вопросам гвардии полковника воздушно-десантных войск России Алексея Владимировича Суворова, а также дядю Сашу. К сожалению, не всегда была возможность последовать рекомендациям. Все фактические ошибки - на совести автора. Кроме того, я благодарю Андрея Левицкого - практически соавтора этой книги.

- * Дебют - начальная стадия, характеризуется мобилизацией сил игроков.
- * Миттельшпиль - середина, когда развиваются основные события борьбы (атака и защита, позиционное маневрирование, комбинации, жертвы). Характеризуется большим количеством фигур и разнообразием тактических действий.
- * Цейтнот - борьба в условиях резко ограниченного времени.
- * Эндшпиль - заключительная часть игры. Как правило, характеризуется небольшим количеством фигур, увеличением роли пешек.

**Выдержка из секретной директивы
штаба Объединенного Командования:**

... в связи с возникшей необходимостью обеспечения безопасности лагеря ученых на озере Янтарь, а также участвовавшими случаями нападения на военные объекты в пределах Периметра Зоны отчуждения ЧАЭС, приказываю: сформировать восемь отрядов специального назначения (бойцов отрядов в дальнейшем именовать военными сталкерами) и возложить на них выполнение этих задач. Организационно - мобилизационному отделу подготовить списки кандидатов на зачисление в подразделения. Обеспечение материальными средствами, обмундированием, снаряжением возложить на службу тыла группировки. Службе РАВ и БТиВТ совместно подготовить реасчет типов вооружений, б/п, в/в, оборудования и техники, необходимых для укомплектования подразделений. Службе расквартирования определить места будущих пунктов дислокации отрядов. Выделить в распоряжение сформированных отрядов из состава отдельного вертолетного полка боевого управления (ОВПБУ) 1-ю эскадрилью. Начальникам служб и родов войск предоставить все необходимые расчеты не позднее чем через сорок восемь часов. Ответственным за..

**Начальник штаба
Объединенного Командования полковник...**

Часть первая

Дебют

Глава 1

Совершенно секретно

**Начальнику штаба Объединенного командования
полковнику..**

За истекшие сутки действующие в Зоне отчуждения группы специального назначения 2-го и 3-го отряда военных сталкеров столкнулись с необъяснимой миграцией бюреров. Мутанты передвигались в открытую (нетипичное поведение), от пяти до трех десятков особей. Проявляли крайнюю агрессивность и не позволяли приблизиться военстамам для дальнейшего сопровождения и сбора информации о пути миграции. Установить главное направление движения не удалось. Вследствие полученной информации предполагаю: в определенной точке Зоны отчуждения с непонятной целью концентрируется значительное количество мутантов-телекинетиков.

Начальник разведки группировки подполковник...

Странная это была площадка - кто ее здесь соорудил, для чего? Я сидел на ней с винтовкой в руках, спиной к Лабусу, и напряженно оглядывался. Рядом валялись рюкзаки, которые мы сбросили минуту назад. Удивительно, как быстро забрались! Вон же - поручни там, лестница, а мы, как акробаты, не снимая рюкзаков...

- Кажись все? - выдохнул Костя.

Я не отвечал, тревожно глядя по сторонам. Если ползет еще какая мелкая тварь - сниму одним выстрелом. С высоты воинская часть была как на ладони. Вокруг бетонной ограды раскинулся лес, в нем просеки, торчат мачты высоковольтной линии с оборванными проводами, а дальше все в серой дымке - вечерний туман скрывал Зону от взгляда.

Дул сильный ветер, нес по небу облака. Справа от меня неподвижно лежал ученый в защитном костюме и шлеме с тусклым зеркальным забралом. И как мы его сюда закинули? Наверное, человек все-таки находится на новой стадии эволюции, как любят утверждать некоторые умники. А как иначе объяснить, что мы с Лабусом в экстремальной ситуации смогли затащить наверх ученого и сами вскарабкались на эту площадку без всяких тросов, не сбрасывая рюкзаков и с оружием на шее?

- Курортник, чего молчишь? - повернув голову, напарник расправил жесткие усы. Одни когда нервничают - ногти грызут, а Лабус усы свои ненаглядные гладит.

- Смотрю, - хмуро ответил я и добавил, помолчав: - Куда мы теперь? Что-то совсем непонятное происходит, разобраться надо.

- Да что разбираться, Леха? Все тут ясно: сидим в двадцати метрах над землей, и уже темнеет. - Костя перебросил "Миними" за спину, усевшись на корточки, потянулся к рюкзаку. Он всегда таким был - простым мужиком, без затей, зато с какой-то крестьянской практической сметкой и непоколебимым здравым смыслом. - Давай место для ночлега выберем, а думать потом будем.

Лабус отстегнул от рюкзака короб с набитой патронами лентой и принялся перезаряжать оружие. Напарник и вправду на крестьянина похож: коренастый, плотный, с простым широким лицом. И Айдар его всегда любил, отличал среди других бойцов группы...

Айдар, если бы не ты, мы бы сейчас здесь не сидели. А ведь совсем недавно использовать собак в Зоне никто и не помышлял. Айдар, отпрыск породистой немецкой овчарки, с нами пять операций прошел, эта была шестая... и последняя для него. Собаки долго не живут в подразделении, но вклад в успех акций вносят очень весомый. Пес любую гадость учует, не даст сделать шаг туда, где тебя вывернет наизнанку или разорвет на части аномалия. Распознает тварь, затаившуюся в зарослях, и по топи проведет не хуже Болотного Доктора. А ведь сталкеры тоже когда-нибудь начнут с псами ходить, не дураки они. Конечно, многие и сами неплохо опасность чувствуют, аномалии и зверье - но все равно начнут. Хотя момент спорный: расслабляешься, когда впереди живой детектор

аномалий бежит. А без него ты на взводе, на нервах - тогда и слух обостряется, и зрение лучше становится.

- Что становится? - переспросил Лабус. Наверное, последние слова я вслух произнес - тоже нервы, кстати. Очень уж нас потрепало за эти часы.

- Костя, давай его ремнями закрепим у тебя на спине. Хорошо, научник этот легкий совсем. Я пулемет возьму и вниз спущусь. В рюкзаке у тебя ведь только патроны и сухпак?

Он кивнул.

- Ну и сбросишь его просто вниз, когда рукой махну.

Мы пристегнули ученого к спине Лабуса, напарник слегка подпрыгнул, повертев плечами, дал знак - порядок. Я забросил его "Миними" за спину, на клапан рюкзака, свою "М4" перевесил на грудь, взялся за поручни и съехал по ним до кругового балкона из арматуры. Или это технической площадкой называется? Наверное, так. В общем, площадка-балкон опоясывала широченную трубу котельной - и зачем такая широкая труба у нее? Черт его знает, я не понимал. Когда мы от мутантов бежали, минуты за две до балкона добрались по скобам, но идущую дальше лестницу не заметили и полезли по перекладинам с балками, поддерживающими длинный кирпичный цилиндр. А крысы карабкались за нами, скакали, да так проворно, что пришлось минут десять их отстреливать, сидя на самом верху.

Обойдя по балкону вокруг трубы, я осмотрел окрестности и крикнул вверх:

- Спускаюсь!

Костя встал на краю, сжимая "файв-севен" в вытянутых руках. Это, конечно, не "Миними", но по-другому у нас не получится. Хотя какое-то огневое прикрытие он мне обеспечит.

Через двадцать секунд я был на земле. Подняв штурмовую винтовку, прошел вдоль стены, переступая через дохлых крыс и псевдопсов. Неподалеку заметил даже обугленный труп кабана - он, скорее всего, попал в аномалию. С ночевкой надо поторопиться, а то еще кто-нибудь появится. Впрочем, пока было тихо, и я позвал:

- Давай!

Махнув рукой Лабусу и увидев ответный взмах, занял позицию среди бетонных блоков, оставленных здесь для строительства какой-то пристройки.

А ведь через три дня у меня отпуск. Всего через три! Я собирался в Киев, куда мать с сестрой переехали из Ростова после смерти отца, Вика вроде замуж собралась, может, даже на свадьбу попал бы... И тут - это задание. Кто знал, что такая каша начнется, такие невероятные события, столько людей погибнет?..

Бухнулся о землю рюкзак, и я дернулся на звук. Краем глаза заметил, как Костя спускается на балкон - тело ученого болталось за спиной, словно манекен.

Темнело быстро, тучи ползли из-за горизонта, догоняя друг друга. Ну и ветрюга там вверху... Наверняка дождь скоро начнется. Я снял коллиматорный прицел и установил вместо него ночник. Донесся голос Лабуса:

- На месте.

Не меняя позы, я скосил глаза. Косте приходилось стоять на прямых ногах, не очень удобно вести огонь из такой позиции. Ученый был, по всей видимости, худющий, защитный комплект на нем болтался, будто на жерди для пугала. Хорошо, что ростом он ниже Лабуса, носки армейских ботинок едва касались земли.

Я попятился к котельной, глядя в сторону ворот войсковой части, посреди которой мы находились. Одна створка валялась метрах в трех от будки КПП, другая накренилась, упершись углом в бетонку.

Военная база - еще советских времен, судя по всему, здесь дислоцировалась мотострелковая бригада. Одними из первых бойцов этой части бросили устранять аварию на ЧАЭС... и что с ними стало потом? Наверное, никакого "потом" не было у тех солдат, все погибли от радиации. А базу вновь расконсервировали, когда образовалась Зона, и

квартировали на ней военных, которые несли охрану Периметра. Того, самого первого Периметра, давно поглощенного Зоной. Его остатки, остовы военных построек да развалины КПП, до сих пор стоят на старых асфальтовых дорогах и служат ориентирами для местных бродяг.

Я огляделся. Вон, левее боксов для бронетехники, здание штаба в три этажа, за ним плац и казармы личного состава. А в штабе у нас что? Правильно, в штабе есть грамотное бомбоубежище, скорее всего еще и переоборудованное под реалии первой Зоны. Средства связи там могли сохраниться. И, конечно, хитрый замок... Но замок для нас с Лабусом не проблема, мы люди обученные, военные, вернее сказать, на временной службе у Объединенного Командования, а сокращенно - ОКа. Нас называют военными сталкерами, но мне такое выражение не нравится. Сталкеры - это те, кто бродят по Зоне, ищут артефакты, всякие диковинки. Их только нажива интересует. *Stalker stalkeris lupus est*, как говорил наш особист, большого ума мужчина, помнивший с института несколько латинских сентенций и любивший при случае щегольнуть ими. Сталкер сталкеру волк, стало быть. На глаза нам обычные сталкеры стараются не попадаться, знают: у военсталов приказ стрелять без предупреждения.

- Двинем к штабу, - сказал я Косте, и он кивнул.

Началось все рано утром, небо только-только посерело - самый сон. Нас подняли по тревоге, которая оказалась ложной. Кто-то из спецов умудрился набить морду французскому инспектору, зарулившему с "дружественной проверкой" складов ракетно-артиллерийского вооружения в расположение батальона. Наши вооруженцы укомплектовали отряды натовскими стрелковыми системами (не иначе взятку получили, сволочи), а народ стал роптать по этому поводу, не каждому такое понравится. Вот и зачастили проверяющие. Француз, конечно, сразу пожаловался в штаб ОКа. Мол, попытка международного терроризма и посягательство на либерально-демократический образ жизни. И вот - батальон торчит в полной выкладке на плацу, вдоль строя выставлены пулеметы, знамя на флагштоке, командир прохаживается с обиженным французским гражданином, морщит лоб и показывает свои внушительные кулачищи тому, кто посмеет ухмыльнуться. А глядеть без улыбки на инспектора трудно, два свежих синяка вокруг глаз делают его похожим на задумчивого филина.

Минут пять командир и инспектор ходили вдоль строя, и вдруг лягушатник ткнул своим холеным пальчиком в Лабуса, мол, этот его бил ночью. А я точно знаю, что Костя дрых на своей койке и не ведал, что в лагере творится. Нет, не подумайте, что это я сам иностранцу рожу набил - просто я в это время занимался очередным циркуляром из ОКа, сидел за столом, где расстелил большую карту района. Стол возле дверей стоит, и если бы напарник куда-то отлучался, другого пути у него не было, кроме как мимо меня пройти. Ну ладно, собрался я выручать нашего санинструктора, даже рот успел открыть, как вдруг - бац! - тревога. Уже боевая. Комбат натовского инспектора за ворота, а мы на погрузку к своему Ми-17 - и в воздух. Костя весь полет ругался, мол, он этому парижанину казнь через мапупу устроит за клевету, когда вернется, а мы кивали и соглашались, что будем стоять рядом и аплодировать. Мапупа - это у Лабуса любимое словечко такое, которое он произносит, когда его обуревают особо сильные чувства.

Лабус появился в группе, когда нашего санинструктора хорошо помяло - вынесли мы его из Зоны, и умер Паша, царство ему небесное. Терпел, все говорил, что сдохнуть готов, но только не в Зоне. До болота к Доктору было не дотянуть, да и неизвестно еще, на месте ли он и согласится ли военстала лечить. И вообще, мутное место эти болота, попасть туда сложно, выйти - еще сложнее. Мы потащили Пашу в сектор ответственности ооновских миротворцев, но не успели.

Я к смертям привык. Это не значит, что совсем равнодушно их воспринимаю, нет, но как-то... сдержанно, что ли? И не потому что сам себя намеренно сдерживаю, просто гибель товарищей теперь вызывает какую-то глухую горечь - тихую, угрюмую. Зона обтесала меня, срезала острые углы и выступы.

Костю приняли в группе хорошо - он оказался свой в доску. В объединенном учебном центре Лабус подписал контракт на три года. У него с личным фермерским хозяйством какая-то заморочка вышла, думал он, выбирал, между иностранным легионом и нами, и предпочел Зону, точнее, Объединенный Командный центр, к которому наш батальон прикомандирован. Вот так и попал после обучения в нашу группу для дальнейшего прохождения службы в должности санинструктора.

Во все он вник быстро, хватило двух месяцев, трех выходов "в поле". В нашей группе младше тридцати двух никого нет, мобисты комплектовали подразделения по признаку предыдущего места службы. То есть служил в ГРУ - попадешь к спецам, служил в ВДВ - к десанникам, никто не обижался. Хотя на этой почве в пункте временной дислокации батальона иногда возникали шовинистские споры, переходящие в проверку навыков рукопашного боя. "Но надо же им пар как-то выпускать", - всякий раз отвечал комбат в штабе ОКа, когда после очередного выяснения отношений больше всех страдал контингент российских миротворцев, попавший под горячую руку военсталов. Еще в состав подразделения входили три группы, состоящие из бывших бойцов бригад ГРУ, а так же взводы радиоэлектронной разведки и борьбы.

Мы с Лабусом сдружились, хотя и не похожи. Так часто случается, разные по характерам люди находят друг у друга что-то общее, только одним им видимое и понятное.

После взлёта почти все задремали, не спали только командир, я и Костя. Он постоянно поправлял грузовой контейнер возле ног и приглаживал ладонью ежик волос с заметной проседью - в общем, нервничал. Придвинувшись ближе, я сказал ему в ухо:

- Не суетись.

Лабус хмыкнул.

- Тебе легко говорить. А у меня только три учебных прыжка в центре подготовки. В составе группы вообще ни одного.

- Ну вот и прыгнешь в первый раз. Это все ерунда, меня сама задача смущает.

- А что такого? - удивился он. - Район довели, цель ясна...

- Вот именно. Район есть, цель - упавший вертолет... Только слишком глубоко прёмся. - Я поправил ремень подвесной системы, сел удобней. - И десантируемся парашютным способом... Таких акций не проводилось еще вообще ни разу. И кого забирать не уточнили.

- Чего? - он придвинулся ближе, не расслышав последние слова за шумом двигателя.

- Говорю: кого точно мы там забрать должны - не знаем. Жив ли он, или может кто из экипажа не разбился - тоже. Ну и в Зоне так глубоко ещё не работали, понимаешь? Это тебе не на Янтарь по тревоге летать или пешочком с научниками по проверенным маршрутам ходить к Периметру.

- На том вертолете маяк должен стоять.

- Стоит, так что с того? Это ж Зоне, а не полигон в учебке. Тут бывает, что электроника работает отлично, а бывает - вырубается на фиг.

До места летели минут сорок, потом из кабины показался штурман и кивнул командиру - пора. Командиру нашему, бывшему капитану ВДВ, около тридцати пяти, крепкий среднего роста мужик с обычным лицом и неожиданно яркими синими глазами. Шутки он не понимает, улыбается крайне редко, зато обладает повышенным чувством ответственности за подчиненных. А еще - скрупулезный очень, расчетливый и методичный.

Он тоже кивнул, все поднялись со своих мест, проверили снаряжение, поправили подвесные системы. Прыжки мы совершали только на "Пи-Ди", они надежные и груз достаточно большой с собой можно взять. Были на базе еще и "Парафойлы", но те давно пылились у зампотыла батальона в складской палатке.

У каждого в группе был грузовой контейнер с рюкзаком внутри, штатный набор: оружие, боеприпасы, вода, медикаменты, запас провизии на трое суток, средства связи.

Когда командир вновь кивнул, я подошел к двери, отодвинув створку - рокот винтов сразу стал громче - и занял место выпускающего. В салон ворвался ветер.

Внизу был красно-желтый осенний лес. У другой двери сидел пулеметчик с "ПК", в хвосте был еще один, в случае чего нас прикроют с воздуха. Когда под машиной началось свободное от деревьев пространство, штурман повесил на трос карабин с фалом, прицепленным к громоздкому контейнеру, затянутому в брезент. Присел, нажал круглую кнопку. В окошке под прозрачным пластиком замигал красным диод - сканер-маяк включился. Такие устройства нужны, чтобы парашютисты не попали в аномалию во время приземления. Штурман вытолкнул установку за борт, и фал вытянул следом купол грузового парашюта. Вертолет заложил круг.

После приземления контейнер просканирует местность в радиусе тридцати метров, если все в порядке, то получим добро на высадку и будем прыгать на его сигнал, если нет, сбросим еще один. Таких маяков на борту три - вполне достаточно, чтобы найти свободное от аномалий место.

Внизу оказалось чисто, и штурман дал добро. Я сдвинул очки со шлема на глаза, глянул на высотомер, он показал тысячу метров. Поднял большой палец - готовность раз.

Первым вышел командир, лег на поток и скрылся из поля зрения.

Я разглядел бегущую по земле тень вертолета. Повезло с погодой, редко так ясно в Зоне бывает, большую часть времени на небе тучи, но сейчас будто весна началась, хотя уже поздняя осень.

Вторым выходил Лабус. Я хлопнул его по плечу, и он исчез в проеме. Дальше, как обычно, пулеметчики Карл и Хмурый. Оба среднего роста, крепкие, служили вместе в одной разведроте парашютно-десантного полка. За ними прыгнули Близнецы, то есть снайперская пара, один здоровый - Большим прозвали, второй маленького роста - Малой. За снайперами связист Захар, украинец откуда-то из-под Карпат, за ним Марат. У него на груди специальная подвесная система, внутри - пес. Хоть Айдар и совершал уже в тандеме прыжки с парашютом, но не часто, и потому заметно нервничал. Когда Марат подошел к двери, Айдар хотел цапнуть меня за руку, которую я положил на плечо нашего спеца по радиоэлектронной разведке, за что получил по носу и заскулил - то ли предвкушая неизбежный прыжок, то ли от обиды. Я хлопнул Марата по плечу, и он покинул машину. Все. Когда повернулся к штурману, тот кивнул. Ухмыльнувшись, я быстро поднял руку, щелкнул его по лбу и спиной провалился в дверь.

Стабилизировав падение и выбросив "медузы", раскрыл парашют. Сначала осмотрел серо-зеленый купол над головой, потом огляделся.

Вертолет, развернувшись по широкой дуге, снизился. Я нашел глазами остальных. Мать моя! Марат выкинул вниз гильзу на фале, над которой развевался внушительных размеров белый штандарт с эмблемой подразделения - черный череп с двумя крыльями по бокам и надписью "Нас боятся!".

Глянув на приближающийся вертолет, я разглядел в кабине лицо пилота - он погрозил кулаком и указал вниз. Я повернул купол в сторону снижавшегося командира группы, поймал поток и быстро заскользил к земле. Вот же, Большой чего выдумал... А ведь это Малой его подговорил, точно, сам бы Большой не догадался. Настучит летчик-вертолетчик на нас в ОКа, ох настучит... Ладно на базе разберемся, плачет по Близнецам гауптвахта.

Наша группа вышла на упавший борт через четыре часа. Тварей никаких по дороге не встретили, Зона здесь была непривычная - спокойная, затаившаяся. И связь нормально работала.

Вертолет лежал между деревьями, изуродованными радиацией и выбросами аномальной энергии из центра Зоны. Веток на них было мало, верхушки изгибались,

некоторые стволы распухли, другие наоборот ссохлись, а еще посветлели и напоминали теперь торчащие из земли огромные кости.

Вертолет лежал на земле, между двумя сломанными соснами. Хвостовая балка треснула, фюзеляж вроде цел. Слева от машины Айдар обнаружил неприметную глазу воронку в земле - электронный детектор ее почему-то не засек. Подходить к вертолету решили с правого борта, хотя туда ритмично била электрическая дуга. Подобное мы видели впервые, появлялась эта штука прямо из воздуха, и непонятно было, где возникает разность потенциалов. Такое впечатление, что корпус скопил в себе заряд и теперь разряжает его в определенную точку пространства. Или наоборот - небольшая область пространства разряжает свой потенциал в машину.

Группа рассредоточилась, теперь каждый контролировал свой сектор наблюдения. Я, командир, Хмурый и Захар, направились к лежащей между деревьев машине. На наручных часах у меня стоит небольшой счетчик радиации - он молчал, место чистое. Ветра не было, изогнутые деревья высились вокруг, ветви не шевелились, не трепетала листва - все застыло. Стояла тишина, лишь негромко трещала электродуга.

- Що воно таке? - негромко сказал Захар.

- Гадость, - уверенно ответил Хмурый. Он вообще у нас пессимист и ворчун, каких мало. Во всем видит только плохое.

Командир дал мне знак. Аккуратно ступая, я подобрался к кабине, сквозь трещины в стекле разглядел неподвижное тело первого пилота. Сделал еще шаг - и волосы под шлемом встали дыбом. Энергия дуги наполняла воздух, он струился, как в жару над железной крышей. Теперь стало видно, что дуга бьет в иллюминатор возле двери.

Дверь вертолета закрыта, изнутри - ни звука. Почти наверняка весь экипаж мертв. Как туда залезть, непонятно.

Дуга вдруг развернулась и плавно, словно паутина на легком ветру, закачалась в воздухе. Хрен поймешь, что это за штука такая и почему она...

Электрическая аномалия медленно поплыла ко мне. Я замер.

- Спокойно Курортник, - голос командира донесся откуда-то сбоку.

Я сжал рукоятки "М4" так, что хрустнули пальцы. Ладони в перчатках стали влажными, по виску стекла струйка пота. И еще - заломило в затылке. Все сильнее, сильнее... Эх, не вовремя! Головная боль накатила жуткая, до тошноты, до рези в глазах. Я сморщился, моргая. Гады! Те, кто поставил мне эту штуку... попадись они мне - на месте пристрелю.

- Спокойно, не двигайся, - вновь произнес командир.

Я сжал зубы. Аномалия искрящим лоскутом плыла ко мне. Сейчас вскину винтовку и засажу по ней! Хотя это не зверь или мутант какой-то - неживое порождение Зоны, пулями его не возьмешь, наоборот, только хуже можно сделать. Но все равно рефлексы настойчиво твердили: приближается враг, убей его! Руки задрожали, ствол дернулся...

И тут дуга исчезла - просто исчезла, будто и не было ее.

Секунда, вторая - я стою. Полминуты прошло. Головная боль начала стихать, потом совсем исчезла. Воздух неподвижен, все застыло. И напряжения в воздухе больше нет, вокруг разбитого вертолета никакой опасности не чувствуется.

Тишину прорезал писк девяти ПДА. И тут же со всех сторон зазвучало:

- Твою!..

- А чтоб тебя!..

- А на!..

- Кто?!

- Вот же!..

- Что за?!..

Айдар тявкнул. Даже сдержанный командир и неразговорчивый Карл выругались, только я один промолчал. Отпустив пистолетную рукоять винтовки, отдернул рукав. Я мог поклясться, что ПДА и у меня, и у всех бойцов группы выключены - и все же на экране высветилось сообщение. Странное такое сообщение, в адресной строке стояла

метка: "всем/7XXX-3a661", то есть для всех зарегистрированных пользователей сети, находящихся в данном районе покрытия. От абонента с закрытым адресом. Сообщение гласило:

"ОСТОРОЖНО!"

Глава 2

... года

Время 17:35

Докладная записка оперативного дежурного руководителю экспедиции

Озеро Янтарь

Смена согласно штатному расписанию вела исследование в условиях полевой лаборатории в блоке "А". Наблюдается явная связь между ионизированными облаками и способностью конденсировать запасы электрической энергии, а так же продолжительностью работы приборов...

Командир несколько секунд смотрел на экран, едва заметно пожал плечами и выключил ПДА. Остальные удивленно переглядывались, но комментировать непонятное происшествие никто не спешил.

Выждав еще с полминуты, я шагнул к вертолету.

Голова больше не болела. Тихо, лишь кроны деревьев едва слышно поскрипывают, качаясь на ветру. Электрическая дуга не появлялась. Стоя сбоку от двери, я взялся за ручку, оглянувшись на командира, тот кивнул.

- Открываю, - произнес я и поднял левую руку.

Командир и Захар с Хмурым прицелились, а я стал загибать пальцы. Когда рука сжалась в кулак, рванул дверцу. Она легко откатилась в сторону, и наружу вылетело штук десять светящихся шаров.

- Не стрелять! Не двигаться!!!

Окрик командира подействовал, никто не дернулся, не открыл огонь.

Шары медленно плыли по воздуху. Один возле моего лица поднялся, обогнул лопасть накренившегося винта, подхваченный воздушным потоком, устремился к чахлой кроне дерева. Я провожал его взглядом. Шар достиг ветвей, раздался треск. Посыпались искры, и крона вспыхнула - вся, целиком, будто облитый бензином факел.

В это время три шара, пролетев между командиром и Захаром, скрылись за деревьями. Остальные несколько секунд висели на одном месте, потом умчались наискось вверх. Вновь хлопок, треск - и вспыхнуло второе дерево. Будто на сухое тряпье прыснули бензином и тут же бросили спичку.

На край поляны упали обугленные ветки, посыпались иголки. Сосны горели, плюясь искрами. Шары больше из кабины не появлялись, электродуга тоже не возникала.

- Ну и что это было? - тихо произнес я.

- Как ты? - спросил командир.

- Штаны пока сухие, но спина уже совсем мокрая.

- Командир, клянусь! Детектор молчал и сейчас молчит! - это Марат. Он всегда частит, когда нервничает - любит переживать больше, чем того требует ситуация, выходит из себя и злится. Но не чересчур, конечно, десантник все же, а не домохозяйка. - И Айдар спокойный, как змея.

Все посмотрели на Айдара. Пес сидел на задних лапах, высунув язык. Ощутив внимание, повернул голову, привстал, будто хотел сказать: ну че, приказывайте, я готов.

- Эта дуга светящаяся и шары связаны как-то, - предположил Малой, самый говорливый из нас, любитель выдвигать всякие идеи и скорый на суждения. - То есть это типа одна аномалия такая, радуга-шары... Слушайте, а кто нам сообщение на ПДА сбросил? Вот не

понимаю я...

Большой что-то пробурчал и покачал головой, Хмурый сказал:

- Плохо дело, валить отсюда надо, а то все поляжем.

Хмурый вообще - мрачноватый парень, потому я обычно на его ворчание внимания не обращаю, но тут показалось, что прав наш пессимист. Тревожно как-то. Меня даже озноб легкий пробрал, и опять в затылке ныть начало, но теперь несильно.

Хорошо им, они хоть с ноги на ногу могут переминаясь, сбрасывая таким образом напряжение. А я по-прежнему стоял на том же месте сбоку от дверцы и не шевелился.

Командир повернулся ко мне.

- Что в салоне?

- Вижу только пол, вход в кабину. Больше ничего.

В Зоне любые поспешные действия к добру не приводят, опытный военстал в такой ситуации и не шелохнется. Если надо - будет стоять хоть час на одном месте, пока не прояснит все, не просчитает возможные варианты и пути к отступлению. Тоже и обычных сталкеров касается. И даже в большей степени - нам надо задание выполнять и перед командованием отчитываться о любой задержке, а у них начальства нет.

Я сталкеров не люблю. Не всех, конечно, - некоторых лично знаю и с ними в ладах, эти Зону топчут уже давно. И на Янтарь заходят с молчаливого согласия командования, приносят артефакты, иногда - новый вид фауны. Пожалуй, вернее будет так сказать: мне не нравятся не сами сталкеры, а методы большинства сталкеров. Они берут на дело молодых и пускают их вперед, в ловушки Зоны и лапы мутантов - только лишь ради наживы. Даже слово у них для таких новичков есть: отмычка. Мол, благодаря им старички "вскрывают" какие-то места в Зоне, чтобы самим пройти можно было. Мерзкое слово и очень циничное - для моральных уродов, трусов и подлецов. Не может вызвать моего уважения человек, который такие слова использует в отношении других людей. Какого бы мужественного мачо он из себя не строил, тот, кто подобным способом через Зону ходит, намеренно подставляя вместо себя других, да еще и называет их презрительно "отмычками" - чмо подзаборное, а не мужик.

Голос командира вернул меня к реальности:

- Марат, пускай Айдара.

Пес спокойно потрусил к вертолету. Опустил голову, пригнувшись, и забежал внутрь. Когти зацокали по железу, собака зашуршала чем-то. Прошло несколько секунд, Айдар вновь появился у двери, сел на задние лапы. Вывалил язык, глядя на меня. Значит - чисто.

- Входи, - приказал командир и дал условный знак остальным: "внимание на опасность извне".

Они развернулись и стали наблюдать за лесом, а он пошел ко мне.

Я шагнул в вертолет. Возле дополнительного бака с горючим один на другом лежали два человека. На обоих шлемы с масками, верхний - в военном противорадиационном комплекте. Серьезная дорогая экипировка для глубинной разведки в Зоне. На втором было снаряжение ученого, тоже дорогая вещь, шутники из службы тыла утверждают, что в такой защите можно прям в открытый космос лететь. Это, конечно, преувеличение, но есть в нем и доля правды. Кроме прочего, в такой комплект интегрирована система анализаторов состояния организма, хотя где именно датчики на теле крепятся, я не знаю. Автономный медблок делает нужные инъекции препаратов, чтобы поддержать устойчивую жизнедеятельность. Еще там, насколько знаю, есть резерв дыхательной смеси, помимо всяких фильтров в шлеме для очистки воздуха.

- Так, - произнес командир у меня за спиной. - Айдар, марш наружу!

Пес выскочил из вертолета, а я нагнулся над военным, перевернул. Отщелкнул забрало, стянул маску - и увидел лицо Капрала, адъютанта заместителя начальника штаба ОКа. Голова неестественно вывернута набок, шея сломана. Он на самом деле был капралом, и позывной у него такой же - Капрал. Вот такие дела... А ведь три дня назад мы курили с ним после совещания в штабе у миротворцев. Этот парень любил рассказывать анекдоты

про сталкеров, как он их в таком количестве запоминал, я понять никогда не мог. Выслушав несколько, посмеявшись вместе со всеми, возвращался в расположение батальона - и не мог вспомнить ни одного. Но больше не рассказывать ему анекдоты... А ведь в последний раз когда виделись, Капрал хвастался, что у него отпуск на следующий день начинается, а я ему, что и у меня тоже на днях, прикидывали, кто куда поедет, он хотел на море... Выходит - не поехал на крымские пляжи, отправился в Зону.

И остался здесь навсегда.

- Узнаешь? - я повернулся к командиру.

- Капрал.

- Он два дня, как в отпуске должен быть. А вон как вышло... - я на секунду задумался и предположил: - Может отпуск - прикрытие? Ты ничего в ОКа не заметил, когда на очередную планерку ездил? Движение какое-то, суету в разведотделе?

- Нет. Хотя кто-то явно темнит, - командир придвинулся ближе к телам, присел на корточки. - Ладно, давай смотреть второго.

Мы подняли мертвого Капрала и вынесли из вертолета, положили на землю. Айдар, сидя в двух метрах от машины, следил за происходящим. Остальные бойцы стояли вокруг вертолета, контролируя окрестности.

И вдруг в салоне раздался тихий стон.

Мы с командиром бросились назад. Лежащий забралом вверх ученый вновь тихо застонал, шевельнул рукой.

- Дела... - протянул я, шагнув к нему. - После такой аварии - и живой.

Помню, в нашем учебном полку как-то ранней зимой при десантировании с "Илов" один боец пролетел после отделения на стабилке все шесть сотен метров. Замок парашютного ранца был исправен, он мог раскрыть купол принудительно, но с перепугу не сделал этого, а прибор раскрытия не сработал. Про запаску же боец позабыл - и угодил в болото. Его искали несколько часов, думали: все, кранты. А он сидел по пояс в иле, в себя приходил. Сверху снег, снизу жижа почти ледяная. Отойдя наконец от шока, выбросил оранжевую стабилку вверх из узкой дыры, которую пробил своим телом в спрессованной белой толще - с вертолета и заметили. Когда раненого к месту сбора доставили, выяснилось, что у него только ушибы и нервное расстройство. Другой бы после такого падения скончался на месте, а этот за два дня оклемался. Бывает и такое.

- Аккуратно, - негромко сказал командир, когда я склонился над телом.

Это ясно - при падениях можно что угодно себе сломать. Ученый лежал на спине, сфера шлема с зеркальным покрытием отражала мое лицо. Я протянул руку, чтобы снять ее - и тут снаружи донесся громкий лай Айдара. Мы повернули головы к дверям. Что там? Я привстал, но командир выпрыгнул первым. Через мгновение сунулся обратно, бросил:

- Бери тело и наружу, быстро!

Я схватил под плечи ученого и выволок наружу. Теперь уже плевать на переломы, не до того.

Айдар метался из стороны в сторону перед дверями, тихо рыча - батальонные псы приучены сдерживаться, когда другие бы уже заливались от всей своей собачьей души. Бойцы застыли вокруг вертолета, подняв оружие, только Марат вглядывался в планшет детектора.

- Два объекта, на десять часов, быстро приближаются. Я не знаю что это, но очень крупные.

- Уходим, - решил командир. - Лабус, Курортник, несете ученого. Дозор Марат с Айдаром, за ними Близнецы. Хмурый и Карл прикрывают, остальные в ядре. Захар, радио в центр: объект обнаружил, забираю "трехсотого". Всё - вперед!

Подскочивший ко мне Лабус развернул походные носилки, мы положили тело на них.

- Быстро, быстро! - торопил командир.

Спины Марата и Большого уже мелькали среди деревьев. Малой на ходу снял "Миними" у Лабуса с шеи и пошел впереди. Карл с Хмурым задержались, пропустив нас,

зашагали следом.

Мы не успели далеко удалиться от вертолета, когда за спиной гроыхнули несколько выстрелов, и командир приказал:

- Группа - стоп! Рассредоточиться!

Положили носилки, Малой вернул Лабусу пулемет. Я лег за поваленным мшистым стволом, головой в сторону вертолета, Лабус устроился рядом.

Впереди Карл и Хмурый били длинными очередями - куда они так лупят? Если пулеметчики не жалеют боеприпасов, значит нечто прет на нас и может сожрать за милую душу...

Пулеметы смолкли почти одновременно. Я увидел, как Хмурый с Карлом бегут к нам, а за спинами их, огибая деревья, двигается сгусток черного воздуха. Это еще что за тварь? Никогда не видел, не слышал про такое, и в разведданных ОКа о подобных явлениях не упоминалось.

Хмурый упал у сосны неподалеку и крикнул:

- Заряжаю!

Карл немного отстал от него. Темный сгусток нырнул вниз, почти расстелившись по мху, превратился в тонкое одеяло, тут же собрался в тугой комок и прыгнул на Карла сзади. Обернул его тело, будто плед из густого дыма, и сразу выпустил. Карл не кричал - просто остановился, широко расставив руки. Фигура покрылось серой коркой, похожей на гипс, и вдруг развалилась на мелкие кусочки, раскрошилась как сухарь.

- Карл!!! - заорал Малой, а я помимо воли вскочил на колени.

Карл, наш Карл - не человек, кремень. Он всегда казался твердым как скала, от него веяло уверенностью, в его присутствии ты успокаивался - какие могут быть неприятности, если рядом Карл?

А теперь он исчез, распался на части - только горка чего-то пузырящегося на траве.

- Огонь! - скомандовал командир.

До черного одеяла было метров пятнадцать. "М4" загрохотала, приклад вдавился в плечо, отсекаТЕЛЬ выбросил череду гильз. Я ощутил кислый запах пороха. Пули пробивали непонятную тварь, проносились навывлет и не причиняли ей вреда.

Но все же она остановилась. Несколько мгновений металась от сосны к сосне, после вновь расстелилась по мху и заскользила к Хмурому.

- Заряжаю! - прокричал я.

Пустой магазин упал под ноги, я дослал в приемник новый, снаряженный зажигательными и трассерами. Щелкнул затвор, палец выжал спуск. Световой пунктир ударил в сгусток, когда он уже был в прыжке и до нашего пулеметчика оставалось меньше метра.

Повезло Хмурому: зажигательные пули начали рвать черное "одеяло". После нескольких попаданий тварь трансформировалась, растеклась по мху и вдруг распалась на дымные лоскутья - те заскользили назад к вертолету, прячась за деревьями.

- Бей по ним зажигательными! - проорал я.

- Где вторая?! - командир обращался к Марату. - Ты сказал: два объекта?

- На два часа, приближается!

- Сколько до нее?

Я сместил ствол вправо, глянул поверх голограммы, мерцающей на прицеле, - ничего не видно, обычный лес, где же она там скользит? Не хотел бы я встретиться с этой гадостью ночью...

Хмурый сместился ближе к нам с Лабусом.

- Держит дистанцию, приблизительно метров пятьдесят. Передвигается из стороны в сторону, - наконец отозвался Марат. - Первую я потерял, когда она на куски распалась.

- Отходим! - приказал командир. - Направление тоже. Марат, Айдара передай Большому, сам ко мне.

Рядом с Лабусом показался Малой, перехватил у него пулемет. Я был уже возле

носилок.

Подняв "груз триста", мы побежали прочь от вертолета.

- Захар, есть радио с соседями?

Командир имел в виду две группы спецназовцев, которые высадились вместе с нами в соседних квадратах.

- Та я намагаюся, командир, - ответил Захар. - Але нічого не відповідають поки що. І Центр мовчить.

Как же плохо работать так глубоко в Зоне! В местах уже известных все куда проще, там только и приходится, что гонять сталкеров по их же тропам. Аномалии знакомые, техника под рукой... А здесь, в глубине, не понятно чего ждать, кого встретишь, ни черта неизвестно, и оборудование то работает, то нет.

Метров через двести командир скомандовал остановиться и рассредоточиться. К нему подошел Марат, оба уставились на планшет, а после повернулись в сторону, откуда мы бежали. Оглянувшись, я увидел далеко среди деревьев два черных одеяла.

Они не двигались. Мы ждали, передышка была кстати. Я слышал частое дыхание остальных и гулкие удары своего сердца.

- Командир, может мы вышли за границу их территории? - предположил я.

- Возможно, - согласился он. - Так, хорошо, теперь медленно отходим. Проверим гипотезу.

Как только тронулись с места, одеяла за клубились и поползли за нами, но очень медленно. Когда они пропали из виду за деревьями, детектор Марата еще некоторое время показывал два движущихся объекта, но вскоре обе метки на экране отклонились к северо-западу и пропали.

Все вздохнули с облегчением, хотя перед глазами у меня все еще стояла картина того, как Карл разваливается на куски - и, думаю, не у меня одного. Я видел, как мрачны Большой с Хмурым, как Малой на ходу иногда нервно облизывается, а Марат трясет головой и оглядывается. Даже Айдар приуныл, хотя у него с Карлом никогда особой дружбы не было.

Вскоре вышли на большую поляну, по пути обогнув скопление аномалий. Сталкеры любят к таким местам ходить, там много чем разжиться можно, но мы не сталкеры, у нас другие цели, и Командир лишь поставил красную "иконку" в своем ПДА.

- Привал, - объявил он наконец. - Близнецы - наблюдение, остальным отдыхать. Лабус, посмотри ученого. Через десять минут Близнецов меняют Марат и Хмурый.

Мы с Костей осторожно опустили носилки на землю. Как бы ни помер наш научник. Надо было им заняться уже давно, но возможности не было - командир в первую очередь хотел уйти из района падения вертолета и понять, преследует ли нас кто-нибудь еще.

Лабус присел на корточки рядом с носилками, снял сумку с медицинским комплектом. Командир пошел к нам, но его перехватил Захар, поймавший сигнал со спутника связи. Может в небе над нами удачно "окно" образовалось, а может просто Зона смилостивилась, дала возможность поработать нашей аппаратуре - так или иначе, Центр вышел на связь. Командир и Захар встали лицом друг к другу, остальные повернули к ним головы, ожидая конец разговора с командованием. Даже Костя, сидящий на корточках с раскрытой сумкой, забыл об ученом.

- Принял, конец связи.

Командир вернул трубку переговорного устройства Захару. И тут же заговорил возбужденный Марат:

- Движение по краю поляны, девять объектов! Сигнал с ПДА грушников из батальона. Девять меток на юго-запад, удаление двести метров и девять меток на юг, удаление сто метров...

В ПДА военсталов встроен специальный электронный блок, код исходящего сигнала может расшифровать только декодирующее устройство. Сталкеры все пытаются настроить свою аппаратуру, чтобы распознавала наши коды, но возможности у них ограничены, "свой-чужой" - это пока только для нас.

- Центр приказал встретиться, - сказал командир. - Дальше пойдем тремя группами.

Все вздохнули с облегчением - так будет безопаснее.

Лабус вновь потянулся к ученому, но тут раздался свист. Большой тоже свистнул, поднял снайперскую винтовку, разглядывая в оптику, кто там идет. Среди деревьев показались фигуры в "Горках". Шлемы как у нас, широкие очки, рюкзаки.

Большой опустил снайперку.

- Кажется, группа Давыдова.

- Ага, они. - Командир махнул рукой, приветствуя спецназовцев.

Лабус выпрямился, я опустил "М4". Пока что мы видели только троих грушников, остальных скрывали деревья. Командир пошел к Давыдову, взяв винтовку левой рукой, а правую протянув для приветствия. И тут опять заверещали наши ПДА. На ходу одернув рукав с запястья, командир наклонил голову.

Я прочел сообщение:

"ОПАСНОСТЬ, УХОДИТЕ!"

В этот момент прогремел выстрел.

Глава 3

**Начальнику особого отдела штаба Объединенного Командования полковнику...
...исходя из материалов следствия N 3231-1/7. В связи с выявленными
обстоятельствами: разработать список правил для командиров групп военных
сталкеров, включая параграф девятнадцать. Запрос на подтверждения кода
"ликвидация" командир группы шифрует персональным ключом. Ответ
дублируется командиру группы...**

Командир медленно валился на спину, Давыдов переводил пистолет на Захара.

Я уже сидел на правой пятке, согнутая в колене левая нога выставлена вперед, а в прицеле, в кружке голограммы видна фигура грушника и вспышки из пламегасителя его "М4".

Пули зашлепали по пню. Мои выстрелы опрокинули фигуру, маячившую в прицеле.

Большой разрядил магазин снайперки в направлении Давыдова, но тот успел спрятаться за деревом.

Еще несколько стволов ударили по нашей группе. Упав за пнем, я огляделся, пока ничего не понимая, но машинально отмечая: позиция плохая, мы слишком близко, мешаем друг другу, противник прижал к земле и деревьям, не позволяя толком вести бой. Противник! Никогда не думал, что назову так спецназовцев. Что происходит, контролер вас всех поберет?! Почему они стреляют в нас? Ни одной здоровой мысли в голове, никаких догадок...

Очередь перечеркнула пень, я сжался, потом резко подался влево, выставив ствол сбоку, выстрелил сквозь густую траву и сразу отпрянул. Надо отходить, но куда? Поляна, к которой мы вышли, находится километрах в трех от болот, сзади нас подпирает область, полная аномалий. Если взять на юго-восток и удалиться от поляны где-то на километр - судя по карте, попадем к заброшенной войсковой части.

И еще ведь третья группа есть. Они что будут делать, в кого стрелять? Долго ответа ждать не пришлось - на юге, по левую руку от меня, загрохотало. С окраины поляны в нас полетели пули. Веселая карточка огня получается! Клинч, огневой мешок, нам теперь путь только назад, в аномалии.

У Лабуса была неплохая позиция, он лежал в углублении между двумя соснами, растущими в виде буквы "V". Корни там подмыло, природа сама создала мини-окоп. Удобно устроившись, Костя стрелял по атаковавшим нас бойцам. Летящие с юга пули ложились в сосну слева от него, Лабус не обращал на них внимания, хотя не мог стрелять в ответ. А вот давыдовских Костя хорошо держал, но они все равно приближались к нам, хотя и медленно благодаря огню Лабуса. Короткими перебежками, от дерева к дереву - скоро подойдут на бросок гранаты.

Захар был ранен, Давыдов все-таки успел в него выстрелить. С этой позиции я видел, что связист сидит, привалившись к толстому стволу. Он затягивал жгут на правой руке - зажал один конец зубами, а левой наматывал резинку круг за кругом прямо поверх куртки. Оторвавшись от своего занятия, Захар глянул на меня, полез в жилет и достал гранату.

Дальше был неглубокий овраг, в нем притаился Марат. Его там трудно было подстрелить, но и он почти не мог вести огонь, рискуя получить пулю прямо в голову, как только выглянет.

Айдара я не заметил, а Большой находился впереди, за корягой, бойцы из третьей группы не давали ему высунуться. Хмурый расположился позади, ближе всех к дальнему краю поляны, его пулемет работал короткими очередями. Вот такая линия обороны, по форме больше напоминающая крест. Я не видел только Малого - где он?

Портативные средства связи вырубались, что-то в этом месте мешало их работе, может, близость аномального поля. Пришлось выкрикивать команду:

- Уступом, по змейке, отходим! Направление - восток, вдоль границы поляны!

Большой риск, но идти назад, в аномалии, я не хотел.

Лабус продублировал команду, за ним Марат. Хмурый не отозвался, и я вдруг понял, что пулемет его уже несколько секунд как молчит.

И тут же увидел бойцов третьей группы далеко слева - они бежали через поляну наискось, стреляя на ходу, между ними длинными прыжками мчался белый пес. Марат был ближе всех к ним, но высунуться не мог, лежал, вращая глазами, наверняка понимая, что к нему приближаются грушники, еще немного - и конец. Сейчас нас прихлопнут с фланга, причем меня - вторым после Марата, за пнем нелегко укрыться... Я повернулся, чтобы срезать их очередь, но чужие выстрелы зазвучали часто-часто, пришлось вжаться в землю, опустив голову. Я будто попал в воздушную мясорубку. Пространство содрогалось, клокотало, пули прошивали его - слева, справа, надо мной - рядом глухо стучало, они били в пень, выдирая щепу.

Бойцы сходились к нам с двух сторон, сжимая, будто плоскогубцами. Плечо обожгло, пуля пролетела по касательной, разорвала рукав куртки. Да пропади оно все пропадом! Привстав, я вскинул винтовку. Пули визжали, пень содрогался от ударов. Я повел стволом за бегущими через поляну спецназовцами, но тут первый из них, взмахнув руками, упал.

Донесся сухой звук выстрелов - кто-то открыл огонь с восточной, дальней оконечности поляны. Свалился второй боец, а после стрелок угодил в то, что раньше никто не замечал - прозрачное облачко горячего воздуха, висевшее низко над землей. Грушники третьей группы должны были пробежать мимо, но когда с востока раздались выстрелы, они заметались, дергая стволами из стороны в сторону, выискивая стрелка, и оказались в опасной близости от аномалии.

Жарка сработала. Огонь ударил вверх, концентрическая волна раскаленного воздуха покатилась, пригибая траву - та чернела, стреляя дымными струйками. Трех бойцов разбросало в разные стороны, двое вспыхнули факелами, у третьего занялась спина. Пули скосили тех, кого подожгла аномалия, а огненный фонтан съезжился и погас. Выжившие грушники залегли, мы их не видели - трава так и не загорелась, но над краем поляны стелился дым, затрудняющий наблюдение.

Откуда-то сбоку вылетел белый пес с подпаленным задом, бросился к оврагу, бешено лая. Марат вскочил на колени. Сбоку из кустов выпрыгнул Айдар, метнулся на помощь хозяину. Белый зверь прыгнул, пасть разинулась - клыки уже почти впились в шею

Марата, когда в воздухе блеснуло лезвие армейского ножа. Марат вытянул вперед руку, вцепившись в густую шерсть на груди пса, второй ударил снизу. Собака сама добила себя: когда клинок впился в брюхо, она в прыжке пропорола его. Донесся визг, морда ударилась в плечо Марата, он развернулся и пробросил пса дальше за овраг. Через мгновение злобно рычащий Айдар оказался рядом. Обхватив его поперек туловища, Марат упал обратно.

Когда жарка сработала и выстрелы на время стихли, Лабус смог дальше высунуться из-за сосны. Бойцы Давыдова вскочили, чтобы атаковать нас, прижатых к земле перекрестным огнем. Слишком поздно сообразив, что третью группу кто-то обстрелял, они попали под пулемет Кости.

Большой, перебежавший от коряги к приземистому дубу, высунулся из-за ствола и точным выстрелом снял одного грушника. Захар, затянув рану на руке, бросил гранату. Она взорвалась, кто-то из давыдовских упал, кто-то закричал - и в эту секунду общее течение боя неуловимо изменилось, будто качнулись весы. Теперь тактическое преимущество сместилось в нашу сторону, мы начали выигрывать время.

Большой отбежал назад, Захар наоборот вперед, мы очутились на одной линии. Костя крикнул:

- Прикройте!

Я перезарядил винтовку. Выставив ствол над раскуроченным пнем, полоснул очередью над землей. Лабус, пригибаясь, метнулся к носилкам, взвалил ученого на плечо и поспешил к восточной границе поляны. За ним, сжимая здоровой рукой оружие, то и дело оглядываясь, побежал Захар.

Костя упал, бросив ученого, развернулся и поднял пулемет. Тут же Захар опустился рядом с ним на одно колено.

- Пошел! - крикнул Большой.

Прижимая винтовку к груди, я бросился к ним, так, чтобы не перекрывать линии огня. Сбоку раздался лай Айдара, он выскочил из оврага и помчался параллельным курсом. Сзади стукнул выстрел, второй, пуля вжикнула над плечом; часто затрещала винтовка Захара, застучал "Миними". На краю зрения мелькнула фигура бегущего Марата. Магазин Захара опустел, вскоре смолк и пулемет Лабуса, но я уже упал между ними, перевернувшись через плечо, вскочил на колени. Ствол "М4" развернул в сторону противника.

- Пошел!!! - гаркнул я на всю поляну.

Вот, что такое "змейка с уступом". Большой побежал к нам, я увидел движение далеко позади него, в панораме прицела всплыл размытый контур - шлем распластавшегося в траве бойца - выстрел, шлем дернулся и пропал. Марат присел рядом, целясь, Айдар спрятался за его спиной и злобно лаял. Захар перезарядился и начал стрелять, рядом матерился Лабус, что-то заело в его пулемете. Тот, кто засел на восточном краю поляны, вел частый огонь по бойцам третьей группы, не позволяя им высунуться из дымящейся травы.

Большой оказался рядом, развернулся, присел.

- Пошел!

- Леха, давай! - гаркнул Лабус. - Захар!

Мы рванулись дальше, и тут же сзади заговорил "Миними".

Хмурого я заметил у поваленного дерева, ствол его пулемета был задран вверх и слегка дымился. Хмурый лежал, уткнувшись лицом в траву, сзади в шлеме зияло выходное пулевое отверстие - снайпер поработал, уроды! Я сжал зубы так, что свело челюсти. Если доберусь до того, кто такой приказ отдал - пристрелю на месте без всяких разговоров! Кто мог заставить наших спецназовцев по своим работать?!

За границей поляны мы побежали по длинной дуге. Большой прикрывал отход.

Как я и ожидал, стрелком, остановившим спецов, оказался Малой. Он не растерялся, когда услышал стрельбу в лесу, смекнув, что происходит, пошел на риск: обогнул поляну вдоль восточной стороны, а это метров двести будет, и вернулся обратно - как раз

вовремя.

- Где командир? - на бегу спросил он.

- Убит, - сказал я, не глядя на него. - Хмурый тоже. Захар ранен в руку. Что впереди?

Второй номер снайперской пары доложил:

- По границе поляны чисто. Слева, двести метров, - кисель, а вперед, сто, - карусель висит. Дальше заросли, густые. Сейчас через них никак, нет времени продираться. Если взять к киселю, увидим звериную тропу, думаю, кабаны натоптали. Следов свежих нет, но по ней точно зверье ходит.

Только местных кабанов нам не хватало. Хотя если животные используют тропу, аномалий там нет, уже неплохо. Скорее всего, выведет она нас к войсковой части или к какому-то другому объекту в Зоне. Может, к поселку заброшенному, к постоянному лагерю одной из группировок или к руинам колхоза... Любые здания для нас - укрытие, которое группе ох как необходимо сейчас.

- Марат!

- Я! - отозвался разведчик.

- Давай с Айдаром в "голову". Захар, ты как?

- Та нічого, йти зможу.

- Лабус?

- Пыхтим, - легко ответил Костя. Незаметно было, чтобы тело ученого на плече как-то пригибало его к земле.

- Не тормозите, - сказал я.

Присев, запустил руку в боковой кармашек рюкзака, выудил моток стальной проволоки, достал "эфку" из жилета.

Остальные бежали дальше. Нагнавший меня Большой тоже остановился, сказал:

- Давай помогу.

Он тяжело, с присвистом, дышал. Большой вполне соответствует своему прозвищу: полноватый, высокий, спокойный. Вообще, они с Захаром похожи немного - не внешностью, поведением.

- Держи, - я передал снайперу гранату, сунул конец размотанной проволоки. Прыгнув через тропу, сделал петлю вокруг ствола молоденькой осины, кивнул Большому.

- Страви сантиметр, - сказал он.

Я ослабил петлю на дереве, выпустил короткий отрезок проволоки и опять затянул.

- И я им там сюрприз оставил, - Большой зло оскалился. - Такое макрамэ сплел... Одну они точно срисуют, но другие две зацепят! Леха, ну что за паскудство? Почему так? Командир, Карл, потом Хмурый - трое наших, а?!

- Позже, Большой, - через силу ответил я. - Обо всем поговорим позже, сейчас ноги уносим.

- Готово, - сказал он, закончив возиться с гранатой.

Мы присыпали "эфку" и петлю мхом с опавшими листьями. Я не слышал преследователей, все-таки профессионалы, но чувствовал, что они неподалеку и быстро приближаются.

Покончив с растяжкой, стали догонять группу. Не прошло и тридцати секунд, как за спиной грохнул взрыв - грушники навалились на растяжку Большого. Минут пять лишних это нам дало - теперь они будут медленно идти, вглядываясь в заросли и деревья перед собой. Знать бы, сколько их осталось... Я прикинул: одного сам положил, двоих или троих Малой, одного Большой снял. Итого: минус четыре, может и пять. В аномалии трое загорелись, двоих из них Малой ухайдакал точно... А было грушников восемнадцать, выходит, уже двенадцать или даже одиннадцать, плюс одна собака. Ну а нас - шестеро и "груз триста". Надо срочно искать укрытие, стены какие-нибудь, они догонят нас за десять минут. По Зоне особо не побегаешь, не та территория.

Мы бежали дальше прежним порядком, шурша листьями, то и дело оглядываясь. Я вспомнил, как-то однажды загнали одного сталкера на Агропром, и он успел спрятаться

где-то в подвалах. Вели его с километр по Зоне, собак еще тогда не было в составе патрульных групп. А сталкеру, заразе, повезло - выброс случился, один из коридоров закрыла аномалия. Мы чуть не сунулись туда, явно след читался, показывающий, что беглец там прошел. Хмурый, Зона ему пухом, вовремя запах озона почувствовал, а потом и детектор подтвердил: карусель впереди. В общем, мы еще сутки пересидели последствия выброса. Мутанты тогда словно взбесились - по-разному на них выброс влияет, Зона непредсказуема. Наружу высовываться как-то никому не хотелось. Позже, когда назад пошли, глянули - аномалия в коридоре сместилась, отползла к стене. Мы коридор проверили, а там тупик и банка тушенки пустая валяется. На стене надпись, углем сделана: "Здесь был Хемуль". Сталкер, стало быть, в ловушке тогда оказался, а когда сумел выйти - решил поиздеваться напоследок над преследователями. Свезло ему, что и мы вынуждены были как сурки в норе переждать, ушел он от нас, фартовый.

Вот так вот. И отсюда мораль: везение в Зоне первое дело, оно важнее даже, чем умения всякие, навыки. Нас сейчас они не спасут, потому что за нами люди с такими же навыками гонятся, причем их в два раза больше. И везения нам очень нужно.

Мы углубились в лес, когда я понял, что группа идет по той самой тропе, упомянутой Малым. Настоящая звериная тропа - широкая, земля хорошо утоптана копытами и лапами, кусты по краям сломаны. По ней, наверное, часто животные бегают, хотелось бы еще знать, почему именно здесь, откуда и куда?

Прошли с полкилометра, когда лес начал редеть, и впереди замаячил широкий просвет между деревьями.

Вскоре мы оказались на краю просеки, над которой возвышались две мачты высоковольтной линии на широко расставленных "ногах". Качались на ветру обрывки проводов, развевались пакли ржавых волос. Пахло озоном.

- Ох ты... - сказал Захар. - Це що з ним таке?

Остальные молчали, разглядывая просеку. Она заросла высокой травой - неестественно зеленой и густой для этого времени года. Вокруг поздняя осень, весь лес желто-рыжий, а тут конец весны! Лабус пробормотал что-то и сплюнул - он не любил такие вот непонятки Зоны, они выводили его из себя.

- Детектор зашкаливает, - сказал Марат нервно. - Слишком много электричества в воздухе.

- Просеку сможем перейти? - спросил я, глядя на тропу, пересекающую вырубленный когда-то участок леса. - Она длинная, черт знает, сколько ее обходить придется.

- Не знаю, у меня сплошное пятно на детекторе. Может Айдар проведет...

Пес тоже заметно нервничал.

- Большой, выдвинься назад, вернешься, когда свистну, - приказал я.

Снайпер исчез за деревьями.

Ученый неподвижно висел на плече Кости, тот не опускал его в траву, лишь горбился, чтобы легче было удерживать вес тела.

- Айдар, ищи. Нам нужен проход, Айдар. - Марат потрепал пса по загривку и отстегнул поводок.

Айдар сначала попробовал выйти на тропу, но передумал и засеменил по краю просеки. Мы стояли и ждали, переминаясь с ноги на ногу. По нашим следам идут спецназовцы, выигранное преимущество тает с каждой секундой.

Наконец пес остановился, вытянул голову, словно пытался разглядеть что-то на другой стороне, и прыгнул к основанию мачты - раз, второй, длинными скачками. Над пышной травой мелькала только серая башка. Он пробежал между опорами мачты, без происшествий выбрался к границе леса на другой стороне, повернулся и завилял хвостом.

- Вперед, след в след! - скомандовал я. - Марат, Малой, за мной Лабус, потом Захар, Большой сзади караулит.

Побежали. Просеку надо пересечь как можно быстрее, на ней мы очень хорошая мишень для стрелков из леса. Если, пока мы здесь, преследователи достигнут границы и

откроют огонь, прячась за стволами... Лучше не думать об этом.

Я свистнул Большому, чтобы шел к нам.

- Стой! - крикнул Малой и схватил Марата за рюкзак.

Донеслось поскуливание Айдара - он заметался, высунув язык. Пес не сводил глаз с хозяйина, но без команды не решался приблизиться к нему.

Марат так и застыл с поднятой ногой, далеко отклонившись назад. Малой держал его за рюкзак - если б не это, Марат упал бы на спину. Тень от мачты накрывала их, провода качались над головами, один часто бил по длинному языку ржавых волос, до ушей доносился неприятный скрип.

- Что там? - тихо спросил я.

- Кажется, проблема у нас, - ответил Малой, не оборачиваясь. - Смотри выше.

Я пригляделся и наконец понял, о чем он: перед головой Марата почти вплотную к мачте висело облако, будто нанизанное на столб. Оно напоминало то явление, которое я видел возле электродуги у вертолета - вроде воздух дрожит в жаркий день над разогретой крышей или асфальтом. Что это такое? Новый вид аномалии? Не поворачивая головы, я глянул по сторонам. Легкий ветерок волнами пригибал траву, а больше вокруг ничего не двигалось. Преследователи все ближе, торчат посреди этой просеки - верная смерть. Я опять посмотрел на аномалию. Она клубилась на высоте головы. Айдар проскочил под ней спокойно, а мы, олухи, смотрели на него и не заметили опасности.

- Малой, клади Марата на спину. Марат, расслабься. Большой, что сзади?

- Пока чисто, командир, - это слово, "командир", слегка резануло меня... да и остальных наверняка тоже. Ведь совсем недавно так обращались к другому человеку. И не просто к человеку - нашему другу. Которого уже нет в живых, причем мы даже не смогли похоронить его, как положено. Теперь командование группой перешло ко мне, хотя я не желал этого.

Пока Малой возился с Маратом, Лабус контролировал лес впереди, а Захар, я и Большой глядели в обратном направлении. Наконец донесся шепот Малого:

- Ладно, давайте дальше. Только ползком.

Я повернулся - Марат по-пластунски двигался к противоположной границе леса между длинными "ногами" мачты, расходящимися от ствола под углом в сорок пять градусов. Малой присел на корточки, готовясь последовать за ним. В принципе, действие аномалии могло распространяться до самой земли, поэтому я поднял руку, показывая остальным: стоять на месте. Получается, Марат стал для нас сталкерской "отмычкой" - мы сознательно позволили ему рисковать жизнью вместо нас. Но другого выхода не было, либо он подвергает себя опасности, либо все окажемся под пулями преследователей. Марат не новичок, на котором мы изучали серьезность угрозы, он равный нам и просто оказался сейчас впереди всех. Был бы там я - пополз вместо него.

Он привстал, когда мачта с дрожащим облаком осталась позади. Только теперь я понял, что не дышал уже, наверное, с полминуты - и облегченно вздохнул. Нормально! Опустил поднятую руку, показывая остальным, что можно следовать дальше, и шикнул в спину Малого:

- Давай!

Айдар завилял хвостом: хозяин спасся! Попытался лизнуть его, но получил по носу за то, что профукал аномалию.

Когда Малой миновал мачту, я оглянулся на Лабуса. И вспомнил: у него же ученый. Надо как-то протаскать раненого под этим облаком... Приказал:

- Костя, волочи за ноги, а я буду его под плечи подтягивать.

Лабус присел на четвереньки и уложил "груз триста" в траву. Я улегся впереди.

- Ну? - спросил он.

- Раз, два... давай.

Стали протаскивать тело под аномалией. "Раз, два, три!" - повторял я, и мы рывком перемещали его дальше. Когда приблизились к мачте, послышалось гудение. Преодолели

еще метр - оно стало громче, тяжелее. Трава вокруг ходила мельчайшими волнами, это напоминало рябь на воде. Навалилась тяжесть, в затылке кольнуло.

- Лабус, ползи, - сказал я хрипло. - Не останавливайся...

- Ползу я, ползу, - откликнулся он.

Мы были уже прямо под столбом, снизу казалось, что он висится до неба, бороздя верхушкой низко плывущие облака. Гул усилился, дышать стало совсем тяжело.

- Давай! Давай! - повторял я, как заведенный.

А ведь мы могли пойти в сторону, пересечь просеку по дуге, миновав воздушную аномалию... Но почему-то Айдар не захотел другим путем идти по странной траве, побежал почти напрямую. Значит, что-то не так с этой просекой, какие-то на ней еще есть опасности, которые мы не видим. А теперь, раз уже Марат и Малой остались целы, вниз она вряд ли ударит.

Гул начал стихать, тяжесть уменьшилась. Время тянулось медленно, мне казалось - на то чтобы перетащить ученого потратили минут пятнадцать, но по хронометру выходило, что прошли всего две. Норматив по транспортировке раненого на поле боя мы с Лабусом перекрыли с лихвой.

Марат и Малой ждали нас у деревьев, подняв оружие, смотрели, не покажется ли кто на другой стороне. Выбравшись к границе леса, я сразу отправил Марата вперед по тропе, а сам с Малым стал прикрывать ползущих к нам Захара и Большого. Лабус в это время оттащил ученого к ближайшему дереву, уложил под ним. Деревья возле высоковольтной линии выглядели еще более причудливо, чем там, где упал вертолет, стволы закручивались спиралями - у некоторых толстыми, приземистыми, у других длинными и узкими. Хорошо, если этот лес вообще проходим. Я когда во время срочной службы в составе полковой разведроты первый раз отправился на полевой выход, так очень хорошо понял, какие у нас леса, какие буреломы бывают. И что такое продираться через лес не как индеец какой-нибудь, с ножом в руке да луком за спиной, а когда на тебе снаряга с оружием - тоже понял. Хотя тогда нормальные, обычные территории были, в Зоне же мутировавшие растения создают иногда вообще непроходимые преграды. Деревья зачастую испускают ядовитый сок, стебли некоторых видов травы могут порезать даже плотную синтетическую ткань жилета или обмундирования. Среди сталкеров ходит много всяких легенд, в том числе и о том, что в Зоне существуют деревья-людоеды, но я таких пока не встречал, и на Янтаре об этом тоже никто ничего не знает. Очередные байки, наверно. Хотя вот про странную аномалию под названием дерево-кукловод - слышал несколько раз, причем от людей, которым доверяю.

Большой уже полз под аномалией, когда на другой стороне, на самой границе просеки замелькали фигуры.

- Быстрее! - прошипел я. - Сюда, ну!

Добравшись до нас, Большой вскочил, и мы бросились в лес.

- В том же порядке! - скомандовал я на бегу.

Впереди маячила фигура Марата. Когда мы очутились среди деревьев, сзади грохнули выстрелы. Грушники выскочили на просеку, а мы оставили им очень хороший ориентир для прохода через нее, пропахав в траве широкую тропу. Словно красным пунктиром отметили маршрут на карте.

Я надеялся, что они пустят вперед вторую собаку, та проскочит по тропе, как наш Айдар, а люди после влетят с разбегу в аномалию. Вот и выиграем время... Но Давыдов опытный командир, вдруг заметит, что мы ползли под мачтой? Хотя может и не сообразить в горячке, они ж не просто там идут - спешат, преследуют нас. Интересно, кто третьей группой командует? Николаев или все-таки Бобров? Лучше бы это был Николаев, он недавно в Зоне, меньше года, опыта немного, к тому же ходят слухи - чей-то протеже. Если это он со своей группой за нами идет, то, скорее всего, задницу на британский флаг рвать не станет, зачем ему усердствовать? А вот если Бобров, тогда все гораздо хуже. Бобровцы два года уже вместе, у них только две потери за это время - профессионалы,

чтоб им икалось всем! Как же их убедили на своих охоту устроить? Понятное дело - приказ. Не может это быть ошибкой, если пришел код на ликвидацию, Давыдов обязан был послать запрос, в ОКа код должны были подтвердить... И ведь спецназовцы с нами не одну канистру спирта выпили, мы не раз друг друга страховали, выполняя совместные задания...

Раздумья прервал хлопок, похожий на взрыв наступательной гранаты. И тут же сзади донесся вопль. Ага - влипли грушники! Теперь пока сообразят, что к чему, пока новую тропу найдут или по старой ползком проберутся - если это вообще возможно после того, как аномалия в первый раз включилась - мы успеем добраться до какого-нибудь укрытия.

Интересно, что это там за облако все же висело на мачте? Как оно сработало, что сейчас произошло на просеке? Надо будет описание сделать позже в докладе... Каком докладе?! - тут же мысленно прикрикнул я на себя. Что ты мелешь? Тебя командование предало, бывших товарищей на тебя натравило! Как вообще теперь быть, ведь мы уже все равно что мертвецы, наша жизнь не копейки не стоит, если ОКа решило нас слить. Все, тебе конец, Курортник, понимаешь? Не поедешь ты ни в какой отпуск, и мать с сестрой не увидишь, и вообще из Зоны не выберешься: убьют тебя здесь, и все. Потому что - куда тебе теперь? В сталкеры? Так они тебя и приняли - тебя, военстала бывшего. И ОКа, и они сейчас для тебя враги.

И все же я не мог поверить, что выхода нет. В глубине сознания жила мысль: ошибка, недоразумение, главное, разобраться во всем, выйти на командование, что-то объяснить...

На дороге начали попадаться обглоданные кости мутантов - они валялись и вокруг тропы и на ней. Это еще что такое? Вскоре тропа закончилась, ушедшие вперед Марат с Малым поджидали нас.

- В чем дело? - спросил я, подбегая.

Айдар сидел спокойно, вывалив язык. На приборах было чисто.

Марат указал на поляну впереди, а Малой прокомментировал:

- Левей сосны, вроде арки, видишь?

Я присмотрелся, даже очки сдвинул на шлем. Ага, вот он, далеко впереди: приземистый капонир с узкой амбразурой, обросший мхом. Так... Значит вышли к хозяйству войсковой части. Но что означают эти косточки, валяющиеся повсюду?

- Какие мысли? - спросил я.

Малой отогнул ворот куртки и почесал шею.

- Пока никаких. Кости эти все... вроде пировал тут кто-то.

Марат добавил:

- И капонир этот совсем не радует.

- Думаете, здесь кто-то обосновался? - скептически спросил я.

- Ничего не думаем, командир, решай, - ответил Малой.

Я оглянулся, вновь посмотрел на капонир. Эта бетонная штука - явно оборонительное фортификационное сооружение, как их в армейских циркулярах и приказах именуют. В принципе, как раз то, что нам и нужно. Там могут какие-то ходы быть, возможно, ведущие в войсковую часть... Хотя не факт. Вдруг внутри сидит кто-то и, как в тире, расстреливает мутантов, бегущих по тропе? Тогда нам туда лучше не соваться, ясное дело. Впрочем, капонир казался заброшенным, и если впечатление верное - лучшего укрытия для группы не придумаешь.

- Марат, что там правее?

У Марата был хороший мощный детектор с большим радиусом действия. Он поглядел на планшет, хмурясь.

- Правей нельзя, там что-то не очень понятное. Вижу полосу электромагнитных полей, кое-где температура прилично зашкаливает... вроде аномалии, но почему-то все висят одним фронтом. Начнем искать проход, потеряем преимущество во времени, даже с Айдаром.

- Слева?

- Свободно метров триста, а потом то же самое.

- Значит, влево. Бегом!

Марат после моей команды пустил вперед Айдара, и тот потрусил перед нами. Вскоре открылась интересная картина: множество сломанных молодых деревьев, словно их выкосил великан. Растения постарше и покрепче уцелели, но на стволах виднелись глубокие сколы. Я остановился, вглядываясь. Все это наводило на неприятные мысли - не могли кабаны так тереться о деревья. Что за звери учинили здесь такое? Или это аномалия какая-то особенная?

Мне все меньше нравилось это место, но нас нагоняли две группы спецназовцев и другого пути не было.

Бегущий впереди Марат дал знак остановиться, Айдар присел, ожидая команды. Марат махнул рукой и пошел дальше, теперь куда медленнее. Костя, до сих пор тащивший ученого, тяжело дышал, и я решил, что пора приказать Большому взять научника.

Только успел оглянуться на Лабуса, как справа раздался щелчок. Все замерли, стволы повернулись к источнику звука. Я увидел окоп, заросший по краям высокой травой, - его бруствер показался мне вначале длинной кочкой, покрытой кустами. Окоп был метрах в пяти от нас, ближе всех к нему стоял Марат. Слегка переместившись в сторону, я разглядел часть дальней стенки, залитой потрескавшимся от времени бетоном. Неплохое укрытие. Напоминает щель, какие оборудуют для личного состава, чтоб переждать налет бомбардировщиков...

Послышалось легкое жужжание, похожее на работу сервоприводов. И тут же над капониром вылезли из скрытого люка стволы в спарке. Они встали вертикально, но как только поднявшая их платформа зафиксировалась, с лязгом опустились в захваты, установленные на вертлюге.

Малой выдохнул:

- ШВАК!

Точно - это была спарка ШВАКов, авиационная пушка. Ее двадцатимиллиметровые снаряды сбили во времена Великой Отечественной не один десяток немецких самолетов - но как она здесь оказалась, в наше время? Додумать я не успел, раздался характерный лязгающий звук, который не спутаешь ни с чем - протяжка ленты. За свою армейскую молодость я их наслушался в башне боевой машины на всю жизнь...

- Атас! - закричал Малой, а Марат прыгнул к окопу.

- Большой, Лабус, за мной! - выкрикнул я.

Все кинулась к укрытию. Размеры у траншеи оказался не ахти, где-то три на полтора метра, зато глубина - почти в полный рост. Отдавливая друг другу пальцы и гулко стучая прикладами по шлемам, бойцы попадали один на другого. Со стороны мы, наверное, выглядели так, будто решили влезть все вместе в одну ванну, чтоб помыться одновременно, в одежде и со снаряжением.

Когда Большой свалился на застывшего от боли раненного Захара, сверху раздался грохот.

Темп стрельбы этой дуры около восьмисот выстрелов в минуту. Такие пушки ставили на оборонительных турельных установках вдоль линии укрепрайонов во времена Второй мировой войны. Сколько там снарядов в ленте у нее? Я не помнил, но, судя по всему, много.

Наверняка кабаны ходят сюда питаться - и, может быть, не только они. Сиди себе и жди, пока под огонь ШВАКов не попадет какой-нибудь зверь. Разбросанные обглоданные кости лучшей приманки - мутировавшая тварь идет по тропе, предчувствуя скорую трапезу, нарывается на датчик движения и оказывается под огнем автоматической установки. Снаряды такой пушки кого угодно разорвут на части - тем лучше для хищника. Разлетаются уже разделанные, как на блюде, куски мяса по округе, только успевай подбирать, да оттаскивать к тропе и там пожирать. А на запах вскоре новые твари появятся или кто-то из сородичей по неосторожности вляпается, стоя и таким не

побрезгует.

Все вокруг содрогалось, по бетону катились комки земли. Кто-то дергался подо мной, чей-то локоть вдавился в спину между лопаток, и я тоже дергался, тоже пихал кого-то локтями и коленями, а пространство вибрировало, грохот выстрелов наполнял его - мы будто попали внутрь барабана, по которому вовсю колотил сумасшедший барабанщик.

Выстрелы стихли также неожиданно, как начались. В ушах звенело, перед глазами расплывались блеклые круги. Я сипло спросил:

- Все живы?

- Кажется, все, - прокряхтел Лабус откуда-то сбоку и снизу. - Научника мне не раздавите! На хрена я его волок столько? Он и так тощий, а вы лоси здоровые...

Хуже всех было Марату, он оказался в самом низу. Айдара прижали к стенке, пес висел между дном окопа и Захаром, поскуливая.

- Большой... - начал я, но он уже и сам сообразил, что надо сделать. Стянул шлем, нацепил на ствол винтовки и поднял вверх.

Тишина.

- Мы в мертвой зоне пушки, - сказал он. - Я выгляну, командир?

- Не торопись, - остановил я. - Лучше Айдара освободите, помогите наверх вылезти.

Мы в несколько приемов выпихнули пса на поверхность, и Большой осторожно высунул голову из окопа.

- Так... беги вон туда, - снайпер несколько раз махнул Айдару, указывая направление.

Пес переминался с лапы на лапу, пытался сунуть морду обратно в окоп, сыпал на нас с бруствера землю. Лабус, задрал голову, попытался что-то сказать, и комья попали ему в рот. Костя рассердился и пообещал устроить нашему четвероногому другу казнь через мапуку. Айдар испугался и потрусил в сторону турели. Все затаили дыхание. Прошло секунд пятнадцать, и мы услышали призывный лай. Большой опять выглянул из окопа, пригляделся и ползком выбрался на брустер. За ним последовал Захар, я помог Лабусу поднять ученого, затем вылезли Малой с Маратом.

Подняться на ноги никто не рискнул, до пушек добрались ползком. Осмотрелись - и быстро нашли заваленный ветками люк. Только Большой хотел потянуть рычаг затвора, как раздался звук сервоприводов. Мы замерли, Большой крикнул, Малой выругался, Айдар коротко тьякнул. Пушечная установка поводила стволами из стороны в сторону, задрала их вертикально и уехала обратно под землю. Клацнули замки задвинувшихся над ними броневых плит.

Все облегченно выдохнули.

Оставалось лишь надеяться, что люк не заперт изнутри - простой гранатой его вряд ли возьмешь, а пластита у нас кот наплакал.

Большой опять взялся за рычаг, сказал:

- Ну, с богом.

Он дернул. Раздался скрежет, рычаг провернулся. Снайпер потянул люк к себе, и тот со скрипом откинулся на землю.

Я подступил поближе, заглянул. Внизу было темно. Большой посмотрел на меня, его примеру последовали остальные. Я медлил.

Наконец Лабус сказал:

- Ну что, командир? Спецы наверно уже близко совсем, решай.

- Вниз, - сказал я. - Малой, первым давай. Предельная осторожность.

Юркий, вертлявый Малой лучше остальных годился для того, чтобы двигаться по такому месту впереди всех. Он проскользнул мимо Большого, достал фонарик из жилета и скрылся в колодце со скобами в бетонной стене.

Глава 4

Выдержка из приказа N...

...приказываю: смонтировать посты мониторинга выбросов в Зоне отчуждения вокруг АЭС. Оборудование установить согласно приложенному плану, в пунктах и на территориях согласованных с начальником службы войск группировки.

Начальник службы РХБЗ группировки подполковник...

Помещение под колодцем оказалось небольшим, но мы кое-как разместились там, рассевшись на полу плечом к плечу. В стене было углубление с пультом, над ним в бетон утоплены мониторы, на панелях управления мигали диоды. Рядом стояла пара узких кресел, в углу была дверь с рычагом гермозатвора.

Перешагнув через ученого, которого Лабус свалил под креслами, Марат сел в кресло и стал разбираться с пультом. Он у нас спец по радиоэлектронной разведке, ему привычнее во всяких компьютерах и аппаратных средствах копать.

- О! Гляньте, - сказал он, пощелкав переключателями, в результате чего мониторы озарились светом. - А вот и картинка снаружи... Жалко, не все камеры в рабочем состоянии.

Решетка белых линий разделила мониторы на квадраты, в каждом проступило свое изображение, кроме двух, где падал "снег". Спина Марата частично закрывала обзор, и я спросил, привставая:

- Что видно?

- А вот они! - откликнулся Марат и стукнул кулаком по краю пульта. - Спецы давыдовские...

Все похватали оружие.

- Спокойно, спокойно, - сказал я, выпрямившись.

- Да я спокойно, командир! Сейчас, только попробую... - Марат замолчал, щелкая клавишами, и опять с досадой стукнул кулаком по пульта. - Ну что за день сегодня такой?! Все, валим отсюда!

- Нормально скажи! - приказал я.

- Боеприпасов нет, на нас закончились. А они к капониру идут. Может, не заметят, но...

- Так! - я развернулся к остальным. - Дверь!

Малой уже отпирал ее. Что-то хрустнуло, со щелчками провернулось. Подняв руки над головой напарника, Большой уперся в дверь, вдвоем они навалились и сдвинули ее.

Взгляду открылся туннель с бетонными стенами, узкий и темный.

- Командир, смотри, - Марат указал на один из мониторов. Картинка с внешних камер исчезла, уступив место схеме оборонительных сооружений.

- Мы здесь, - привстав, он провел пальцем по монитору.

Ход за дверью с гермозатвором вел в бункер непонятного назначения. Под землей предстояло пройти, если я все правильно понял, метров триста. По пути от туннеля отходили несколько рукавов, каждый вел к похожему сооружению.

- Что-нибудь еще там есть, схемы какие-нибудь? - спросил я.

Марат застучал по клавиатуре. Тем временем в двух квадратах на другом мониторе что-то мелькнуло, и Лабус, стоящий к пульта ближе остальных, сказал:

- Э-э, командир, нет больше у нас времени, сваливать надо.

В помещение проник уже знакомый звук - заработали сервомоторы. Где-то вверх сдвинулись бронеплиты, турели поехали наружу...

- Сколько спецов осталось? - я шагнул ближе к мониторам.

- Вроде неплохо потрепало. - Лабус разгладил усы. - Я только двенадцать насчитал.

- Понял. Марат, что у тебя?

- Нет, пусто, только эту схему могу высветить. Непонятный какой-то объект, командир, чудной.

- Ну, вы скоро? - в проеме появился Малой. - Я тут прошелся метров на двадцать - чисто

и тихо.

Я приказал:

- Большой, ставишь сюрпризы, запираешь дверь. Ты замыкающий, остальные в прежнем порядке - вперед! Лабус, сменить тебя?

- Не-е, нормально пока, - протянул Костя и хлопнул себя по груди. - Ты ж знаешь, я долго могу... Малой, как там, туннель в рост или меньше? Пройду я с человеком на плечах?

- Здесь пока нормальная высота, - снайпер посторонился, пропуская Марата и Айдара. - Хорошо рыли, основательно.

Один за другим бойцы нырнули в туннель, Большой подвесил гранату к запорному рычагу ведущего на поверхность люка. Я пару раз ударил прикладом по клавиатуре, разбил мониторы, потом включил настольный фонарь и шагнул к проему.

Дверь за мной закрылась, и Большой с лязгом провернул рычаг.

В подземелье было сухо. Хорошо, добротно оно построено, сырость нам не грозит. Фонари освещали туннель, лучи качались, тени изгибались на стенах и потолке. Судя по схеме на мониторе, мы попали в обширный, разветвленный комплекс сооружений. Может это одна из лабораторий, которую спешно законсервировали или просто бросили после второго взрыва на ЧАЭС? Меня волновал вопрос: а связана ли обозначенная на карте войсковая часть какими-то ходами с этой подземной базой? Скорее всего - нет, та "в/ч" здесь явно с советских времен, разве что ее чуть перестроили после аварии 1986 года, когда военные начали возвращаться. А этот бункер напичкан более современной техникой, пусть и охраняют его на поверхности старые ШВАКи.

Мы с Большим быстро нагнали группу. Когда наткнулись на первый перекресток, все встали, и я протиснулся вперед, к Марату. Его детектор аномалий молчал, да и пес сидел тихо. Глаза светились красными огоньками, отражая свет фонарей.

- Куда идем? - Марат поочередно осветил три коридора.

- Знать бы, что здесь вообще такое было, - сказал я. - И для чего его строили. Если по той схеме, то прямо - главный коридор, ведущий в основное помещение, а по правому и левому рукаву выйдем к оборонительным капонирам. У кого какие предложения?

- Я бы туда пошел, где наверх можно легко выбраться, - ответил Малой. - Здесь же бюреры могут быть, хотя они как раз не главная опасность.

- А какая главная, по-твоему?

- Главное то, что мы вообще непонятно куда попали. Что это такое вокруг, почему его пушками с поверхности охраняли? ШВАКов там может не одна спарка стоять, может над каждым капониром такая же дура торчит...

Я окинул взглядом остальных.

- Давайте, высказывайтесь.

- Всем отдых нужен, - произнес из темноты Большой. - Кажется, они нас не преследуют, вряд ли Давыдов сюда сунется.

- Відпочити треба, - подтвердил бледный Захар.

Лабус кивнул на него.

- Тем более, он ранен. Нужен отдых.

Малой энергично закивал. Марат, присев, чесал Айдара за ухом и молчал.

Я решил:

- Ладно, идем пока по главному коридору. Если не будет сюрпризов, сядем в одном из казематов дальше. Возражения?

Никто не спорил. Кивнув, Марат выпрямился и махнул Айдару в сторону главного коридора.

Не успели, выстроившись в походный порядок, сделать нескольких шагов, как писк ПДА разорвал подземную тишину. Звук отразился от стен, эхо ушло в темноту коридора.

Контролер тебя побери! Опять трезвонит, уродская машинка... Из-за всего произошедшего, смерти товарищей, погони, стрельбы, я совсем упустил этот странный и непонятный момент, а надо бы всерьез над ним подумать.

- "Направо двести, вверх", - прочел сообщение Малой.

Мы остановились. На своем экране я видел то же самое. Да что же это такое?! Ведь мы под землей, глубина - метров пять, не меньше. Почва и метровый слой армированного фортификационного бетона над нашими головами экранирует любой сигнал извне!

- Что будем делать? - Марат переминался с ноги на ногу.

- Зовсім незрозуміло, - Захар почесал затылок. - От кого ж воно йде?

Голос у него слегка дрожал - ослабел после ранения, надо чтобы Лабус посмотрел раненого.

- На поляне кто-то нас предупредил, но слишком поздно, - подал голос Малой. - Получается что? Наблюдают за нами. Но как?

- Со спутника, - предположил Большой.

- Что, прям под землей? - Малой повернулся к нему и покрутил пальцем у виска. - Ты че?

Большой пожал плечами и проворчал:

- Сам тогда объясни.

Малой только сморщился в ответ и передернул плечами.

- Не знаю я. Вон, Марат у нас спец по электронике, пусть он скажет.

- Нет, - сказал Марат. - Я не понимаю, как такое может быть. Любой бетон электромагнитное излучение экранирует, лучше или хуже. А фортификационный, как этот... - он постучал по стене кулаком в перчатке. - Здесь глухо, как в танке. И на ПДА сигналы не должны проходить, и никто за нами наблюдать не может.

- Хорошо, а что если... - начал я, и тут Марат, дернув головой, уставился на детектор.

- Впереди по коридору движение!

Айдар, поджав хвост, протиснулся между нами и рванул назад, дернув руку с поводком.

- В правый коридор! - скомандовал я. - Быстро!

- Да стой ты, зараза!!! - Марат натягивал поводок пса.

Если тот дал такого деру, значит, что-то сильно его напугало. Обычных аномалий или знакомых мутантов вроде псевдоплотей с кабанам Айдар не боится.

Он взвыл, рванулся сильнее. Марат помимо воли сделал шаг вслед, Малой споткнулся о натянутый поводок и растянулся на полу под стеной.

- Отпусти его, а то все тут ляжем! - зло выкрикнул Малой, поднимаясь на четвереньки.

Впрочем, Марат уже и сам сообразил разжать пальцы. Большой нырнул в правый рукав, за ним метнулся Айдар, потом туда бросились Захар и Лабус. Я пока стоял на месте, подняв оружие, целился в темноту.

Малой выпрямился в полный рост, и тут накатило. Не только я, все почувствовали - из глубины туннеля пришел ужас.

Страх бывает разный. Когда выпрыгиваешь из самолета с парашютом, всегда есть страх, то есть обычная боязнь высоты, у кого сильнее, у кого слабее. Когда находишься под огнем и знаешь, что каждое мгновение в тебя может попасть пуля - испытываешь страх боли, а еще - смерти, трепет перед ней сидит где-то в подкорке. Но все это привычные страхи. Сейчас нахлынувшая на меня волна мгновенно проникла куда-то в дальние, глухие глубины сознания и вынесла на поверхность грозный образ, темный и непонятный. Будто-то кто-то большой, косматый, дымный встал надо мной... Хозяин! Это же Хозяин, господин... Захотелось бросить оружие, встать на колени и склониться, подставить голову под карающий удар.

Заломило в затылке - боль ржавой иглой прошила шейные позвонки.

- Уходите! - успел крикнуть я, и больше уже ничего сказать не смог.

Из бокового коридора донесся стон Большого, взвизгнул Айдар. Впереди Малой опустился на колени, бросив оружие. У меня тряслись руки, ствол винтовки ходил ходуном, луч фонарика на цевье метался по стенам, короткими вспышками высвечивая

фигуру Малого. Я увидел, как второй номер снайперской пары поворачивает голову, словно хочет что-то сказать. Почувствовал его растерянный и удивленный взгляд. Хозяин, идущий к нам во мраке по коридору, рассылал перед собой волны подавляющего волю ужаса, но мне справиться с ними немного помогла боль в затылке. По черепу будто колотили свинцовыми молотками, и эти удары вытесняли ужас перед неведомым.

В прыгнувшем луче фонаря я увидел, как Малой отвел в сторону руку.

Хозяин приближался, мне казалось, я слышу его мягкие шаги, уже различаю черную фигуру и поблескивающие глаза, они смотрят на меня - нет, внутрь меня, в мою душу, и видят ее насквозь, со всеми моими грехами, всеми поступками, о которых я хотел забыть. Ноги подкосились, захотелось упасть на колени, как это сделал Малой, склониться в низком поклоне - но боль помогла устоять.

Раздалось тоненькое "дзень" - отлетел рычаг предохранителя гранаты. Выпучив глаза, сжимая винтовку деревянными пальцами, я сделал шаг в боковой коридор, второй, третий - и побрел прочь. Казалось, пола под ногами нет, я ступаю по шатким камням, по ненадежной переправе через реку клокочущего мрака, с каждым шагом надо нащупывать перед собой точку опоры, а иначе упаду, провалюсь во тьму. Ударившись плечом о стену, попытался опереться о нее рукой, но ладонь соскользнула по бетону, и я рухнул на пол.

Сзади громыхнул взрыв.

Сознание возвращалась медленно. В ушах звенело, меня кто-то тащил, ухватив за лямку жилета. Винтовка бряцала по полу, перед глазами плясали звездочки.

- Ф-ф-ух... Сейчас, еще немного, - донесся голос Большого.

Наконец стало немного светлее, а вернее - серее, и я смутно разглядел потолок, медленно ползущий перед глазами.

- Встать можешь? - спросил Большой, останавливаясь.

Он отпустил меня, я с трудом перевернулся, опираясь на руки, поднялся на четвереньки. В голове шумело, перед глазами маячили черные армейские ботинки. Я медленно сел. Большой опустился на корточки, его широкое лицо возникло передо мной.

- Что это было? - выдавил я.

- Не знаю.

- Малой нас всех спас. Подорвал себя, - мой голос был хриплым и срывался на свистящий шепот. - У него парплет с ВОГаи и гранатами был. Скорее всего, сдетонировал, а в рюкзаке еще пластиты немного...

Большой свинтил колпачок с фляги, поднес ее к моим губам - я сделал несколько глотков, и вода полилась по подбородку.

- Там все завалило. А мы вышли к лазу на поверхность. Остальные наверху, я вот за тобой вернулся, - говорил он ровным голосом, но я-то знал, что Большой сейчас испытывает. Они с Малым дружили.

- Командир, ты слышишь?

Я кивнул и сел под стеной, вытянув ноги. Снайпер продолжал:

- На поверхности только что выброс был, представляешь? Пока мы там внизу... Повезло нам. Если бы наверху остались, сдохли бы или мозги наизнанку вывернуло. Ладно, ты сможешь по лестнице залезть?

Я потряс головой, оперся на руку Большого и медленно встал.

Рядом на стене колодца поблескивали скобы. Над головой маячил круг света, высоко над ним по серому небу ползла туча.

- Давай, Курортник, я следом.

Я стал подниматься. На середине колодца замутило, пришлось остановиться, вцепившись в скобы. Закрыв глаза, прижался лобовой частью шлема к бетону. Затылок больше не болел, но тошнило и сосало под ложечкой, сильно тряслись руки. А еще - перед

глазами стояла картина того, как опустившийся на колени человек медленно отводит в сторону руку с гранатой. Эх, Малой, Малой! Как же ты так? И ведь спас нас... А я - командир, называется! Вместо того, чтобы заставить себя поднять оружие и стрелять в коридор, по темной фигуре, - ушел, когда понял, что сейчас взорвется граната.

- Сколько без сознания провалялся? - спросил я сквозь зубы.

- Минут двадцать. Я вначале, когда подбежал, решил - все, ты труп. Но потом посветил фонарем - у тебя губы дергаются. Пульс нащупал, ну и потащил. Чего остановился? Мутит? - я не ответил, и Большой добавил: - Захара вывернуло, всем плохо. Мы в себя приходили минут десять.

Наконец я пополз дальше, и когда до поясницы высунулся из люка, меня стошнило.

Вытерев лицо тыльной стороной перчатки, огляделся. Почему-то все вокруг заволочло туманом - и откуда днем такой туман? - видно было плохо.

Колодец находился у границы леса. Неподалеку, привалившись к сосне, лежал Захар, над ним колдовал Лабус. За кустами торчал бетонный забор, виднелась будка КПП, остатки ворот с покосившейся створкой, которую украшала большая ржавая звезда. Так - дошли до войсковой части. На дороге перед воротами лежали приземистые бетонные кубы и стояла командно-штабная машина на базе БТР-60 - бледно-зеленый колесный бронетранспортер с приземистой башней. Над броней вдоль корпуса протянулись рамы антенн. Я так и не понял, то ли машина возвращалась в часть, то ли ею перекрыли въезд.

Сзади донеслись шаги, но я не стал оглядываться. Руки в перчатках просунулись под мышки, и Марат вытащил меня из люка. Он был без шлема, на грязном лице виднелся след очков.

Я, наверное, не лучше выглядел. Чертово подземелье! Нас осталось пятеро, плюс Айдар... Где он, кстати?

Пес лежал возле ученого, которого я не сразу заметил в тени деревьев, и лизал заднюю лапу.

- Ладно, пусть, - сказал я Марату. Сел по-турецки возле люка, из которого уже показалась голова Большого. - Что вокруг?

- Показатели в норме, фон легкий совсем...

- В часть эту еще не ходили?

- Не ходили, - сказал Большой. - Сил нет, командир. Отдыхали мы.

Лабус закончил с Захаром и направился ко мне - из-за тумана фигура его казалась слегка размазанной.

- Давай посмотрю, - присев, Костя сдвинул мои очки с лица на шлем. - Сколько пальцев видишь?

- Три, - сказал я, щурясь. Глаза слезились. - Лабус, отвали, я в порядке! Вкалывай свою дрянь и идем смотреть, что там в этой части. Нам укрыться нужно где-то, стемнеет скоро, а мы тут как на ладони.

- Сиди спокойно, Леха. Сейчас я для тебя командир, понял? Ты пальцы посчитать не можешь, вон, глаза разбегаются как у кроля, а рвешься смотреть на что-то.

Меня била дрожь. Только теперь я сообразил, что вокруг нет никакого тумана - затянувшую мир пелену кроме меня не видит никто.

Лабус достал одноразовый шприц.

- Так, ладно, сиди на месте и не шевелись.

Укол. Холодная волна по телу... Туманная пелена плеснулась - и пропала, сознание как поплавок выскочило из серой мути, я очень четко и ясно увидел окружающее: деревья, трава, ограда вокруг воинской части и КШМка с антеннами, стоящая перед раздолбанными воротами. Поднял руку, растопырив пальцы, посмотрел - они не дрожали. Хорошо! Главное, мне было все по хрену! Я сейчас мог сражаться хоть с целой армией.

- Ты мне случайно не тарен вколол? - подозрительно спросил я Лабуса.

- Обижаешь, Курортник, такую гадость с собой не ношу. Это ж прошлый век. А что, тебя храбрость одолела? Знакомое дело... Не бойсь, сейчас пройдет, все нормализуется. На вот,

- Костя протянул мне пару таблеток. - Проглоти и запей.

Я снял с пояса флягу, медленно свинтил колпачок. Действительно, шальное желание нестись вперед и крушить врагов направо и налево почти прошло, оставив по себе лишь бодрость. В голове было ясно и тихо, мысли маршировали четким строем, как солдаты на плацу. Запив таблетки, я повесил флягу обратно. При этом искоса поглядывал на бойцов и видел - Марат, Большой, даже Лабус смотрят на меня со странным выражением, а если мы встречаемся взглядами, отводят глаза... Они, значит, считают, что я в смерти Малого виноват, что бросил его там?

Лабус сказал:

- Теперь нормально? Запомни: через час где-то тебя опять будет мутить, но недолго, переживешь. Теперь, хочешь, ссадины на лице зеленкой замажу? За камуфляж сойдет, - и он захал своим совиным смехом.

Стоящий рядом Большой натужно улыбнулся, но тут же лицо снайпера опять вытянулось, и он спросил:

- Командир... Что там произошло?

Все уставились на меня. И взгляды у них были странные.

- Там контролер появился, - сказал я.

- Это мы поняли, - кивнул Лабус. - А еще что?

- Что... Малой гранату снял и подорвался на ней. Я когда увидел, как он за нее взялся - пошел оттуда. Ничего не мог поделаться. Даже выстрелить по контролеру не получилось. Поковылял в коридор, ноги еле переставлял. Чуток прошел... потом сзади рвануло. Хорошо, я уже за углом был, там бетон толстый, иначе... - я понимал, что ни в чем не виноват, и все же мне было стыдно, а особенно - перед Большим. - Я, наверное, его спасти мог. Если бы заставил себя выстрелить. Но...

Марат поглядел на Лабуса, на Большого и покачал головой.

- Нет, Леха. Ничего бы ты не сделал. Наоборот - удивительно, что вообще смог мутанту противостоять, ушел от него. Правильно я говорю?

Лабус кивнул, и Большой помедлив тоже.

Я вспомнил ноющую боль в затылке, поморщился, осторожно помассировал его.

- Мы ведь тоже свалили побыстрее, - пробормотал Большой, и тогда я наконец понял причину этих взглядов: они не меня обвиняли в слабости, они самих себя стыдились! Ведь убежали тогда, оставив нас двоих...

- Нет, - сказал я резко. - Я вам приказал. Вы мой крик услышали?

- Услышали, - подтвердил Большой.

- А я теперь - командир группы. Я приказал уходить, вы мой приказ выполняли. Самих себя долго можно винить, пользы от этого никакой. Все, хватит здесь сидеть и головами трясти. Лабус, как Захар?

- Плохо Захару, - откликнулся он. - Вырубился и нескоро в себя придет.

- Значит, понесем его. Надо в эту воинскую часть идти.

- Ученого бы посмотреть. Сколько мы его тягаем, а так и не...

- Он еще дышит? - удивился я.

- Жив, а как же. Даже постанывал во время выброса, пока мы внизу торчали.

- Нет сейчас времени им заниматься. У него комплект с медблоком внутри и автоматическими инъекторами. Потерпит.

- Вперед, так вперед, - и Лабус забросив на клапан рюкзака свой "Миними". Отошел к деревьям, подняв ученого, взвалил на плечо.

- Марат, Большой, по очереди несете Захара, - сказал я. - Марат, давай мне свой детектор. Радиостанцию тоже возьми. Айдар - ко мне!

Пес нехотя поднялся из травы и побрел в мою сторону.

Повесив на грудь станцию, я закрепил планшет детектора аномалий на левой руке, а правой дал сигнал к движению.

Теперь ясно, почему про бункер, где на нас контролер напал, никто не знал. Периметр

подземного сооружения охранялся сигнализацией с автоматическими турельными установками. Хотя припасы не вечны, но никто не удосужился выгрузить боекомплекты и отключить систему, когда покидал базу. И вряд ли в этих туннелях обитают бюреры - напавший на нас мутант безраздельно властвует внизу. Интересно, это обычный контролер или над ним опыты проводили, которые на него повлияли как-то? Вдруг там лаборатории военных ученых спрятаны между армейскими сооружениями... Так может базу никто и не покидал - это вышедший из-под контроля подопытный всех уничтожил? Я сморщился, когда вспомнил возникшие в туннеле ощущения, потрогал шлем на затылке.

Айдар шел поджав хвост и всем своим видом являл раскаяние - чувствовал, что подвел нас в туннеле, когда испугался и рванул прочь. Иногда он поднимал голову и пытался заглянуть в глаза мне или Марату (пес уже понял, что сейчас я - старший в стае и остальные безоговорочно признают это, собаки к такому очень чувствительны), но оба мы на него не реагировали, чтобы лучше свою вину осознал.

До КШМки оставалось недалеко, когда детектор слабенько пискнул, и я посмотрел на планшет. Картинка показала электромагнитное излучение, исходящее от машины. Что это там, аномалия где-то внутри засела? Ладно, нам не до того, лучше просто обойти и не пытаться выяснить, почему излучает старый бронетранспортер.

Я показал новое направление, и мы пошли в обход. А машина-то необычно выглядит - ни царапин нигде, ни вмятин, блестит вся, будто игрушка детская, только из магазина. Хотя наверняка простояла тут ни один год... Детектор равномерно попискивал, пока я вел группу по широкой дуге вокруг КШМки. Между нами и воротами с одной створкой в шахматном порядке стояли бетонные блоки - нехитрый способ задержать автотранспорт. Проехать между ними можно, но на минимальной скорости, водителю придется маневрировать.

Возле будки КПП я разглядел бойницу скрытой огневой позиции, вскоре взгляду открылся небольшая ниша в ограде рядом. Туда мог протиснуться только один человек - спрятаться и вести огонь по атакующим.

Детектор запищал с периодичностью в две секунды, и я взмахом руки остановил группу. С минуту изучал аномалии, мерцающие вокруг бетонных блоков. Выстроив маршрут, дал знак продолжить движение. Выписывая зигзаги между блоками или перебираясь через них, мы наконец достигли остатков ворот. Большой сменил Марата, тащившего Захара. Всем было нелегко, мы тяжело дышали, особенно Марат. А вот Лабус под весом ученого почти не горбился, шел легко, уверенно. Удивительной крепости мужик. Хотя и ученый тот - будто подросток, совсем легкий, наверное, тощий очкарик какой-нибудь, ботаник, как говорится.

Покосившаяся створка совсем проржавела, по краю выросли ржавые волосы, красная краска со звезды облупилась.

За воротами прямо тянулась дорога. По правую руку стоял домик, обнесенный решетчатым забором - караулка, должно быть. Декоративный кустарник разросся, так что прутья ограды едва видны. Слева - здание из белого кирпича, ни окон не дверей не видно, глухая длинная стена. Вряд ли боксы с техникой, они где-то в глубине территории должны стоять, а это, наверное, учебные классы.

Далеко впереди возвышалось трехэтажное здание. Скорее всего - штаб.

Я постоял в воротах, разглядывая все это, послушал - тишина, покой, - и скомандовал: - Двигаемся в прежнем порядке. Только по дороге, к зданию слева не приближаться. Пошли.

Поравнявшись с караульным помещением, мы увидели распахнутую калитку в заросшей ограде. Дверь караулки была открыта, с дороги я разглядел перевернутый стол и усеянный бумажками пол. Во дворе торчала стойка пулеулавливателя для проверки оружия прибывшей смены, на стене висел пожарный щит с ломом, лопатами, парой остроконечных ведер, огнетушителем, багром и топором, все ярко-красного цвета. Образцовая служба войск, нечего сказать.

Достигнув перекрестка, остановились. Налево вниз шла асфальтированная дорога, рядом раскинулся плац, асфальт потрескался, но еще сохранились полосы разметки для занятий по строевой подготовке. Вдоль плаца - стенды с плакатами, на них бравые советские солдаты выполняли всякие строевые приемы. Краска выцвела и облупилась, некоторые стенды почернели от времени.

Направо вверх шла выложенная бетонными плитами дорога, дальше стояли боксы для техники. Часть плит в ограде вывалились, я разглядел в просветах проржавевшие корпуса двух танков.

Оглядев все это и не заметив никакого движения, мы пошли прямо. То, что я принял за штаб, им и оказалось - у двери висела табличка, буквы выцвели, но слово "ШТАБ" все еще читалось, хотя номер части было уже не разглядеть.

- Что там? - вдруг сказал Марат.

- Где?! - я крутанулся на месте, описав стволом дугу.

Марат с Большим и Лабусом смотрели в сторону боксов, теперь я понял, что привлекло их внимание. И как сразу не заметил - черт его знает. Наверное, все-таки еще не отошел до конца от событий в подземелье, да к тому же по дороге то и дело смотрел на детектор, чтоб не влететь в аномалию. Так или иначе, котельную я проглядел.

Вроде и обычная с виду котельная, да не совсем. На высоте метров двадцати на трубе была широкая площадка. Или военные строители такую штуку к ней прикрутили, или после катастрофы восемьдесят шестого здесь перестройку затеяли...

- Тьфу! - сказал я. - По нервам дернули меня... Думал, там кто-то есть.

Впереди плелся все еще пристыженный Айдар. Пес, как и Большой с Маратом, выглядел уставшим, он медленно переставлял лапы, пристегнутый к ошейнику длинный поводок волочился по земле. Вдруг уши его встали торчком, шерсть на загривке поднялась. Айдар тихо зарычал, повернув голову в сторону штаба, который мы уже почти миновали.

- Что?... - начал я.

Громкий хлопок - левый бок Айдара пропорола пуля, вывернув куски внутренностей, вышла справа. Красные брызги выстрелили за ней. Айдар взвизгнул, упал и затих. И тут же до нас донеслось:

- Бросить оружие!!! Поднять руки!!!

Этот голос я знал - он принадлежал Давыдову.

На крыльце штаба показались две фигуры, стволы направлены в нашу сторону. В разбитых окнах над ними произошло движение, и я увидел еще двух стрелков, один на втором этаже, другой на третьем, правее.

Позади нас, со стороны караулки, на дорогу вышли пятеро - в нескольких метрах друг от друга, прижав к плечам приклады, целясь. Пса третьей группы видно не было, куда-то он подевался.

Марат сплюнул и сказал:

- Вот уроды.

- Курортник, прикажи бросить оружие! - гаркнул Давыдов. - Не надо подвигов!

Он спустился с крыльца штаба и пошел к нам, подняв винтовку. Без шлема, без очков. Лицо украшала внушительная повязка, скрывавшая правый глаз и щеку, левая половина иссечена мелкими порезами.

- Ну?! - повторил командир спецназа, быстро приближаясь.

- Оружие на землю, - скомандовал я, подавая пример.

Марат и Большой уложили Захара на асфальт.

- Вот козел! - Марат, цокнув языком, кивнул на Давыдова, нагнулся и осторожно положил винтовку. Выпрямившись, добавил: - Ну и рожа у тебя, Володя!

Зря он это сказал. Давыдов, шагнув к Марату, врезал ему прикладом в челюсть. Тот упал, Давыдов навис над ним, все мы решили, что он сейчас начнет бить нашего разведчика ногами, но грушник неожиданно развернулся - и приклад ударил Большого в

лицо. Через мгновение кулак врезался снайперу в шею. Большой свалился на асфальт, а Давыдов ткнул его носком ботинка по ребрам, тут же еще раз - в бок, потом, перескочив через тело, ударил по хребту. Раз, второй, третий... Большой захрипел.

- Прекрати! - крикнул я, дергаясь к нему, но сдержался - слишком много стволов смотрели в нашу сторону.

Хорошо, что Большой был в шлеме - но лицо его залила кровь. Давыдов, наклонившись, сильно ударил прикладом в голову. Выпрямился. Худое лицо его было выбрито до синевы. Левый глаз сверкал, низкий лоб наморщен. Он сделал шаг назад, обводя нас взглядом - очень странный это был взгляд, какой-то дикий, почти безумный.

- Это тебе за растяжку у поляны! - прорычал грушник Большому. - Любитель сюрпризов, твою мать!

Лабус не шевелился, только глаза бегали из стороны в сторону, с одного спеца на другого. Марат встал на колени, трясая головой. Сопровождавший Давыдова боец собрал оружие, бросил в траву в нескольких метрах от нас, отошел. Двигался он очень осторожно, к нам старался не приближаться и косился так, будто мы его пугали... Непонятно все это. Может грушники думают, что мы в монстров каких-то превратились? Или заражены чем-то? А может мы действительно заражены? - вдруг подумал я. - Но как, когда... От ученого, в салоне вертолета получили какую-то инфекцию?

Давыдов переключился на меня.

- Что? - спросил он, кривя губы. - Думал, уйдете от нас? А вот хрен! Вопросами всякими измучались?

- Вопросов достаточно накопилось, - согласился я. - Вы в эту часть приперлись, чтобы от выброса укрыться?

- Во-во. А ты - лопух. Мы за вами давно наблюдали, как вы к воротам брели. Уткнулся в свой детектор и нас проворонил. Командир из тебя, как из меня директор школы. Всем внимание! - он повернулся, обращаясь к стоящим в отдалении бойцам. - Пока на месте стоим!

Большой тихо застонал, перевернулся на живот, ткнувшись разбитым лицом в асфальт. Давыдов хищно прохаживался перед нами, покачивая винтовкой. Очень странно он вел себя - если получил приказ на уничтожение, так зачем разговоры разговаривает, почему не стреляет? Но раз уж такое дело, надо этим пользоваться, и я спросил:

- Кто вел вторую группу спецназа?

- Николаев, - процедил он и качнулся ко мне, будто собирался наброситься с кулаками и лишь в последний миг сдержался. - Пристрелили его на той поляне. Кто там у вас такой ловкий оказался?

- Я это, я, чукча узкоглазый, - прохрипел Большой, поднимаясь. - Жалко, тебя не достал, - снайпер плюнул кровью на ботинки Давыдова.

- Ах ты сука! Так, руки в гору все! - проорал командир, отступая от нас.

Марат, все еще стоя на коленях, поглядел на меня. Лабус присел, осторожно положил ученого на асфальт, да так и остался сидеть на корточках.

- Ты что, не видишь у нас раненых? - спросил я.

- Руки вверх, я сказал!!! - и грушник, сделав быстрый шаг, ударил прикладом в грудь лежащего на дороге Захара. Тот дернулся, не приходя в себя, простонал что-то.

Марат вполголоса выругался.

- Ты совсем озверел, урод, - проговорил он, едва сдерживаясь. Я видел - Марата трясет от ярости, еще немного, и бросится на грушников. Лицо застыло и побелело. Он медленно выпрямился, Большой с Лабусом тоже.

- Теперь рюкзаки и жилеты снимайте! Быстро!

И тут я понял: Давыдов нервничает. Очень сильно нервничает, его чуть ли не трясет, почти как Марата. Что это значит, почему? В спецназ слишком мандражные типы не попадают, там жесткий отсев. Или это у Давыдова такая реакция из-за необходимости в своих стрелять? Может, потому он и злой - сам себя распаляет, накручивает, чтоб легче

нас убить было?

Я отстегнул крепления висевшей на груди радиостанции, и ящик упал на асфальт.

- Как мы будем все снимать, когда ты скомандовал руки вверх? - спросил Марат.

- Дебил! - буркнул Большой.

- Все, ты меня достал! - Давыдов прицелился в Большого.

Послышалось легкое жужжание, и все подняли головы. Невысоко над нами летел появившийся откуда-то из-за крыш учебных классов БПЛА, небольшой самолет-беспилотник.

Это еще что такое? - изумился я. Чей он, почему здесь летает?

Мимо промелькнула тень. Айдар вложил в прыжок остаток сил. Вытянув лапы, он подскочил, челюсти сжались на предплечье Давыдова. Громыкнула очередь - спецназовец рефлексивно выжал спусковой крючок.

Глава 5

из протокола совещания штаба Объединенного Командования от...

...при обнаружении вещественных доказательств, документов, живых свидетелей (очевидцев) событий происшедших на ЧАЭС 12-го апреля 2006 года незамедлительно сообщать об этом оперативному дежурному. Далее информация передается согласно списка N1. Лица задерживаются до выяснения обстоятельств и деталей событий (причастности к событиям). Оперативному отделу подготовить проект приказа и...

Я прыгнул на второго грушника, выбросив вперед правую руку. В рукав у меня вшит узкий пенал, в нем - трехгранная пика. Острие пробilo шею на вылет, я выдернул его, боец осел на асфальт.

Большой кинулся на Давыдова, который крутился, пытаясь сбросить Айдара. Широкие руки легли на голову командира - снайпер зарычал и одним мощным движением свернул ему шею, я даже услышал хруст позвонков.

От штаба громыкнул выстрел. Упав на одно колено, я бросил пику, выхватил "файв-севен" - специально перешил под него карман в жилете, как раз на такой случай, и часто упражнялся быстро доставать спрятанное оружие - вот теперь пригодилось. Хорошо, что спусковая скоба у этой модели особой формы, можно стрелять в плотных перчатках.

Еще один выстрел из штаба. Очухались и грушники на дороге - все пятеро разом открыли беглый огонь.

Лабус бросился в сторону, а я дважды выстрелил по окнам штаба. "Файв-севен" специально создан под особый боеприпас, чтобы добиться большой мощности от компактного оружия. Бронежилет из кевлара от него не спасет.

Силуэт на третьем этаже штаба отвалился от окна, будто ему заехали тараном в грудь. Еще одна пуля взломала подоконник под локтями другого стрелка, он отскочил, а я выстрелил в третий раз - уже на бегу, но бежал-то я как раз к штабу, пуля полетела под крутым углом к стене и вряд ли попала в цель. Через мгновение я оказался под прикрытием козырька. Влетев в здание, едва не напоролся на огрызки стекла, торчавшие в широком окне "аквариума" дежурного по части. Свернул к лестнице. Прыгая через ступеньки, выскочил к посту номер один: знамена в нише, оградка с бархатным шнурком и кисточками... Теперь влево, там в одном из кабинетов сидит стрелок. Я замедлил шаг. Двигаясь вдоль стены, заметил на приоткрытой двери табличку с надписью "ОПЕРАТИВНЫЙ ОТДЕЛ". Из дверного проема впереди высунулся ствол штурмовой винтовки. Грохнули выстрелы, пули взломали стену коридора. Я тоже выстрелил, не попал. Ствол высунулся дальше, повернулся ко мне. Плечом распахнув дверь, я ввалился в просторное помещение оперативного отдела.

Посреди комнаты стоял широкий стол, на нем карта, на полу ворох бумаг. Сбоку - еще одна дверь, открытая, ведущая в небольшой полутемный кабинет, скорее всего, замначштаба. С улицы донеслись приглушенные выстрелы, и тут же где-то совсем рядом застучала винтовка.

Я шагнул в смежный кабинет. Присев на корточки, подкрался к двери, выходящей в общий коридор, и глянул в замочную скважину. Боец стоял в проеме, направив ствол в сторону двери оперативного отдела, где я скрылся.

Отодвинувшись на полшага, я опустил на одно колено, обеими руками поднял "файв-севен" и трижды вдавил спусковой крючок, каждый раз немного сдвигаясь в сторону. Остроконечные пули оставили в двери сквозные пробоины, из которых протянулись лучики пыльного света. Я положил пули на расстоянии примерно десяти сантиметров друг от друга, на уровне груди.

Донесся стук упавшего тела.

Распахнув дверь, я выбежал в коридор, мельком увидел шевелящегося на полу в проеме грушника - и поскользнулся. Взмахнул руками, проехал полметра, мельком заметил что-то радужное на линолеуме - какая-то пленка, откуда она там? - сделал по инерции еще пару шагов и тогда наконец понял: пленка! Это же артефакт аномалии под названием лифт, и я включил ее, придавив подошвами, а значит...

Притаившийся посреди коридора лифт сработал, и меня подбросило к потолку.

Хорошо, я успел пригнуться и потому ударился не шлемом, а спиной, вернее, плечами и лопатками, - иначе мог бы свернуть шею. Что-то хрустнуло, скрипнуло, посыпался мел, и я свалился обратно в облаке штукатурки.

Пистолет отлетел под стену. Грушник лежал на спине, ногами ко мне. Левое плечо разворочено пулей. Он приподнялся, потянулся к винтовке, валявшейся рядом. Кряхтя от боли в спине, я бросился к пистолету. Давыдовский боец за ремень подтянул винтовку, взял одной рукой и направил в мою сторону. Я с разбегу упал на колени, проехал немного, схватил пистолет и завалился на бок, вскинув оружие. Мы выстрелили одновременно, остроконечный комок металла врезался в лицо спецназовца, а пуля из штурмовой винтовки ударила в стену низко надо мной.

Голова упала, затылочная часть шлема со стуком ударилась о пол. Я еще несколько секунд лежал в той же позе, целясь, хотя и понимал, что грушник мертв, а потом звуки выстрелов, доносящиеся снаружи, заставили меня вскочить.

Подобрав винтовку, перешагнул через неподвижное тело. Сорвал с жилета мертвеца несколько магазинов и побежал обратно к окну.

Большой, как выяснилось, успел схватить свое оружие. Снайпер он был отличный, но открытое пространство лишало его всякого преимущества. Он завалил двоих из пяти спецназовцев - тела лежали на дороге. Но и Большой застыл, уткнувшись лицом в асфальт. И не только он - неподалеку был Захар, рядом, широко раскинув руки, на спине лежал Марат. Из-под него по асфальту растекалось бурое пятно.

Мне не нужно было это делать, не следовало выдавать себя неосторожным движением, но я с размаху саданул рукой в перчатке по подоконнику - да так, что тот треснул, из-под него выпал кусок отколовшейся штукатурки. Заболела кисть. Марат, Большой! Наверняка и Захар тоже... Все мертвы, все! Вся наша группа, кроме меня и Лабуса. И Айдар... вон он, лежит в стороне, возле Давыдова. Спас всем нам жизни... Всем? Только мне с Костей! Хотя Лабус... С чего я взял, что он жив, может, его тоже успели...

Где-то подо мной заработал "Миними".

Значит, он внизу, засел на крыльце.

А что со стрелком на третьем этаже? Может - мертв, но мог и остаться в живых. Надо заняться им, пока Лабус "держит" грушников, а потом подсобить Косте.

Главное - не думать сейчас про убитых товарищей, иначе и сам отправлюсь вслед за ними, и Косте помочь не смогу. Я еще успею помянуть их. И разобраться, кто нас предал, кто приказал ликвидировать группу.

Об этом я размышлял уже в коридоре, вслушиваясь. Снизу доносились хлопки выстрелов, но здесь было тихо. Я подобрался к лестнице, вскинув пистолет, выставил в просвет между пролетами, выглянул. Никого. Поднялся выше.

От лестницы коридор тянулся в две стороны, и там и там было пусто. Я помнил примерное расположение окна, в котором появился силуэт, но за это время стрелок мог десять раз сменить позицию и спрятаться где угодно, в любом помещении.

Большинство дверей были распахнуты, около выхода на этаж валялся расколотый стакан. Я подобрал кусок и швырнул по коридору вправо. Тишина. Ладно, была - не была. Стараясь ступать как можно тише, пошел в сторону, куда улетел осколок.

В первых двух кабинетах, расположенных напротив друг друга, не было никого. Перевернутая мебель, бумаги на полу, разбитые окна. А вот в третьем у окна лицом ко мне лежало тело. Взгляд уперся в стену, на лбу черно-красное пятно. Нет, это не от моего пистолета - значит, Большой успел грушника положить или Лабус...

Лабус! Пулемет молчал.

Выйдя из кабинета, я бегом пересек коридор и остановился у широкого окна с разбитым стеклом. Выставил наружу голову, поглядел вдоль стены. Вон длинное белое здание учебных классов, вон караулка... Дорогу к штабу пересекали два спецназовца. Я убрал пистолет, вскинул штурмовую винтовку и как на стрельбище, выполняя норматив по "бегункам", саданул дважды - они упали на асфальт.

- Лабус?! - заорал я, холодея при мысли, что остался один. - Костя!!

- В порядке! - донеслось снизу из-за угла.

- Стой где стоишь!

Я перебежал в ближайший кабинет, окно которого находилось над крыльцом. Встав сбоку от проема, поднял винтовку стволом к потолку, готовый податься влево и резко опустить ее, открыть огонь по противникам. Крикнул:

- Есть еще кто-нибудь? Их трое оставалось!

- Нет, эти последние были!

- Уверен?

- А то!

Покинув кабинет, я спустился по лестнице, вышел на крыльцо. Лабус, стоя вполоборота ко мне, нагнулся и поставил пулемет на гранитные ступеньки. Повернул голову, кивнул. Взгляд у него был отстраненный какой-то. Сутулясь, я прошел мимо, спросил на ходу:

- Где третий?

- У караулки валяется, - сказал он, шагая следом. - Я его первым подстрелил, а эти двое ушли в мертвую зону. И патроны у меня кончились. Ты вовремя появился.

Я остановился на крыльце. До того хотел бежать к Марату с Большим и Захаром, надеялся еще, что может живы, может, ранены только, но вдруг понял, что означает странный голос и будто бы равнодушный, а на самом деле потерянный, пустой взгляд Кости - понял это и тяжело сел на нижнюю ступеньку. Спросил на всякий случай, точно зная, какой ответ услышу:

- Что с ними?

Он сел рядом, не глядя на меня, покачал головой. Я достал пачку сигарет и закурил. Затянувшись, спросил:

- Как оно было?

Меня охватила апатия, хотелось лечь прямо на ступенях и закрыть глаза.

Он долго молчал, потом стал рассказывать:

- Большого стрелок со второго этажа завалил. Ты его грохнул потом, да? Я так и понял. Если бы не Большой, я не успел бы до пулемета добежать. - Голос у Лабуса был ровный, он смотрел прямо перед собой и мямля пальцами ремень стоящего рядом "Миними". -

Помнишь, Большой Давыдову башку свернул, а тот перед тем очередь пустил, когда Айдар на него наскочил? Так вот, та очередь и Захара задела, и Марата. Хорошо у Давыдова патронов в магазине немного было, а то бы и на нас с Большим хватило. Потом Большой залег, схватил снайперку. Я - пулемет. Уже тогда ясно было, что Марат с Захаром мертвы. Ты в штаб этот убежал, Большой снял того, что на третьем этаже засел. Мы решили, со вторым ты разберешься. Стали прикрывать друг друга, отходить к штабу. У меня вышло, а Большой... Он мишень покрупнее меня, попасть легче.

Я докурил и щелчком отправил сигарету в урну под крыльцом.

- А беспилотник?

- Не знаю, я даже не видел, когда он улетел, все так закрутилось... - Костя поднялся и пошел прочь от крыльца.

Я встал, присел несколько раз. Слабость разливалась по телу, в голове было пусто. И опять немного ныло в затылке.

- Надо их похоронить, - сказал я, догоняя его.

Костя поднял за лямку рюкзак, закинул на плечо. Я поискал глазами свою пику, не нашел. Куда же она отлетела...

- Сейчас прикинем... Давай, Леха, на той аллее, слева от штаба. А? Хотя вообще, ты ведь знаешь, ну...

Он замолчал, но я и так понимал, что Лабус имеет в виду. Не положено хоронить погибших прямо на месте боя или неподалеку. Преследователи позже все осмотрят, выкопают трупы, прикинут состав и возможности уцелевших - это может помочь им быстрее найти и уничтожить нас. Все так, но правила касаются идеальной войны, а реальность всегда свои коррективы вносит. Мы - в Зоне. Здесь все иначе.

Я бросил чужую винтовку и поднял с асфальта свою "М4". Сунул в рюкзак несколько магазинов, которые забрал у одного из убитых спецназовцев. Костя пошел к лежащим на дороге грушникам, ему тоже нужны боеприпасы к "Миним".

Все тела стащили к крыльцу. Лабус сходил в караулку, снял две лопаты с пожарного щита, потом раскатал на асфальте комплекты химзащиты, и мы уложили на них мертвецов. Я взялся за лопату

- Надо копать.

- Давай вон там, - он указал на монумент погибшим во времена Великой Отечественной Войны.

- Хорошо... - начал я и не договорил, уставился на ворота.

Лабус схватился за пулемет. Бросив лопату, я застегнул ремешок шлема на подбородке и спросил:

- Слушай, мне ведь не кажется?..

Он покачал головой.

Рокот двигателя постепенно нарастал. Отчетливо донесся звук прогазовки, словно механик-водитель хотел резко пустить машину в разгон, пробуксовав на старте.

Мы быстро вышли к краю дороги и присели возле кустов, направив оружие в сторону ворот. Сквозь них въехала КШМка, которая стояла на подходе к войсковой части - та самая, вокруг которой расходилось сильное электромагнитное поле.

Что за черт?! Я даже приподнялся, вглядываясь. Машина медленно, тяжело вкатилась в ворота. Из откинутого люка механика-водителя выплескивался синий свет. Это аномалия там в кабине, что ли?

Каким-то чудом машина не зацепила створку, та по-прежнему висела на одной петле, углом упершись в асфальт. И вдруг я заметил ученого - а ведь оба забыли про него, напрочь забыли! Потому-то он и вылетел из головы совсем, что умудрился отползти в дренажную канаву у дороги.

И теперь научник махал нам рукой.

- Костя! - шикнул я, показывая на него.

- Вижу, вижу, Леха.

КШМка медленно тащилась от ворот к нам. Что-то очень зловещее и неприятное было в этой картине - я знал, что внутри никого, но не оставляла мысль, что там сидит пара скелетов, будто команда корабля-призрака, какого-нибудь "Летучего голландца". Может даже в фуражках или касках на гладких черепахах...

Голова ученого в зеркальном шлеме ткнулась в траву, поднятая рука упала на бордюр.

Наши ПДА разом заверещали. Лабус вздрогнул, я чуть не подскочил, сердце забухало в груди. Отдернув рукава, посмотрели - у обоих одинаковое сообщение, одно короткое слово:

"ГОН!"

- Твою мать!

- Быстро к нему!

...Это мы выкрикнули одновременно. Вскочив, кинулись через дорогу к ученому. А бронетранспортер катился в нашу сторону, рокоча и набирая ход, внутри него все ярче разгорался густой синий свет, блеклые молнии били из люка механика-водителя.

И за машиной - это стало видно только сейчас, когда она проехала ворота - мчалась свора мутантов. Кабаны, слепые псы и крысы... Море, океан крыс! Откуда их столько?! Крупное зверье давило мелких копытами и лапами, кабаны поднимали на клыки попавшихся на пути собак, отшвыривали в стороны, не останавливаясь, мчались дальше - на нас. Некоторые звери, наступив на живой ковер из крыс, оскальзывались и падали, пытались подняться, но их тут же затапывали напиравшие сзади твари. За воротами между бетонными блоками искрили, выплескивая энергию, аномалии. Обгоревшие туши, куски мяса и брызги крови взлетали над дорогой, подброшенные гравитационными ловушками и вращением карусели.

Рыча, пища, фыркая, топоча копытами по асфальту, волна мутантов катила на нас.

- К трубе! - заорал я, прыгая в дренажную канаву. - К котельной бежим!

Мы подхватили ученого за плечи и поволокли.

Странная это была площадка - кто ее там соорудил, для чего? Она висела метрах в двадцати над землей, ниже шел круговой балкон из арматуры, опоясывающий кирпичную трубу с массивными скобами лестницы.

Я прошел вдоль стены, переступая через трупы крыс и псевдопсов. Неподалеку заметил даже обугленную тушу кабана, попавшего в аномалию. Надо где-то прятаться, скоро появятся падальщики.

Интересная штука получается - сквозь ворота на территорию части пронеслась свора мутантов, КШМка под влиянием аномалии проехала по главной аллее, а створка как висела, ткнувшись углом в асфальт, так и висит. Машина и звери ее своротить должны были - а она на том же месте. И никак с точки зрения законов физики это не объяснишь...

Темнело быстро. Низкие облака напоминали черную ветошь, они колыхались, извивались на сильном ветру. Скоро дождь начнется. Сняв коллиматорный прицел, я поставил на его место ночник.

- На месте.

Это Лабус. Я скосил глаза в его сторону. Косте приходилось стоять на прямых ногах, не очень удобно вести огонь из такой позиции. Ученый явно очень худой, костюм болтался, как на пугале. Удачно для нас, что он ростом гораздо ниже Лабуса - ботинки едва доставали до асфальта.

- К штабу? - предложил напарник.

- Больше некуда. И темнеет уже.

- Не это главное, Леха, - с обычной своей рассудительностью произнес Лабус. - Вокруг видишь, что творится? Сплошное мясо. Сейчас оголодавшие набегут на ужин. И похоронить никого не успели...

- Ладно, я веду, ты за мной. И как мы, когда сюда бежали, в кисель не вляпались... - Я показал на бледное пятно аномалии возле угла здания.

- Угу. У тебя детектор пашет?

- Да, норма. Пошли.

Брошенную радиостанцию я так и не нашел. Поднимаясь по крыльцу, кинул взгляд в сторону - и сразу отвел. Тела превратились во что-то трудноописуемое, теперь там и хоронить было нечего.

В штабе быстро обнаружили двери подвала, пришлось только немного повозиться с замком. Вскоре мы с Лабусом оказались внутри резервного командного пункта.

Возле лестницы на стене висел электропакет. Обычный такой, черный, с двумя кнопками. Я осветил его фонарем, оглядел и сказал:

- Так что, попытаем счастье?

- Жми, - ответил Лабус.

Щелкнул выключатель, и тусклый свет ламп в сетчатой оправе озарил ступеньки. Внизу - приоткрытая металлическая дверь. Подняв оружие, мы стали спускаться. За дверью оказался маленький коридорчик и три комнаты, расположенные по одной стороне от входа. Выставив перед собой винтовку, я пнул ногой первую. Открылась комната с тремя заправленными кроватями для отдыха свободной смены.

- Может научника туда уложишь? - предложил я.

Лабус занес тело внутрь, а я подошел к следующей двери.

Раскрыв ее, увидел узел связи. За массивным, занимающим чуть ли не треть комнаты столом, спиной к входу, сидел человек в общевойсковом защитном костюме. Я сделал несколько осторожных шагов вдоль стены, не сводя с него взгляда. Немолодой, полноватый. Руки лежат на столешнице, будто он собирается опереться на нее и встать. Я замер, приглядываясь. Зомби, что ли? Из коридора донесся тихий голос Лабуса:

- Что там?

- Человек.

Костя появился в дверях. Пистолет он держал в левой руке, а правой разглаживал усы.

- Та-ак... - протянул он и почесал подбородок рукояткой. - Не двигается и кажись не дышит.

- Третью комнату посмотри.

- Ага.

Он попятился в коридор. Я стоял неподвижно, целясь в фигуру за столом. И вправду не двигается - значит, все же мертвый. Зомби уже заметил бы нас, отреагировал как-то. Да и вообще - зомби не такие. Донесся голос Лабуса:

- Ну, иди, глянь.

В третьей комнате ничего интересного не оказалось. На маленьком шкафчике лежал кипятильник, стоял поднос с графином, стаканами и чашками, под стеной - стулья. В углу на табурете возвышался бак литров на десять, с краном в железной стенке.

Мы вернулись во вторую комнату. Лабус, пройдя немного вдоль стены, прицелился в голову человека за столом, а я тихо подошел к нему и несильно ткнул в плечо стволом винтовки.

Пуф! - я даже отскочил, так это было неожиданно.

- Чтоб ты сдох! - вырвалось у Кости.

Чудит Зона. Тело от прикосновения превратилось в облако пыли, еще мгновение оно удерживало очертания человеческой фигуры - будто фильм с компьютерными спецэффектами смотришь про мумию какую-нибудь, - а после разлетелось. Я приподнял ворот куртки и сощурился, пятась. Пыль разошлась на полкомнаты, Лабус закашлялся и вывалился в коридор, я за ним.

Напарник вернулся в первое помещение, оттуда донесся громкий щелчок и нарастающее завывание. Что-то залязгало, звук превратился в равномерный гул - включилась принудительная вентиляция. В каждой комнате был раструб вытяжки, рядом

зарешеченное окошко, значит, тут циклическая система: в одно отверстие вытягивает, из другого поступает отфильтрованный воздух.

Прах быстро всосало в гнездо воздухоотвода.

На столе перед обратившимся в пыль человеком был установлен блок ЗАС, засекречивающая аппаратура связи, и несколько стационарных радиостанций для работы в различных сетях. Под стеной - два несгораемых шкафа. Мы осмотрели их, но ничего интересного не нашли. В одном лежали автомат Калашникова да подсумок, где обнаружилась пара снаряженных магазинов и ружье-прибор - пенал с насадкой, щеткой и прочей мелочевкой. В другом на вешалке висел комплект формы, которую называют "афганкой", и новехонький запакованный Л-1, универсальный спецкостюм для защиты от радиации, химического и биологического воздействия. Рядом - противопогазная сумка с РШ-4 внутри.

На столе лежал журнал смены боевого дежурства.

Я собрался было устроиться на стуле, но передумал - только что там сидел человек, которого развеяло одним прикосновением, почему-то мне не хотелось занимать его место.

- Ладно, читай, а я пока научника посмотрю, - Лабус вышел из комнаты.

- Закрой дверь наружную, - сказал я ему вслед. - Ту, что на первый этаж ведет.

Он не ответил, но через несколько секунд донесся приглушенный лязг.

Взяв журнал, я отошел к стене, присел под ней лицом к двери и положил винтовку рядом. Развернул на коленях тетрадь, скрепленную печатью секретного отдела части. На первых страницах были шаблонные записи: время, даты, позывные, содержание радиogramм и телефонограмм, кто отправлял, кто принимал... Ничего интересного - циркуляры, распоряжения, приказы. Но дойдя до середины журнала, я увидел нечто совсем другое: убогий мелкий почерк, длинные абзацы, иногда - кривые строки, будто писали впопыхах.

Я прочел:

Сегодня, 12 апреля 2006 года, в 14.33, произошел очень мощный толчок. Наверное, его сопровождало сильное напряжение электромагнитного поля. Мне стало плохо. Я почти потерял сознание. Потом пришел в себя и увидел, что аппаратура связи вышла из строя. Я не видел что снаружи, только слышал крики. Дикие крики. Было очень страшно. Мой напарник по смене, Ваня Ус, вышел из комнаты. Я говорил ему этого не делать, но он не послушал. Ваня вернулся через минуту, на него было страшно смотреть, потому что кожа на лице потрескалась, кровь спеклась в этих местах, правый глаз вытек. Он только прохрипел слово "Убежище" и упал мертвый. Код к двери убежища в штабе всегда выдается дежурной смене. Я выглянул в коридор. Я действовал по инструкции: взяв с собой журнал, автомат...

Подняв взгляд, я уставился в стену невидящими глазами. Почему-то эти строки давно погибшего - ведь почти невозможно, чтобы он выжил - солдата пробудили воспоминания о родственниках. Если подумать, мать с сестрой не так уж и далеко от меня, между Зоной и Киевом пару-тройку часов езды... а кажется, будто они совсем в другом мире живут. В гражданском мире, спокойном, безопасном. Я давно их не видел, очень давно. Как жизнь повернулась всего за несколько часов, будто мир с ума сошел, все с ног на голову...

- А, черт!! - донеслось из соседней комнаты.

Бросив журнал и схватив винтовку, я выскочил в коридор.

- Что?!

Метнулся вдоль стены, у двери присев, сунул оружие в комнату. Оглядел ее и сказал с чувством:

- Чтоб ты лопнул!

Лабус стоял перед койкой, спиной ко мне, в обычной позе. Явно ничего опасного он перед собой не видел.

- Спокойно, спокойно, - пробормотал он, не оборачиваясь. - Просто удивился я очень.

Иди, глянь.

Выпрямившись, я увидел ноги и поясницу ученого, остальное от взгляда закрывал напарник.

- Вот... - Он отодвинулся в сторону, и я шагнул вперед.

Шлем с зеркальным забралом лежал на табуретке возле изголовья.

- Та-ак... - протянул я растерянно.

- А может... - начал Лабус и умолк, когда я поднял руку.

Мы помолчали.

- Что? - спросил он наконец.

- Да вот... - произнес я медленно. - Слушай, а что если это она нам предупреждения на ПДА сбрасывала?

Часть вторая

Миттельшпиль

Глава 6

Утверждаю: ...

начальник службы войск капитан...

Обязательный список документации дежурного по лагерю на озере Янтарь:

- 1. Журнал дежурного по лагерю;**
- 2. Журнал патрульной смены;**
- 3. Боевое расписание и действия при нападении на лагерь;**
- 4. Схема охраны и обороны лагеря;**
- 5. Список лиц допускаемых на территорию;**
- 6. Образцы пропусков;**
- 7. Таблица доз облучения;**
- 8. Журнал действий пожарного расчета;**

На кровати перед нами лежала молодая женщина. Бледное лицо, спутанные каштановые волосы. Едва различимый шрам над глазом, крошечные веснушки на скулах. Чистый гладкий лоб, тонкие брови - более темные, чем пряди над ними. Совсем молодая, куда моложе меня.

Веки трепетали, крылья носа подергивались, будто она собиралась чихнуть. Лабус успел расстегнуть высокий воротник и пару застёжек под ним, обнажив шею.

- Ну, и чего застыл? - спросил наконец я и пихнул его кулаком в плечо. - Ты доктор или кто? Давай, осматривай пациента. Или женщину первый раз в жизни видишь?

Он крикнул, качнулся на каблуках и потер зачем-то ладони.

- Ну так что же... И погляжу, ясное дело, чего ж не поглядеть? - бросив взгляд куда-то в сторону, произнес напарник.

- Вколи ей свою дрянь, чтоб очнулась, надо с ней поговорить. Как она в Зоне оказалась в обществе Капрала, кто и куда ее отправил... Из-за чего вся каша заварилась, в конце концов!

Лабус переложил шлем на пол, сел на табурет, поднял руку девушки и стал щупать пульс. То ли нащупав его, то ли нет, расстегнул поясной ремень защитного костюма. Там висели два подсумка и контейнер для артефактов, я таких никогда не видел - поблескивающая серебром сфера, состоящая из сегментов, похожая на апельсин. Лабус снял ремень, передал мне.

Я провел пальцами по стенкам контейнера, сообразил где фиксатор, отщелкнул его. Рядом заметил иероглифы - эта штука японская, что ли? - и пиктограмму, говорящую о том, что материал контейнера не пропускает радиацию. Раскрыл - внутри пусто. Присев

на корточки, положил контейнер возле шлема, открыл один подсумок и обомлел. В нем лежал артефакт под названием ночная звезда - мощная редкая штука, формирующая локальное поле. Говорят, хорошо защищает от пуль...

А еще она очень радиоактивна. Я вытряхнул артефакт в контейнер и поспешно закрыл его. Попереключав режимы на детекторе Марата, определил, что фон в пределах допустимого. Выпрямился. Лабус стягивал костюм с девушки, я потряс его за плечо.

- Эй!

- Что еще? - напарник нехотя повернулся, и я увидел нашу "ученую", обнаженную до пояса. Она что, на голое тело защиту одела? Впервые такое вижу...

А грудь ничего.

Тьфу! Я усилием воли заставил себя не смотреть на ее бюст, перевел взгляд на Лабуса.

- Где там твои ампулы с ядом от радиации? У нее в подсумке ночная звезда лежала.

- Чего?! - изумился он. - Где? Покажи!

- Сдурел? Она ж фонит жутко, я ее в контейнер спрятал сразу. Доставай лекарство, лечиться будем. И флягу с водкой тоже, надо выводить из организма радионуклиды.

До Кости наконец-то дошло, и он сказал:

- Поддай рюкзак, вон, у двери.

- Ладно, я сам достану, ты продолжай.

- Хотя погоди с водкой, - добавил он. - Мы хорошо заперлись? Дверь там вроде крепкая, но... А то расслабимся тут, а если кто полезет к нам? Если еще одна группа спецов появится?

Я обдумал это и решил:

- Нет, не появится тут сейчас больше никто. Их же с Периметра надо перебрасывать. А тут выброс, гон прошел, аномалии активизировались... Сейчас даже вертолет толком не пролетит, напорется на какую-нибудь воздушную аномалию - и конец ему.

Он кивнул.

- Ну да, в общем-то. За нами охотились те группы, которые одновременно с нами и вылетели, правильно? Их теперь нет, значит, на какое-то время мы в безопасности.

- До утра, - заключил я.

Лабус принялся стаскивать с девушки защитный костюм. Я достал из рюкзака пластиковый медицинский бокс, передал напарнику - на свет появилась фляга с водкой и коробка армейского сухпайка - вновь присел над подсумками, раскрыл второй.

Там оказалась синеватая сфера размером с теннисный мяч, напоминающая артефакт под названием бенгальский огонь, продукт аномалии электра. Пригляделся: похож - да не он. Детектор фона не показал, я потрогал эту штуку пальцем в перчатке, потом взял, повертел в руках. Нет, не пойму, что это. Ладно, спросим нашу подругу, когда в себя придет.

- Вроде бы все нормально теперь с ней, - сказал Костя. - Спит.

Он укрыв девушку одеялом - она по-прежнему лежала лицом вверх, с закрытыми глазами. На щеках появился румянец.

Лабус потянулся к коробке с сухпайком, а я свинтил колпачок с фляги. Отойдя к другой кровати, напарник сел на краю, поставил на табурет рядом две стальные стопки. Я подтащил второй табурет, тоже сел.

Водка тут же сняла напряжение. Закусив ложкой рисовой каши из банки, мы еще раз налили, молча чокнулись и выпили.

Только сейчас появилось настоящее ощущение усталости. Захотелось перебраться с табурета на третью кровать, вытянуться во весь рост, закрыть глаза. Провалиться в сон и вынырнуть из него уже в спокойной обстановке, без погонь и стрельбы. После второй стопки закололо в затылке - нельзя мне много алкоголя - я потер пальцами голову, сквозь короткий ежик нащупал едва заметный бугорок. Интересно, а если я туда ноготь всуну... Нет, не поместится. Ладно, а зубочистку? Зубочистка точно влезет. Вот же, наградили меня когда-то подарочком! И ведь теперь - совершенно бесполезная штука. Хотя нет, стоп, как же бесполезная? Возможно, из-за нее меня подземный контролер и не смог

подчинить, как Малого...

Лабус налил по третьей и сказал:

- За погибших. Земля им пухом.

Выпили не чокаясь и потом долго молчали. Наконец я спросил:

- Слушай, так что все же с нами произошло? У тебя мысли есть какие-то?

Он сунул в рот ложку с кашей, проглотил и мотнул головой. Налил еще по одной. Поднял стопку, кивнул мне, выпил. Я тоже выпил - последняя, больше не буду.

- Нет у меня никаких мыслей, Леха, - сказал напарник. - Нас подставил кто-то, а больше я ничего не знаю.

Простой он человек все-таки, жует себе и ни о чем не думает. А ведь я никогда не интересовался, почему Лабус здесь, почему в военсталы пошел...

Открывая банку с кашей, спросил:

- Ты как в Зоне очутился? И что после будешь делать?

Лабус ответил с набитым ртом:

- Здесь платят хорошо. Когда деньги получу - хозяйством займусь. Коровник как у скандинавов выстрою, дом добротный... Только свиней не буду разводить.

- Ага, я б тоже не стал, - согласился я, ковыряясь ложкой в банке. - После Зоны и так псевдоплоть с кабанами-мутантами по ночам сниться будут, а тут еще свиньи за стеной хрюкают.

Лабус посмотрел на меня.

- А ты что делать будешь, когда контракт закончится?

- Новый контракт заключу. Я больше ничего не умею в этой жизни.

- Так давай со мной назад в Ростов. Там земля плодородная...

Я покачал головой, и Лабус вновь принялся жевать.

- Ну ладно, доктор Пилюлькин, так что ты про девушку эту можешь сказать?

- Ничего. Девушка как девушка. Две руки, две груди. Ноги тоже две, а голова одна. Ранена в плечо, на боку синяк. Слабое сотрясение мозга, это когда вертолет упал. Ослабела, но в целом нормально. Поспит - придет в себя.

- Жаль, мы ее до того как она вырубилась не расспросили.

Лабус потянулся к стопкам, но я остановил его.

- Хватит, напарник. Не надо нам напиваться сейчас.

- Да что тут пить... - начал он, но я накрыл стопки ладонью.

- Не надо, хватит. Мы уставшие, ели мало, а на ногах вон уже сколько. Быстро опьянеем. Давай ложись, я подежурю. Разбужу через три часа.

- Ну и ладно, - сказал он.

Лабус улегся на койке, подложив руку под голову. Я взял рюкзак и направился к двери, по дороге глянул на девушку - она спала в той же позе. Взяв пачку сигарет, прошел в комнату связи.

Струсил рукавом пыль со стула, на котором сидел рассыпавшийся в прах человек, положил винтовку на край стола и поднял с пола журнал смены боевого дежурства. Сел, закурил и раскрыл его.

Я действовал по инструкции: взял с собой журнал, автомат, ОЗК, противогаз. Вскрыл дверь в убежище. Потратил на это всего минуту. Когда вышел в коридор, воздух оказался очень горячим, обжигал. Я заперся. Первым делом запустил систему рециркуляции воздуха, одел ОЗК, на голову противогаз. Хотелось выйти из этого склепа и поискать кого-нибудь. Но очень страшно, страх меня остановил. Ноги как свинцовые и руки трясутся. Я не хотел верить, что остался один. Совсем один, я не знал, что мне делать. Попробовал выйти в эфир, никто не ответил. Вообще никто, тишина. Как такое может быть? А на хронометре стрелки застыли, показав время толчка.

Я отложил журнал, затушил окурочок о ножку стола, встал и глянул на аппаратуру. Рядом с засекречивающим аппаратом связи стоял хронометр в металлическом корпусе, с черным циферблатом. Данные на нем отображались в виде цифр наподобие старого спидометра в

автомобиле. Время - 14.33, дата - 12.04.06.

Пощелкав переключателями, убедился, что в сети КВ станция не работает. Перешел к передатчику УКВ - тот же результат. Ладно.

Заглянул в комнату с кроватями: Лабус спал, отвернувшись к стене, незнакомка - в прежней позе, лицом кверху.

Я вернулся к журналу и вскоре решил, что парень, который писал все это, был из связистов-срочников. Записи обрывочные, местами корявые, будто он не знал, как сформулировать некоторые свои мысли и эмоции. Интересно, как бы писал я сам, окажись в такой ситуации?

Не знаю, сколько времени прошло, сутки или двое. Я снял противогаз, воздух вроде нормальный. Самочувствие тоже, только стресс, руки дрожат. Что творится на поверхности - боюсь думать. Очень хочется выйти, но не решаюсь. Постоянно думаю о родителях. Наверно, они уже меня похоронили. Где же спасатели? Они должны прийти. До дембеля оставался месяц, в штабе уже списки на увольнение в запас были. Хорошо...

Запись обрывалась длинной кривой чертой. Дальше шла новая, показавшаяся мне более беспорядочной, к тому же под конец там стало не хватать запятых.

Я наверно уснул, очнулся и долго не верил, что все это со мной происходит. Лучше бы я сгорел в том аду, что сейчас наверху. Или вдруг сейчас на поверхности все в порядке? А я сижу здесь как дурак! Если это снова катастрофа на ЧАЭС, то мой ОЗК должен выдержать дозу радиации. Ведь до станции приличное расстояние и прошло уже несколько суток точно. Я все-таки попробую выйти на поверхность.

Когда подошел к двери, в нее кто-то постучал. Я испугался и крикнул: "Кто там?!" В дверь опять постучали, но не ответили. Не решился открывать. Повторив вопрос и не получив ответа, стоял минут десять. У меня АКМ и шестьдесят патронов. Стук не повторялся. Хорошо, что в баке есть вода, пью ее, она с металлическим привкусом, но я и этому рад. Очень сильно захотелось в туалет, почему здесь в убежище не предусмотрели хотя бы какой-то горшок для этого дела. На одной воде человек может протянуть до двух месяцев, но разводить антисанитарию здесь я не хочу. А выходить к лестнице боюсь. Прошло несколько часов и стук в дверь повторился. Я снова громко кричал: "Кто там?!" Но мне никто не отвечал только постучали и все. Хотя стук странный, не обычный. То есть не такой как если бы кто-то кулаком стучал. Костяшками пальцев. Более мягкий. Какой-то тревожный он пугающий. Ведь меня не могут не слышать из-за этой двери она не герметичная, а просто бронированная. Я не помню, запираю я верхнюю дверь убежища на поворотный затвор, кажется да тогда почему тот кто стучится не отвечает, а может быть это кто-то из раненных, выживших, но у него что-то с голосом. Тогда почему он не стучится постоянно?! Не подает каких-то логических сигналов, например s.o.s? Я снова уснул, сколько времени я уже здесь не могу сказать. Мама, если эти строки дойдут когда-нибудь до тебя то знай я очень тебя люблю, тебя брата Сережу и папу вы мои самые родные!!! Я плачу нет сил больше сидеть здесь лучше смерть чем такое ожидание. Снова приходил Тук-Тук я просто пойду в коридор и жду вдруг этот сломает дверь тогда буду стрелять но если не человек это если его не убьешь простым оружием? Всё иду коридор открываю дверь

На этом запись обрывалась. Да, не повезло парню. Под конец крыша совсем поехала от одиночества и постоянных нервов. Мысли в кучу, галлюцинации... Что это еще за Тук-Тук такой?

В дверь, выводящую на лестницу, тихо постучали.

Меня продрало от шеи до копчика, в затылке остро кольнуло. Схватив винтовку, я вывалился в коридор, перевернув стул. Прицелился в дверь.
- Лабус! Вставай!!

Костя с шумом, обо что-то зацепившись, выскочил в коридор с пистолетом в руках. Лицо помято, на щеке рубчики от одеяла, глаза шальные.

- Что?! Что случилось?!!

Я кивнул в сторону двери.

А оттуда вновь донеслось: тук-тук. Необычный звук, мало похож на стук костяшками пальцев или кулаком, только с перепуга можно спутать.

Костя упал на одно колено и прицелился. Замер, как скульптура, только моргал иногда. Едва шевеля губами, спросил:

- Кто это?

- Или что это? - поправил я. - Хрен его разберет. Я тут книжку одну читал, журнал то есть. Что это за тварь, не знаю, но зовут ее или его Тук-Тук.

Стук больше не повторялся. Мы минут пять еще караулили у двери, но за ней стояла тишина. Я рассказал Лабусу про журнал смены и о том, что в нем написано. В конце концов, так ничего больше не услышав, мы зашли в комнату связи, я уселся на стол, лицом к двери, а Лабус сел на стул и взялся за журнал.

- Фигня какая-то, - произнес Костя чуть ли не возмущенно, листая его. - Чертовщина!

Я чуть ли не физически ощущал, какая борьба происходит сейчас в сознании напарника. При его-то скептическом здравомыслии и рассудительности - и вдруг этакая мистика, в которую он отродясь не верил. Впрочем, Лабус не был бы Лабусом, если бы вскоре не пришел в себя.

- Но вообще, такие эти... такие документальные свидетельства катастрофы - редкость, - заметил он, успокоившись.

- Редкость, конечно, - согласился я. - Так что ты про Тук-Тука думаешь?

Он пожал плечами.

- Ну, испугал он меня, честно скажу. Может нам убратся отсюда?

- Легко сказать. Он же снаружи. Впустить - впустил, а вот даст ли выйти?

Мы поглядели на дверь. В тускло освещенном коридоре и в других комнатах стояла полная тишина.

- Совсем я ерунду поспал. - Лабус посмотрел на часы. - Ладно, что будем делать?

- Ложись, досыпай. Потом подежурить, я посплю, а утром уйдем отсюда. Разберемся по дороге, что это там за Тук-Тук. Давай, иди, журнал считаешь потом, когда будет твое дежурство.

Он отложил тетрадку, встал. Мы прошли в комнату отдыха, и я спросил, кивнув в сторону спящей:

- Как она?

Костя взял девушку за кисть, пощупал пульс.

- Ну, как... дрыхнет, пульс нормальный. Ладно, мне еще тебя сменять, дай поспать нормально.

Он лег, а я опять пошел в комнату связи.

Усевшись, достал сигарету. Прислушался - глухая тишина кругом. И никаких "тук-туков" не слышно. Вроде и спокойно, а атмосфера жутковатая, тревожная. Давящая какая-то, неприятная. Так и ждешь, что в коридоре звук какой-то раздастся... Мне вдруг стало очень неудобно сидеть спиной к дверному проему, хотя ведь в коридоре никого не может быть. А что сейчас наверху, в темном пустом здании штаба происходит? Какие там существа могут бродить в ночном мраке?

А может тут ход тайный есть, в подвале?

От этой мысли я похолодел. В тусклый проем за спиной выглядывает чья-то голова, темные пустые глаза смотрят мне в спину...

Я вскочил, развернувшись, сграбастал винтовку со стола. В дверях, конечно, никого не было, виднелась только стена в цементной "шубе". Тьфу, пропасть! Ну какие тайные ходы в штабе обычной войсковой части, что ты несешь, Курортник?! Бред же, бред! Я переставил стул, сел к проему лицом и закурил. Опять положил винтовку на край стола и

приказал самому себе больше к ней не прикасаться, пока не придет время Лабуся дежурить. И как он может дрыхнуть в такой обстановке? Вот же незатейливый человек... А у меня нервы совсем ни к черту. Это потому, что командовать пришлось, после того как Давыдов командира убил. Когда ответственность на тебе, да еще в таких обстоятельствах, нервные клетки очень быстро сгорают.

И еще журнал этот, дежурный связист с его "тук-туком" - тоже спокойствия не добавили. Почитаю позже, решил я, и убрал тетрадь в рюкзак.

Нечего потворствовать своим страхам, ясно, что кроме нас троих в подвале больше никого. И никаких этих тайных ходов здесь нет, мы же в обычной воинской части, а не в средневековом замке.

Тогда почему я стул переставил?

Плюнув, я поднялся, взял его и вернул на место. Сел спиной к двери. Вот так, а то параноиком стану.

Забыв про решение не прикасаться к оружию, положил винтовку перед собой, разъединил модули и занялся чисткой. Подумал - надо бы и Лабусу пулемет почистить. Потом другая мысль пришла: а ведь мы закрывали наружные двери, это я точно помню. Поворотный механизм сам проверял. Получается, Тук-Тук живет на лестнице, на небольшой площадке перед второй дверью? Или он как-то проникает ночью через верхние двери... но тогда почему не добирается до коридора? А паренек-связист все-таки вышел тогда - в туалет, надо думать. Ведущая на лестницу бронированная дверь ведь была приоткрыта. Значит, познакомился с Тук-Туком...

Кто-то коснулся плеча, и я чуть не заорал с перепуга.

В горле встал ком, дыхание перехватило, сердце скакнуло куда-то под подбородок. Рванул винтовку - а она ж разобрана! - крутанулся на стуле. Больно стукнулся локтем о спинку, выдрал из кобуры пистолет.

Она стояла за спиной. Красивая, стройная... голая. С распущенными каштановыми волосами и темными тонкими бровями. Светлая кожа, едва различимые веснушки, миловидное лицо.

- Ты что?! - прохрипел я, отклоняясь назад. Девушка стояла почти вплотную ко мне.

Она сверху вниз смотрела на меня. Я отодвинулся так, что спиной уперся в край стола, и все равно ее грудь была прямо перед моими глазами. Что это с ней? - ничего не стесняется, не боится... Я сглотнул и сунул "файв-севен" обратно в кобуру.

- Извини, если напугала, - сказала она.

Голос обычный. Высокий, но не писклявый - женский, в общем. Спокойный и вроде как доброжелательный. Не злой, по крайней мере, не агрессивный. Но и не холодный - мягкий голос, теплый.

- Лучше тебе одеться, - сказал я деревянным голосом. - Подожди...

Из нескораемого шкафа достал комплект формы и протянул ей.

Пока девушка одевалась, собрал винтовку, вставил новый магазин и дослал патрон в патронник. Взял возле шкафа еще один стул, поставил напротив, сел.

Она тоже села - спиной к двери, лицом ко мне. Взгляд изучающий, глаза слегка прищурены, на лице - едва заметная улыбка. Волосы она собрала в пучок, обнажив шею. Повернула голову, так что я увидел лицо в профиль, тряхнула хвостом и скосила на меня глаза.

Порывшись в кармашке жилета, я достал презерватив - любой солдат знает, для чего этот предмет необходим в походном снаряжении. Распечатал и протянул ей.

- Извини, другого нет.

Она не сконфузилась, не стала хихикать или наоборот притворно возмущаться. Молча, все также улыбаясь, взяла его, перетянула волосы, встряхнула головой и наконец произнесла:

- Где мы?

- А ты кто? - спросил я в ответ.

- Потом, скажи, где мы? И сколько прошло времени?

Ладно, решил я.

- В убежище под штабом бывшей войсковой части. Наверное, это была мотострелковая бригада. Часть находится на территории Зоны. Зона...

- Не надо про Зону, я знаю, что такое Зона. Сколько прошло времени?

- С какого момента?

Глаза у нее были странные - непривычно глубокие, я будто в океан смотрел, в очень прозрачную воду, так что видно далекое-далекое дно. И там, на этом дне, было что-то необычное.

- С момента взлета.

- Откуда я знаю, когда вы взлетели? И вообще, о чем ты - о Капрале и вертолете, который в лесу упал?

- Да, я помню офицера с позывным Капрал.

- Унтер-офицера, - машинально поправил я.

- И вертолет тоже помню. Сколько времени прошло с тех пор, как он упал?

Я взглянул на хронометр.

- Примерно двадцать два часа. Плюс-минус тридцать минут... А теперь отвечай, что ты делала на том вертолете?

Девушка отвела взгляд, осмотрела стены комнаты. Форма ей шла, еще три больших звезды на погон, и можно становиться перед ней по стойке смирно.

- Что ты делала на борту вертолета? - повторил я.

- Летела, наверное.

- Ясно, что не плыла. Куда вы летели? Почему тебя взяли на армейский вертолет? Кто ты вообще такая?

- Я ударила головой, когда он упал. Сильно.

До того она сидела, наклонившись вперед, а теперь выпрямилась, вскинула голову, будто поняла наконец что-то важное. Сощурилась и воскликнула:

- Нам надо идти, быстрее! На болота. Знаешь туда дорогу?

- Да? На болота? - когда она кивнула, я начал заводиться. - Ночью? После выброса?!

Накатила ярость. Погибли мои товарищи, мы с Лабусом еле в живых остались. Тащили девку по Зоне, рисковали жизнями непонятно для чего, а она тут щурится, и на болота ей приспичило посреди ночи, именно на болота, не куда-нибудь.

- Ты кто такая?! - рявкнул я, приподнимаясь, нависая над ней.

Она тоже привстала, ухватившись за спинку стула, нагнулась вперед - еще немного, и мы ткнулись бы друг в друга носами. Легкий запах овеял меня -свежести, весны... Удивительно - пробыть столько времени в защитном костюме на голое тело, и пахнуть после этого травами да цветочками.

Я видел перед собой ее глаза. Мягкие, глубокие. Она смотрела с каким-то выражением... Будто материнским. Так смотрит женщина на младенца, когда он спит. Спит... Лабус. Почему Лабус не проснулся?!

Я подался назад, опрокинув стул. Пальцы сжались на цевье "М4".

- Лабус!

Ствол уставился ей в лоб.

- Лабус?!

Из соседней комнаты раздался шум - что-то упало. Короткое ругательство, сопение. В двери появился Костя с пистолетом. Глаза выпучены, лицо подпухло со сна, взгляд скачет с меня на девушку и обратно.

- О! - только и сказал он, и тут из коридора донеслось приглушенное: тук-тук.

Мы сидели в дальней комнате. Слив воду из фляг, заварили чай - вот и кипятильник

пригодился. Те, кто постоянно ходит в Зону, не удивляются, если в розетках на заброшенном объекте есть электричество. Да и лампы в некоторых местах могут гореть годами - а в других, наоборот, за пять минут разряжаются аккумуляторы. Никакой мистики, просто здесь постоянно формируются и распадаются ЛИЭПы, то есть "локальные интенсивные электромагнитные поля", а еще - так называемые ионные облака. Первые могут долгое время питать электричеством, казалось бы, отключенный от всех источников прибор, вторые же наоборот очень быстро разряжают батареи с аккумуляторами и сбивают настройки электроники.

Об отдыхе пришлось забыть.

- Кто ты? - в который раз спросил я у девушки.

- Проводник, - она мягко улыбнулась.

- Куда и кого проводишь? - поинтересовался Лабус.

Я добавил:

- Так что, может все-таки назовешь свое настоящее имя и расскажешь, откуда такая взялась?

Девушка перевела взгляд с меня на Костю и обратно.

- Вам будет трудно во все это поверить, - она замялась, провела рукой по колену. - Аня, меня зовут Аня. Вам надо довериться и помочь мне. Я могу объяснить... не все. И у нас очень мало времени. Я прошу вас проводить меня на болота.

- К Доктору? - уточнил Лабус.

- Да.

- Что, вот так прямо встаем - и на болота топаем? - спросил я, опять начиная злиться. - Почему мы должны туда идти? Мы за эти сутки слишком много рисковали жизнью. Потеряли товарищей. На нас охотились бойцы нашего же подразделения. В Зоне выброс, гон.

Она молча смотрела в стену между нами.

- ПДА, сообщения эти - твои проделки?

Анна кивнула, вновь посмотрела на Лабуса. Костя прихлебывал чай из стакана. Она вздохнула.

- Я как могла помогала вам, Курортник.

Я чуть не поперхнулся чаем, услышав свой позывной, и девушка заметила мою реакцию.

- Не удивляйся, я могу это делать.

- Что "это"? - спросил Лабус.

Она повела плечами, покрутила головой, будто воротник стал тесен.

Лабус повернулся ко мне и заговорил неторопливо:

- Ты когда сказал, что это она сообщения отправляла, так я поначалу проникся идеей. Теперь, думаю, понятно, как оно к нам под землей попадало, сквозь бетон - прям с ПДА на ПДА перескакивало, почему нет? Но потом другое подумал: а как она набивала? Ведь надо по клавише пальчиками шлепать, чтобы сообщение послать. А барышня у меня на плече всю дорогу болталась или лежала плашмя... как? - он повернулся к Анне. - Может ты мне объяснишь, подруга?

- Я... я мысленно могу это делать, - пробормотала она.

- Мысленно, значит? - повторил напарник.

Она кивнула.

- Не спрашивай как. Если тебе нужно научное объяснение - я его не дам. Но я могу в сетку ПДА входить... ну, вроде как в мозг, внутри головы. Представляю себе адрес, куда сообщение отправить, буквы, вроде нажимаю на них... и получается.

- Потому-то тебя и везли на том вертолете? - предположил я. - В лабораторию какую-то... Как подопытную? Хотели вывести из Зоны?

Она опустила взгляд и кивнула.

- А не верю я, - хмыкнул Костя. - Тоже еще выдумала... Мысленно.

Анна подняла голову, в глазах что-то мелькнуло. Встала и протянула руку к потолку. Мы глянули вверх. Там висел скрученный шнур, на нем черный патрон в белесых разводах известки, из патрона торчала обычная стоваттная лампочка. Анна замерла на пару секунд - и вдруг лампочка мигнула. Раз. Второй... Погасла.

В подвале наступила абсолютная, непроглядная темень.

- Э-э, подруга... - заворчал во мраке Лабус.

- И еще я аномалии ощущаю, - произнесла она. - Потому и зовут Проводником, что могу проводить мимо них.

Что-то скрипнуло, и лампочка загорелась опять. Анна уже сидела на стуле. Лампочка помигала еще, затем стала светить по-прежнему ровно и тускло.

- Доведите меня до Доктора.

Мы с Костей молчали, друг на друга не глядели. Вот как на такое реагировать? Когда человек говорит, что может сообщения на ПДА мысленно посылать, а еще на расстоянии лампочки тушит? Что тут говорить, что думать?

- Как ты это сделала? - хрипло спросил я, показав глазами вверх. - Как?

- Говорю же: не знаю. Ты же не удивляешься, если получаешь очередное сообщение о смерти Семенского. Я не ученая, я... я из Зоны. Не училась нигде.

- Да, Семенский... - пробормотал Лабус.

Я спросил:

- Ты всю жизнь, что ли, в Зоне провела?

Она кивнула, улыбнувшись.

- Только я не буду вам сейчас о своем прошлом рассказывать. Не хочу, и времени нет. И я не могу объяснить, как и что делаю. Хотя знаю про электромагнитные поля и лучистую энергию. Я ее поглощаю. Влияю как-то, наверное. То есть не я - мой организм. Ну или... - Анна окончательно сбилась и заключила: - Мне к Доктору надо - очень надо. Это очень важно, понимаете? Для всех - и для вас двоих тоже. Проводите меня туда.

Я поставил пустой стакан на стол.

- Нам еще на свою базу нужно попасть. Разбираться во всем, искать того урода, который отдал приказ на уничтожение группы. Не пойдем мы с тобой никуда.

Повисла тишина.

- Я не дойду одна, - наконец сказала она. - Мне правда необходима ваша помощь. Позже вы все поймете, а сейчас надо идти. Прямо сейчас. Те кто нам противостоят - очень сильны. Помочь спасти Зону может Доктор, а...

Брови Лабуса взлетели вверх.

- Спасти Зону? - перебил я. - Ты серьезно?

- Да.

- И почему ты говоришь это нам? Зачем нам ее спасти? От кого? Отвечай!

Анна поднялась, обошла нас. Мы с Лабусом повернули головы - она встала лицом к стене, сцепив руки за спиной, постояла так немного, развернулась и сказала:

- Ну, хорошо. Только коротко и без лишних вопросов.

Голос изменился - стал более сухим, деловым.

- Зона - уникальное явление.

- Кто бы сомневался, - хмыкнул напарник, теребя усы.

Она продолжала почти скороговоркой:

- Зона - организм, который живет в симбиозе с людьми. Большинство мутагенных форм вам известны. Они размножаются, но остаются в границах своих территорий. И несут угрозу только тем, кто вторгся туда - сталкерам, научным экспедициям... В остальном же флора и фауна Зоны живет по законам привычным для земного мира: фотосинтез, осмос, питательные цепочки...

- А говоришь - не знаешь ученых слов, - сказал я.

Она стояла в той же позе, сложив руки за спиной, расправив плечи и немного подавшись вперед. Тряхнула головой, сдула прядь волос со лба.

- Некоторые знаю, потому что в детстве у меня учебники были. Старые, потертые, но я их все же читала. Так вот: численность и популяция регулируется самими животными, все неразрывно связаны друг с другом... Это одна большая система противовесов и сдержек, в которую теперь включены и сталкеры. И вы, военсталы. Сталкеры - вроде падальщиков, хотя есть среди них и хищники. Вы - хищники. Так было до этих пор. - Она шагнула к нам и заговорила громче, решительнее, быстрее: - Сейчас в Зоне существует налаженная биосистема, опасная, но не выходящая за свои рамки. А теперь кое-кто получил возможность изменить ее. Поставить эксперимент над Зоной-организмом, очень быстро расшатать законы, по которым он существует. Тогда, скорее всего, местные обитатели начнут распространяться за теперешние границы. Как вода в скороварке. Пока она просто кипит, булькает - все нормально. Но если превысить давление... снесет крышку, да и саму ее разорвать может. И это вот-вот произойдет, может быть, уже послезавтра. Если эксперимент не остановить - все в пределах Периметра станет изменяться и лезть наружу. Это называется сверхмутация, то есть мутация всей Зоны - и животных, и растений, и насекомых. Всего организма, который они вместе составляют. Тогда будет очень плохо. Вам, людям. Всем, живущим вокруг Зоны на множество километров. Тех, что ближе, даже эвакуировать не успеют.

Она вернулась, взяла стакан и допила холодный чай. Я глядел на Лабуса, а он разглаживал ногтем большого пальца усы. И мы оба пытались понять, что к чему в ее речи.

- Каким же способом заставят Зону мутировать? - спросил я.

- Точно я не знаю.

- Кто хочет это сделать?

- Вы узнаете от Доктора.

- Почему ты не можешь одна дойти до него?

- Потому что вы нужны мне! - она подалась вперед и взяла меня за руку. - Но дело не только во мне - у вас нет другого выхода, пойми. Отсюда путь только на болото. Назад уже не сможете вернуться, слишком опасно. После гона много мутантов на пути - не пройдете. И аномалии новые. Я чувствую. А к утру будет еще больше. На болоте можно какое-то время пересидеть. И Доктор расскажет все остальное... Нет у вас теперь другой дороги. Попытайтесь к своим вернуться - вас убьют, понимаешь?

Лабус пошевелился, я с трудом оторвал взгляд от глаз девушки, покосился на него - многозначительно задрал бровь, он глядел на наши сомкнутые руки.

- Ну что?! - не выдержал я и отстранился, заставив ее выпустить мое запястье. - Чего пялишься?

- А того, - ответил он, - что вот только что понял: к Доктору на болото мы таки пойдем.

Глава 7

**Докладная записка командиру батальона специального назначения
подполковнику...**

Согласно заявке со складов РАВ группировки получены PDA, оснащенные новой ОС "Clean Sky: Cruel Failure".

Сообщаю, что работа устройства неудовлетворительна, наблюдаются многочисленные программные ошибки, ложные сообщения, частые сбои. Прошу заменить партию бракованных изделий, во избежание...

Заместитель командира батальона по вооружению майор...

Перед тем как выйти, мы рассказали Анне о непонятных стуках в дверь. Девушка буднично пояснила - это зыбь, аномалия. У нее две разновидности, активная и неактивная, причем первая встречается очень редко. Сработав, аномалия почти мгновенно

разрастается в два или три раза. А затем все, что накрыто зыбью, становится... зыбким. Структура любого вещества теряет жесткость, оно размягчается, как сливочное масло под солнцем, прогибается, разрывается под весом жертвы. После этого различные материалы начинают смешиваться. Активная зыбь работает по каким-то своим законам, только в отдельные промежутки времени, их периоды всегда четко выверены - можно часы сверять. На органику зыбь почти не действует, разве что на растения. Если угодить в активную зыбь, из нее можно выбраться, когда она перейдет в фазу ожидания. Аномалию сложно обнаружить, ведь это просто участок поверхности, который приобрел свинцовый оттенок. Все, что находится на нем, становится немного тусклее. Это видно в солнечный день, но при плохом освещении практически не заметно.

Услышав пересказ содержимого журнала, Анна задумалась и предположила, что активная зыбь распространяется только по горизонтали, а по вертикали - нет. Как-то топография поверхностей на нее влияет. Как, почему? У Зоны спросите... здесь всякое бывает. И зыбь в замкнутом пространстве лестницы, а вернее - узкой нижней площадки, пытаюсь разрастись, "стучалась" в дверь и стены.

- Сколько же тогда она здесь существует? - удивился Лабус.

- Не знаю, - ответила Анна. - Но зыбь долгие годы может не исчезать. Хорошо, что это очень редкая аномалия. За Радаром есть целое болото, состоящее из одной-единственной зыби. И она все еще срабатывает, если какой-нибудь зверь попадет в нее, занимает все большую и большую площадь.

Мы собрались, проверили оружие, журнал смены боевого дежурства я сунул в рюкзак. На лестницу выходили с опаской, хотя Анна заверила, что сейчас зыбь отключилась. Посветили фонариками - нет, в бетонной коробке да с таким освещением не различить, где заканчивается область аномалии, все одинакового темно-серого света. Лабус, идущий впереди, окинул взглядом лестницу перед собой... и перемахнул прямо из коридора на нижнюю ступеньку, от греха подальше. Я то же самое сделал, оглянулся - Анна спокойно прошла за нами, ступая по "выключенной" аномалии.

- Она не опасна сейчас, - сказала девушка, когда напарник уже отпирал верхнюю дверь. - Это же активная зыбь, я объясняла, она сама собой в определенное время срабатывает, от внешних условий это может вообще не зависеть.

Я спросил:

- А если бы ты ступила на неактивную, она бы сработала?

- Да.

В штабе было пусто и тихо, и никакие зловещие твари, о которых я думал, сидя один в комнате связи, по этажам не бродили.

Стояла прохладная ночь. В холле Анна опередила нас и вышла из здания первой. Накапывал мелкий дождик, капли едва слышно стучали по козырьку над крыльцом, в темноте вокруг шелестела трава.

- Куда она? - удивился Лабус. - Эй, подруга!

Выйдя за ним на крыльцо, я посветил фонариком и увидел спину девушки, быстро идущей в сторону командно-штабной машины - та пересекла дорогу и встала на перекрестке, упершись в столб. Из откинутой крышки люка лился блекло-синий свет.

- Назад! - крикнул я

На ходу Анна обернулась, махнула рукой - мол, все нормально, не переживайте - вскочив на подножку, залезла на броню. Лабус крикнул, я сбежал по ступеням... и остановился.

Сияние из кабины стало ярче, высветив силуэт девушки. Полыхнула вспышка - и вдруг свет погас, причем мне показалось, что он втянулся в тело девушки, хотя это было уже что-то совсем невероятное.

- Е-мое... - протянул Костя нервно. Не любил он всякие такие странности, они входили в острое противоречие с его натурой.

КШМка загудела, в кабине включился свет, почти сразу погас. Мигнули фары. Увидев,

как Анна спокойно влезла через люк в бронетранспортер, я решил к КШМке не подходить. Черт знает, что там с этой машиной, перед глазами до сих пор стояла картина того, как она без водителя катит по дороге через территорию части.

- На хрена она туда полезла? - спросил напарник.

Пожав плечами, я поднялся на три ступени, глянул по сторонам. Темно, тихо. Возле котельной светятся два расплывчатых пятна, зеленое и бледно-желтое - студень и жарка, наверное. На фоне черного неба трубу с площадкой не видно. Дождь шелестит, все вокруг мокрое, воздух прохладный и переполнен запахами, хотя когда влажно, этого не должно быть. Травой пахнет, ржавым железом и машинным маслом, ветер доносит едва ощутимый аромат мертвечины, а из леса за бетонной оградой доносятся иные запахи - нечеловеческие, дикие.

- Так и не похоронили ребят, - сказал Лабус, встав у перил. - А теперь уже хоронить нечего и... - он замолчал.

- Что? - спросил я.

Костя поднялся на ступень выше, вглядываясь в холодный полумрак.

- Слушай, ты видишь тела?

- Вижу.

- И я вижу, - сказал он. - Вон, где мы их положили... Растерзанные совсем, потоптанные, но на месте... Только одного, по-моему, не хватает.

- Как это? - удивился я. - Не может быть.

Мы уставились на остатки тел за крыльцом. Подходить близко к ним очень не хотелось. Лабус сказал:

- Точно тебе говорю, меньше их стало. Кого-то нет. То ли из наших, то ли из грушников...

- Значит все-таки надо вблизи посмотреть, - я шагнул вниз по ступенькам.

Скрипнула крышка люка, на подножке показалась девушка. Спрыгнула - и быстро пошла мимо штаба, махнув на ходу рукой.

- За мной давайте! - позвала она. - Быстрее, у нас совсем мало времени!

Мы переглянулись, и напарник пожал плечами, сходя с крыльца вслед за мной.

Перед нами раскинулся район под названием Пустошь - обширное, местами затопленное поле. У границы его почти сухо, но дальше начинается болото. Пустошь перекрывал постоянный фронт аномальных полей, причем аномалии там часто меняли расположение, сталкивались и наползали друг на друга, взрывались искрами, трещали и мигали, испуская волны энергии. Иногда они выстраивались в линию, а иногда создавали своеобразные мешки - непреодолимые ловушки для любого, кто забредет сюда. Не смотря на обилие аномалий, а значит и артефактов, сталкеры обычно не рисковали соваться в эти места. По-моему, именно Пустошь породила одну из легенд Зоны о так называемом "поле артефактов", найдя которое можно разбогатеть. Да вот только на моей памяти никому еще не удалось разжиться здесь - разве что собрать несколько артефактов с самого края, и только.

Когда воинская часть осталась далеко позади, Анна сказала: идем через Пустошь. Чтобы обойти ее, придется потратить сутки, если не больше - этого времени у нас просто нет. Тем более, дальше начинается территория Радара, с той стороны к Доктору не попасть, там хозяйничают монолитовцы.

Мне как-то довелось поучаствовать в одной разведывательной операции, не принесшей каких-то ощутимых результатов для ОКа. Только людей тогда зря положили - попали под хорошо организованный огонь крупнокалиберного вооружения группировки. Сектанты даже не позволили нам приблизиться на расстояние выстрела к Радару. Помню, неподалеку от него меня накрыло странное ощущение, словно щеткой прошлишь по мозгам, а потом была долгая, тягучая боль в затылке. Уходить пришлось в болото. Где, к

нашему счастью, жил Доктор. Он нам помог, оказал первую помощь раненым - если бы не хозяин болота, совсем бы туго пришлось.

А про Радар в ОКа не было внятной информации, во всяком случае, у нас, рядовых бойцов. Все на уровне слухов: говорили, там стоит нечто под названием выжигатель мозгов и лишь бойцы Монолита в специальном снаряжении могут преодолеть район, накрытый излучением установки.

Дождь усилился, начало светать. По заросшей травой колее мы добрались до перелеска. Я двигался первым, за мной в нескольких метрах шла Анна, замыкал Лабус. Сзади доносилось его тихое бормотание - вскоре я разобрал, что он нашептывает придуманный кем-то дурацкий стишок:

Сталкер Семецкий бывший советский,
Бывший советский космополит.
Сталкер Семецкий по глупости детской,
По глупости детской нашел Монолит.

Такие куплеты помогают контролировать дыхание при долгом переходе, про Семецкого их есть множество, часть - неприличные, большинство начинается однотипно: "Сталкер Семецкий, пьяный мертвецки, как-то на снарка случайно упал", "Раз завалился в бар "100 рентген"", "На Янтаре повстречал псевдоплоть", "Как-то у Свалки попал в холодец", "В Темной Долине встретил П...ц" (далее в песенке объяснялось, что так, оказывается, называют самого страшного мутанта Зоны, короля всех местных тварей). Сам я больше люблю песню Винни-Пуха из старинного мультика, которую насвистывал лейтенант в одном фильме про десантников еще советских времен.

Пройдя по редколесью, мы вышли на широкую равнину, окутанную туманом. Кое-где его насыщало фиолетовое и розовое свечение. Сполохи то разрастались, то резко затухали, будто кто-то накрывал ладонью фонарик. Пульсации казались красивыми, а на самом деле хреново это, ведь там зараженные участки. Пришлось надеть маски-респираторы и напялить легкие противорадиационные комплекты с пропиткой, не пропускающей слабые излучения. Анне проще, у нее костюм ученого с интегрированными в шлем дыхательными фильтрами... Еще в лесу я вспомнил про ее ремень, достал из рюкзака и отдал вместе со всем содержимым. Она объяснила, что второй артефакт, та самая сфера размером с теннисный мяч, подавляет радиацию от ночной звезды. "Хоть что-то хорошо" - хмыкнул Лабус, а я сказал себе, что нужно не забыть попозже расспросить девушку про этот артефакт, как он называется и какие аномалии его генерируют.

Мы встали на краю затянутого туманом поля, разглядывая всполохи.

- Ну и как тут пройдешь? - спросил Костя. - Или на части разорвет или наизнанку вывернет.

- Туман накапливается ближе к краю, в глубине его меньше, - ответила она. - Я вас поведу.

Я глянул на Костю, он лишь махнул рукой - пускай ведет. Ему, кажется, надоели чудеса и он теперь твердо решил воспринимать все с сугубым спокойствием. Я кивнул Ане, решив: ладно, пусть ведет, посмотрим на "дитя Зоны" в действии.

Поначалу было легко - аномалии на краю Пустоши почти не встречались. Здесь и мы с Лабусом могли провести хоть стадо бизонов, ничего сложного. Но метров через двести пелена обрывалась, словно кто-то попытался натянуть на равнину молочно-серый полог, да не хватило материала. Взгляду открылось болото. Прямо перед нами на земле мерцало зеленое пятно, болотная жижа под ним будто плавилась, текла в одну сторону, оставаясь в то же время на одном месте. Все знают, что это такое: холодец. Попадешь в такой - обожжет будто кислотой. За холодцом неровным рядом расположились пять жарок, хорошо, что неактивных - едва заметные облачка горячего воздуха. А дальше... Я и не

знал, что аномалии могут так густо висеть: электры, трамплины, поля жгучего пуха... Нет, я слышал, что Пустошь наполнена аномалиями, но никогда раньше сюда не попадал и потому не представлял себе, как оно всё тут выглядит.

- Да-а, места тут невеселые, - протянул Лабус на ходу, прекратив ненадолго бормотать про сталкера Семяцкого, нашедшего Монолит. Песенка эта на самом деле очень печальна, даже трагична, повествует она о том, как Семяцкий пришел к Монолиту и загадал желание: хочу жить вечно. И таинственный Монолит его желание исполнил. Но поскольку ни один биологический организм существовать вечно не может, Монолит сделал по-своему: теперь Семяцкий каждую неделю гибнет в страшных мучениях - то кровосос все жидкости из него высосет, то контролер мозга сломает, то псевдоплоть кишки клешнями растерзает и сожрет его печень, то snork заживо вырвет сердце у него из груди, а то и еще чего похуже случится. Но бессмертный сталкер опять возрождается в какой-нибудь точке Зоны: голый, без снаряги и оружия, дурной, ничего не помнящий - и все начинается заново.

Почва напиталась влагой, под ногами хлюпало. Дождь по-прежнему моросил, стучал по шлему, вокруг тихо шелестело, в промозглых сумерках впереди что-то потрескивало, булькало и хрустело. Вроде и рассвело - а все равно почти темно. И холодно, будто поздней осенью, зябко как-то, влажно...

Анна остановилась, внимательно глядя вперед. Не оборачиваясь, сказала:

- Курортник, ты пойдешь первым. Включи ПДА.

- Зачем? - удивился я.

- Включай, - повторила она. - И ты тоже, Лабус.

Пожав плечами, я кивнул напарнику. Мы сделали, что она сказала, и девушка продолжала:

- Теперь выведите на экран этот участок местности. Позиционируйте его по отношению к нам, - Анна подошла ко мне, осторожно переставляя ноги по грязи, глянула на экран армейского ПДА. - Да, вот так.

- Ни хрена ведь не видно, - сказал Лабус. - Сплошной фон, здесь же аномалиями все забито.

- Нанеси сетку, по квадратам, с ячейкой метр на метр, - продолжала Анна. - И присвой простую кодировку какую-нибудь... Да, вот так. Ты тоже, Алексей, кодировки должны быть одинаковыми. Хорошо. Теперь слушайте внимательно.

Она подождала, глядя на Костю. Тот побряхтел-побряхтел и закончил наконец манипуляции со своим ПДА.

- Слушайте: пойдём разными путями. Аномалии здесь очень подвижны, я буду давать вам координаты движения. Исходная координата и конечная. Если фронт аномалий будет слишком плотным, дам координату по улитке.

А с военными понятийным языком у нашей подруги все очень даже хорошо. Интересно откуда она знает про внесение координат по улитке, когда квадрат на карте делят на девять равных частей и присваивают им цифры, от одного до девяти, по часовой стрелке? Хотя чему я удивляюсь? Анна сейчас начнет выводить сообщения на наши ПДА мысленно, а я про улитку думаю...

- Готовы?

- Готовы, готовы, - проворчал Лабус.

- Алексей, ты первый. И не медлите, если хотите остаться в живых.

Повернувшись спиной к нам, Анна замерла. Постояла некоторое время - и пошла вперед, ступая ровно и быстро. Силуэт подергивался на фоне аномалий, едва заметно извивался. Она сделала несколько шагов, повернула, обходя по широкой дуге висющую в ветвях болотного деревца карусель, - и вдруг пропала из виду.

Я моргнул, Лабус крикнул. Нет, наша спутница не стала невидимой - просто от нас ее скрыли потоки, вихри аномальной энергии, которые закручивались над Пустошью. За мгновение до того как исчезнуть, силуэт стал прозрачным, будто призрак, подернулся

маревом - а после девушка словно шагнула в густой дым от костра и скрылась от глаз.

И тут же мой ПДА пискнул. Я вроде и ждал этого, а все равно неожиданно получилось - вздрогнул, переступив с ноги на ногу, взглянул на экран. Там светились цифры: [14:1 - 15:1]. Я шагнул вперед. Будто пешка на шахматной доске... Оглянулся. Лабус сделал тоже самое, но в соседней "клетке".

Приборчик пискнул опять, я повторил маневр, следуя указаниям на экране, - по диагонали влево, потом прямо, перемещаясь от одного обозначенного цифрами квадрата к другому.

"Иду по приборам" - мелькнуло в голове. Это что, в анекдоте каком-то было? Кажется, да... Не отвлекайся! Не до смеха сейчас. Справа ярко полыхнуло, и тут же во все стороны ударил сноп искр. Волосы под шлемом зашевелились, схватив статический заряд, я присел, машинально прикрыв голову руками. ПДА запищал с интервалом в секунду: [15:2 - 15:2(1); 15:2(1) - 15:2(8)]... Выпрямился, огляделся - и не увидел Лабуса за пологими аномальной энергии.

Я пошел дальше, сосредоточившись на сигналах и картинке. Не на что не отвлекался, никуда больше не глядел, только переставлял ноги, механически, как автомат - вперед, влево, опять вперед, еще дальше, теперь вправо под прямым углом, а теперь наискось... Вокруг сверкало, иногда что-то с треском взрывалось, пару раз меня обсыпало искрами, а однажды совсем рядом ухнула какая-то аномалия - будто пробка выскочила из огромной бутылки шампанского. Не смотри туда! Отвлечешься от маленького прямоугольного экрана, где одна за другой сменяются цифры и ползет координатная сетка по карте - обязательно вляпаешься во что-нибудь, тогда конец. Как там Лабус? Жив, конечно. Он рассудительнее меня, идет себе спокойненько, одна рука перед лицом, чтобы экран видеть, второй усы гладит... Совсем близко бабахнуло - да так громко, что заложило уши. Плеснулась жижа, правый бок обдало брызгами грязи пополам с искрами.

Я остановился, и тут же левую руку начала подергивать, утягивая в сторону, неведомая сила - карусель, наверное. Этого еще не хватало! Ведь совсем рядом должно быть, в метре всего... Сейчас засосет, мимо не пройти, ошиблась Аня... Я стоял на месте - новые цифры больше не возникали. В чем дело? По спине тек пот, левую половину тела будто тысячи крошечных иголок покалывали. Карусель едва слышно гудела. А на экране пусто, то есть мерцает координатная сетка, а больше ничего нет. Ее что, саму аномалией хлопнуло? Я ж теперь отсюда не выберусь...

Я стоял, а карусель медленно подбиралась ко мне. Наверняка она, больше ничего так руку дергать не может. Не смотри на нее, Курортник, не надо. Почувствует взгляд - и рванется. Помнишь "Вий"? Пока Хома в церкви не глядел на нечисть, чертей с лешими, они его не замечали за меловым кругом, а как кинул туда взгляд - так и конец ему настал. Я стоял, опустив глаза, уставившись в экран. Правая рука поднята к груди, левая - в стороне, ее я не видел. И новых цифр на экране все нет. Да что же это такое?! Левую руку вновь потянуло в сторону - сильными рывками. Будто это не аномалия, будто кто-то ее...

Я резко повернул голову.

Это была не аномалия.

И откуда она взялась здесь, как смогла выжить?

Я стоял по щиколотку в грязи; слева, почти под ногами, был островок - и не островок даже, так, кочка, земляной бугор. На нем лежала псевдоплоть. Очень тощая и с расплющенной нижней частью тела. Она пыталась приподняться, дергала меня клешней за рукав и вращала глазами.

Хотя карусель тоже была, только дальше - метрах в двух. Рядом еще один островок, побольше, из него торчало кривое деревце без единого листочка. В стороне низко над землей мерцала аномалия воронка, над которой кружился смерч из веток, листьев,

клочков шерсти и косточек - остатков всего того, что воронка затянула в себя.

А вокруг дрожал, корчился, пыхал энергией лабиринт аномалий. Холодцы, электро, трамплины, карусели и ржавые волосы, воронки, жарки... Как они могут существовать в такой тесноте, почему не "закорачивают" друг друга? Хотя нет, именно это постоянно и происходило - аномалии срабатывали, взрывались, грохоча и треща.

Псевдоплоть опять дернула за рукав. Мои ноги медленно погружались в грязь, из-под них поднимались пузыри, жирно чавкали на поверхности. Я быстро оглянулся - и не смог понять, каким путем забрел сюда. Посмотрел вперед - вроде просвет там, до края Пустоши недалеко. Анны не видно, а Лабус... Да вот же он! Костя стоял метрах в десяти, за каруселью и воронкой, почти в такой же позе, что и я, подняв одну руку к груди, а другую опустив - вот только у него во второй руке был пистолет. Силуэт дрожал, шел волнами. Мне показалось, он мне кивнул, но это могло быть искажение, может, Лабус меня и не заметил.

Значит, и с его экрана исчезли цифры? Девчонка завела нас сюда - и бросила! Ну ясно, так бы ей было не справиться с двумя мужиками, тем более - десанниками, тем более - вооруженными и настороже. Вот она и придумала историю: опасность для всей Зоны, к Доктору надо... завела нас и кинула здесь, и теперь конец нам обоим, из лабиринта не выйти!

Тварь дернула сильнее, я опустил на нее взгляд. Половина тела напоминала влажный язык, в темно-розовом месиве виднелись раздробленные косточки и белесые жгуты сухожилий. Кто это ее так? Наверное, попала задницей в аномалию, может, в ту же воронку. Они сжимают все, что в них угодило, в тугой комок, плющат, как под прессом. Но бывает и так, что воронка успевает отключиться до того, как целиком "переварит" жертву. Вот это, наверное, с псевдоплотью и произошло. Я стал осторожно поднимать руку, чтобы она не дотянулась своей клешней. Край рукава будто собака клыками пожевала - сильные клешни у этих мутантов, с острой кромкой. Если попытается мне ногу отхватить... Даже раненая - все равно плохо, и костюм не спасет. Черт, черт, черт! Попались как мальчишки, как щенки в ловушку забрели! Я вновь поглядел на Лабуса. Он немного переместился в сторону, но стоял по-прежнему в той же позе. Голова слегка повернута - напарник сейчас мог видеть меня краем глаза, а мог и не видеть. Надо, что ли, махнуть ему рукой... Может вдвоем что-то придумаем. Хотя мы даже перекрикиваться вряд ли сможем. Во-первых, опасно, вдруг одна из этих штук сработает на голос? - во-вторых, шумно сейчас вокруг, кричать очень уж громко придется.

Аномалии гудели, дрожали, посверкивали. Я положил пальцы на ремень винтовки.

Псевдоплоть что-то с ненавистью пробормотала, привстав, потянулась ко мне.

Я дернулся в другую сторону. Одна ступня с чавканьем вышла из грязи, но вторая увязла. Плоть взвизгнула, а я повалился боком в грязь, выставив локоть. Он будто копье пробил поверхность, я погрузился до середины - левое плечо торчит над жижей, справа все ушло в нее, - повернулся на спину, рванул "М4".

Плоть прыгнула на меня. Задняя часть тела, прилипшая к земле, с влажным звуком оторвалась от кочки, вернее - разорвалась напополам. Плоть взвилась в воздух, вытянув клешни, я направил в ее сторону ствол, вдавил спусковой крючок...

Любой боец знает правила эксплуатации оружия. Стрелять из залепленной грязью "М4" станет только идиот, оружие это на самом деле не слишком хорошее, а в такой ситуации и АК, скорее всего, не выстрелит. Надо слить воду из ствола, проделать другие манипуляции...

У меня не было выбора, не было времени. И винтовка не выстрелила.

Хруст, боек не дошел до капсюля, не надколол. Щелчок, глухое клацанье - и все. Плоть свалилась мне на грудь, клешня ударила по шлему. Меня вдавило в грязь, очки перекосило, жижа тут же залила их. Я пнул тварь стволом в морду, крутанув винтовку, врезал прикладом по башке, но это мало что дало - взрыв боли разорвал плечо, я скрипнул зубами, ворочаясь в грязи, захлебываясь...

Сквозь гул аномалий грохнул выстрел.

Плоть сбросило с меня. Второй выстрел, третий - бронебойные пули "файв-севена" отшвырнули тело в крону дерева. Я вскочил на колени, грязь с протяжным хлопанием выпустила меня из своих объятий. Развернулся, сжимая винтовку перед собой, передернул затвор, дослав новый патрон, хоть и понимал, что она вряд ли выстрелит.

Лабуса стоял на том же месте, подняв пистолет обеими руками, целился в нашу сторону. Псевдоплоть что-то визгливо бормотала, качалась, дергалась среди ветвей, а те трещали и ломались. Карусель набухла энергией, прозрачное дрожащее облако разрослось - и аномалия сработала.

Плоть заверещала, будто вздорные соседки во дворе, выясняющие обстоятельства пропажи простыни с веревки. Попыталась ухватиться за ствол, но деревце сломалось, и крону потащило по воздуху вместе. Будто невидимые ладони сжали торчащие во все стороны ветки - ломаясь, как спички, они сошлись в хрустящий ком, сплюснулись.

А плоть на моих глазах разорвало. Словно внутри нее рванул взрыв-пакет или даже легкая граната: тусклая вспышка, красно-черное облако... Тварь разбросало на множество мелких ошметков и несколько кусков покрупнее. Первые бурлящим смерчем закружились над аномалией, а вторые швырнуло в разные стороны.

Один врезался в грязь передо мной, обдав брызгами, другой отлетел по широкой дуге куда-то далеко в сторону, третий угодил в воронку.

Та сработала, заклокотала, втягивая в себя окружающее - воздух, грязь, ветки, листья... меня.

Я распластался в грязи, расставил руки и ноги. Пласт жижи поехал к аномалии. В этот момент голова злосчастной псевдоплоти попала в лифт, и тот подбросил ее почти вертикально вверх. По всей Пустоши скакали куски твари, подпрыгивали, отлетали, будто шары от бортов бильярдного стола. Я, наконец, сумел подогнуть под себя ноги, вновь встал на. Схватил винтовку. Карусель качнулась, хлопнула. Меня дернуло, чуть не опрокинуло головой вперед. Раздались выстрелы - Лабус палил по аномалии. Раз, второй, третий... после четвертого она ярко вспыхнула и погасла, но тут же стала разрастаться вновь. Этих нескольких мгновений мне хватило, чтобы вскочить и податься назад, подальше от карусели. Мимо лица пронеслось что-то темное, будто запущенный вратарем футбольный мяч, мелькнул выпученный, очень изумленный глаз. Голова псевдоплоти наискось врезалась в грязь, подняв черный фонтан, глубоко ушла в болото.

Пустошь будто пробуждалась от тяжелого мрачного сна, вокруг медленно закипала буря аномальной энергии. Своими выстрелами Лабус спас меня - и погубил нас обоих. От электроразрядов волосы на голове зашевелились. По грязи побежали волны отблесков. Жарки огневыми струями били в небо, колыхалась зеленая плесень холодцов, вращались смерчи воронок. Я попятился от карусели, превратившейся в фарш псевдоплоти, и тут сбоку сработал мощный трамплин. Гравитационная волна рванулась во все стороны призрачным гребнем, граница искажения пробежала по грязи, проламывая черную поверхность, меня ударило по ногам. Низко пригнувшись, я расставил ноги, уперся прикладом в грязь. Все, теперь точно конец, сейчас накроет...

Писк. Знакомый звук! Присев, я рванул рукав, уставился на заляпанный грязью экран.

Там были цифры: [27:32(3) - 27:32(4)].

И под ним жирным шрифтом:

[БЫСТРО! БЫСТРО!]

Двадцать семь, тридцать два и три... Ну да, я сейчас в этом квадрате. Так, куда идти... Вот куда! Шагнул в сторону указанного сектора - вроде, чисто на пути к нему, - пошел быстрее, краем глаза заметив Лабуса, который тоже перемещался...

Писк.

Взгляд метнулся к экрану.

[ЗАМРИ!]

Я застыл с поднятой ногой. Ступня медленно уходила в грязь.

В паре метрах впереди росло болотное деревце с шапкой ржавых волос вместо кроны. Но ведь двигаясь к указанному Анной квадрату я пройду вплотную к аномалии, а она наносит опасные колотые раны...

Рядом с деревом из жижи взметнулись тонкие синеватые змейки. Аномалия электра проклюнулась из грязи, молнии танцевали, их становилось все больше. Она разрослась, накрыла деревце - и разрядилась на ржавые волосы.

[В ОБХОД СЛЕВА, БЫСТРО!]

Электра взорвалась, синие всполохи побежали по колючим мочалам ржавых волос, те зашипели, чернея. Я отпрыгнул влево, побежал. Электра погасла.

Писк.

На бегу кинул взгляд на запястье.

[ЛЕЖАТЬ ОПАСНОСТЬ!!!]

Я упал. Лицевая часть шлема ушла в жижу. Привстал, плюясь, перчаткой счистил грязь с очков. Уставился на экран, ничего не увидел, провел ладонью, наконец разглядел:

[ОТМЕНА ПОСЛЕДНИХ КООРДИНАТ!!!]

Надпись мигнула, погасла, тут же возникло:

[27:33(1) - 27:33(8)].

Это значит - вниз по вертикали. Вскочил. Да что ж я тебе, заяц, что ли, скакать туда-сюда?! Но впереди, там, куда я должен был попасть, то есть в квадрате 27:33(3), уже пучился радужный пузырь незнакомой аномалии, и я метнулся в бок.

Писк.

Писк.

Писк.

Новые координаты.

Далеко в стороне мелькнула фигура Лабуса. Исчезла.

Квадрат влево. Вправо, прямо, по диагонали.

Длинная пробежка, метров на пятнадцать, по прямой.

Крутой зигзаг к западу.

По диагонали - на север, извилистым путем.

Прямо.

Опять прямо.

И потом лабиринт закончился.

На экране высветилось жирным:

[ВСЁ]

Глава 8

Начальнику особого отдела штаба Объединенного Командования:

Вследствие поступившей оперативной информации от проверенных независимых источников в секторе ответственности российского миротворческого контингента за прошедшие сутки было осуществлен беспрепятственный пропуск группы нарушителей. Сталкеров пропустила дежурная смена поста N12 второго заградительного кольца. Смена подвергнута аресту, проводится дознание.

Граница зараженного аномалиями участка осталась за спиной. Я стоял посреди болота, впереди оно было почти чистым, лишь редкие всполохи да бледные световые пятна виднелись между кочками и чахлыми кустами. В Зоне "почти" не считается - только расслабишься, сразу попадешь куда попадать нельзя. И все же горячка закончилась. Лабиринт аномалий позади ходил ходуном, посверкивал и грохотал, как далекий гром, но я не оборачивался и видел лишь тусклые отблески на грязи вокруг.

Осмотрел винтовку - теперь ее долго приводить в порядок придется. Ведь давно

говорил себе: надо вместе с командиром идти к комбату и говорить о замене оружия для всей группы, эти натовские пукалки не слишком хороши. Повесил "М4" на спину, все равно толку от нее теперь нет, расстегнул кобуру, достал пистолет. Он, кажется, в порядке, кобура почти не пропустила грязи. Скосил глаза вправо - никого, влево - ага, Лабус стоит метрах в двадцати. Шлем, лицо, очки - все залеплено жижей. Я, наверное, не лучше выгляжу...

А подругу-то нашу не видно. Где она, куда подевалась?

Привычно запищал ПДА. Я очистил экран рукавом, прочитал координаты и пошел наискось вперед, выполняя команду. Интервал между шагами стал длиннее, будто Аня устала и теперь ей требовалось больше усилий, чтобы вычислить правильный маршрут.

Я шагал то вперед, то в бок, перепрыгивал с кочки на кочку или брел по жиже. Несколько раз в поле зрения попадал Лабус, идущий каким-то своим путем. Минут через пять наши дороги почти пересеклись, мы прошли в паре метров друг от друга.

- Как оно? - негромко спросил я. Напарник ответил:

- Забавно до дрожи.

Прошло еще минут двадцать, лабиринт остался далеко позади - оглядываясь, я видел пышущий жаром разноцветный туман, кашу вспышек и световых смерчей. А потом на экране возникло:

[МЫ ПРОШЛИ.]

Произошло это в квадрате 666:725(1), неподалеку от перелеска, которым заканчивалась Пустошь. Я остановился, глубоко вдыхая и медленно выдыхая. Сердце громко колотилось, в горле пересохло. Постояв немного, сел на мокрую траву и начал стаскивать защитный комплект.

Дождь превратился в морось, совсем мелкую - теплая влага висела в воздухе. Я достал флягу, сделал глоток. Приличное расстояние мы преодолели. Главное - быстро. Пройти аномальную область за такой короткий срок... мало кто мог похвастаться подобным достижением. Для разведроты в тылу противника нормальная скорость передвижения - 2-3 километра в час. То же самое и в Зоне, хотя если по области активных аномалий идешь - еще медленнее. Там вообще иногда зависнуть можно, несколько часов пролежать лицом в землю, не двигаясь.

Впереди был поросший деревьями широкий плоский островок, окруженный топями. Насколько я знал, среди кустов на дальней стороне острова начинаются деревянные мостки, ведущие к дому Доктора.

А где Лабус?

В затылке кольнуло, но я не обратил внимания. Оглянувшись, увидел отставшего напарника. Кивнул ему, скинув рюкзак, стал массировать икры. Мышцы твердые как дерево - будто судорогой сведены, никак не расслабятся. Я встал, помахал руками, вновь обернулся и вылутился на Лабуса - он зачем-то на ходу сбрасывал снаряжение. На землю полетел рюкзак, за ним пулемет. Привычным движением Костя достал нож. Я быстро глянул по сторонам - ничего такого вокруг, никакой опасности. Опять посмотрел на Лабуса. Глаза напарника бессмысленно пялились на меня.

- Эй! - позвал я, делая шаг к нему. - Лабус, что случилось?

Он побежал.

- Брось нож! - крикнул я, отскакивая.

Только теперь до меня дошло: контролер! Вот тварь! - но почему он только напарнику мозги задурил, а меня не трогает? И где, в конце концов, девчонка?!

В затылке опять закололо. Лабус прыгнул, сделав выпад. Я уклонился, перехватив запястье, отвел его руку в сторону, пропустил корпус вперед и ударом сверху выбил нож. Развернувшись, наотмашь врезал напарнику сзади по шее. Он похоже не почувствовал удара - оказавшись спиной ко мне, лягнул ногой в живот. Я блокировал удар, но каблук здорово врезал по предплечью. Лабус повернулся, выбросил согнутую руку вперед. Я поднырнул под нее и вмазал от всей души ему снизу в челюсть. Клацнули зубы, Костя

пошатнулся, но сумел устоять.

Контролер - где же ты, сволочь?! Отскочив от Кости подальше, я крутанулся на месте и тут увидел мутанта. Он сидел на корточках метрах в десяти от нас: сморщенный, тщедушный уродец, длинные лохматые космы почти скрывают тело. Вроде черный куст торчит из грязи или обрубок ствола, заросший темным мхом.

Двигаться он не мог - то место окружали аномалии. Мерцал кисель, две воронки вращали смерчи из листьев и веток, змеились молнии электры. И ведь совсем немного контролеру оставалось до свободного от аномалий пространства... Или он наоборот шел к Пустоши?

От сильного удара кулаком по шлему в голове зазвенело.

Я отпрыгнул, присел, тут же вскочил и метнулся вбок, ставя блоки против ударов Лабуса. Да что я вожусь так долго?! Жалею его... Поймав напарника на противоходе, ногой ударил в живот, выхватил "файв-севен". Пока Костя с посиневшим лицом медленно оседал на землю, навел пистолет на контролера.

- Нет! - крик остановил движение пальца на курке, еще немного - и я влепил бы пулю мутанту между глаз.

Я застыл, целясь в него, а он пялился на меня. Лабус стонал у моих ног. Раздавался звук шагов. Контролер шевельнулся, в затылке кольнуло, но совсем слабо.

- Ну, чего пялишься?! - нервно крикнул я и сплюнул.

Лабус, охая и ахая, утирая рукавом кровь с разбитого лица, встал на ноги.

- Е-мое... - выдавил он, держась за бок, куда я саданул ногой. - Что за?.. - и вдруг опять повалился на землю.

Появившаяся со стороны перелеска Аня встала передо мной.

- Опusti пистолет. Алексей, опusti пистолет, я говорю! Это существо не сделает нам ничего плохого.

- Ага, как же, - проворчал я. Покосился на Костю и вновь уставился на мутанта. Сжал зубы, борясь с желанием разрядить магазин ему в башку, в эти маленькие немигающие глазки и плоскую морду. Да пошло всё! Пусть пока живет.

Спрятав оружие в кобуру, я сердито покосился на Анну и шагнул к напарнику.

- Ты как?

- Что это было? - прохрипел он, похоже, все еще оглушенный телепатической атакой контролера.

Я и раньше видел людей после ментального воздействия. Нехорошо они как правило выглядели - будто постарели лет на пять-семь. А ведь в Зоне почти все твари наделены такими способностями, просто у кого-то они едва проклюнулись, а у других хорошо развились. Да и не только твари - сталкеры, ученые, военные, все кто более-менее долгое время провел в этих землях, в конце концов обнаруживают у себя необычные способности. Те могут по-разному проявляться: предчувствие, ясновидение, обостренная тактильная и слуховая чувствительность, ночное зрение...

Напарник был совсем плохой. Сидел и тряс головой, причем явно не из-за моих ударов, а потому, что чужеродный разум покопался в его мозгу. Добродушное лицо побледнело, щеки больше не сияли здоровым румянцем, даже усы обвисли.

Я склонился над ним, выуживая из рюкзака гипотермический пакет.

- Идти сможешь? Сейчас, подожди.

Надломив толстый брикет в прозрачной упаковке, протянул Лабусу.

- Держи.

Он поднял руку, но промахнулся мимо брикета. Я уложил Костю на спину и сам прижал холодный пакет ко лбу.

- Так полегче вроде, - выдавил напарник, почти не размыкая бледных сухих губ. - Благодарствую, Леха.

Лоб его покрывал бисер пота, лицо посерело. Ох и плохо сейчас напарнику... Я вспомнил, как меня самого мучило после подземелья, где подорвался Марат, сочувственно

похлопал Лабуся по плечу, но он от моего прикосновения только страдальчески сморщился.

Анна стояла возле попавшего в ловушку контролера, и я пошел к ней.

- Не бойся, тебя не тронут,- сказала она мутанту. - Ты шел перед нами?

Он заворочался, заурчал и вдруг проблеял, растягивая слова:

- Ш-шел, впе-е-реди-и...

- Почему не пропустил нас раньше, еще у воинской части? Рисковал, что они тебе в спину пулю всадят...

- Зо-о-она, пере-е-емены-ы-ы... - лохматый, сморщенный мешок плоти снова заворочался.

Кривая лапка поднялась, черный палец указал на меня. - Он... па-анцирь... Ра-а-азум, щит...

Встав возле девушки, я положил руку на пистолет в кобуре. Мучительно хотелось достать его и выстрелить мутанту между глаз. Весь опыт жизни в Зоне кричал: убей, убей его! Рука на оружие даже задрожала слегка, и Анна как-то ощутила мои чувства.

- Не надо, Курортник, - тихо попросила она, сняла шлем и присела на корточки.

Контролер уставился на меня, в затылке кольнуло.

- Лупалки отверни! - рявкнул я зло.

Он отвернулся. Девушка оперлась руками о мягкую землю перед собой, подавшись вперед, закрыла глаза. Контролер и я смотрели на нее. Аня не шевелилась.

Треснула электра, клубок молний содрогнулся, синие змеи задергались, треща. Холодец плеснул зеленым сиянием, смерч над одной из воронок закружился сильнее, набух - и вдруг лопнул, разбросав во все стороны листья и ветки.

А потом электра дрогнула, поползла в сторону. Контролер сжался, выставив перед собой руки, пытаясь закрыться от нее.

Аня подняла голову, и я увидел, какими странными стали ее и без того необычные глаза - будто два окна, ведущие в наполненную густым синим дымом комнату, которая находится где-то вне нашего мира.

- Замри, иначе разрядишь аномалию на себя, - чужим, отрешенным голосом произнесла девушка. Словно и не она говорила, а кто-то другой, какое-то очень древнее существо, поселившееся в ее теле - вернее, в той странной комнате, которая открывалась за глазами-окнами. - Она зацепит остальные, тогда тебе конец. Ты сказал о переменах в Зоне. Что ты знаешь? Куда бежишь?

- Бо-о-олото... хоро-ошо-о... А-а-атом... опа-а-сно-о, - выговорил мутант. И добавил после паузы, опять показав на меня: - Он, голова-а, па-анцирь...

Никогда раньше я не видел разговаривающего контролера, хотя байки спецназовцев и знакомых сталкеров про это слышал. Что он сказал? Бежит на болото, безопасное место сейчас там? Значит, местные твари ждут чего-то и напуганы. И начхать им на аномальные поля - этот сморчок, к примеру, рискнул даже впереди вооруженных людей идти, хотя мы его могли засечь и пристрелить. Значит и правда в Зоне что-то серьезное началось. И что он там про атом сказал, что это значит? А меня откуда знает? Ведь тыкал пальчиком своим сморщенным так, будто слышал обо мне что-то...

Аномалия ползла низко над землей. Тихий плеск доносился из холодца, гудели воронки, но двигалась только трещащая электра. Энергия накатывала волнами, била в лицо - глаза слезились, пересохло в горле. Это Анна ее двигает, правильно? Я уже ничему не удивлялся...

Контролер дернулся, змеей скользнул вперед, выбираясь из ловушки - но сделал это слишком рано.

- Нет! - крикнула девушка.

Он прыгнул в просвет между аномалиями, пока еще слишком узкий, и зацепил трескучее синее облако. Электра разрядилась.

Молнии впились в щедедушное тело, мутант закричал - страшно, дико. Шерсть задымилась. Он упал, и незримая волна покатила от него - страх смерти извергнулся в

последнем ментальном импульсе. Мне в затылок словно гвоздь вбили сильным ударом молотка, я тоже закричал, упал на колени. Контролер дернулся - и умер, незримый вихрь ужаса сразу опал.

А электра взорвалась.

Расставив руки, Анна шагнула вперед, прикрывая меня и лежащего дальше Лабуса. Синее свечение перед ней набухло, назад по земле протянулась тень девушки, будто крест. Свет ударил в нее, Анна покачнулась, отступив на шаг, запрокинула голову.

Мгновение аномальная энергия бушевала вокруг - а после, так и не достигнув меня, втянулась в тело девушки.

Я моргнул. Может, мне показалось, это какой-то обман зрения, фокус... Нет, я четко видел, как бушующий синий свет влился в тело сквозь одежду.

Электра погасла, оставив на земле труп контролера. Аня не то всхлипнула, не то фыркнула, покачнулась вновь и опустила руки. Вскочив, я шагнул к ней, обнял. Я почти ждал, что меня ударит током, или что ее тело окажется горячим, или еще какой-то чертовщины... Нет, ничего такого. Девушка прижалась ко мне, закрыв глаза.

- Что ты сделала? - растерянно спросил я. - И как ты это сделала?

Она ответила, едва шевеля губами:

- Я говорила: могу управлять лучевой энергией.

- Управлять... Но ты ее в себя втянула!

- Да. Наверное. Я не знаю, как это происходит.

- Но есть же закон сохранения энергии! Его никто не отменял даже в Зоне. Энергия не может просто так исчезнуть... Может в другой точке сейчас возникла новая электра?

- Может быть, - сказала она, все еще не открывая глаз. - Что с ним?

Шлем девушки валялся в траве, растрепавшиеся каштановые волосы щекотали щеку. От них приятно пахло - и мне захотелось крепче обнять ее, повернуть лицом к себе...

Вместо этого я оглянулся на Лабуса. Он лежал, приподняв голову, смотрел на нас.

Заметив мой взгляд, слабо улыбнулся - насмешливо и поощрительно.

- Уже лучше, - сказал я Анне. - Оклемается.

- Лучше?!

Она отстранилась, повернув голову к мутанту - и резко отвернулась, увидев обугленное тело.

- Я про него!

- А! - удивился я. - Про этого... Я не понял. Нет, этот теперь как подгоревший шашлык.

- Не говори так! - Аня отступила сжав кулаки, мне показалось даже, она хочет ударить меня. - Не смей так говорить! Он - живое существо.

- Был, - поправил я. А еще хотел поцеловать эту... защитницу мутантов, блин. Гринпис местного значения. - Что он имел ввиду, когда говорил про панцирь в моей голове? И почему вообще ты его спасала? Пусть бы торчала себе там, пока...

Со стороны перелеска донесся уверенный голос:

- Все очень просто.

Я выхватил "файв-севен" из кобуры, прицелился.

- Спокойней, спокойней надо быть, молодой человек. Бережь нервы, и свои и чужие.

Высокий, широкоплечий мужчина движением головы скинул капюшон. На плече у него лежала "М14", старая добрая автоматическая винтовка. Появившийся из подлеска человек держал одну руку в кармане, а другой сжимал оружие за приклад. Встав перед нами, он неторопливо повесил винтовку за спину и сказал:

- Наконец-то, дочка. Я заждался, почему так долго? Да и не только я, сама знаешь... - перевел взгляд на меня и добавил: - Курортник, кажется?

- Правильно кажется, - хмуро ответил я. Мы вроде и так шли к Доктору, я знал, кого увижу, когда с Пустоши выберусь, но все равно не нравилась мне ситуация. И Доктора я не то чтобы не любил, однако дел с ним хотел бы иметь как можно меньше. Значит, заждался он "дочку" свою, вот оно как... И не только он один, а? Что это значит?

Хозяин болота направился к Лабусу, и я отступил в сторону, пропуская его. От этого человека веяло силой и уверенностью.

Лабус по-прежнему лежал лицом кверху. Положив винтовку, Доктор присел, поколдовал над Костей, повернулся и сказал:

- Жить будет, и то хорошо.

Не поймешь его, черт. Может шутит, а может и всерьез. После работы контролера на человеческий мозг всякие последствия бывают, Лабусу это еще может аукнуться. Но сейчас напарник, пробормотал что-то и сел. Щеки его порозовели. Лабус ухватил себя за ус, дернул, будто проверяя на крепость, разгладил и встал. Огляделся слегка ословело, будто не совсем понимал, что происходит, посмотрел на меня, на Аню, на Доктора, кивнул самому себе и принялся собирать разбросанное по траве снаряжение с оружием.

- Контролер к тебе на болота хотел сбежать, - сказала Аня.

Доктор пожал плечами.

- Хотел - да не смог, сжегся.

Я все еще злился, и потому буркнул первое пришло что в голову:

- А ты любых тварей у себя там принимаешь?

- Не без этого, - согласился Доктор, неторопливо поворачиваясь ко мне. - Вот недавно таких четыре зверя заявили... Сильные, аж светятся, только черным светом. Да ты сам скоро увидишь.

Чем мне сразу не понравился Доктор, так это своей неопределенностью. Нет, он казался основательным, уверенным в себе мужчиной. Но в то же время чувствовалось, что котелок у него варит не так, как у обычных людей. Хозяин болота - один из призраков Зоны, психика его под влиянием аномальных территорий изменилась, потому зачастую трудно было понять, что он имеет в виду, когда говорит что-нибудь, какие мысли в голове, чего добивается. Из-за этого в разговоре с Доктором я ощущал неуверенность и злился - хотелось нагрубить ему, чтобы вывести из себя и увидеть естественную человеческую реакцию: гнев, злость, агрессию...

- Что с плечом? - спросил он.

Тут только я вспомнил о нем - а ведь болит, зараза! До того не обращал внимания, слишком много всего навалилось. Я повернул голову, скосил глаза... Нет, даже ткань не порвана. Значит, псевдоплоть просто вмазала по нему своей клешней, а не "укусила", синяк там наверняка огромный, темно-синий, сосуды полопались, сустав распух - но раны как таковой нет.

Доктор продолжал:

- А малец этот, которому Аня пыталась помочь, хотел в болоте моем пересидеть, как и все остальные.

- Пересидеть что?

- Скоро узнаешь, - Доктор поглядел на Лабуса. - Эй, собрал хозяйство свое?

Костя пошел к нам, на ходу застегивая рюкзак.

- Тогда, пошли, - заключил хозяин болота и направился к перелеску.

Глава 9

Выдержка из шифрограммы начальнику особого отдела группировки:

...данные подтвердились. Отдельные узлы и агрегаты, ввезенные на территорию страны, являются деталями тактического бомбардировщика "Ф-111", снятого с вооружения ВВС США в 1998 году. В связи с полученной информацией необходимо в кратчайшие сроки установить, каким путем они были переправлены через Периметр Зоны отчуждения...

За плоским холмом открылись мостки; когда мы ступили на них, Доктор сказал, что

надо поторапливаться, и ускорил шаг.

Напитанные болотной влагой доски не скрипели, лишь прогибались под ногами. Интересно, Анна ему и вправду родня? - размышлял я, шагая за девушкой. Доктор шел впереди, за мной бодро маршировал Лабус, вполне оправившийся после атаки контролера. Она действительно ему дочерью приходится, или это просто оборот речи такой? Никто ведь ничего не слышал про каких-то родственников Доктора, хотя в разведотделе ОКа на хозяина болота объемный том заведен. Наш начальник разведки обязательно знал бы про всяких дочерей-сыновей, если бы такие имелись, и мне рассказал при случае. Я повел плечами. Куда мы с Лабусом вляпались? Зона, видите ли, меняется, система может сломаться, опасность для всей округи, но рассказать никто толком ничего не хочет... Стоп! - подумал я. А ведь это значит, что и Киеву опасность грозит? Но ведь там мать с сестрой живут, переехали после того, как отец умер... До Киева недалеко, а девчонка говорила, что Зону, как скороварку, разорвет, и будет плохо обитателям территории чуть ли не на тысячу километров вокруг... Это ж выходит, Украину, Белоруссию, да и Россию захлестнет? Я вдруг очень живо представил себе зараженный Киев: аномалии на улицах, огромная электра посреди Майдана, прыгающие по стенам домов снарки, кровососы в подворотнях, бредущие по Крещатику зомби и военный вертолет, пролетающий мимо статуи Родины-матери... Что же это будет? И что с родными станется?

Надо все выяснить как можно быстрее. Больше не позволю с собой в кошки-мышки играть, как только дойдем до места - все мне расскажут. Приставлю этому мужику ствол ко лбу, и не посмотрю, что он призрак Зоны, легендарный болотный Доктор!

- Да не мучай ты себя так, Курортник, - не оборачиваясь, бросил Доктор. - Придем в дом, все узнаете.

Я чуть не сбился с шага, когда услышал это. Вот гад! Неужели такое возможно, неужели он мои мысли читает? Или, скорее, ощущает некий поток от меня, как бы общее настроение и направленность того, о чем я думаю - без конкретики, просто общую эмоциональную картину?

Мостки тянулись по островкам земли, глубоко вбитые сваи торчали из кустов и мха, а вокруг поблескивала грязь да затянута зеленью вода. На болоте стояла тишина, хотя иногда доносилось приглушенное чириканье и глухие хлопки, будто ластой били по жиже. Из воды вокруг островков поднимались пузыри, лопались, брызгая черными каплями. Вскоре после того, как перелесок скрылся из виду, цепочка пузырей стала преследовать нас - кто-то под водой сопровождал нашу компанию - и пропала лишь через пару минут. Мы с Лабусом поначалу дергались, хватались за оружие, крутили головами, но Доктор невозмутимо шел дальше, да и Аня не обращала ни на что внимания, и вскоре мы успокоились.

Последний мосток шел под уклоном вниз, концы досок упирались в толстый слой мха, продавив его так, что выступила вода. Дальше пришлось идти по хлюпающей мягкой земле. Впереди слева я увидел что-то белесое, будто на болоте там лежал снег, но решил ничего не спрашивать у спутников. То и дело попадались заросли ржавых волос, мы прошли три аномалии, холодец с двумя электрами, потом защелкал счетчик радиации на часах, тут же отозвался датчик аномалий - и я понял, что впереди распростерся большой радиоактивный очаг, или котел, как его еще называют. Не разберешь, аномальное ли это явление или просто небольшой район повышенной радиации. Скорее - не аномалия все же, во всяком случае, я не слышал ни о каких артефактах, которые создает очаг.

Доктор взял влево, по широкой дуге обходя его. Вскоре я разобрал, что грязно-белое пятно - поле жгучего пуха. Большое, может, с километр площадью. Мы шли прямо к нему.

- Э-э... - заворчал сзади Лабус, до которого тоже дошло. Доктор широко шагал впереди, за ним шла Анна, и напарник наконец не выдержал:

- Э, парни! И девчата, эй! Вы что, туда собираетесь?

Не оборачиваясь, Доктор заговорил:

- Константин Николаевич Гордеев... Так, санинструктор, бывший боец парашютно-

десантной роты, старший сержант. Выпускник Гайжюнайского медсанбата, срочную служил в воздушно-десантной дивизии в Каунасе. Вооружение: пулемет "Миними-пара", пистолет "файв-севен", нож разведчика, гранаты, штатные средства связи. Сумка с медицинским набором. Родители остались в Казахстане, тебя перевезли к тетке, в Ростов, потому что связался с нехорошей компанией, и там уж призвали в ряды вооруженных сил...

Я слушал, разинув рот. Откуда Доктор все это знает? У него на болоте нет разведотдела, радаров, службы перехвата, Интернета с ноутбуком... или последнее все же есть? Да неважно - он же все о Лабусе знает! И про меня, наверное, тоже...

Я не оглядывался, но по растерянному молчанию понимал, что Костя идет примерно с таким же, как у меня, выражением на лице.

Закончив излагать биографию напарника, Доктор замолчал.

- Не оторви, - сказал я, слегка поворачивая голову, но по-прежнему не глядя на Лабуса

- Чего? - сдавлено донеслось сзади.

- Не "чего", а "что". Усы себе, говорю, не оторви, - я оглянулся и увидел, как он поспешно опустил руку.

И тут только я понял - Доктор нам зубы заговорил, а мы ведь уже по полю жгучего пуха идем. То есть не по полю, под ногами была все та же мягкая земля, иногда приходилось переступать через лужи жидкой грязи, то есть вокруг было по-прежнему болото, но теперь его скрыли белые заросли. Мы шли по широкой тропинке, извивающейся среди пуха - будто через заснеженную долину. Пух накрыл и обычные растения, кусты с деревцами, в некоторых местах будто что-то сдавило его с боков, и он приподнялся, образуя ватные стога.

А ведь идти тут опасно, очень опасно. Пух - аномалия своеобразная, можно сказать, аномалия-растение. Если к нему приблизиться, он выстреливает облаком крошечных чешуек. Меня самого бог миловал, но я слышал: ощущение будто от крапивы или если в море ядовитая медуза ужалит... только раз в сто сильнее. Глаза на лоб лезут от боли, ноги подкашиваются и орешь, будто тебя живьем режут. Если сильно ужалит - можно умереть от болевого шока.

- Алексей Юрьевич Захаров... - заговорил Доктор. - Заместитель командира группы, бывший курсант РВВДКУ... - он запнулся, качнул головой. - Ох и выдумываете названьица, люди! В общем, выпускник рязанского высшего воздушно-десантного командного училища. Вооружение: "М4"... а ведь плохое оружие, а, Лексей? - спросил он не оборачиваясь и хлопнул ладонью по своей "М14". - Моя старуха получше, что не говори. В карабине твоём неполадки частые, вот и недавно - грязью залепило, и всё... До сих пор не стреляет. Потому что пружинный механизм там надо усилить, чтобы избавиться от сбоев при подаче патронов. Там досылщик патрона специальный, ну зачем это в таком дорогом оружии, верно я говорю? Что еще... ага, два пистолета "файв-севен" - вот это надежная штука, не спорю, и мощная. Нож разведчика, гранаты, штатный ночной прицел, штатные средства связи, так? В рукаве пика... была, потерял ты ее. Родился же ты, Лексей и вырос в Ростове - земляки с напарником, можно так сказать...

Он умолк - слева громко зашелестело. Мы достигли уже середины поля, волнистая белая поверхность уходила во все стороны, дорога серой змеей вилась к границе, за которой пух заканчивался и росли болотные деревца. Слева я разглядел свободную от аномального растения полянку, посреди нее торчала коряга, будто кривой черный палец. И вдруг на эту корягу вспрыгнул снарок.

Выругавшись сквозь зубы, Лабус поднял пулемет, я выхватил "файв-севен". Снарок это или не снарок? Вроде он, вроде очень похож, но что-то с ним не так...

Мутант вскочил на верхнюю, изгибающуюся часть коряги, вцепился в нее руками и ногами, низко пригнувшись, широко расставив колени и выгнув спину, обратив к нам бледное лицо...

Лицо! Наконец я понял: на нем нет противогаса!

Лабус крикнул.

- Вот херня какая! - с чувством выговорил он.

Башка мутанта без противогаза производило жалкое впечатление... У меня даже мелькнула мысль: может они стыдятся своей внешности, потому и таскают на голове резину?

Бледное, одутловатое лицо с обвисшими щеками, узенький детский подбородок, огромные как у совы глаза, тоскливые, нечеловеческие, темные круги под ними. И шея, торчащая из воротника рваной гимнастерки - тощая, такую можно переломить одним ударом.

Ветра не было, над полем жгучего пуха стояла мертвая тишина. Доктор с Аней шли дальше по извилистой широкой тропе. Болотный снарк застыл, вперив в нас взгляд, несколько секунд торчал на коряге, потом бесшумно спрыгнул.

От поляны в нашу сторону побежала волна - заросли дергались, приподнимаясь и опадая. Будто под ними, над самой землей, был просвет, и снарк мчался по нему на четвереньках, задевая пух головой и плечами. Но почему аномальное растение его не жалит?

- Спокойно, - сказал Доктор, останавливаясь. - Паренек шустрый попался, бывает.

Где там - спокойно! Мы с Лабусом уже целились, он из "Миними", я из "файв-севена". Полоска дрожащих зарослей протянулась от поляны к тропинке, но не прямо, наискось, опережая нас, уперлась в нее - и снарк вылетел на свободное от зарослей пространство в нескольких метрах перед Доктором.

- Вон еще один... - простонал Лабус. - И там... Обложили, гады!

Я увидел второго снарка далеко справа, оглянулся - позади на тропинке сидел третий, и заросли вокруг шевелились, несколько волн бежали по ним.

Снарк впереди приподнялся. Казалось, морда его обтянута не обычной кожей, а чем-то вроде лягушечьей шкурки - мягкой, пупырчатой, совсем некрепкой, ткнешь пальцем - порвется.

- Бли-ин... - протянул Лабус негромко. - Была б у меня такая рожа, я б всю жизнь в противогазе ходил.

- Ну, и что ты будешь делать дальше? - неторопливо произнес Доктор.

Я видел, что Анна позади него стоит вполне спокойно, но сам нервничал. Мутанты со всех сторон - невозможно в такой ситуации расслабиться и получать от жизни удовольствие.

Снарк фыркнул, качнулся на широко расставленных ногах, почти припал грудью к земле. Подняв пистолет, я поворачивался то влево, то вправо, Лабус же вообще обернулся, направив ствол на тропу позади.

- Нейметса вам? - продолжал Доктор, и в голосе его прорезался гнев. - Кровожадность наружу лезет? Я вас к себе пустил, я вам пересидеть здесь позволил, а вы на гостей моих хотите напасть?!

Доктор шагнул вперед, снарк перед ним сжался, будто нашкодившая собака, чуть ли не прикрыл голову руками. Хозяин болота стащил винтовку с плеча, повернулся и выстрелил.

Не знаю, как он предугадал движение твари, но в то же мгновение из зарослей далеко справа выпрыгнул снарк - высоко подскочил, распрямив руки и ноги, будто тощая лягушка, перемахивающая с кочки на кочку.

Доктор держал оружие как-то странно, согнув правую руку в локте и подперев ладонью под широкий плоский магазин, который у "М14" торчит слегка наискось вниз. Целиться из такой позиции неудобно, но он и не целился - выстрелил в тот же миг, как снарк выпрыгнул из зарослей.

Пуля ударила в костлявое плечо.

Наверное, хозяин болот не собирался убивать тварь. Я слышал, он никогда ни одного мутанта не убил, принципы у него такие, видите ли. Снарка крутануло в воздухе, и он

провалился назад в жгучий пух.

- А?! - в гневе выкрикнул Доктор. - Так мне что, всех вас с болота прогнать, всех - назад?!

И тут же со всех сторон зашелестело. Мутанты попрыгали с тропинки обратно, нырнув под заросли, ломанулись во все стороны, по лохматой белой поверхностью разошлись полосы - и все стихло.

Мы с напарником переглянулись. А Доктор уже широко шагал дальше, и Анна шла за ним. Оглянулась, махнула нам рукой. Мне показалось, в глазах ее пляшут искорки смеха.

- Ладно, идем, - буркнул Лабус, опуская "Миними". - Показал он нам свою власть... идем.

Когда поле жгучего пуха закончилось, хозяин болота сказал:

- Теперь будьте внимательней, идите след в след. А то словите разряд между двух кочек, только угли останутся.

Преодолев местность, покрытую земляными буграми и вдоволь попрывав с одного на другой, мы выбрались к извилистой границе плотного высокого кустарника. Кое-где над ним торчали кроны чахлах березок.

Мы с Лабусом опять схватились за оружие - из кустов на нас таращились десятки мигающих глаз разных цветов и размеров. Я не без труда опознал несколько кабанов-мутантов и одного кровососа. Потом в стороне на открытое пространство выбралась троица слепых псов-телепатов.

Кусты затряслись, и под ноги нам выкатились две сцепившиеся псевдоплоти. Одна явно проигрывала - противница заклинила острыми копытами-клешнями ее голову. С хрюканьем и звуками, похожими на урчание драчливых котов, они кубарем прокатились мимо нас.

Я поймал краем глаза движение справа, повернулся: еще две собаки выползли на открытое пространство и улеглись рядом с сородичами. Да сколько их здесь?! Псы наблюдали, чем закончится схватка мутантов, бывших когда-то до второй аварии на ЧАЭС обычными колхозными свиньями.

Мы с Лабусом стояли спиной к спине, подняв оружие, определив каждый для себя самые важные цели в своих секторах обстрела.

- Военсталы, опустить оружие! - приказал Доктор. - Быстро опустили, я сказал! Не провоцируйте их, а то даже я не смогу защитить. Вас, не животных.

Пистолет опускать ох как не хотелось. Я спиной ощущал, как нервничает напарник - шутка ли, столько тварей в одном месте.

Напряженную атмосферу разрядили псевдоплоти. Они докувыркались, поймав мощный разряд между двух кочек. Не знаю, что это там стрельнуло, но обугленная тушка одной плюхнулась аккуратно перед лежащими полукругом псами, ну и те не заставили себя уговаривать, тут же приступили к обеду. Вторая плоть осталась цела, хотя и сильно пострадала. Она встала, победно щелкнув клешнями, заковыляла прочь - хромающая, но гордая.

Мы с Лабусом опустили оружие. Не знаю, как Доктор этого добивается. Пусть добрая половина рассказней о нем - сказки, но вот же, твари на нас не кидаются, вообще почти внимания не обращают, а значит - знает хозяин болота, как заставить их слушаться.

Доктор раздвинул ветки кустов и зашагал дальше, следом пошла Аня.

- За мной! - позвал Доктор. - Времени не теряйте, важное дело у нас, да и ждет кое-кто. Животных, что ли, никогда не видели?

За кустами раскинулась большая поляна с деревянным домом в центре. Я сжал зубы, Лабус закашлялся - она кишела тварями. Хотя большинство находились позади дома, лежали там, бродили или гонялись друг за другом - но не дрались, скорее играли. Будто собачий питомник, только псы все разные. Значит, на подвластной Доктору территории они не только на людей не нападают, но и друг друга сожрать не пытаются - вон разве что псевдоплоти подрались, но это было выяснение отношений между тварями одного вида.

- Охренеть, - честно высказался Лабус. - Не думал, что когда-нибудь такое увижу.

Слушай, а вот если кровосос с кабаном схватится, кто кого заберет? А если...

- Вон! - перебил я, тыча пальцем в сторону стоящего за домом сарая.

Лабусом опять поднял пулемет, я вскинув "файв-севен".

От поленицы у стены отделились четыре фигуры. В броне из матово-черного композита, с четко очерченными линиями пластин, на головах массивные шлемы с интегрированными дыхательными аппаратами. У двоих были сорокамиллиметровые полуавтоматы от "Сааб", еще двое вооружены комбинированными комплексами "ХМ", состоящими из немецкой штурмовой винтовки "Джи-36 Курц", спаренной с двадцатимиллиметровым автоматическим гранатометом. Из-за спин выглядывали края массивных ранцев.

Мы с напарником не шевелились. В голове будто колокол гудел: Монолит, Монолит, Монолит!!!

Шесть стволов смотрели на нас. Время застыло, все застыло. Даже твари за домом смолкли - хотя, скорее всего, это просто я перестал слышать их. Гулкая тишина, я стою неподвижно, целюсь, готовый выстрелить - и готовый принять смерть - слышен лишь один звук: сердце глухо бухает в груди. Мир поблек, только четыре силуэта передо мной и черные дыры стволов.

А потом в пространство между нами вошла широкоплечая фигура, и уверенный голос произнес:

- Ну, хватит, хватит... В войнушку еще успеете наиграться, для того и позвали вас.

Наваждение прошло, мир посветлел, я начал осознавать, где нахожусь, что рядом Лабус с пулеметом, пальцы на рукояти свело, плечо болит и хочется пить...

А ведь открой "черные" огонь - и конец нам обоим, это уж точно. "Сааб" - полуавтоматическая система с компьютеризированным прицелом, баллистическим вычислителем и лазерным дальномером. Боеприпас к этой штуке имеет электронную начинку, можно подорвать дистанционно, подав на него сигнал. И на "ХМ" аналогичные гранаты, только калибром поменьше, да еще и штурмовые винтовки. Про себя я сразу поделил группу сектантов на пары. Те, у которых "Сааб", дают огнем, остальные двое с комбинированными стрелковыми комплексами действуют как штурмовая группа, работая на полное уничтожение противника. Для полного боевого отряда им явно не хватало легкого вооружения. Хотя у "ХМ" модули отдельные, при необходимости монолитовцы могут использовать гранатометы и винтовки как самостоятельное оружие.

Самый рослый сектант направил в землю толстый ствол "Сааба", и сразу за ним то же самое сделали остальные трое. Доктор повернулся к нам с Лабусом - лицо серьезное, губы поджаты. Взглянул на нас... и руки опустились сами собой. Костя даже кочнулся слегка.

- Вот так, - сказал Доктор. - Все, никакой стрельбы. Ясно? Это ясно?

- Да, - выдавил я. Язык плохо слушался.

Лабус кивнул. Хозяин болота повернулся к "черным". Здоровяк, опустивший оружие первым, глухо произнес:

- Ты знаешь, мы здесь не для того, чтобы стрелять.

- А раз так, то за мной идите.

Доктор направился к крыльцу, обычному небольшому крылечку в три ступеньки, резным навесом и лавочками. Анна уже скрылась в дверях дома, отомкнув навесной замок ключом, который ей отдал Доктор. Не глядя на Лабуса, я пошел следом.

Монолитовцы вошли в дом первыми. За дверью оказался просторный коридор с обитыми фанерой стенами и дощатым скрипучим полом. Три двери, две закрыты, от третьей, распахнутой, в подпол ведут земляные ступени. Оттуда тянуло сыростью. Рядом стоял бочонок, на нем доска с кружкой, дальше - кадка, накрытая листом жести, а в углу большой черный ящик, напоминающий стиральную машину. "Черных" не видно - Аня увела их в глубь дома.

Я теперь старался вообще ни о чем не думать. Доктор, Монолит... подожду, что дальше будет, а то голова лопнет от мыслей. Главное - оставаться настороже.

- И где это вы лазали? - проворчал Доктор, выходя из подпола с веником на плече.

Винтовку он повесил на гвоздик возле двери. - Во что вляпались, один Картограф знает. Сейчас - чистка.

Он открыл крышку ящика и пояснил:

- Специально заказал. Долговцы долги отдадут, на то они в Долге и состоят, а? - не увидев на наших лицах улыбок, хозяин пожал плечами и продолжал: - Вот, достали для меня. Отличная вещь, да. Кидайте туда свое барахло, через два часа будет чистое. Без ядов, вредоносных частиц и бактерий.

Поставив веник под стеной, он направился к двери в конце коридора.

- Комплекты тоже забрасывать? - будничным голосом спросил Лабус.

- Противорадиационные, что ли? - откликнулся Доктор, раскрывая дверь. - Кидай...

Хозяин появился через минуту, запустил "стирку" и позвал нас в столовую. Там оказалось просторно и светло, из-за пыльных окон доносилось повизгивание тварей. На середине стоял широкий длинный стол, за него уселся Доктор, я, Лабус и один из монолитовцев. Я сел так, чтобы видеть дверь, Костя - справа, контролируя всю комнату. Анна, успевшая вскипятить воду, разливала по кружкам чай. Один монолитовец вышел, двое заняли лавку под стеной. Бойцы в современной броне и покатых шлемах напоминали каких-то космических десантников из фантастического фильма и очень странно смотрелись на фоне простецкой сельской обстановки.

На столе стояла тарелка с квашеной капустой, над миской с картошкой, сваренной в мундире, поднимался пар, рядом на блюде - сливочное масло, в другой тарелке - копченая колбаса и хлеб. Откуда это у Доктора в глуши? Или ему кто-то доставляет припасы в обмен на помощь, которую только он один и может оказать? Наверное, так.

Аня разложила перед нами вилки с ножами, поставила тарелки и села возле Доктора, устроившегося во главе стола.

Он сказал:

- Бугров, вы свои шлемы снимите, нам легче общаться будет. А вам, военсталы, не мешало бы расслабиться наконец. Беседа будет серьезной. Мне нужны светлые головы, не забитые всякой ерундой и личными счетами.

Сидящий за столом монолитовец стянул с себя шлем-маску, его примеру последовали остальные двое. Движения их главаря были какими-то... так двигаются роботы или люди, погруженные в свои мысли, - механические движения, мертвые.

Я искоса поглядел на сектанта. Тяжелое отечное лицо, нос картошкой, близко посаженные глазки. На вид лет пятьдесят. Мог я его раньше встречать? Бугров... Нет, фамилия ни о чем не говорит. Глаза монолитовца бегали из стороны в сторону. Он напоминал манекен, глаза были единственной живой деталью.

- Чай пейте. - Доктор шумно, смачно отхлебнул из кружки.

Взгляд Бугрова остановился на хозяине дома.

- Ага, - произнес тот, кивая. - Пора, пора. С чего начнем?

- С самого начала, - сказал я.

Доктор усмехнулся, постучал ногтями по кружке и произнес:

- С начала - так с начала.

Глава 10

Докладная записка начальнику штаба Объединенного командования полковнику...

Полностью подготовлен расчет сил и средств для проведения разведывательной операции в районе объекта "Радар". Необходимо провести согласование действий с командованием авиаполка. Создать оперативную группу...

...из состава 3-го отряда выделена группа для этих целей, которая осуществит...

Начальник разведки группировки, подполковник...

- ...Вот таким образом. Теперь задавай свои вопросы, Курортник.

Я потер лицо ладонями. Хотелось спать, глаза слипались. Устал я за эти сутки, ох и устал...

- Так, - сказал я. - Еще раз. Монолит подчинен Осознанию?

Посмотрел на Доктора, на Бугрова, на Анну. Они молчали.

- Осознание - группа ученых.. то есть ученых, база которых в районе ЧАЭС.

- Хозяева Зоны, - сказал Бугров.

Я поморщился: как-то это очень громко звучало - "хозяева Зоны". Пряма-таки - хозяева мира, повелители вселенной.

- Ладно, хозяева так хозяева. А вы - их цепные псы.

Я вновь глянул на Бугрова, ожидая, что он вспылит. Один из двух сидящих под стеной "черных" подался вперед, второй поднял голову, но командир их никак не отреагировал, сидел по-прежнему неподвижно, только глазки бегали туда-сюда. Где ж я их уже видел, глазки эти? И почему мне хочется Бугрова вывести из себя, так же как и Доктора? Раздражают они меня оба...

Сбоку Лабус слегка изменил позу и прокашлялся негромко. И пнул меня ботинком под столом: мол, ты зачем их провоцируешь?

- Ладно, дальше, - продолжал я. - Осознание хочет взорвать бомбу... Как бы это назвать.. грязную бомбу. А на ЧАЭС хранится, как ты там говорил..

- Плутониевая пыль, - вставила Аня.

- Да, пыль. Сколько?

- Тридцать три тонны.

Бугров добавил:

- Она трансмутирует. Осознание облучает ее, для чего была смонтирована особая установка.

- Значит, заряд тротила или чего-то собираются взорвать возле тридцати трех тонн облученной плутониевой пыли. И тогда...

Заговорил Доктор:

- Пыль взлетит, разойдется облаком. Большим. Оно превратится в туман, накроет территорию вокруг. Потом в округе выпадут дожди. А плутониевая пыль облучена Осознанием, у нее аномальные свойства. Вернее, они должны у нее появиться, процесс еще не закончен. Зараженной окажется площадь, ну... - Он завел глаза к потолку. - Сейчас площадь Зоны порядка трех с половиной тысяч квадратных километров. Это как полтора Люксембурга, чуть меньше. И облако накроет всю Зону.

- Что произойдет с Зоной?

- Сверхмутация, - сказал Бугров. - Зона мутирует.

Я повернулся к Доктору.

- Вся Зона? Так почему зверье в твоём болоте прячется? Им, наоборот, радоваться...

- Ведь я же говорила вам тогда, под штабом, - перебила девушка. - Тут своя система, налаженная система взаимоотношений между существами. Местные животные... - она замолчала, над чем-то задумавшись. Я обратил внимание, что Аня не употребляла слово "мутанты", будто вместе с Доктором относилась к ним не так, как обычные люди, может... более дружелюбно, что ли?

- Местным животным это не нравится, - продолжала девушка. - Так же, как и нам. Такое катастрофическое изменение Зоны...

- Какое? - перебил Лабус. - А то я не пойму чего-то. Что это значит - Зона мутирует? Что такое эта ваша сверхмутация?

- Это значит, что всё... то есть *все* начнут очень быстро меняться. Супербыстрые изменения животных, растений, насекомых...

- И людей? - спросил он.

- Скорее всего, попавшие под облако люди просто погибнут.

Костя пошевелил бровями, обдумывая это.

- Хорошо, но почему мутанты прячутся на болоте? - повторил я. - Ведь болото не спасет их от сверхмутации.

- Ну конечно, нет. Просто у них инстинкт самосохранения срабатывает, и они по привычке ищут защиту у ... - она кивнула на Доктора.

- А чем они, то есть осознанцы эти, думают подорвать пыль? - спросил Лабус.

- В реакторном отделении четвертого энергоблока, то есть внутри объекта "Укрытие", - глухо заговорил Бугров, - в помещении развески свежего топлива когда-то была смонтирована система наблюдения и сигнализации. Ее ввели в эксплуатацию как часть информационно-диагностического комплекса всей станции.

Глазки его бегали из стороны в сторону - да где же я такую манеру видел? Что-то с головой в последнее время, в который раз за эти сутки провалы в памяти. А Бугров между тем вещал, и голос его звучал будто записанный на пленку, причем запись пущена в замедлении:

- Значительная часть оборудования системы наблюдения размещена в непосредственной близости от объекта "Укрытие", но вспомогательный дублирующий сервер контроля был обнаружен мной и моими людьми случайно в подвалах Радара. Моя группа контролировала его до того, как произошел раскол...

Двое бойцов застыли на лавке - зомбированы они, что ли? Я общался с членами Монолита впервые, может, у них есть дисциплина, как в штрафном батальоне, а может, они такие же лишенные эмоций люди-роботы, как их командир. Бугров продолжал бубнить:

- Находясь на Радаре, мы осуществляли обычное наблюдение за попытками проникновения к Припяти...

- Включали выжигатель мозгов, когда надо? - уточнил я.

- Он включается автоматически, мы следили за оборудованием и контролировали подступы. Через район, накрытый излучением выжигателя, могут пройти мутанты. Вдруг на дублирующий сервер пришел сигнал со станции. Расшифровав поступившие данные, мы поняли: сработала та самая система наблюдения, кто-то проник в объект "Укрытие". Проникновение было массовым. Я связался с Осознанием, с куратором моей группы, сообщил о происходящем. Проникновение в объект "Укрытие" - серьезный прецедент, он грозит опасностью всему Осознанию. Выяснилось: проникновение в Саркофаг произошло по приказу Осознания. Кто именно проник туда - мутанты, зомби, - мой куратор не знал. Он сообщил, что произошел раскол, и теперь главный наш враг - доктор Кречет, один из старейших членов Осознания.

- Ладно, вы не занете, кто залез в Саркофаг, - но для чего туда полезли? - спросил я.

- По нашим данным, из помещения развески свежего топлива были изъяты ТВЭЛы, в каком количестве сказать затрудняюсь...

- ТВЭЛы - это еще что? - вклинился Лабус. - С их помощью осознанцы и хотят взрыв устроить?

Большая голова как на шарнире повернулась к нему.

- Тепловыделяющий элемент. В ТВЭЛлах происходит деление тяжелых ядер, оно сопровождается выделением энергии, происходит передача тепловой энергии теплоносителю. ТВЭЛы состоят из топливного сердечника, оболочки и концевых деталей, оно должны обеспечить надежный отвод тепла от топлива к теплоносителю.

Голова повернулась ко мне. Глазки бегали, серые губы монотонно двигались, глухой голос лился как из подземелья:

- Затем поступили данные о повторном нарушении периметра объекта "Укрытие", теперь множество объектов двигалось в обратную сторону...

- Они выносили ТВЭЛы наружу? Но кто это мог быть? Ведь не сами же члены Осознания.

- Информации нет. Мы не знаем, чьей помощью воспользовался доктор Кречет, чтобы выгрузить ТВЭЛы. Это непринципиально. На данный момент мы считаем, что Осознание обладает достаточным количеством материала для создания бомбы.

Взгляд бегающих глаз остановился на мне.

Странный контраст составляли они с неподвижным, будто из камня высеченным лицом и мертвенным голосом сектанта. Глаза казались слишком живыми для лица, будто принадлежали другому человеку. И эти уроды сидели на Радаре, наблюдая, как тот сжигает мозги людям, попавшим в зону излучения! Ведь не только обычные сталкеры, мародеры и бандиты - сколько военсталов погибло из-за них?

- Монолитовцы - псы Осознания, - повторил я, глядя в лицо сектантского офицера. - А ты сейчас мне что рассказываешь? Получается, вы против остальной секты?

Он молчал.

- Давай, говори, обезьяна! - разозлился я. - Фанатики! А может, все это ловушка какая-то? Ты нам врешь, "черный", а мы слушаем...

Бугров и оба монолитовца на лавке быстро поднялись - оставалось только позавидовать их реакции. В броне, крупные, тяжелые - но движения четкие и выверенные. Я и Лабус были уже на ногах и одновременно достали пистолеты. Разделенные широким деревянным столом, мы с сектантами застыли, подняв оружие.

Доктор одним глотком допил чай и произнес:

- А ну-ка сядьте все.

Желваки на лице Бугрова играли так, что казалось - еще немного, и я услышу, как хрустят его зубы. Но оружие он все-таки опустил, за ним то же сделали остальные двое. Доктор негромко, но очень основательно хлопнул ладонью по столу. В комнате повисла тишина, стало слышно, как снаружи повизгивают, фыркают и скулят мутанты, и я вдруг представил себе, как по сигналу Доктора они врываются в дом, набрасываются на нас...

- Военсталы, опустить оружие, - приказал хозяин генеральским голосом.

Мы с Лабусом неохотно подчинились.

- Аня, согрей нам еще чайку. А вы, суровые русские парни, идите покурить на крыльце. Мозги свои дегенеративные проветрите. И запомните! - повысил он голос, когда трое монолитовцев как по команде повернулись к дверям. - Если снаружи кто-то вздумает кулаками махать, а тем более за оружие схватится - станет завтраком для кое-кого из тех, кто там пасется. Бугров, ты меня понял? Курортник, понял? Слово даю. Мое слово железное, вы знаете.

Может, Бугров это и знал, а я - нет, не было у меня до сих пор случая убедиться в твердости слова Доктора. Но я ему поверил. Отвернулся и пошел к дверям вслед за сектантами. И Лабус за мной потопал, бормоча что-то на ходу.

Угрюмые, бросая косые взгляды друг на друга, мы выбрались на свежий воздух. Шел грибной дождик, ветра не было, капли шелестели по козырьку крыльца. Сквозь легкую пелену проглядывало солнце, на поляне посреди болота было светло, ясно и тихо. Я уселся на нижней ступеньке, вытянул ноги, достал сигареты.

- Пройдусь за уголок, - сказал Лабус. - А то после чая хочется...

- Смотри, там тебе за уколком какой-нибудь мутант тебе это дело и откусит.

Он ухнул пару раз, хотя шутка, мягко говоря, не очень смешная была, сказал: "Ничего, подавятся", - и отошел. Я закурил, обернулся. Двое бойцов сели на лавке, а Бугров спустился по ступеням. Оглядел меня сверху и вдруг протянул шлем-маску.

- На..

Повернув голову, я выпустил в его сторону струю дыма. Сектант и не поморщился. Тогда я взял шлем, повертел в руках.

- Тебе этот предмет должно быть знаком,, - пробубнил он глухо.

Я заглянул внутрь, и в затылочной части подшлемника из мягкой синтетики увидел гнездо разъема. Оно напоминало антенный вход в телевизоре, рядом тускло поблескивала маленькая клавиша, расположенная так, чтобы ее легко было вдавить большим пальцем даже при надетом на голову шлеме. Нажал - из гнезда выскочила иголка, тонкая, как волосок.

- Вспомнил, курсант?

Когда я вновь надавил на клавишу, игла спряталась в гнездо.

- Вспомнил, эксперт.

Мы поглядели друг на друга. Бугров взял шлем. Глазки его бегали - теперь-то я сообразил, где их раньше видел. Привычно кольнуло в затылке, я потрогал его, провел пальцами по коже, нащупывая бугорок.

Я учился на четвертом курсе воздушно-десантного училища, когда один из закрытых НИИ обратился к командованию с просьбой подыскать добровольцев. Этот институт провел ряд опытов по имплантации в мозг человека микрочипов - после того как эксперименты на животных дали положительный результат. Под дальнейшие исследования министерство обороны получило серьезные деньги, и программа уже давно работала по бюрократической инерции, невзирая на распад Союза. Основной задачей чипов был вывод показателей о здоровье бойца на компьютер командира подразделения. Сама операция оказалась не такой уж и сложной, в конце концов, врачи давно умеют вставлять микродатчики, а то и биобатарейки в сердце, имплантировать искусственные фильтры в почки, скреплять кости после переломов металлическими штифами... чем прошивка чипа с микросхемой в нервную ткань головного мозга отличается от установки железного стержня в кость? Принципиально - ничем, повышается лишь тонкость операции, так, во всяком случае, мне объяснял врач. Сращивать искусственные и естественные нервные волокна - очень сложная работа, обычному хирургу такое не под силу, ну так для того и разработаны лазерные скальпели с компьютерным управлением, микрокамеры для передачи картинки на врачебные мониторы, крошечные суперточные манипуляторы и прочее в том же духе.

Завершив первый этап испытаний, наши Кулибины выявили один любопытный момент - возможность обратной связи, то есть не только вывода информации, но и ввода ее в сознание. Как это все взаимодействует с отдельными центрами мозга, нейронами и нервной системой, я не знал, меня это не очень интересовало. А вот последствия эксперимента поразили всех. Шестеро его участников, среди которых был я, оказались способны видеть картинку планируемых боевых действий, транслируемую со спутника, атмосферного беспилотника или какого-либо другого носителя. Вся аппаратура ввода информации помещалась в нем.

В течение года на полигоне "Герань" провели несколько учений с элементами десантирования, боевой стрельбой, со всем набором средств РЭР и РЭБ. Маневры проводились в разное время года, в жестких полевых условиях. Наше подразделение курсантов за все время не понесло ни одной условной потери, и самое главное - мы смогли доказать, что возможности малого подразделения "чипированных" сравнимы с возможностями парашутно-десантного батальона. Конечно, при поддержке соответствующих сил и средств. Ученые, находившиеся с нами на полигоне, восторженно комментировали свои наблюдения. Стали уже поговаривать о сознательной регенерации поврежденных тканей, например при пулевом или осколочном ранении, хотя пока не знали, каковы будут последствия для организма в целом. По окончании полевых испытаний выводы комиссий легли на стол министра обороны, а тот их подсунил верховному главнокомандующему - но тут в стране разразился очередной кризис. Их как-то очень уж много пришлось для большинства стран СНГ на тот исторический период. В общем, какие-то могучие умы, приближенные к телу верховного (очень уж подозреваю, что не без генеральских звезд на плечах), нашептали ему, что создание таких подразделений в первую очередь несет сильнейшую угрозу национальной безопасности, а

уж только во вторую этой безопасности способствует. Но последнее еще точно не известно, а вот первое - как пить дать. К тому же весь комплекс оборудования, организация дополнительных служб и самих "чипированных" подразделений, строительство новых предприятий в определенных отраслях повлекут расходы, выражающиеся в цифрах со множеством нулей. Мол, стране нужны не суперсолдаты, а обычные парни с патриотическими настроениями. Ну, и проект закрыли. Нас всех уволили из армии без чинов, званий и какой-либо компенсации. В общем, дали пинка и хлопнули дверью за спиной, на прощание взяв подписку о неразглашении

До сих пор я уверен, что тогда не обошлось без вмешательства иностранных разведок. И без некоего количества зеленых банкнот, попавших в карманы тех генералов, что советовали командующему закрыть проект (а скорее - легших на зарубежные генеральские счета).

Так вот в "Герани" я и видел пару раз Бугрова, которого нам представили как эксперта, хотя по чему он был экспертом, мы так и не поняли.

- О, а я такую же вещицу видел уже, - произнес подошедший к нам Костя и указал на шлем.

- Где? - удивился я.

Бугров повернулся к Лабусу.

- Мы с комбатом и начмедслужбы как-то ездили в лагерь к американцам, - пояснил тот в обычной своей неторопливой манере. - Надо было, понимаешь, получить партию медикаментов, а комбат согласовывал там что-то свое. Вроде как с дружеским визитом мы к ним заявили, а от них в это время двое у нас в гостили. Вот тогда американцы нам побегать и предложили в их симуляторе, полигоне искусственном то бишь. У них там за Кордоном несколько павильонов сообщающихся под это оборудовано, больших. Модель разных районов Зоны. лагерь на Янтаре, Свалка, даже отдельные участки Припяти были...

- Лабус замолчал, разглаживая усы.

- Симулятор - дело не новое, ты лучше скажи, - я указал на шлем, - вот с этой штукой кто бегал?

- Ну, мы ради забавы постреляли на ихней "Свалке", а с нами двое рейнджеров, так у них похожие шлемы и были. Называется: БТС. Боевая Тактическая Система. В нем внутри есть такая крутая штука, МЭП - модуль электронного позиционирования. Лихо они так все делали. Модуль через шлем на экран выводит карту местности и проекции целей, понимаешь? Расстояния, предполагаемая карточка огня... Ну, это они так объяснили. Ну и нам шлемы дали, - Лабус пригляделся. - Очень похожие на этот, хотя отличия были. У них там окошко с экраном круглым, как шайба, он поворачивается и глаз тебе прикрывает.

Бугров качнул головой.

- У нас есть такие же. Эта модель единственная, на остальных стоит монитор.

- Мне эта штука очень понравилась, - заключил Костя. - Комбат обещал, что постарается разжаться таким снаряжением.

- Странно, что вам такие секретные вещи запросто показывали, - сказал я.

Лабус пожал плечами.

- Может и странно, хотя... Нет в этом ничего такого фантастического. Небось половина армии Евросоюза в таких шлемах уже бегают. Да, разработчик всего этого добра не то "Си-Джи-Си", не то "Джи-Си-Эс", не помню точно.

- "Джи-Эс-Си", - уточнил Бугров. - И БТС пока не распространена так, как ты говоришь.

- Да, точно, "Джи-Эс-Си", - согласился Костя.

- Приходилось общаться? - спросил я у Бугрова.

- Да, я помогал им разрабатывать и внедрять оборудование, - что-то живое на короткий миг мелькнуло в глазах Бугрова. - Это было давно.

- Давно, еще до Зоны, - мысленно добавил я то, что Бугров так и не сказал. Наверное, жизнь этого человека разделилась на две половины: снаружи Зоны и внутри нее. Как он попал сюда, главное - как попал в группировку сектантов, да еще и сделался их

офицером? Может, Анна знает или Доктор? Сам Бугров вряд ли расскажет...

Сзади раздался уверенный голос:

- Ну что, вы поостыли? Чай готов, Аня пирожки разогрела. Давайте в дом.

Я вот подумал: вот сейчас разговаривал с этим монолитовцем, вроде бы нормальный мужик - со странностями, конечно, но что-то ведь есть в нем живое, человеческое. И когда Косят сказал про то, что шлемы БТС уже видел, Бугров быстро к нему повернулся, будто дернуло его изнутри: секретная информация разглашается. А это чисто человеческая реакция. Интересно, что у него там в мозгах творится? Почему они так за свой Монолит держатся и воюют, словно это рейхсканцелярия в Берлине сорок пятого?

Я затушил окурок, поднялся и бросил взгляд на поляну перед домом. И понял, наконец, кого из монстров там не хватает: бюреров. Ни одного почему-то не видно.

Шагнув на крыльцо, остановился. Бугров стоял перед дверью вполоборота ко мне. Он стал другим - взгляд провалился куда-то, будто сектант в бездну смотрел, зрачки неподвижны, лицо помертвело.

- Мутанты и Осознание не могут тебя контролировать, - со мной говорил не этот человек, а *кто-то* - то есть кто-то иной, находящийся далеко отсюда, пользовался его телом как передатчиком. - Кодирование нейронных цепей возможно произвести лишь частично, мешает чип. Он - панцирь на твоём сознании.

Я молча таранился на него. Секунда - и глаза вновь забежали из стороны в сторону. Прежде чем я успел ответить, офицер шагнул в дом.

В столовой все расположились на прежних местах.

- Продолжим, - сказал Доктор. - И без всплесков эмоций на этот раз.

- Кто выгружал ТВЭЛы из Саркофага? - спросил я, накалывая на вилку остывшую картошку. - Кто через Периметр прошел, кого система наблюдения засекла? Под Саркофагом ведь, наверное, до сих пор радиация такая, что органика должна плавиться.

Бугров ответил:

- Пока мы не знаем, каким способом Осознание смогло организовать доставку ТВЭЛов из объекта "Укрытие". Единственное, что известно точно: Саркофаг четвертого энергоблока вскрыт, топливные элементы вынесены.

- А почему вас только четверо? - небрежно поинтересовался Лабус, переглянувшись со мной.

- На Радаре нас было десять. Когда стало известно, что мы докладываем нашему куратору о действиях остальных членов Осознания, подчиненные им подразделения группировки Монолит выбили нас с объекта. Радар - одна из ключевых точек, подконтрольных группировке, контроль над нею стратегически важен.

- Как же это на вас напали, если вы на Выжигателе сидели... - удивился Лабусе и тут же кивнул, сообразив. - А!

- Выжигатель только на нормальных людей действует, - пояснил ему и показал подбородком в сторону сектантского офицера. - На этих - нет.

- И не на мутантов, - добавил Бугров, вновь игнорируя мой вызывающий тон. - Во всяком случае, не на всех.

Лабус почесал лоб, подцепил вилкой сразу три кружочка колбасы и отправил в рот.

- Ладно, понял... Дальше что было?

- Радар штурмовали два взвода группировки и около полусотни бюреров. Штатное излучение установки против них практически бесполезно, пробовали менять волновые диапазоны - слегка пьянеют. Я потерял шестерых. Радар нам пришлось покинуть, Северов приказал уйти.

Я поднял брови - а это еще что за персонаж?

- Кто-кто? - переспросил Лабус. - Это куратор ваш?

Повисла тишина. Доктор глянул на Бугрова и пояснил:

- Профессор Северов... бывший профессор. Член группы Осознание, противник сверхмутации. Главный оппонент доктора Кречета, желающего провести эксперимент.
- А почему у них мнения разделились? - спросил я.

Анна хотела что-то сказать, но доктор остановил ее:

- По мнению Северова... и моего, к слову, последствия сверхмутации непредсказуемы. Никто не знает точно, как изменится Зона, что получится в итоге. Наверняка вся экосистема полетит к черту. Одно известно наверняка: Зона взорвется.

- Зверье ползет во все стороны? - уточнил Лабус и кивнул сам себе. - Ну да, ясное дело. Сметут блокпосты и базы... Хотя от баз ведь ничего не останется, если люди из-за пыли погибнут, как вы говорите. Выходит, мутанты захлестнул окрестности?

- Они не разбегутся на многие километры, - произнес Бугров ровным голосом. - На десяти, сотни.

Теперь все было более-менее ясно. Раньше меня смущал этот факт - как, почему Бугров со своими людьми откололся от секты? Они - фанатики, слуги Осознания, наверняка "черные" находятся под ментальным контролем. Может, и не под постоянным телепатическим колпаком, но хозяева Зоны точно как-то контролируют их, корректируют действия - и вдруг бунт? Бугров со своей группой не просто откололся от остальных, они пытались удержать Радар. Значит, что получается? Большинство монолитовцев остались под контролем других "осознанцев" - или, по крайней мере, доктора Кречета, - а эти перешли на сторону ренегата Северова. Хотя перешли - неверное слово. Скорее он забрал их с собой. Теперь четверка "черных" служит ему - значит, доверять им нельзя. Что угодно можно ожидать от них, сектанты-отщепенцы - не союзники нам с Лабусом, лишь временные партнеры, которые возможно, держат нож за пазухой. Большой армейский нож с острой как бритва заточкой.

Я глянул на Костю и увидел по выражению его вроде бы простецкого, а на самом деле - хитрого лица, что он тоже все понял. Он на мгновение прикрыл глаза, едва заметно кивнув. Я опять посмотрел на Бугрова, потом на Доктора.

У каждого из вас есть свои слабые места. Один - не самостоятельная личность, вернее, самостоятелен лишь в тех пределах, которые ему оставил незримый кукловод. Второй - хозяин болота, но слишком встроен в систему, которая существует сейчас, в эту безумную, кажущуюся со стороны беспорядочной, но все же четко отлаженную систему взаимоотношений между мутантами, сталкерами, военными, хозяевами Зоны и ее призраками вроде Доктора, Картографа, Черного Копателя. Власть Доктора велика, но в этой пирамиде он не на самом верху - группа Осознание выше. И если после взрыва "грязной бомбы" все изменится, если Зона мутирует - сохранит ли он свое положение, сумеет ли выжить?

Вы хотите отвести меня к ЧАЭС. Очень хотите, чтобы я пошел, а иначе не звали бы сюда.

Уже с минуту в столовой висела тишина. Лабус уставился в свою кружку, я изучал щербатую стену напротив. Иногда посматривал на Анну - взгляд будто магнитом притягивало к ней. А она исподлобья поглядывала в мою сторону. И что-то было в ее глазах...

Наконец я сказал:

- Хорошо, так что конкретно вы хотите сделать?

- Ты еще не понял, военстал? - спросил Доктор. - Уничтожить заряд, который они смастерили из ТВЭЛов, до того, как закончится трансмутация плутониевой пыли.

Так что ж ты сам не уничтожишь? - захотелось спросить мне, но я сдержался. Доктор - не воин, ему болото нужно да твари, и всё - он *здесь* царь.

Я повернулся к Бугрова.

- Как проникнуть на станцию?

Монолитовец включил голос, словно записывающая аппаратура:

- К объекту ведет разветвленная сеть ходов-сообщений. Часть их никогда не использовалась. Есть подробная карта на электронном носителе.
- Где точно находится заряд?
- Возможность собрать заряд есть всего в четырех помещениях. Сам зал расчетного центра, реакторный зал, административное здание станции и пускорезервная котельная. Через котельную можно проникнуть в систему подземных коммуникаций, затем осуществить проверку помещений на наличие собранного боеприпаса. По предварительным данным, сборка бомбы ведется в зале расчетного центра - удобно, сразу производится диагностика узлов, расчеты, нет необходимости монтировать дополнительное оборудование. Но, возможно, предварительные данные ошибочны. Северов уточняет, все это, он даст дополнительную информацию позже. Есть еще кое-что: по данным Северова, некоторое время назад в Зону через подкупленных военных были завезены части "Ф-111", старого бомбардировщика с изменяемой геометрией крыла.
- Это еще что за новости? - удивился Лабус. - Бомбер ему зачем?
- Для чего Кречету понадобились детали самолета, мы не знаем.
- Ладно, а где ваш Северов теперь? - спросил Костя. - Если он против остальных пошел, значит, свалил со станции?
- Главным оппонентом профессора Северова является доктор Кречет, во что бы то ни стало желающий инициировать сверхмутации. Остальные члены Осознания заняли выжидательную позицию.
- Так где он сейчас? - повторил я.
- Это секретная информация.
- Я кивнул сам себе - ну да, конечно. Профессор этот с ЧАЭС наверняка ушел, чтобы его там по приказу Кречета не убили, и спрятался где-то - но, скорее всего, недалеко. И место, где он засел, знает только Бугров, возможно, даже бойцы его не в курсе.
- Лабус задал еще один вопрос, который напрашивался сам собой:
- А через сколько эта трансмутация закончится? Когда они бомбу рвануть смогут, короче завтра?
- По данным профессора Северова, на процесс выделения аномальных элементов из отработанного плутония уйдет не больше двух суток. Точное время до окончания процесса вскоре сможет назвать сам Северов.
- "Вы на него молитесь, на своего Северова?" - захотелось спросить мне, и опять я промолчал. Желание доставать монолитовцев и дальше пропало, навалилась усталость. За окнами стало темнее, очень хотелось спать. Судя по слегка ословелому виду Лабуса, он себя не лучше чувствовал. Решив, что пора заканчивать разговоры, я поднялся и сказал:
- Ладно, я все равно уже плохо понимаю, что к чему.
- Башка распухла, - согласился Костя. - Долгий день был, поспать надо.

Анна сразу после разговора в столовой куда-то исчезла. Доктор показал нам комнату, где можно было расположиться, сказал, как пройти в умывальник, выдал пару армейских спальников и ушел. Монолитовцы остались в столовой, а мы сели друг напротив друга, и я спросил:

- Что думаешь?

Напарник потер шею, покрутил головой и сказал важно:

- Как мы во все это влезли - до сих пор не понять. Как получилось, что спецназ за нами охотится стал - тоже. Почему девчонку на вертолете везли - неясно. Одно ясно: через два дня в Зоне настанет полный... - и Лабус произнес слово, которое, по его мнению, лучше всего характеризовало, что именно ожидает земли отчуждения вокруг Чернобыльской станции. - Нам пока что назад нельзя: что, если любой военстал ОКа сходу по нам стрелять будет? Но если эти сверхмутации начнутся и твари во все стороны за Периметр

попрут - тоже плохо. Допустить такого мы не можем, правильно?

- Не можем, - согласился я, вспоминая мать с сестрой.

А вправду ли не могу? Ведь эта операция - задача для смертников. Я готов погибнуть ради других? Отдать свою жизнь... ведь она одна, меня убьют - и все для меня закончится, никакой жизни после смерти нет, рая и прочей лабуды, это все люди выдумали, чтоб успокоить самих себя, справиться со страхом смерти. Так ты согласен пожертвовать своей единственной короткой жизнью ради других, Леха Захаров?

- У тебя ведь родственники в Киеве? - спросил Лабус.

- Да.

Он разгладил усы и честно сказал:

- А то бы я смылся отсюда. Только эти... каблуки бы сверкали.

- А как через наши посты пройдешь? Прямо так и расскажешь им: такое дело, почему-то вы убить нас решили, но ошибочка. Особисты будут год проверять информацию, что там к чему и как так получилось, что мы две группы грушников завалили, а ты в это время под арестом будешь сидеть. Так ведь надо еще живым до особистов добраться...

- Да хрен там, я бы между постами проскользнул. Через Периметр, потом попутку поймать, автобус, еще что-то... И в Россию на всех парах.

- Если на всех - тебя стошнит, - вставил я.

Он поухал.

- Ничего, переживу. До Урала только доехать, там у меня родичи.

- Так давай, чего медлить, - сказал я. - Сейчас все легли. Хотя "черный" на входе, наверно, торчит, но я его вырублю. А ты почисть ствол - и ходу. Не тем путем, конечно, каким мы сюда попали, не через Пустошь, а по дуге... Что?

Лабус улыбался - своей хитрой улыбкой, от которой глаза его становились совсем узкими, и под ними возникали мешочки набухшей кожи. Только сейчас улыбка была еще и грустная. Он разгладил усы, провел ладонью по темным, с ранней сединой, волосам.

- Эх, Леха, в баньку бы сейчас... У меня дядька знаешь как умеет топить?

- Не пойдешь никуда, - понял я.

Помолчав, он сказал:

- Да я бы и пошел. Но как мне потом жить? Вспоминать все это и думать, как я тебя тут оставил с этими... - Напарник повел рукой, имея в виду Доктора, Бугрова с остальными монолитовцами и тварей вокруг дома. - Думать про это все время? Не, я эгоист, не хочу себе такого. Ты ж никуда не пойдешь, да?

Я потер лоб, морщась. Он внимательно смотрел на меня, и я сказал:

- Костя, у меня мать с сестрой в Киеве. Хотя мне не хочется с этими сектантами к ЧАЭС соваться. И умирать я не хочу. Но я - как ты. Тоже эгоист. Не представляю, как буду жить дальше, зная, что... - Я замолчал, пытаюсь разобраться в своих чувствах. Сложные они были, непривычно сложные.

- Ага. А ведь если, к примеру, погибнешь в этой операции, на которую мы с тобой подписаться собираемся, то так и не узнаешь, выжили те люди, ради которых погиб, или нет, - произнес он раздумчиво, будто сам с собой разговаривал. - Понимаешь? Вот убили тебя - хлоп! - и все для тебя закончилось. Темнота и тишина навечно. Но вдруг после того и те, ради кого ты жизнь положил, тоже вскоре умерли, вдруг твоя смерть - зря? Ты ведь не будешь этого знать, умирая. Мда. Это есть сложный философский вопрос, а, Леха?

Я глядел в стену над его головой, размышляя. Может, он прав - какой смысл собой жертвовать, если не знаешь точно, что жертвуешь не напрасно? А ведь знать этого наверняка просто невозможно, для умершего человека все заканчивается. Так что, выходит, нет в этом смысла?

- Лучше б ты молчал, - в сердцах сказал я.

Костя вдруг предложил:

- А забрать их оттуда?

- Что? - удивился я. - Кого?

- Да родных же твоих из Киева. Может вдвоем к ним... Если Зона мутирует, твари полезут во все стороны - какие стороны? Никаких. Значит, угоним машину, посадим твоих, документы-деньги только возьмем, самое ценное в багажник. Еды. И ходу отсюда - на Урал. Через границу я знаю как перебраться, не проблема это. Что скажешь?

Я молчал. Меня разрывало на две части - желание уйти с болот побыстрее, убраться из Зоны, и ясное, четкое понимание: надо попытаться сделать то, ради чего Аня привела нас с напарником сюда.

- Ночью от дома все равно отойти не сможем. Это я так, навоображал: "черного" вырубить да и чесануть отсюда, а на самом деле там зверье и аномалии. Мы ж не сталкеры-бродяги какие-нибудь, чтоб в темноте между аномалиями пробиваться. И ты один не сможешь пройти. И вдвоем не сможем. Поэтому... - я посмотрел ему в глаза. - давай завтра решим, а? На рассвете.

- Ладно, - сказал он, раскатал на полу спальник и завалился спать, не раздеваясь.

Я постоял над Лабусом, дивясь крепости его нервов и уравновешенности нрава. В голове будто шторм стоял - мысли метались, то лицо матери выплывало из тумана, а то полигон возникал, где мы тренировались, после того как нам чипы поставили. Потом вдруг вспомнился Бугров, каким он был много лет назад. Вот почему я, кроме глаз его бегających, больше ничего вспомнить не мог: лицо изменилось сильно. Черты тогда вроде и те же были, но не такие застывшие, вполне живые, хотя и в те времена, если припомнить хорошенько, присутствовало в них что-то необычное. Такая рожа может быть у главы какой-нибудь религиозной секты, крупного мафиози или серийного маньяка, как их обычно в фильмах показывают. Значит, было что-то в Бугрове, в мозгах его уже тогда - нечто такое, что направило этого человека в монолитовскую группировку, нормальный ведь не пойдет туда.

Утром, сказал я себе. Все решу утром. И не надо монолитовца на крыльце вырубать, бежать, прятаться - если не захотим мы с этой компашкой никуда идти, то они нас и не заставят. А сейчас надо все же умыться, привычка еще со срочной службы. Лучше пожертвовать парой минут отдыха, но ощущать себя помытым, побритым, вообще - приведенным в порядок. Мысли в голове встают на свои места, да и засыпаешь с другими ощущениями.

Скинув куртку, я остался в тельняшке и брюках. Кобуру с "файв-севен" на ремне передвинул за спину. Порылся в рюкзаке, достал бритву, мыльницу, щетку с зубной пастой. На стуле возле двери висело полотенце, я понюхал его - свежее, недавно стиранное. Хорошо.

Пройдя по короткому коридору, заглянул в столовую. Бугров лежал на скамейке возле стола, свесив ногу на пол. Остальные двое по прежнему сидели у стены. Один сектант вдруг поднялся, скользнув по мне взглядом, надел шлем и вышел из столовой. Хлопнула входная дверь. Тут же опять раздался стук, потом приближающиеся шаги. Понятно - смена караула. Я не стал дожидаться, когда четвертый боец войдет в комнату, отправился умываться. В коридоре было полутемно, но из-под двери пробивался свет. Я толкнул ее и застыл в проеме.

Она стояла перед запотевшим зеркалом, поправляя волосы. На бедрах - белое полотенце. Ванная комната оказалось совсем узкой, нас с девушкой разделяло не больше метра. На табуретке сбоку горела лампа.

- Пардон... - выдавил я и попятился, чтобы захлопнуть дверь.

Анна увидела в зеркале мое отражение и быстро повернулась. Рука скользнула мне на шею - она втянула меня внутрь, мгновение мы глядели друг на друга, потом я подался вперед, она подняла голову - и мы коснулись друг друга губами. Носком ботинка я зацепил край открытой двери, потянул, осознавая, как по-дурацки, должно быть, выгляжу: в одной руке полотенце, в другой мыльница с бритвой. Тоже мне, мужественный герой-любовник... Я побросал все это в раковину, не попал, что-то упало на пол, судя по мягкому стуку - мыльница. Обнял девушку за плечи, прижал к себе.

Но она отстранилась, упершись мне в грудь узкими сильными ладонями, отступила и посмотрела мне в глаза.

- Что? - спросил я.

Аня положила палец мне на губы, показывая, чтобы молчал, потом сделал короткий жест. Я подался в сторону, она приоткрыла дверь, прислушалась и вышла, поманив меня.

Я потушил лампу и вслед за девушкой шагнул наружу. Закрыл дверь - стало совсем темно. Мы прошли мимо столовой и комнаты, где похрапывал Лабус.

Тихо скрипело половицы. В темноте я видел светло пятно полотенца на бедрах девушки и шел за ним. Слабо стукнула дверь, она что-то пробормотала, и наконец мы оказались в комнате. Щелкнул выключатель - на приватном столике зажглась лампа.

Уютно было здесь. Заправленная кровать с теплым пледом, напротив комод и стул, посередине расстелен мягкий коврик. В углу платяной шкаф. На маленьком окне - светлые занавески.

Аня открыла шкаф, не стесняясь меня, стащила полотенце, бросила на кровать. Я молча смотрел на нее. Она достала длинный обвисший свитер до колен, надела. Я понял, что продолжения сцены в ванной не будет... и решил, что так даже лучше. Почему-то не хотелось мне, чтобы с ней, именно с ней, это произошло вот так - случайно, быстро. Да к тому же, если уж совсем честным быть, ведь не мылся двое суток, и в ванной так и не успел...

- Хочу с тобой поговорить, - сказала она. - Отец злится на тебя. Не знаю почему, но ты его раздражаешь.

- Он меня тоже.

Она присела на кровать. Я придвинул стул, уселся верхом. Аня погладила себя по колену, глядя в пол. Подняла голову и сказала:

- Все последние события были спланированы и...

- Это понятно, - перебил я.

- Ты знаешь? - удивилась она.

Я пожал плечами, потрогал затылок.

- Догадался. Бугрову нежен был я, да? С этим своим чипом в голове?

- Да.

Я подался вперед, скрипнув стулом.

- Да! Я понимаю, что "да"! И ты в этом участвовала! А ты понимаешь, что из-за этой вашей "операции" мои товарищи погибли? Хорошие товарищи! Из-за вашего плана идиотского?!

- Тише, - попросила она. - Не надо, не кричи. Мы не с самого начала хотели заполучить тебя. Я тебе могу верить, можешь не верить, но это так. И все равно мне плохо из-за того, что почти весь ваш отряд погиб. Потому я и решила с тобой поговорить.

- Что, и Бугрову плохо, и Доктору тоже?

Она мотнула головой.

- Нет, ему нет. Он... Доктору наплевать на людей. Не совсем наплевать, он может помочь, даже безвозмездно, но... У него нет таких чувств, как у нас. Почти нет. Про Бугрова не знаю, но он вообще вряд ли способен сейчас что-то человеческое ощущать. Ты же сам видел, какой он.

- Иногда как автомат. А иногда что-то в нем просыпается. Ладно, рассказывай.

- Когда Бугрова выбили с Радара, он пришел к нам. Северов уже связался с отцом. Северову нужен был союзник, понимаешь? А болотный Доктор - сильный союзник. Они решили: нельзя позволить Кречету взорвать бомбу и распылить облако трансмутировавшего плутония. Но как? Четверо монолитовцев - слишком мало. И тогда отцу пришлось в голову использовать военсталов. Они связались с вашим штабом и сообщили: на ЧАЭС готовится диверсия, будет катастрофа, военсталы должны ее предотвратить.

- Ясное дело, А вы что на что рассчитывали? Приходило радио сообщение, что кто-то

собирается устроить мутацию всей Зоны. И вы думали...

- Сообщение пришло от Доктора. Это совсем другое дело, а? Но все равно - они не совсем поверили. Или вообще не поверили. И тогда мы договорились, что меня доставят в штаб ОКа... ну, как посланника. Который должен убедить их, что все это правда. Я... - она коснулась плечами виска. - Я умею убеждать.

- Телепатически, что ли?

- Не знаю, как. Просто могу... ну, как бы немного подталкивать волю людей, то есть их желания, в какую-нибудь сторону. Ну и...

- Постой! - вдруг сообразил я. - Так это значит..Тогда, под штабом, ты и нас подтолкнула?

Она призналась:

- Совсем немного. Не обижайся, Алексей, пожалуйста! Вы бы иначе назад пошли - и вас бы застрелили свои.

- Но мы из-за тебя даже не похоронили товарищей утром. А я потом удивился: что же нас заставило за тобой идти?

- Не обижайся, - повторила Анна. - Обещаю: больше никогда такого не будет.

- Ладно, так что дальше?

- За мной из ОКа прислали вертолет, мы полетели... вертолет упал.

- Его сбило Осознание?

- Наверняка. Как-то они узнали обо всем этом. Они многое не знают о том, что происходит в Зоне. Понятия не имею, как они сбили вертолет. Вдруг вышла из строя электроника... Я попыталась посадить его мягко, используя свои способности, но не вышло.

Замолчав, она несколько секунд прислушивалась. Снаружи стояла тишина.

- ОКа забеспокоились и послало вас.

- Три группы, - добавил я. - Они там забеспокоились. Мы нашли вертолет первыми, подобрали тебя.. что дальше?

- Дальше ты знаешь то же, что и я. А вернее - больше меня. Я то теряла сознание, то приходила в себя. Почти не видела, что происходит вокруг. Больше, - девушка провела пальцами по чистому светлomu лбу, - больше чувствовала, то есть видела в своей голове. Ощущала ауры животных, людей, аномалий. Ваши эмоции... И посылала вам сообщения, когда понимала, что опасность близко. Это требует больших усилий, я опять теряла сознание, опять приходила в себя...

- Так, - сказал я и принялся загибать пальцы. - Во-первых: Осознание узнало, что ты выжила в аварии вертолета и наша группа подобрала тебя. Во-вторых: узнав это, Осознание прислало два "одеяла"...

- Что? - удивилась она.

- Какой-то мутант, очень странный. Или это было подвижная аномалия? Одна из этих штук напала на нас после вертолета и сожгла Карла, вторая преследовала, но отстала.

- Глюконный субстрат, - сказала она. - Два локальных сгустка. Я ощущала их как что-то очень необычное...

- Что это значит?

- Субстрат нарушает связь между протонами и нейтронами в атомных ядрах.

- Так почему сгустки не преследовали нас дальше, если Осознание их на нас не натравливало?

- Не знаю. Субстратом невозможно нормально управлять. Они атаковали с ходу, а потом... не знаю.

- Ладно, - сказал я. - А потом, после штаба, когда ты залезла в бронетранспортер, - связалась с Доктором?

- Да. Я узнала тебя. У тебя очень хорошие показатели по восприятию волновых контуров. Случайно услышала разговор отца с Бугровым. К Бугрову раньше стекались все данные с полигона, где на вас испытывали чипы, у тебя показатели были одними из лучших. Адаптация, скорость реакции сигналов, обработка полученной информации, управление

данными. Может, не самыми лучшими, но в первой пятерке. Других людей с чипами в Зоне нет, во всяком случае мы про них не знаем..а если тебя случайно опознали во время стычки с монолитовцами, когда вы пытались к Радару.

Я кивнул - было дело. Та операция для ОКа, можно сказать, получилась провальной. Лишь минимальные разведданные собрали..

Она продолжала:

- С тех пор Бугров пытался следить за тобой, наблюдал, что с тобой происходит, - вдруг пригодишься. Хотя то, что именно твою группу послали спасать меня, случайность.

- Не такая уж и случайность, - возразил я. - Десантных групп в распоряжении ОКа не очень много, а на поиск упавшего борта отправили сразу три. Случайность скорее то, что именно мы первыми его нашли. Но один из трех - это большие шансы.

- Одного я не понимаю - ведь он наверняка очень дорогой, - сказала Аня, коснувшись пальцами моего лба. - Почему его не вытащили, когда проект закрылся?

- Потому что он срастается с нейронными цепями. Встраивается в мозговое вещество, вытащить его - все равно что почку отрезать или желудочек из сердца выковырять. Хорошо, значит, из машины ты связалась с Доктором и Бугровым, рассказала обо мне...

- И они приказали: привести тебя на болото, немедленно. Ведь Осознание сорвало их план, заручится помощью ОКа не удалось, времени возобновлять переговоры с вашим командованием уже не было.

- Военная бюрократия так быстро вопросы не решает, - согласился я.

- А ты - десантник с чипом БТС, четверо монолитовцев, ты, твой товарищ... Хоть какой-то шанс дойти до ЧАЭС и уничтожить заряд прежде, чем тот взорвется. Они послали запрос Северову, он подтвердил, что это последняя возможность...

- Что ты знаешь про этого Северова?

- Почти ничего. Он был как-то задействован в проекте по созданию БТС. Наверное, они с Бугровым знают друг друга еще с тех пор. Больше ничего не слышала о нем. Доктор с ним лично тоже никогда не общался, только Бугров. А если...

Я перебил ее, задав самый главный вопрос:

- Почему спецы напали на нас?

- Спецы? - повторила она.

- Две группы спецназа, люди Давыдова и Николаева.

- Осознание давно вскрыло ваши сети и коды сообщений.

Я замер, обдумывая ее слова.

- Осознание перехватывает все переговоры ОКа?

- Наверное.

Щелкнув пальцами, я кивнул.

- Ну да. Ведь мы тогда передали: "груз триста" у нас. Мы тебя подобрали, ты раненая - это и значит "груз триста". И они поняли, что наша группа успела раньше других. Эти их глюконные сгустки не помогли. А Осознание очень не хотело, чтобы мы доставили тебя в штаб. И тогда они передали приказ на нашу ликвидацию, которую спецы приняли за приказ из центра. Нет, подожди. Командиры группы не могли без подтверждения начать действовать. Им должны были дать код из ОКа.

- В том-то и дело, что они его получили.

Я уставился на стену поверх ее головы. Ну да. Давыдов получил подтверждение на ликвидацию - как же должен был себя ломать командир спецов, чтобы выполнить приказ. Потому-то он так свирепо вел себя там, потому выверился на нас. Его парни напятились злобой, специально, чтобы создать внутреннее психологическое объяснение своим действиям. Вероятно, им передали, что мы чем-то заражены, может, что в мутантов постепенно превращаемся...

- Осознание передало грушникам код на наше уничтожение, - повторил я.

- Я слышала от Бугрова, конкретно передавал код тот человек, которого называют доктор Кречет, если всех этих личностей из Осознания еще можно назвать людьми. Именно он

действует против нас. Единственный более-менее физически активный среди них. Остальные как... как калеки.

Осознание! Эти полулюди - или недолюди или, может, уже постлюди? - с ЧАЭС, хозяева Зоны... Встав, я врезал ногой по стулу, он хрустнул и упал - подломилась ножка. - Кречет, - повторил я. - Доктор Кречет.

Утром все это надо рассказать Лабусу. А он пусть решает, идти или не идти. Хотя и так уже ясно - что теперь решать? Понятно, как напарник решит поступить.

Аня тоже встала, положила руку мне на плечо.

- Иди спать, Курортник, - сказала она. - Иди, завтра будет трудный день.

Часть вторая Цейтнот

Глава 11

Докладная записка начальнику штаба Объединенного командования полковнику...

Группой военных сталкеров из состава 3-го отряда, проводившей доразведку близлежащих объектов в районе «Радара», вследствие боевого столкновения был захвачен рядовой боец секты «Монолит». Пленного вывести за Периметр не удалось, сектант покончил с собой, бросившись в аномалию. Группа понесла серьезные потери. Командир группы доставил в ППД отряда образцы снаряжения и оружие пленного.

Начальник разведки группировки, подполковник...

На рассвете я разбудил Лабуса и рассказал ему большую часть того, что услышал и передумал вчера. Только про код ликвидации, полученный Давыдовым якобы из ОКа, не успел — Костя меня перебил, сказав то, что я и так ожидал услышать. Он шел со мной.

При свете фонариков мы почистили стволы, слушая ворчание тварей снаружи, потом в доме начали просыпаться: слышались легкие шаги Ани, тяжело протопал Бугров, прошел Доктор. За окном едва проклюнулся серенький холодный свет, когда нас позвали во двор.

Мутантов на поляне поубавилось — большинство убрили в заросли, лишь жирная псевдоплоть лениво лопотала, разлегшись в траве, да хрюкали детеныши кабанов вокруг огромной матки.

Солнце еще не взошло, только начало светать, было зябко и влажно. Монолитовцы дали нам снаряжение, которое принесли в дом Доктора с Радара. Лабус повертел в руках новый шлем и задал кучу вопросов, на которые ответил Бугров. Получается, что я стану чем-то вроде информационного центра в группе, так как на мне будет шлем со сканером, обрабатывающим акустические и электромагнитные волны. У остальных чипов нет — буду транслировать им информацию в нашлемную систему целеуказателей, круглый прибор, висящий у правого глаза. Убедившись в исправности иглы, я запустил тестовый режим. Бугров сказал:

- БТС включает в себя четыре основных элемента, плюс пятый, обеспечивающий их взаимодействие.

- Какие именно? — спросил я.

- МЭП — модуль электронного позиционирования, ТУМ - тактический универсальный модуль, ЦП - центральный процессор, МНС — модуль нейронной связи. Еще есть МСК, модуль соматического контроля, способный менять некоторые химико-физиологические

параметры тела. Перечислить специфику работы модулей?

- Давай.

Бугров стоял неподвижно, только губы шевелились.

- МЭП высвечивает иконки вражеских и дружеских объектов, следит за их передвижением. ТУМ вычисляет расстояние до них, меняет интенсивность подсветки шкал в зависимости от количества потенциальных целей, показывает азимуты. МНС осуществляет непосредственный ввод информации в зрительный участок коры головного мозга, ЦП — вычисления для остальных систем.

— А МСК этот твой?

— Соматический модуль способен менять параметры работы надпочечных желез, продуцировать выброс адреналина и других гормонов. Но он отключен, были случаи травматизма среди испытателей.

Я почесал затылок. Нашупал впадинку под волосами.

— Тестирование закончено? — спросил монолитовец. - Подключайся.

У меня возникло чувство, схожее с ощущениями перед первым прыжком с парашютом. После перерыва во много лет я вновь подключался к БТС...

Вспомнились старые навыки. Надев шлем, привычным движением поднял руку, большой палец нащупал на подшлемнике клавишу и...

Погружение.

Тусклая вспышка в голове. Шелест — едва слышный. Потрескивание — будто радифон в приемнике. Потом что-то развернулось, комок света расправился, стал пятном — возникла картинка. Глазные нервы не задействованы, сигналы идут прямо в кору головного мозга — ведь на самом деле все, что находится вокруг, мы видим в голове, наши нейроны расшифровывают сигналы, поступающие от белковых оптических устройств под названием «глаза». А чип просто засылает вместе с этими сигналами свой поток. В сознании я видел четкую картинку, трехмерную сетку местности, поделенную на квадраты. Бледно-зеленое, почти серое, поле, на нем — зигзаги, параболы, пунктиры. Всплыли проекции деревьев, потом модуль электронного позиционирования показал движущиеся шестиугольники целей — это мутанты в радиусе пятидесяти метров. Контуров монолитовцев подсвечивались ярко-зеленым цветом — свои. Я, скорее всего, на их мониторах такой же цвет имею. Электронное изображение висело где-то в районе моего лба. И оно не накладывалась на реальность, два потока сигналов не мешали друг другу — в голове будто возник третий глаз, которым я видел проекцию, в то время как два «старых» глаза привычно воспринимали окружающую действительность.

— Как опознавать «свой—чужой»? Собственный голос прозвучал странно. БТС немного меняет восприятие — будто слышишь себя в записи.

Бугров пояснил:

— Координация подразделений Монолита осуществляется при помощи нескольких БПЛА, посменно находящихся в воздухе. Все бойцы патрульных групп подключены в общий мониторинг. Обработанные данные интегрированная система управления (ИСУ) может транслировать на нашлемный целеуказатель, если боец находится в радиусе действия Радара или вспомогательных радиолокационных станций беспилотников.

У меня на картинке всплыли аналоговые шкалы и указатели предполагаемой численности целей вне радиуса действия шлема. Удобно — столбик горизонтальной шкалы меняет цвет от желтого к оранжевому. Если объектов в радиусе действия вычислителя слишком много - столбик займет всю горизонтальную часть проекции и будет ярко-красного цвета, как сейчас. Шкала, отвечающая за жизненные функции организма, — зеленая, значит, я в норме.

Бугров добавил:

— Раньше я входил в систему общего мониторинга, когда Северов и Кречет разделились, меня с моими людьми исключили из нее. Для остальных мы теперь «красные». Для вас двоих — «зеленые».

— Костя, разобрался? — спросил я. — ПДА у тебя работает?

Он стоял немного в стороне, то поворачивался туда-сюда, то приседал, а потом даже лег на землю. Полежал, перевернулся на бок, вскочил и сказал:

— Нормально. А девчонке вы тоже собираетесь такой шлем дать?

— При чем тут она... — начал я, и тут появившийся крыльце Доктор произнес:

— Ей нет необходимости. У нее это от природы.

Я повернулся к дому.

— Она что, с нами идет?

— Конечно. Без нее вам не пройти.

Я перевел взгляд на Бугрова, после на Лабуса.

— А ты что, решил, остается она? — сочувственно спросил напарник.

— А у меня спросил кто-то?! — рявкнул я, делая шаг к дому.

— Почему ты должен решать, идти ей или нет? — Не дожидаясь ответа, Доктор шагнул обратно в коридор и закрыл за собой дверь.

— Бугров! — я повернулся к офицеру. — С каких пор на спецоперации берут женщин?

— Анна может оказать существенную помощь, — произнес тот и пошел к остальным монолитовцам, стоящим поодаль.

Я глядел ему вслед, сжимая и разжимая кулаки, не зная, что сказать. Проорать, что отказываюсь идти, если девушка будет участвовать в операции? Но это уже на истерику смахивает, да и не могу я за нее решать.

Лабус направился к дому, проходя мимо меня, заглянул в лицо. Один его глаз скрывал мини-экран БТС, выступающий из шлема на тонком кронштейне.

— Ничего, Леха, последим, чтобы ничего с твоей красавицей не случилось, — сказал напарник. — Пойду, чайку попою на дорожку.

Из кустарника сбоку высунулась псевдоплоть — красный шестиугольник на картинке в голове сразу стал ярче, тактический универсальный модуль высветил азимут на него. Я вскинул оружие, подсветив цель лазером, транслировал данные на Костин монитор. Лабус почти мгновенно развернулся, и на теле мутанта возникла еще одна красная точка лазерного указателя.

Доктор, появившийся на крыльце с пластиковым боксом в руках, одобрительно покивал.

К нему подошел Бугров, хозяин протянул ему бокс, офицер передал его одному из бойцов.

— Все, — сказал хозяин болота, поднимая руку в прощальном жесте. — Бугров доведет маршрут движения, когда выйдете с моей территории. Я буду ждать вашего возвращения. По крайней мере, хоть кого-то из вас...

Из дома вышла Аня, облаченная в защитный комплект, в шлеме, оставляющем лицо открытым. Оружия нет, на поясе фляга. За спиной небольшой рюкзак, на ногах черные армейские ботинки.

Доктор махнул рукой. Бугров оглядел нас, кивнул и легко зашагал к зарослям.

* * *

Для себя я присвоил монолитовцам порядковые номера. Второй возглавлял отряд, Бугров, ставший Первым номером, шел за ним, Третий и Четвертый замыкали группу. Лабус двигался позади — я видел его как зеленый кружок, — а вот Аня светилась у меня на проекции желтым квадратом. Я просканировал местность — по проекции пробежала волна — ага, неплохо, значит, можно усиливать мощность и соответственно расширять круг поиска возможных целей. В затылке кольнуло. Про это я забыл, любое повышение мощности отзывается нейрологическим уколom через иглу. Когда первый раз на полигоне мы надели шлемы, один из участников проекта, несмотря на предупреждение, чуть не сжег себе мозги. Он потом месяц отлеживался и в группу не вернулся, а у нас пара недель ушла на тренировку по управлению проекцией при наращивании и понижении мощности сигнала, поступающего от чипа в мозг.

Я попытался скорректировать гамму, но иконка Ани упорно светилась желтым. Странно, что это значит? Обернулся — Аня как Аня, идет немного впереди Третьего и Четвертого, за Лабусом. Плохо все же, что с нами отправилась. Надо ее назад вернуть, что это за дела, чтобы женщина со спецгруппой десантников на операцию шла? Да будь она хоть трижды телепатка и ясновидящая...

Почувствовав мой взгляд, девушка подняла голову, улыбнулась. У меня не было желания улыбаться в ответ, и я отвернулся.

Четырежды мы проходили аномалии, которые на электронной картинке проявлялись по-всякому: Электры — как синеватые клубки, воронки — как фиолетовые смерчи. По дуге миновали небольшой холодец, не замеченный системой вообще. Еще раньше Бугров предупредил, что в смысле аномалий на нее полагаться нельзя, подвижных органических врагов БТС засекает куда лучше.

Лабус нагнал меня, продолжая идти за спиной, сказал:

— Круто, Леха? Любой сталкер за такую штуку полжизни отдаст. Слушай, а чего ты раньше не говорил про железку эту у тебя в голове?

Не оборачиваясь, я ответил:

— Давай не сейчас, а?

Представил, как сзади напарник теребит усы, и добавил:

— Когда вернемся, напомним — расскажу.

— Ага, — согласился он.

Вскоре земля стала суше, кустарник поредел, появились крепкие деревца с кривыми стволами. Живность предпочитала пастись вблизи дома Доктора, а здесь было пусто, лишь однажды к нам попытался приблизиться кровосос, но Бугров пустил какой-то импульс — на проекции отразилась разрастающаяся белая сфера неизвестного излучения. Границы ее стали сереть и вскоре истаяли. Кровосос, как только излучение накрыло его, дал такого деру, что затрещали ветки. Интересный отпугиватель «грызунов». Наверное, я еще не раз за этот рейд удивляться буду...

Облака затянули небо, хотя дождя не было. Дул ветер, кроны деревьев качались, шелестела трава.

Ведущий остановился, когда на севере показались холмы. Монолитовцы присели, за ними опустились на корточки мы с Лабусом и Аня. Я просканировал местность — чисто. В чем дело, почему встали? Бугров показал знаком, чтобы я подошел. Достал планшетку с жидкокристаллическим экраном, из углубления на корпусе вытащил пластиковый карандаш и стал тыкать в изображение. Я заглянул.

Там была карта района: болото, Радар, опять болото, но только почему-то фиолетовое — карандаш пробежал по границе этого участка. Дальше Припять, обводной канал, созданный для охлаждения некоторых объектов станции, пруд охладителя и, наконец, ЧАЭС.

Прикосновением карандаша Бугров нанес узловые точки маршрута и заговорил:

— Проходим через территорию Радара, следуем вдоль границы этой фиолетовой области. В тех местах водится псевдоплоть болотной породы. Район включен в карту полетов беспилотников, поэтому у нас все рассчитано по минутам, любая задержка, отклонение от графика — и нас обнаружат с помощью РЛС, информация поступит в центр системы управления Монолита, будет обработана и переправлена всем патрульным группам. Тогда миссия под угрозой. Дальше, — он показал на планшет, — железнодорожная станция и садовое товарищество. На отрезок пути от Радара до товарищества отводится шесть часов максимум. После этого минуем гаражи, заходим в Припять — здесь короткий участок, сорок минут, не больше. Город пересекаем в течение полутора часов. В окрестности Припяти большая вероятность столкновения со снарками и большими группами зомби. Покидаем Припять в районе причального комплекса, следуем мимо порта и в условленном месте встречаемся с Северовым. Получаем информацию, оружие, боеприпасы. Дальше — ЧАЭС.

- И что на ЧАЭС? — спросил я. — Вы прикинули, как попасть к заряду?
- Тактика проникновения разработана лишь частично, будем корректировать ее, исходя из обстоятельств. Подобраться к заряду по земле, скорее всего, не выйдет, другого пути я не знаю, этим сейчас занимается Северов.
- А какие там препятствия?
- В районе ЧАЭС можем столкнуться с чем угодно. Дополнительную информацию получим от Северова.

Касанием карандаша монолитовец сменил режим, появилась схема маршрута — пунктир, соединяющий контрольные точки. В некоторых местах его пересекали окружности синего цвета — радиусы действия беспилотников, которые производили мониторинг для сектантских патрулей. Окружностей было три, самая большая вокруг Радара. Значит, нас ждут два беспилотника и РЛС на Радаре. В каждом круге черными цифрами был прописан интервал между запусками и включением.

Бугров указал на небо, я кивнул. Сейчас в нескольких километрах на север должен был пройти БПЛА. Мы переждали, чтобы он нас не засек, потом нужно очень быстро покинуть участок наблюдения. В углу на экране планшетки шел отсчет времени — ждать оставалось две с небольшим минуты.

Второй подал знак: «ложись».

Все упали плашмя, Третий и Четвертый подняли стволы. Интересно, а если и вправду БПЛА нас атакует, смогут они его сбить? Аня лежала рядом, я слышал ее тихое дыхание. Мы с Лабусом смотрели на север, где в дымке смутно проступали силуэты конструкций Радара. Низкие тучи и туман не давали разглядеть установку целиком.

Офицер, подняв сжатый кулак, начал разгибать пальцы. Монолитовцы будто сжались в тугие пружины, готовясь к броску. Лабус перевесил пулемет за спину и приподнялся. Пальцы Бугрова распрямились, он взмахнул рукой.

Второй «черный» за миг до этого высветил на проекции БТС вектор направления с цифрами расстояния — и мы вскочили.

Анна бежала за мной, рядом сопел Лабус. Он вскоре начал кряхтеть под весом пулемета и снаряжения, да и я едва успевал за бойцами секты — рванул, как на стометровку, а до высвеченной Вторым точки еще метров триста с гаком.

Костя стал отставать, Бугров тут же засек это по проекции, оглянувшись на бегу, крикнул: — Быстрее!

Лабус тихо зарычал и прибавил ходу.

Четыре темных силуэта мчались передо мной длинными скачками. А я только сейчас до конца осознал, что иду в группе с монолитовцами. Вместе с членами секты, по которым раньше открыл бы огонь, как только увидел, и слова бы им не сказал... Профессор Северов неплохой психолог или это Доктор так спланировал? Все внимание перед выходом было направлено на дорожную игрушку из прошлого, на шлем со сканером общего спектра и боевой тактической системой. А Лабус как радовался тогда, изучая супертехнику... и оба мы не стали задумываться над тем, что вскоре предстоит доверить жизнь сектантам.

А теперь уже поздно про это думать.

Мы успели. Спустя минуту были на месте, у подножия холма. Он полностью закрывал линию горизонта по северному направлению, лес и выступающие над ним постройки Радара.

Ветер разорвал тучи, сквозь серую пелену пробились солнечные лучи. Тяжело дыша, я присел, рядом напарник повалился в траву. Я просканировал пространство вокруг — чисто, только наша группа. Что сейчас, передохнем — и очередной рывок? Как Бугров собирается пройти Радар? Десять минут назад, во время инструктажа, он об этом ничего не сказал. Основная установка периодически отключалась, но после этого сразу врубалась вспомогательная РЛС. Значит, скорее всего, нас уже заметили на мониторах и спешат сюда...

— Что дальше? — спросил я у Бугрова. — Они сейчас здесь будут.

— Давайте, — сказал он бойцам. — Три минуты. Второй и Третий убрали оружие за спину, достали длинные, с матово-черным лезвием, штыки. Пройдя немного вперед, присели на корточки в полутора метрах друг от друга и стали вспарывать дерн.

— А! — сказал Лабус и кивнул. Я посмотрел на него, ожидая объяснения, но тут же все понял сам, увидев, как они разрывают дерн двумя прямыми линиями.

Четвертый в это время достал из ранца ту самую коробку, которую Доктор передал Бугрову на крыльце. Я уже научился различать сектантов, не ориентируясь по данным проекции и не видя их лиц. Четвертый был более массивный, чем остальные двое, видимо, поэтому он и Бугров вооружены «Саабами». Хотя все же не такой здоровый, как офицер, скорее толстоватый, мясистый. Второй — немного ниже ростом Третьего, а тот более худой. Несмотря на различия, трое бойцов все равно казались мне не живыми людьми — роботами-солдатами из черного пластика. Лишь их офицер имел какие-то зачатки личности, а вернее, сохранил остатки прежнего, домонолитовского характера.

Бугров то и дело сверялся с электронной планшеткой — время шло. Под дерном, срезанным монолитовцами, оказалась квадратная крышка люка, снабженная поворотным механизмом, штангой с двумя ручками, насаженной на толстый, покрытый резьбой стержень. Бойцы взяли за ручки и с усилием провернули ее. Третий номер стоял между люком и холмом, поднимая оружие.

— Полторы минуты, — произнес Бугров.

Они откинули толстую бронированную крышку, Четвертый нырнул в темноту, за ним исчез офицер. Заглянув, я увидел уходящую вниз лестницу. По ступенькам и бетонным стенам скользили лучи фонарей.

— Минута, — донеслось снизу. — Спускайтесь.

На краю проекции появились красные шестиугольники — один, второй, третий... пять, десять, двенадцать! МЭП показал их передвижение, тактический модуль высветил цифры расстояний, а МНС передал все это мне в мозг. Будто насекомые, сектанты быстро двигались к нам из-за параболы холма.

Я сделал несколько шагов по ступеням и в луче фонаря увидел двух монолитовцев. Туннель оказался коротким, замыкала его железная дверь, наверняка герметичная. Бугров одновременно подсвечивал фонарем и сверялся с экраном планшетки, от которой к двери протянулся тонкий шнур. Рядом присел Четвертый.

Чем это они заняты? Я пошел дальше, сзади раздались шаги Лабуса и Ани. Как только голова опустилась ниже уровня земли, зеленая картинка в сознании мигнула, поблекла, но не исчезла.

Бокс, который сектантам отдал Доктор, стоял на полу возле Четвертого, раскрытый. Из него торчал держатель с пробирками, заполненными непрозрачной серебристой субстанцией. Ртуть у них там, что ли? В верхней части каждой пробирки был клапан необычной формы.

— Минута, — сказал Бугров.

Красные шестиугольники стремительно приближались, их было много, очень много. Они сгруппировались за параболой холма, будто совещались. Вдруг половина устремилась вверх по ней, а остальные — в обход.

— Бугров, они рядом!

— Двадцать секунд, — сказал он бойцам.

Я наконец разглядел, чем занят Четвертый: в свете фонаря боец возился со щитком электронного замка. Створка со скрипом ушла в сторону. Внутри мигали диоды, в захвате находилась колба, наполненная субстанцией, похожей на ту, что в пробирках. Рядом — еще один захват, пустой. Монолитовец повернулся к боксу, пальцами в перчатках пересчитал батарею стекляшек и аккуратно извлек одну из держателя. Вставив в свободный захват за разъехавшимся щитком, надавил на клапан сверху. Уровень вещества в сосуде стал падать. На черной панели замка в двери загорелась красная лампочка. Как только вся жидкость покинула пробирку, она стала зеленой, и щелкнули затворы.

— Десять секунд! — сказал Бугров. — Заходим!

Четвертый, держась за рычаг, с трудом открывал тяжелую дверь. Я кинулся помочь.

Бугров подхватил бокс с пробирками и первым протиснулся в открывшийся просвет.

— Закрывайте, — донеслось оттуда.

Я, Аня, потом Лабус вбежали в следующий коридор. Сзади донесся глухой стук — Второй и Третий захлопнули крышку люка. И тут же проекция задрожала, бледнея, в шлеме что-то едва слышно затренькало — сканер общего спектра перестраивался для работы в новых условиях, — и красные шестиугольники исчезли с нее, будто кто-то смел ладонью со стола игрушечные фигурки.

Проекция подрагивала, я едва различал линии координатной сетки; зеленые кружки других членов группы и желтый квадратик девушки стали бледными призраками.

Что-то неслышно щелкнуло — и картинка разгорелась ярче.

Через несколько шагов коридор закончился решеткой; Четвертый вскрыл замок на ней тем же способом, что и предыдущий, хотя теперь на это ушло куда меньше времени.

— Что это вообще такое? — спросил я у Бугрова, когда мы поспешили дальше. —

Пробирки эти и колбы в замке?

— Ртутный анализатор.

Уточнять он не стал, а я решил больше не спрашивать. Получается, в колбах замка должен совпасть уровень жидкости, тогда пробирки — своего рода ключи... хитро придумано. Никогда о такой системе не слышал.

Вскрыв очередную дверь, офицер с Четвертым вошли внутрь, следом шагнула Анна, потом мы с Лабусом. Я приостановился, оглядываясь. Туннель напомнил участок метрополитена: высокие платформы для пассажиров и углубление с рельсами... вот только рельс и не было. Все зажгли фонари, лучи озарили бетонные стены, лужи воды, остатки плитки — бежевые квадраты по большей части осыпались и грудami лежали по углам.

Третий со Вторым заперли дверь, и мы побежали, хотя теперь куда медленнее, чем когда преодолевали район, контролируемый беспилотником. Было душно и влажно, пахло плесенью. Звук шагов гулко разносился по большому помещению, лучи фонарей скакали из стороны в сторону, я крутил головой, глядя по сторонам. Мелькнула забитая досками дверь, густая паутина в углу, куча битой плитки, уходящие в темноту ржавые перила. А это что такое? Мне показалось — под стеной стоит скамейка с литыми узорчатыми ножками, и под ней лежит человеческое тело, раздувшееся от трупных газов. Или это мешок там какой-то валяется? Или куча чернозема? Луч фонаря ушел дальше, я вернул его обратно, но не увидел скамейки и того, что лежало под ней, они исчезли во мраке. Странное место! Метро под Радаром? Кто его здесь соорудил, зачем? Нет, конечно, это не обычное метро, скорее автономная ветка, построенная кем-то, чтобы преодолевать отрезок пути под землей. И появилась она наверняка задолго до того, как монолитовцы превратили Радар в выжигатель мозгов.

Третий, приотстав, бежал позади. Изредка луч его фонаря, описав дугу по сводам туннеля, исчезал из поля зрения: сектант проверял, не преследуют ли нас. На проекции я видел иконки спутников, зеленое и желтое, но не красное — БТС не высвечивала вражеские цели.

Впереди забрезжил свет, по сигналу Бугрова мы перешли на шаг. Он погасил фонарь, мы тоже. Несколько короткими жестами офицер дал указания — нам с Лабусом досталось контролировать сектор вдоль стены.

Свет стал ярче, источник его находился по правую руку, тот участок взяли на себя монолитовцы. Аня шла возле меня, то и дело оглядываясь, вместе с Третьим наблюдая за тем, что творится сзади.

Наконец мы приблизились к длинной выпуклой лампе, установленной в нише на высоте головы. Под нею была приземистая дверь с обычным навесным замком, большим и ржавым. Двумя ударами Бугров сбил его и шагнул в сторону, подняв «Сааб», висящий на груди офицера на непривычно широком черном ремне.

Третий стоял позади, целясь вдоль туннеля. Второй с Четвертым распахнули дверь и скрылись внутри. Бугров шагнул за ними, потом я.

Еще один туннель — гораздо уже предыдущего и без пассажирских платформ. Низкий свод, лужи воды. Рельсы.

На них стояла дрезина с раструбами в задней части.

Глава 12

Из протокола совещания командующего группировкой:

...согласно графику приступили к осуществлению разведывательной операции в районе Радара силами отдельной группы военных сталкеров из состава 3-го отряда. Во время последнего сеанса связи группа находилась в районе холмов. Больше на связь не выходили. Когда стало ясно, что группа исчезла, принял решение отправить двух разведчиков на поиск пропавших. В семнадцать тридцать одну поступил доклад: «Следы группы обнаружил, обрываются у холма в квадрате 3680, аномалий не наблюдаю, остатков снаряжения, стреляных гильз не наблюдаю, жду дальнейших указаний». В дальнейшем разведчики на связь не выходили.

Монолитовцы ухватились за штангу на кормовой части, и только сейчас я заметил, что задняя пара металлических колес не стоит на рельсах. Один из бойцов показал два растопыренных пальца, Бугров махнул нам с Лабусом, мы шагнули к дрезине, а офицер вместе с Третьим взяли под прицел дверь.

Вместе нам удалось поставить машину на рельсы, все, кроме Бугрова и Четвертого, забрались на платформу. На левом краю стоял нехитрый блок управления простейшими шкалами — скорость, расход топлива, — с другой стороны в захватах лежала пара красных баллонов, похожих на большие огнетушители. Их патрубки опоясывали заднюю часть дрезины и заканчивались раструбами по углам платформы. Вот так — реактивная тяга. Отсюда я не видел, но сразу решил, что такие же раструбы есть и впереди. Не разворачивать же каждый раз дрезину, слишком тяжелая.

На приваренных к платформе сиденьях висели ремни безопасности. Сидений этих было пять: четыре пассажирских и одно для управляющего платформой — сзади, на небольшом возвышении. А нас — семеро...

Второй и Третий, усевшись впереди, стали пристегиваться. Мы с Лабусом заняли кресла за ними, я знаком показал Анне, чтобы садилась ко мне на колени, Положив рюкзак под сиденье, передвинул винтовку на грудь, но потом снял — все равно мешает. Распустил страховочный ремень; Аня села, обхватила меня за шею, я перебросил ремень через ее ноги и затянул пряжку, но не слишком туго.

«М4» я сунул под сиденье рядом с рюкзаком. Лабус упер приклад «Миними» в рифленый пол между ступней.

Я посмотрел через плечо. Бугров занял место машиниста, Четвертый встал за ним между баллонами и блоком управления, ухватившись за поручень на кресле командира, прицелился в дверь.

Бугров, перещелкнув пару тумблеров, задумался — значит, не знает точно, как этой реактивной дрезиной управлять. Может, и не был здесь ни разу? Я внимательно наблюдал за ним. Он вернул один тумблер в прежнее положение, вдавил кнопку на пульте, и когда послышалось шипение, взялся за изогнутую ручку. Это, наверное, акселератор. Интересно, стоп-кран там тоже имеется?

И в этот момент из темноты впереди нас прилетел камень. Просвистев между сиденьями, угодил в затылочную часть шлема Четвертого — тот беззвучно кувырнулся с платформы. Лабус крикнул, завозился, поднимая пулемет. Я обернулся так резко, что если бы не ремень, сбросил бы Аню с колен. Просканировал местность... Три треугольника

вдали, расплывчатые и бледные, на максимуме возможностей БТС. Бюреры, скорее всего, — кто еще в подземельях любит жить и камни швыряет черт-те куда.

Стоп, а почему треугольники? Выходит, система разными иконками цели помечает? Или она именно бюреров выделяет среди других, потому что они активно излучают какие-то особые волны, связанные с их телекинетическими способностями?

Я дал трансляцию на мониторы сидящих впереди монолитовцев, и Второй тут же выстрелил.

Пламегаситель съел выхлоп, но легкая вспышка пробилась сквозь него, на миг озарив туннель.

Четвертый, прижав к шлему ладонь, запрыгнул на платформу, Бугров придержал его за плечо. Под днищем загудело, что-то громко треснуло. Из раструбов вырвались острые синие струи, и мы стартовали.

Реактивная дрезина рванулась вперед не со скоростью гоночного болида, но довольно резво. Меня вжало в спинку. Рюкзак поехал назад, лязгнула винтовка, но я наступил на цевье, не позволив ей скользнуть дальше. Лабус что-то забормотал — он ненавидел большую скорость, его от этого тошнило.

Туннель полого изогнулся, я разглядел между шпал истекающего кровью бюрера — Второй не промахнулся. Дрезина пронеслась над карликом, слегка накренилась, колеса с одной стороны застучали чаще, потом туннель вновь выровнялся. На проекции была лишь свернувшаяся в бесконечную трубу сетка. Может, это единственный бюрер здесь? Хотя они ведь таборами кочуют, никогда не слышал про бюрера-одиночку...

Аня поерзала на моих коленях, садясь удобнее, и прямо перед собой я увидел ее профиль, совсем близко. Нельзя, чтобы девушка с нами до самой станции шла. Меня будто ледяной волной окатило — внезапно появилось предчувствие, что она погибнет. В таких операциях неподготовленные люди не выживают. Я тряхнул головой — прекрати! Ты не знаешь, что и как будет дальше, а пока что она жива. Но все равно, надо как-то задержать ее, заставить остаться.

Облако мелких красных треугольников наплыло на проекцию спереди, будто стая мошкар, и тут же платформа вылетела в кишачий бюрерами зал. Вдоль стен то тянулись мостки и лестницы, под потолком были подвешены решетчатые балки.

— Держись! — Я подался вперед. Аня нагнулась, схватив винтовку, сунула мне. Я развернул оружие стволом вбок, хотя стрелять, когда на коленях кто-то сидит, неудобно, и уж тем более невозможно нормально прицелиться.

Засвистели камни, одни пронеслись над головой, другие заколотили по платформе. Лабус охнул. Аня начала отстегивать ремень. Второй с Третьим открыли огонь, каждый целился в свою сторону — вспышки замигали по краям платформы, пули врезались в бетон, железо и карликов.

Я повел стволом за бегущей по мостку фигуркой, выстрелил, не попал. В ногу ударил камень. Мы преодолели половину станции, когда Лабус упер приклад «Миними» в сиденье между ног, направил ствол наискось вверх и дал длинную очередь. Впереди под потолком перекрещивались несколько балок, там стояла четверка бюреров, напарник первым заметил их. Пули ударили в железо, очередь пошла дальше, сбила двух карликов, одного подбросила, впечатав в потолок. Последний метнул в нас кусок металла, пули подрубили кривые ноги, и он свалился вслед за остальными.

Ржавый брусок врезался в шлем Второго, тот откинулся на сиденье, голова свесилась набок. Трое бюреров рухнули на рельсы, передок дрезины ударил в них, одного отшвырнул, двух подмял, вдавив в бетон между шпалами.

Но последний свалился на дрезину.

Он упал на голову Третьего как мешок с опилками. Вот только у этого мешка были руки и ноги, а еще — зубы. Сектант попытался спихнуть карлика, тот вцепился когтями в его лицо, рванул монитор на кронштейне, полоснул по глазам и прыгнул на нас. Выпустив пулемет, Костя перехватил его в воздухе.

Карлик был крупный, пузатый, с крепкими кривыми ножками и мускулистыми руками. Он встал на коленях напарника, схватившись за его воротник, отклонился, будто человек на доске с мачтой, поймавший ветер. Широко размахнулся и подался вперед. Кулак, описав дугу, врезался в лицо. Взлетело облачко кровавых брызг, голова Кости дернулась назад, шлем стукнулся о спинку. Аня, наконец справившись с ремнем, соскользнула с моих коленей и присела, почти прижавшись лбом к полу, накрыла голову руками. Я повернул «М4» над ее спиной, пламегаситель уперся в бок карлика. Все еще сжимая ворот Лабуса и занеся руку для второго удара, тот повернул ко мне морщинистую морду. Я нажал на спусковой крючок.

Звук был такой, будто стреляли, вдавив ствол в подушку. С глухими шлепками пули пробили тушу, и бюрера снесло вбок. Перелетев через край платформы, он врезался в парашют, сполз с него.

Произошло это на самом краю зала. Льющиеся со всех сторон гулкие звуки, удары камней и топот ног внезапно сменили тональность, стали тише и глуше. Дрезина влетела в новый тоннель, более узкий, чем первый. Аня встала, придерживаясь за мои колени, протиснулась в узкое пространство между передними сиденьями и склонилась над Вторым, не подающим признаков жизни.

Бугров спросил:

— Целы?

— Целы?! — возмутился Лабус и повернул ко мне голову. Удар бюрера пришелся в скулу, чуть левее — и край шлема защитил бы Костю, чуть выше — карлик сломал бы кронштейн монитора. Скула потемнела из-за лопнувших сосудов, по губам бежала кровь — скорее всего, он зубами рассадил себе щеку изнутри.

— Нет, ни хрена я не цел!

Сглотнув, Лабус нагнулся вперед, уперся локтями в колени и закрыл ладонями глаза.

— Мутит? — спросил я. — Смотри, чтоб не вырвало прямо здесь.

— Не люблю, когда быстро, — проворчал он в ответ.

Я встал, придерживаясь за спинку сиденья. Дрезина с гудением неслась по туннелю, стучали колеса, ветер бил тугим потоком. Я огляделся. Третий направил стрелковый комплекс вперед по ходу движения, Четвертый целился назад. Бугров глядел над нашими головами, Аня склонилась над неподвижным Вторым. Я заметил, что его шлем треснул... и тут же обратил внимание на проекцию БТС. Когда появились бюреры, совсем позабыл про нее — эту драку со швырянием камней и беспорядочной пальбой во все стороны нельзя было назвать боем в нормальном смысле, там не было никакой тактики, которую удобно выстраивать, исходя из данных электронной системы. Но теперь я вновь обратил внимание на картинку и увидел, что зеленый кружок Второго подрагивает, легкие волны пробегают по нему. Это еще что такое? Я пригляделся к проекции, одновременно рассматривая бойца. Интересно было видеть разом изображение внутри головы, будто окно операционной системы, развернувшееся прямо в мозгу, и реальные объекты окружающего мира — наложенные друг на друга, но не мешающие воспринимать информацию из обеих «реальностей».

Аня попыталась расстегнуть шлем Второго, неловко дергая ремешки. Бугров сказал:

— Нет, не снимай.

Она вскинула голову, возмущенно глянула на него, но ничего не сказала. Вторым пошевелился. Между мною и Лабусом протянулась рука Бугрова с медпакетом. Аня взяла его, достала свернутый бинт и стала протирать лицо бойца от набежавшей из-под шлема крови. Транслируемый МЭПом зеленый кружок вновь задрожал, почти стерся с проекции, потом модуль электронного позиционирования восстановил работу — иконка Второго возникла опять.

— Бугров, что впереди? — спросил я.

— Почти приехали.

— Куда выводит этот туннель?

— Мы не знаем, впереди завал. Ветка, вероятно, принадлежала какой-то правительственной лаборатории.

Второй более или менее пришел в себя, а вот Костю до сих пор мутило. И дело было не в синяке на лице — от скорости ему стало совсем дурно. Я даже не стал подшучивать над ним, такой у него был больной вид, хотя вообще-то эта слабость Лабуса когда-то служила для группы источником неиссякаемых острот, которые он воспринимал с меланхоличным спокойствием.

Второй и Третий включили настольные фонари, направили лучи вперед — на дрезине будто зажглись фары. Туннель часто изгибался, отраженный рельсами свет сигнализировал о том, когда будет следующий поворот. Проекция вновь показывала бесконечную решетку-трубу.

Я попытался вычислить пройденное на дрезине расстояние, прикинул скорость... Неожиданно проекция выдала шкалу с черно-белыми квадратами и цифрами, рядом возник постоянно растущий столбик — расстояние. Это сколько же получается? Сетка разбита на сотки, столбик увеличивается по мере прохождения очередного квадрата. Значит, десять метров в отрезке. Я проследил за ростом шкалы на проекции, посчитал — получалось, миновали уже километра два.

Бугров повернул ручку акселератора, и дрезина стала замедлять ход. Офицер скомандовал:

— Приготовиться! Отстегнуть ремни!

Теперь платформа двигалась со скоростью километров пятнадцать в час. Мы-то спрыгнем, а вот Аня? Она присела сбоку от сиденья, я наклонился к ней и сказал:

— Внимательно слушай. Прыгаешь по направлению движения, ноги вместе, в коленях чуть согнуты. Сгруппируйся. Как коснешься земли, падаешь на тот бок, куда начнет вращать. Только не на руки, не вниз лицом.

— Я поняла, — сказала она, и тут же раздался голос Бугрова:

— Покинуть платформу!

Аня прыгнула, покатилась по бетону, и тогда я соскочил с платформы.

* * *

Я стоял спиной к удаляющейся дрезине, рядом подымались на ноги остальные. Бугров, прихрамывая, сделал несколько шагов вдоль рельсов, огляделся. Второй и Третий контролировали противоположные секторы, подняв оружие с включенными фонарями. Лабус повернул пулемет в сторону трех одинаковых дверей в стене за рельсами. Четвертый подошел к одной, присев на корточки, поставил рядом бокс с пробирками и раскрыл.

Звук реактивной тяги постепенно стихал. Интересно, сколько еще длится туннель... Не успел я подумать про это, как его наполнили скрежет и раскатистый грохот. Не просто удар — взрыв, наверное, газовые баллоны рванули.

Когда замок открылся, мы вошли в помещение за дверью: Четвертый, Бугров, потом я, Лабус, Аня, Второй и Третий.

Проекция до сих пор имела вид свернутой в бесконечную трубу сетки. С минуту мы двигались по коридору, пока не достигли места, где его под прямым углом пересекал широкий туннель. Бугров встал, оглядываясь. Лабус спросил:

— Что там?

— Похоже, потерялись, — сказал я и шагнул к офицеру. — Такого не должно быть?

— По схеме — не должно, — ответил Бугров.

Я оглядел тоннель — с обеих сторон тьма, в которой вязли лучи фонарей, где-то едва слышно капает вода. Аня протиснулась между нами, вышла на перекресток и спросила:

— А как должно быть на самом деле?

Офицер протянул ей планшетку, девушка рассмотрела картинку и сказала:

— Отойдите все. Назад в коридор, откуда пришли.

Мы попятились.

Фон проекции вместо зеленого стал белым. Вот черт, как же она это делает? Как-то настраивается на разные диапазоны... В затылке сильно кольнуло, я сморщился, почти полностью свернул проекцию. Стало легче.

По своду туннеля пробежала электрическая дуга — такая же, как у вертолета, из которого мы достали Анну. Зашипело, из бетона над головой вдруг вылупился светящийся шар, с треском отделился от потолка и поплыл по воздуху, рассыпая искры.

— Назад, не та дверь, — сказала Аня.

Бугров с Четвертым зашагали в обратном направлении, остальные посторонились, пропуская их, и направились следом.

Мы вернулись к месту, где спрыгнули с дрезины. В сферическом боксе осталось всего две пробирки. Бугров показал на другую дверь, Четвертый открыл ее. Оттолкнув монолитовца, я первым шагнул в проем, подняв фонарик. Проекция опять стала бледно-зеленой — и вдруг выдала десяток красных треугольников, приближающихся спереди.

— Прямо сто, десять целей, — сказал я. — Двигаются. Это стая бюреров, я подсвечу того, что в центре толпы, — и освободил проход, отойдя к стене.

Эхо донесло топот ног, в свете фонаря появились мутанты. Монолитовцы прошли мимо, встали впереди спинами ко мне. Я транслировал цель, и они дали залп. Вспышки огня лизнули своды, бюреров раскидало в разные стороны.

Аня сзади застонала. Я обернулся, вскинув винтовку, — решил, что на нее напал незаметно подобравшийся карлик, но там никогда не было, хотя девушка почему-то прижалась к стене и закрыла лицо руками.

От взрывов туннель мелко затрясся, по стене пробежала узкая трещина.

— Что с тобой? — спросил я.

Лабус замотал головой, стряхивая со шлема землю и мелкие камешки.

— Вы там совсем мозги растеряли?! — заорал он. — А если сейчас завалит всех?! Из гранатометов в катакомбах, да еще и в четыре ствола!

Шагнув к Ане, я повторил:

— Что с тобой?

Она не ответила — лишь оттолкнула меня и отвернулась.

Монолитовцы вскрыли очередную дверь, Бугров первый нырнул в проем, скомандовал:

— За мной!

Схватив Аню под руки, мы с Костей побежали следом. Девушка вырвалась, толкнув теперь уже Лабуса, и он рявкнул:

— Тогда не отставай!

Включив фонарик на винтовке, я прокричал:

— Далеко до выхода?

Спереди донесся ответ Бугрова:

— По схеме — сто тридцать метров и одна дверь.

Увидев ее, мы остановились. Бугров с Четвертым занялись замком. Проскрежетала поворотная штанга, натужно скрипнули петли, и в туннель проник дневной свет.

Бугров не дал ни минуты отдыха. Один за другим мы выбрались из квадратного люка, Второй с Третьим закрыли его, и офицер сразу достал планшетку. Кинув взгляд на экран, крикнул:

— Радар близко — бегом, живо! Через семь минут включение основной установки!

На проекции было чисто, Радар остался в стороне, вокруг был редкий лес и холмы. Мы побежали. Ане стало получше, она не отставала. Дважды раздавался писк детектора, приходилось огибать аномалии.

На краю березовой рощицы Бугров наконец разрешил остановиться. Все тяжело дышали. Лабус сбросил рюкзак, лег на траву под деревом и задрал ноги, уперев каблук в ствол.

- Бугров сказал мне:
- Посмотри проекцию. Осталось десять секунд.
 - Я оглядел картинку. Ничего такого, привычная зеленая сетка, пологие параболы и прямые линии... Раздался неприятный сухой шелест — и фон пожелтел.
 - Такой эффект у излучения Радара, — пояснил Бугров.
 - И сколько еще я это смогу видеть?
 - Метров пятьсот пройдем — и потеряешь. Фон станет обычным.
 - Все еще лежащий Лабус удивленно похлопал ладонью по шлему — тоже, должно быть, на фон обратил внимание — и протянул:
 - Ага. А как эта желтизна на наши мозги повлиять может?
 - Излучение Радара выжигает ганглии, — сказал Бугров.
 - Костя сел, кряхтя, помассировал колени. Я вопросительно глянул на него — все-таки напарник у нас санинструктор, а не кто-нибудь — и он пояснил:
 - Ганглии — это типа скопление нейронов, нервные узлы.
 - Встав, Лабус похлопал себя по бокам, помахал руками и спросил у присевшей на корточки Ани:
 - Ну что, красавица, нелегко быть десантником?
 - Пока что — легче, чем я думала, — серьезно ответила она.
 - Та ты шо? — с преувеличенным одесским акцентом произнес он. — Так это только пока, точно тебе говорю.
 - Куда теперь? — спросил я у Бугрова.
 - Офицер опять показал планшетку, ткнул в экран сенсорным карандашом.
 - Вот.
 - А что за болото фиолетовое... — начал Лабус, заглядывая через мое плечо.
 - Там зыбь, — сказала Аня. — Очень большая зыбь.

Глава 13

Начальнику штаба Объединенного командования, полковнику...

Полученные образцы снаряжения классифицируются как элемент так называемой боевой тактической системы (БТС). Представленный шлем имеет нашлемную систему целеуказания, портативный приемник сигналов, обработку полученных сигналов осуществляет встроенный микропроцессор.

Исследованный бронежилет состоит из: ...

Состав экспертной комиссии служб РАВ и БТиВТ: ...

- Отключив планшет, Бугров спросил:
- Проекция четкая?
 - Да, — ответил я.
 - Ты ведешь группу, я за тобой, остальные на удалении десяти метров. Вперед.
 - Мы шли вдоль лесопосадки, проекция показывала деревья и рельеф местности. Только зеленый свет, да еще желтый квадратик Ани, никаких красных иконок. Бугров перекачал на мой ПДА схему маршрута — до зыби оставалось несколько сотен метров.
 - Вскоре деревья закончились, перед нами раскинулось болото. Солнце часто выглядывало из-за туч, лучи его то падали вниз, то исчезали, хоровод теней и широких островов света кружился по зарослям, лужам и земляным островкам. Болото отличалось от того, что окружало дом Доктора, — бледно-желтое, не такое влажное, меньше жирной блестящей грязи, вместо нее шелестят поля сухой колкой травы.
 - Я подал сигнал, и группа встала. Метрах в пятистах впереди посреди лишенного зарослей островка маячили два дерева без листьев, здоровенный раскидистый дуб и

молодая акация.

Бугров сказал:

— Максимальное внимание. Направление на деревья, никуда не сворачивать. В нескольких метрах справа тянется граница зыби.

Расширив проекцию до максимума, я пошел вперед — бежать теперь нельзя. БТС ничего опасного не показывала, чисто до самого горизонта. Под ногами хлюпало, но не так вязко, протяжно, как вчера, когда шли к Доктору. По схеме маршрута получалось, что вскоре мы достигнем окраины Припяти, а там и до станции рукой подать. Хотя это если обычную территорию пересекать, а в Зоне расстояния иначе измеряются. Если бы не Аня, ощущавшая аномалии, не БТС и не монолитовцы, хорошо знающие эти места, мы бы от места падения вертолета до этого болота двигались... сколько? Пять дней, неделю, больше? Вопрос в другом — скорее всего, мы бы просто не дошли сюда.

Я махнул рукой, все остановились. Подняв винтовку к плечу, я пригляделся. Далеко впереди слева над зарослями возвышался длинный пологий холм. По склону, спинами к нам, двигались пятеро.

Мы присели, и Бугров спросил:

— У себя на картинке их видишь?

— Нет, они в километре где-то, далеко слишком, — сказал я. — Ты в бинокль погляди.

Он поднес бинокль к глазам, привстав, рассмотрел фигуры на склоне.

— Расстояние девятьсот пятьдесят метров. Патруль с Радара. Два стрелка, связист и расчет с РПГ.

— РПГ им зачем здесь? — спросил Лабус сзади.

— Ближе к станции много брошенной техники, — ответил Бугров, вновь привстал и тут же резко сел. — Иногда гранатомет очень помогает. Так, меняют направление...

Четвертый оставался сзади, а Третий со Вторым переместились влево и вправо, оказавшись по бокам от нас, подняли стрелковые комплексы.

— Двигаться будут вдоль холма, — продолжал Бугров. — Для нас это хорошо, пройдем параллельными курсами, а возвращаться к Радару они станут по другому склону и тогда вообще нас не заметят, — он повернулся, окинул группу взглядом. — Имейте в виду все: через тридцать минут необходимо быть в контрольной точке. Если не успеем, попадем в радиус действия БПЛА, тогда все очень усложнится. Вперед, Курортник.

Пригнувшись и опустив винтовку, я направился к двум деревьям на островке посреди зарослей.

Шли быстро. Приходилось то лавировать между луж, то нырять в кусты, но две лишенные листьев кроны торчали высоко над болотом, сохранять направление было легко.

Трижды Аня сообщала про аномалии впереди, и мы обходили их. Расстояние до патруля не менялось. Проекция оставалась чистой — сетка квадратов, усеянная пятнами (так на картинке отражались заросли).

Не дойдя до границы раскинувшейся вокруг деревьев поляны, я сделал предупредительный жест — группа встала.

По правую сторону шла граница, за которой начиналась аномалия — невероятная субстанция, смесь всего, из чего раньше состояли земля и растения в этом районе. А ведь Аня в подвале под штабом так и не объяснила, почему зыбь не влияет на органику, то есть на людей, почему не превращает их в эту жуткую ртутную кашу, как почву, бетон и дерево? Я оглянулся на девушку, опять посмотрел вперед. Извилистая граница делила мир на две половины: мертвую, ртутно-серую, и нормальную, полную живых красок.

— Возвращаются, — прошептал Бугров, опуская бинокль.

Я поднял очки, сощурился... точно, темные фигурки двигались по склону назад, медленно приближаясь к вершине. Чем патрульные выше — тем легче им нас заметить, но и тем скорее они окажутся на другом склоне холма, который скроет от монолитовцев болото. Я развернул проекцию как можно шире — вот они, нейтральные белые

шестиугольники. Выползли из-за жирной линии горизонта на координатную сетку. Мигнули—и стали красными, когда БТС идентифицировала их как потенциально вражеские объекты.

— Дождемся, пока через вершину перевалят? — прошептал я.

— Нет времени, Курортник.

— Тогда ползком надо. Аня, ты сможешь по-пластунски, без резких движений?

Она закусила губу, разглядывая участок впереди. Кивнула. Черт, черт, черт — нельзя было ее с собой брать! То бюреры, то вон патруль сектантский... Зря я согласился, надо было поставить вопрос ребром: или она идет, или я.

Тихо выругавшись, свернул проекцию до минимума — голова болела, слишком долго шел на усиленной трансляции. Сказал девушке:

— Ползи рядом со мной. Слева и немного впереди, на две головы, чтобы я тебя видел.

— Хорошо, — прошептала она.

Я глянул на остальных. Монолитовцы напоминали инопланетных солдат в черных скафандрах, с фантастическим громоздким оружием. Бугров горой возвышался над другими: могучие плечи, большой округлый шлем, Лабус, присев на корточки, жевал травинку и большим пальцем меланхолично гладил усы. Вот же нервы у человека — даже завидно.

— Курортник, время, — напомнил Бугров.

Да-да, знаю. Нельзя медлить, ждать, пока патруль секты перевалит через вершину и минует нас по другому склону, возвращаясь к Радару.

— Приготовились, — сказал я, и когда все улеглись на животы, добавил: — Вперед!

Аня поползла первая, раздвигая заросли руками и головой, следом остальные, и почти сразу слева донеслось глухое чавканье.

— Леха! — шикнул Лабус. Я кивнул, показывая, что слышу.

Кусты закрывали все вокруг, мы видели лишь кроны двух деревьев да вершину холма. Патрульные исчезли за ней, теперь они уже позади нас. На ходу я стал постепенно разворачивать проекцию, чтобы увидеть, кто приближается по болоту. Звук становился громче.

— Аня, давай медленнее, — велел я, и девушка начала отставать.

Граница проекции неторопливо ползла во все стороны, координатная сетка расширялась — я не хотел разворачивать ее быстро, и так голова трещит. Вскоре в поле ментального зрения появился белый шестиугольник. Мигнул, стал зеленым, потом красным, опять зеленым, опять сменил цвет... что за чертовщина?! Я и сам знаю, что там кто-то идет, мне надо понять: враг или нет? А модуль электронного позиционирования не может определить этого по данным, загнанным в память БТС, колеблется.

Кусты закончились, дальше был открытый участок и дуб с акацией. Справа, совсем недалеко, протянулась граница зыби; слева длинный холм, патруля не видно. Высунувшись из зарослей по пояс, я поднял согнутую руку. Все остановились.

Приготовившись стрелять, повернулся в направлении звука, но так и не увидел его источник, мешали кусты. Они тряслись, на проекции мигающий шестиугольник приближался. Если бы не патруль, я бы сразу долбанул по нему, не глядя, но выстрелы нас выдадут.

Из зарослей показалась голова Лабуса, рядом высунулись стволы стрелковых комплексов. Белый шестиугольник стал большим и очень ярким.

— Ножи к бою! — прошипел я, хватаясь за рукоять на ремне.

Чавкающие звуки превратились в протяжное «хлюп» — и на открытое пространство выскочила псевдоплоть. Я понял, что это за тварь, только по ее глазам, выпученным и бешено вращающимся. Непривычно здоровая, пятнистая — наверное, какая-то местная порода, — вымазана в склизкой серой жиже. Вот почему МЭП сбоил.

Она бросилась на меня.

Не успев выхватить нож, я прыгнул вперед, освобождая мутанту путь.

И только тогда сообразил, что сейчас произойдет.

Лабус подался назад. Я развернулся, плоть промчалась между нами. Мне ничего не оставалось, как поймать ее в прицел и выжать спуск.

Это не помогло, тварь бежала слишком быстро. Пули подрубили ноги, по инерции псевдоплоть проскакала еще несколько метров и пересекла границу зыби.

— К деревьям! — гаркнул Бугров.

* * *

Вцепившись в толстый сук, я повернулся. «М4» качнулась на ремне, ударила по ребрам, пришлось прижать ее локтем. До земли было метра три.

Никто не видел, как псевдоплоть свалилась в аномалию. Мы лишь услышали протяжный низкий звук, что-то тренькнуло, словно оборвалась струна на гитаре, и зыбь включилась.

Граница ее, дрогнув, поползла. Забурлило, зачавкало, взлетели гроздьи пузырей, плоский ртутный студень подобрался к деревьям, изогнулся, обступая их. Под нами возник глубокий залив, потом края его сошлись, оставив круг земли. Теперь со всех сторон поблескивала зеркальная гладь аномальной субстанции. Стебли, вода и почва смешивались в невероятный, фантастический студень. Поверхность растущей зыби покрылась легчайшей рябью... и аномалия сомкнулась на дубе с акацией, будто лед, сковавший прорубь.

Я помог залезть Анне повыше, протянул руку Лабусу. Рюкзак цеплялся за ветки, мешал.

Бугров устроился на длинном суку рядом, Второй и Третий подтянулись, ногами обхватили ветви и сели верхом. А вот Четвертый почему-то кинулся к другому дереву — он двигался последним и, наверное, решил, что не успеет залезть, мы помешаем ему.

Акация была куда тоньше дуба. Мы сидели на древнем гиганте, а Четвертый — на молодом деревце, согнувшемся под его весом.

Когда аномалия захлестнула островок, дуб качнулся, затрещал. У основания накренившейся акации вспухали и лопались ртутные пузыри.

— Через пару минут выключится, — выдохнула Анна. Ветка под ней опасно наклонилась, девушка ухватила меня за шею и прошептала:

— Держись.

— Не надо было тебе с нами... — с натугой выговорил я, одной рукой обняв сук, а другой Аню. — Лабус, как ты?

— Нормально, — донеслось откуда-то сбоку.

Зыбь ползла дальше. Дуб кренился все сильнее — мы сидели будто на верхушке длинной свечи, поставленной в раскаленные угли. Древесина потрескивала, хрустела, кусочки коры со щелчками выстреливали из ствола. Голова Ани прижалась к моему плечу, волосы щекотали ноздри.

Бугров что-то выкрикнул. Из этого положения я не видел акацию, но понимал, что Четвертому приходится совсем плохо. Зато длинный холм оказался в поле зрения — со стороны Радара из-за него выбежали патрульные.

— Сюда идут, — сказал Лабус будничным голосом. Они видели нас, мы их. Но у них оставалась свобода маневра, а мы были в ловушке.

Ртуть громко плеснулась, по ней побежала рябь. Покрепче ухватив сук, я изогнулся, но не смог увидеть источник звука.

— Это акация упала? — прохрипел я.

Сократив расстояние до прицельного выстрела, сектанты начали бить по деревьям короткими очередями. Хорошо, у них нет снайпера в группе...

Зато есть гранатометчик.

Пули врезались в ствол над нами, пошли наискось, круша ветки. Лабус выругался. Я подтянул Аню повыше, чтобы она могла обхватить сук, сам плашмя улегся на нем и высвободил ствол «М4», зажатый между девушкой и мной. Подняв винтовку одной рукой,

дал короткую очередь.

Несколько ответных пуль вспороли кору на стволе, Другие ударили в рюкзак. Он дернулся, чуть не сбросив меня с дерева. Послышались глухие шлепки и тут же — ляг. Застывший на соседнем суку Бугров, взмахнув руками, кувыркнулся вниз. Лабус свесился за ним, ногами обняв толстую ветку, и успел схватить офицера за щиколотку. Руки монолитовца качнулись, оружие на длинном ремне чиркнуло по ртутной поверхности. Лабус захрипел, стиснув зубы, лицо налилось кровью.

Патрульные приближались, двигаясь наискось к ползущей прочь от нас границе зыби. Один поднял РПГ.

На самом краю зрения что-то шевельнулось, я как мог повернул голову и, к своему удивлению, понял, что акация все еще не упала в зыбь. Дерево изогнулось, Четвертый взгромоздился на верхнюю часть ствола, замер там, как курица на насесте. Он выстрелил из «Сааба», и в тот же миг громыкнул РПГ.

- Мать!.. - выдохнул Лабус. Пальцы его соскользнули с ноги Бугрова.

Я дернулся следом за офицером, но не успел. Боковым зрением увидел стремительно растущую белую полосу...

Граната врезалась в соседнее дерево. Громыкнуло, и тугая взрывная волна сбросила нас с веток.

Стук, звон в ушах... Я сглотнул, а в голове колоколом гремело: *зыбь, зыбь!* Ведь я упал - мы все упали - сейчас засосет...

Ничего не происходило, тело не погружалось в мутно-серую поверхность - потому что она уже не была рыхлой, аномалия выключилась!

Сбоку появилась Аня, вцепилась в мое плечо и потянула. Откуда-то возник Лабус, проорал:

- Леха, быстро!

Стоя на четвереньках, я мотнул головой. Увидел, как Второй и Третий потащили Бугрова к зарослям. Бронепластины на его груди вмялись, по плечу расплывалось влажное пятно.

Здорово ныл правый бок. Ремень «М4» захлестнул запястье, винтовка лежала рядом. Аня вновь потянула меня. Ухватив оружие за пистолетную рукоятку, я приподнялся - девушка, чуть было не потеряв равновесия, присела, и тут над нашими головами пролетела вторая граната.

Она не взорвалась сразу, срикошетила от мощного сука и ушла куда-то в сторону, оставляя дымный след. Через пару секунд вдалеке громыкнуло. Я вскочил, подался назад, потянув за собой Аню, готовый вновь лезть на дерево, если аномалия включится, - но ничего не произошло, она не среагировала на взрыв.

Вокруг застучали пули. Патрульные бежали к нам от дальнего конца холма. Вытащив девушку за дуб, я присел, прижал ее спиной к стволу и глянул назад. Сектанты с Бугровым исчезли в зарослях, Лабус пригнулся между ними и деревом. Я знаком приказал ему уходить за бойцами, но перед этим ткнул пальцев в Аню. Напарник кивнул.

- К нему! - крикнул я и выставил винтовку из-за дуба, положив ствол на шишковатый бугор.

- Я с тобой... - начала она, но я рявкнул:

- За ним! Это приказ, выполнять!

Она вздрогнула, я толкнул ее в плечо, проорал Косте: «Давай!» - и начал стрелять.

Один из пяти монолитовцев упал, остальные сразу залегли. Лабус бежал к зарослям, прикрывая Аню, толкал ее перед собой. Они исчезли среди кустов. А где Четвертый?

Сектант лежал на спине далеко за акацией. Зыбь почти растворила ее основание, ствол изогнулся, крона погрузилась в ртутное озеро, которое в тот момент застыло, - дерево выгнулось дугой.

Четвертый не шевелился. Как-то странно он лежит, что у него с ногами? Отсюда не разобрать...

Патроны закончились, и я вдавил кнопку на приемнике. Когда пустой магазин выпал, сорвал с жилета новый, вставил, дернул ручку перезарядки. Патрульных я теперь не видел, вряд ли они на прежнем месте - расползлись, скорее всего, и приближаются ко мне. Что там говорила Анна, когда аномалия снова включится? Если в нее что-то попадет? Тогда почему она не сработала после нашего падения?

Загрохотали сразу три ствола, в траве возле новой границы зыби сверкнули вспышки. Патруль бил вслепую, по буду и зарослям, надеясь кого-нибудь зацепить. Они стреляли попарно, приближаясь, прикрывая друг друга. Пуля вжикнула возле лица, я отпрянул. И заметил, как Четвертый шевельнул рукой.

— Живой?! — вырвалось у меня.

Пули били в ствол, проносились мимо. Не высунуться, не отступить... теперь патрульные слишком близко, я не смогу отбежать к зарослям под прикрытием дуба, как это сделали Лабус с Аней. Но почему они РПГ не используют?

Четвертый медленно повернул ко мне голову. Дернул рукой. Я прищурился, соображая, как ему помочь... нет, никак, я себе помочь не могу! К тому же теперь я увидел то, чего не замечал раньше: ноги бойца по колено погрузились в застывшую аномалию. Он отвел руку назад и показал в сторону зарослей, своим телом прикрывая это движение от патруля, достал из подсумка пару ручных гранат, положил на землю и сильно толкнул ладонью. Они покатались по глади, подскакивая, стуча, достигли сектанта, ударили его в поясницу. Отведенная за спину рука опустилась, ладонь накрыла гранаты.

Я сел, привалившись к дереву спиной, вернее — рюкзаком, винтовку поставил между колен. Несколько пуль взвизгнули слева и справа, пронеслись почти вскользь к плечам, другие ударили в дуб. Почему они из гранатомета по мне не засадят?

Раздался взрыв, и выстрелы смолкли.

Я ждал этого — как только брошенная Четвертым граната рванула, вскочил и побежал к новой границе аномалии, наискось от патруля.

Когда гладкую поверхность сменила обычная мягкая земля, двигаться стало легче. Я влетел в кусты, упал, развернувшись ужом, выставил из зарослей ствол и несколько раз выстрелил наугад. Только сейчас до меня дошло, почему патрульные больше не применяли тяжелое вооружение: боялись, что зыбь все же среагирует.

За акацией Четвертый приподнялся на локте и швырнул вторую гранату. Круглая, похожая на яблоко, она пролетела по длинной дуге и упала примерно там, где залег патруль. Дальше я не смотрел — вскочил и рванул прочь по узкой просеке, пробитой в кустах монолитовцами, Лабусом и Аней. Застрочило оружие патруля, выстрелил гранатомет Четвертого. Далеко за спиной гроыхнуло...

И опять донесся протяжный звон порвавшейся струны.

Меня спас рюкзак на спине — две пули угодили точно в него, сильно толкнув вперед. Ноги запутались в густой траве, и я повалился навзничь, взмахнув руками. Винтовку не выпустил, но больно стукнулся подбородком о цевье. Кое-как поднявшись, сплюнул кровью и глянул назад поверх зарослей. Прямо на меня катилась волна: растения, почва и вода перемешивались, заросли будто взрывались, содрогаясь, падали.

Четвертый до поясицы погрузился в аномалию. Он держал над головой «Сааб» и громко рычал. В десятке метров от него патрульные отплясывали нелепый танец, стоя по колено в густой бледно-серой массе, размахивая руками, пытались выбраться, но не находили точек опоры под ногами.

Волна рванулась с удвоенной скоростью, громко треща зарослями, граница зыби прыгнула вперед... и остановилась. Все смолкло, ртутная поверхность застыла в метре от меня. Двое патрульных оказались спиной ко мне, двое смотрели в мою сторону.

У одного в руках был готовый к стрельбе РПГ.

Я открыл огонь. Хорошо было видно, как дергается под пулями тело гранатометчика. И все же перед смертью он выстрелил. Оружие дернуло вверх, граната под углом ушла в небо. Патрульного кинуло назад, и тут же зыбь опять загустела — сектант застыл в

неестественной позе.

Двое, завязшие спинами к нам, пытались повернуться и палили в белый свет. Последний стрелял более прицельно, но Четвертый вскоре попал в него, используя последнюю гранату из «Сааба». Взрыв разворотил тело в черном спецкостюме. Длинная очередь моей «М4» прошла спину второго сектанта, третьего... За миг до этого он, отведя далеко за спину руку с пистолетом, успел выстрелить.

Всего один раз — однако пуля угодила в лицо нашего бойца. Я не видел, куда точно, заметил только, как голова откинулась.

Пять тел застыли, наполовину погруженные в ртутную поверхность, будто в тусклое зеркало. Еще несколько секунд я стоял на месте, широко расставив ноги, вдавив приклад в плечо, переводил ствол с одного патрульного на другого. Проекция в сознании прыгала, мерцала, иногда прямые линии координатной сетки с едва слышным шипением сменялись зигзагами. Я попробовал сконцентрироваться — не помогло. На самом краю картинки дрожали зеленые шестиугольники; моя группа медленно удалялась, все сильнее забирая в северном направлении.

Я бросил последний взгляд на Четвертого, развернулся и побежал следом.

Глава 14

У т в е р ж д а ю:

Начальник штаба батальона майор...

План тренировки взводов РЭР и РЭБ:

- 1. Провести занятия по изучению матчасти поступивших на вооружение взводов новых систем БПЛА;**
- 2. Осуществить пробный запуск;**
- 3. Проверить навыки операторов станций, достигнуть слаженности во взаимодействии с подразделениями РЭР и РЭБ миротворческого контингента;**
- 4. Выявить (возможные) недостатки конструкции аппаратов, средств оптической и радиоэлектронной разведки. Свои мысли и соображения представить в отчете...**

Группу я нагнал быстро. Бугров еще не пришел в себя, Второй с Третьим волокли его, Лабус и Аня бежали рядом. Заслышав шаги, они оглянулись, Костя лишь кивнул, будто другого и не ждал, на лице девушки возникло облегчение — но и что-то еще. Обида, что ли? Это из-за того, что я на нее орал возле дуба, да еще и толкнул? Только женских эмоций нам сейчас не хватало...

Впереди, немного левее нашего курса, темнела кромка леса, далеко сзади виднелись постройки Радара. Голова раскалывалась, в ушах звенело, но когда я отключил шлем, почти сразу стало легче. Мышцы шеи, до того напряженные, деревянные, расслабились, боль вытекла из головы и сжалась где-то под ключицей в точку, раскаленную до звездных температур.

— Стоп! — скомандовал я.

Когда группа встала, вывел на ПДА карту маршрута. Мы немного отделились от следующей контрольной точки, надо корректировать маршрут.

— Что там? — спросил Лабус, кивая в сторону, откуда я прибежал.

— Патрульных не осталось. Но Четвертый погиб.

Он вопросительно глянул на меня. Ах да, я же только для себя присвоил монолитовцам номера, напарник их не знает.

— Группа уменьшилась на одного, — пояснил я. — Но зато патруль больше преследовать не будет. Во всяком случае, этот.

Аня стояла спиной ко мне и молчала. Пожав плечами, я сказал:

— Надо идти к тому лесу как можно быстрее. Мы отклонились на пять градусов от маршрута. Что с Бугровым?

Костя повел подбородком в сторону монолитовцев и развел руками.

— Дайте ему посмотреть, — произнес я.

Лабус шагнул к сектантам, Второй сделал короткий отрицательный жест, и напарник отступил. Не хватало еще разборок в нашей и без того не слишком сплоченной группе. Ладно, все равно сейчас нет времени.

— Тогда тащите его сами и не отставайте, — заключил я. — За мной, след в след.

Вновь подключив иглу к чипу, передвинул винтовку за спину и побежал.

Голова тут же разболелась. Проекция подрагивала, в сознании снежило, зеленые точки ползли сверху вниз. Как снять боль и откорректировать БТС, я не знал.

Сейчас надо уйти как можно дальше, пока с Радара не подтянули резервы. В Припяти нас, конечно, будут встречать, надо найти скрытый путь в город, а местности я не знаю. Только на картах ОКа видел этот район да читал рапорты разведчиков. Если Бугров не придет в себя...

Позади, невысоко над местом, где недавно шел бой, с негромким гулом пронесся летательный аппарат, и мы остановились, всматриваясь. Когда он развернулся, заходя на второй круг, стал виден сплюснутый корпус и сдвоенное хвостовое оперение.

Я попытался классифицировать машину — ударный это БПЛА или нет? Нет, не разобрать, слишком далеко.

Описав второй круг, беспилотник ушел на юго-восток.

Раздался голос Бугрова:

— У него нет бомбовой нагрузки.

Я повернулся. Бойцы положили офицера на траву лицом кверху, он приподнял голову.

— Ушел на дозаправку. Сейчас в этот район введут второй, а первый вооружат «спайками».

Мы с Лабусом переглянулись — только этого нам не хватало. Ракеты с дальностью поражения километров до четырех, головка самонаведения, возможность коррекции... значит, улетевшая к горизонту машина с ударными возможностями, раз на нее можно навесить «спайки». И оператор, который ведет БПЛА, обеспечит высокую точность попадания.

— Так сколько у нас времени? — спросил напарник.

Бугров ответил не задумываясь:

— Пятнадцать минут.

А до леса больше двух километров.

— Ты сможешь идти?

Офицер кивнул. Оставить его здесь мы не могли, даже если от этого зависело спасение остальных, без Бугрова двигаться дальше просто бессмысленно. Он и сам понимал, что от него зависит успех миссии, но потеря в скорости подвергает провалу все наши планы. Вооруженный беспилотник легко расстреляет нас, к тому же вот-вот появится вторая машина, которая подсветит цель...

— Значит, подъем, — сказал я.

Бойцы помогли Бугрову встать — и мы побежали.

Когда до леса оставалось с полкилометра, над нами прошелся второй БПЛА, прилетевший для корректировки.

Мы бежали не слишком быстро, вела Анна — она без всякого детектора засекала встречающиеся на пути аномалии и огибала их. Местность оставалась заболоченной, ноги скользили, приходилось то плюхать по лужам, то перескакивать через кочки, от этого сбивалось дыхание.

На ходу я передвинул винтовку со спины на грудь. Вот он, край леса, спасительная стена высоких зарослей и деревьев, уже совсем близко. Черные ботинки монолитовцев тяжело бухали в землю, два бойца поддерживали под мышки Бугрова, тот почти висел, волоча ноги. Рядом сопел Лабус, Аня легко бежала передо мной, рюкзак подскакивал на спине. Увидев, что впереди относительно ровный участок земли, я рискнул оглянуться. Маленький самолетик летел на фоне неба, где-то в километре позади, как муха, с тонким

назойливым Жужжанием двухцилиндрового двигателя. Знают, гады, что мы к лесу спешим, и не боятся на небольшой высоте держать машину, нет у нас времени стрелять по ней.

Вслед за девушкой остальные резко приняли вправо, огибая хорошо видимое облако горячего воздуха, колыхающееся над землей.

Аня на ходу обернулась, глянула вверх и крикнула:

— Второй!

Еще один БПЛА. Это значит: сейчас они дадут залп по нас. Мы в пределах видимости, им нет смысла медлить. Управляемые ракеты долетят за несколько секунд, транслируемая второй машиной картинка цели не позволит промахнуться оператору ракет.

Аня вдруг остановилась, мы с Лабусом чуть не врезались в нее, девушка отпрыгнула в сторону. Взрыв каблуками землю, я рывкнул:

— Чего встала?!

И тут же увидел слева жарку: облако горячего воздуха над землей.

— Отойдите от нее! — крикнула Аня монолитовцам, шаря рукой у пояса. — К лесу давайте!

Один БПЛА летел низко над горизонтом, боком к нам, второй неся прямо на нас. Блеснула вспышка, и от него отделись едва заметные черточки. Я повернулся. Слева, справа, впереди — поле без всяких укрытий, сзади лес, вроде и недалеко, но к нему не успеть. На мгновение я показался самому себе муравьем на ладони великана, и сверху ко мне приближается огромный палец, сейчас раздавит...

Лабус толкнул меня, мы побежали. Бойцы уже волочили Бугрова к лесу. Сорвав с ремня подсумок, Аня швырнула его в аномалию.

Спину обдало жаром — ярчайшая желто-оранжевая вспышка озарила ландшафт. Через мгновение сзади громыхнуло, ударная волна сбила нас на землю.

Когда аномалия сработала, оператор на несколько секунд ослеп — и одна ракета угодила в жарку.

Перевернувшись на бок, я увидел след второй, ушедшей в зенит. Скорость у «спайков» невысокая для такого типа вооружений, до ста восьмидесяти метров в секунду. Я лежал, щурясь, полуголушенный, и глядел в небо, крепко сжимая «М4». Вот ракета развернулась, прочертив белую запятую, понеслась назад, к нам, — значит, оператор пришел в себя, взял ее под контроль. Я поднял винтовку, упер приклад в плечо. Бессмысленно палить по ракете, но все же дам пару очередей...

Раздались хлопки, и в небе над нами распустились белые дымовые зонтики.

Многоспектральные гранаты! Пусковые установки для этих штук монтируются по бокам танковых башен, я понятия не имел, что у сектантов ими оснащены стрелковые комплексы. На такие гранаты обычно ставят два модуля, один создает в воздухе термическую завесу из горящего красного фосфора и густого дыма, второй — маскировочный заслон в инфракрасном диапазоне, поглощающий к тому же лучи целеуказателей-лазерников.

Падающая на нас ракета завихляла, с пронзительным шипением прочертила белую полосу и врезалась в землю. Я успел разинуть рот и прикрыть ладонями уши, но это мало помогло. Из пространства вокруг будто на мгновение выкачали весь воздух, и небо с тяжелым хлопком провалилось на несколько метров.

Меня швырнуло в сторону, поволокло по траве. Комья земли забарабанили по шлему, сверху посыпались клочки растительности.

В гулкой тишине я поднялся на ноги, плохо понимая, что делаю, огляделся. Как в замедленной съемке, неподалеку бесшумно вставали две фигуры в черном, поднимали третью... Рядом еще одна (это Лабус, что ли?), а вот кто-то лежит... Я шагнул вперед, что-то дернуло руку, глянул через плечо — винтовка волочилась сзади, ремень обмотан вокруг запястья. Я перекинул его через голову, нагнулся и помог встать Ане. Из носа девушки текла кровь. Она посмотрела на меня, губы беззвучно зашевелились.

— Идем, — сказал я.

А может, и не сказал. На всякий случай повторил слово несколько раз, ухватил Аню за плечо и потащил к лесу. В небе над нами что-то происходило, там что-то летало, но я ничего не мог разобрать. В поле зрения возник Костя, лицо придвинулось к моему, он как рыба раскрывал рот — а у меня только звон в ушах. Картинка проекции в голове свернулась сама собой. Не отпуская Аню, я пальцем вдавил клавишу под шлемом и отключил чип.

Звуки окружающего мира начали медленно возвращаться ко мне — с опаской, будто напуганные чем-то. Шелест травы, приглушенный топот ног... Второй и Третий волочили Бугрова к лесу, я плелся за ними, обнимая Аню, которая почти висела на мне. Рядом качался из стороны в сторону Лабус. Заросли впереди, прямо перед нами... Еще два шага — и мы достигли их.

* * *

Чтобы расстрелять нас с воздуха в лесу, преследователям понадобился бы вертолет. Я очень надеялся, что таких беспилотников у них нет.

Более или менее придя в себя, мы преодолели где-то с километр и оказались в густой чаще. Под огромной елью сделали привал. Бугров тяжело уселся, бойцы стянули с него верхнюю часть бронекостюма, положили рядом. Третий достал из ранца набор инъекторов и поочередно вколол командиру.

Я извлек из рюкзака пластиковый бокс с пайком, сказал Косте:

— Поесть надо.

Он, кряхтя, сел, раскрыл свой ранец.

— Солдаты, обед, — сказал я, но сектанты даже не оглянулись.

Ладно, как хотите. Позвал Анну — но и она отказалась от еды. В боксе была складная горелка, сухое горючее, консервы, хлебцы, витаминизированные пластинки сои, сухофрукты. Я бросил в горелку таблетку горючего, поджег, вскрыл банку с кашей и поставил разогреваться. Напарник, большой любитель сладкого, уже выдавил себе в рот тубик сгущенного молока.

Мы быстро поели, и Лабус лег, задрал ноги на ствол ели. Третий все еще занимался Бугровым, Второй стоял с оружием на изготовку, контролируя окрестности.

Аня сидела неподалеку, массируя распухшую лодыжку. Я отхлебнул из фляги, опустил на корточки рядом с ней и сказал:

— Извини.

Она подняла на меня взгляд.

— Не хотел тебя толкать и кричать тоже. Но в бою не должно быть никаких «Я останусь» и прочего. Командир — Бугров, когда его поблизости нет — я.

Закусив губу, она несколько секунд смотрела на меня, потом опустила голову и сказала:

— Все нормально, я понимаю.

Я помолчал, пытаюсь сообразить, как лучше сформулировать то, что еще хотел сказать ей. Потом мысленно махнул рукой — как есть, так и говори, чего тут мудрить.

— Ты должна вернуться.

— Почему? — она опять подняла голову.

— Вернуться на болото, к отцу.

— Что случилось?

— Ничего. Просто все это слишком опасно.

— Ну и что? Думаешь, у меня до того не было в жизни опасностей?

Я покачал головой.

— Таких — думаю, не было.

— Нет, я иду дальше, — сказала девушка.

— Зачем? «Черные» идут, потому что иначе не могут. Они фанатики и подчиняются

Осознанию, то есть сейчас этому Северову. Я иду, потому что не могу позволить мутантам расползтись за Периметр, у меня в Киеве родственники. А еще потому, что по вине Осознания убили моих товарищей, и я хочу расквитаться как и Лабус. А почему идешь ты?

— Потому что люблю Зону, — сказала она, глядя мне в глаза. — И без меня вы можете не пройти. Все, Курортник, не о чем больше говорить. Мы идем вместе.

Я выпрямился, сверху вниз поглядел на девушку. Но ведь наверняка погибнет! Несмотря на все способности она не обучена, не умеет бежать, как надо, ползти, как надо, стрелять... А я не хотел, чтобы она погибала. Мы были знакомы всего сутки, но что-то происходило со мной, когда я смотрел на нее. Не знаю, что именно чувство это было мне незнакомо. Если бы не монолитовцы — я бы заставил Аню остаться. Просто не взял бы с собой. В конце концов — стукнул по голове, а когда она пришла в себя, нас бы с Лабусом уже не было здесь. Но она действительно нужна группе, и потому «черные» не дадут мне сделать ничего такого.

Отступив от нее, я огляделся. Второй стоял спиной к нам и вглядывался в чашу, Третий прятал аптечку в ранец.

Я сел на траву рядом с Лабусом. Он отдыхал, задрал ноги на ствол и закрыл глаза.

— Эй... — негромко позвал я.

Костя открыл один глаз, потом второй.

— Чего тебе, беспокойный ты наш?

Сидящий под елью Бугров показал жестом: пять минут, потом уходим. Я кивнул, повернулся к напарнику.

— Костя, спецы ни в чем не виноваты. У них был приказ.

Он вопросительно посмотрел на меня.

— Ты не знаешь... есть список правил с грифом «совершенно секретно». Согласно параграфу девятнадцать командир группы может получить код «ликвидация» по указанному объекту — мы и оказались тем объектом.

— Ага, — он кивнул. — Это понятно. Еще что-то?

— При получении кода командир или зам должен запросить подтверждение. Нас подтвердили. А вот теперь задай вопрос.

— Кто?

— Осознание.

— Но как?

Я покосился на «черных».

— Не знаю, как Осознание пролезло в систему связи ОКа и расшифровало их ключи.

— Но как Давыдов мог...

— А ты бы не подчинился, не выполнил приказ? Поставь себя на его место. Хотя ты ведь не кадровый военный, тебе труднее такие моменты понять. Ладно, сейчас не в этом дело. Но спецам тогда пришлось очень сильно себя ломать.

— Вон почему Давыдов такой чумовой был, — сказал Лабус и сел, скинув ноги с дерева.

— Аж корежило его всего. И еще понятно теперь...

— Почему нападение на нас они так плохо спланировали?

— Ага. Им, может, код на ликвидацию за минуту всего пришел, до того как Давыдов со своими нас увидел. Тогда и с третьей группой скоординироваться возможности у него не было, и тактику спланировать... Глаза напарника потемнели, лицо напряглось. Кажется, он только сейчас всерьез осознал, кто по-настоящему виноват во всем, произошедшем с нами.

— Леха, мы заряд идем обезвреживать, — произнес он, — а не с этими странными людишками из Осознания перестреливаться.

— Еще поглядим, как там все обернется. Может, и будет у нас возможность отомстить. Поглядим.

— Может, и будет. А как отомстить? Про это ты думал? Если они коды ОКа знают,

вертолеты сбивают... Тогда они и вправду хозяева Зоны. Как их убить, как вообще подступиться к ним? Против таких с ядерными ракетами надо идти, а не с пулеметами да винтовками.

— Это я понимаю. Но у нас, кроме пулеметов да винтовок, ничего нет.

— Ты доверяешь «черным»? — неожиданно спросил он.

— Нет, конечно. Я и Доктору не доверяю.

— А девчонке?

Я не ответил. Напарник с едва заметной усмешкой глядел на меня, и я заерзал под пристальным взглядом, чувствуя непривычное смущение, оглянулся на Аню, искоса глянул на Лабуса... Меня выручил короткий свист монолитовца.

— Идти пора, — я вскочил. — Что ты лыбишься? Идем, говорю!

Бугров был уже на ногах — на плече поверх куртки повязка, отечное лицо спокойно, как всегда, никаких эмоций, ни намек на то, что ему больно. Ну и черт с ним. Может, у них не кровь уже в жилах, а синтетический состав какой-то, ему ж Третий четыре шприца всадил.

— Выступаем, — сказал офицер, повесил за спину «Сааб» и зашагал в лес.

* * *

Полдень давно миновал, мы шли по лесу уже долго. Не знаю, пролетал ли над нами БПЛА или нет, Аня вела отряд так, чтобы не выходить на открытые места, поляны и распадки между лесными холмами. Если бы не она, двигались бы мы раза в три медленнее, но девушка легко помогала миновать аномалии и длинные бороды жгучего пуха, свисающие с ветвей.

Впереди показалась заросшая кустами потрескавшаяся древняя бетонка. Я сверился с картой и схемой маршрута — все правильно, сейчас начнутся садовые участки, дальше железнодорожная ветка, по ней можно достичь транспортного узла, а там уже и Припять.

Мы вышли на край дороги, подняв оружие, огляделись. Парило, над высокими кустами лениво жужжали насекомые. В лесу у дороги стояла тишина.

— Туда, — негромко сказал Бугров, показав направление, и приказал Второму: — Веди.

Я не включал проекцию, мы ориентировались по планшету Бугрова. Город Припять на экране выглядел как кружочек размером с пятак — пока офицер не изменил масштаб. Тогда «пятак» потерял правильную форму, границы его уехали в стороны, раздвинулись за край экрана. Взгляду предстали плоские улицы, прямоугольники домов, плавно изогнутые и ломаные линии.

До Припяти оставалось недалеко. На совещании в штабе ОКа нам давали краткую информацию по ней: когда-то город был крупным транспортным узлом в масштабе Союза, с речным вокзалом, железнодорожными ветками и станцией под названием Янов. Широкие просторные улицы, небольшие дома чередуются с многоэтажными. Припять считалась образцово-показательным, а еще экспериментальным городом, как-то эти две особенности сочетались в мозгах тогдашнего руководства страны. Несколько школ, ПТУ, больница с поликлиникой, дом культуры, кинотеатр, пара стадионов, бассейн, ну и всякая промышленность. Во времена СССР — очень богатый, развитый город.

Размышления прервал глухой звук автоматных очередей. По знаку Второго мы остановились. Щелкнул одиночный выстрел — СВД, судя по всему. Не слишком хорошее снайперское оружие, но популярное среди сталкеров. Опять автомат, короткие очереди.

— Кто там палит? — спросил Лабус, ни к кому конкретно не обращаясь. — И в кого?

— Нас это не касается, — произнес Бугров.

Я подключил чип. Развернувшаяся проекция слегка подрагивала. Второй дал знак, мы перегруппировались и пошли вдоль дороги, под прикрытием кустарника. Мы с напарником никогда не забирались в Зону так далеко, но монолитовцам местность явно была знакома, на детекторы они не смотрели.

Вскоре, после того как выстрелы смолкли, мы продрались сквозь заросли и вышли на дорогу, где перешли на бег.

Все происходило молча — мы с Лабусом уже привыкли, что из монолитовцев говорит только Бугров. Непонятно, почему остальные молчат, но мы приняли эту странность как должное. На любые вопросы бойцы отвечали только жестами, между собой репликами тоже не обменивались, хотя действовали очень согласованно, профессионально. Иногда мне казалось, сектанты заранее знают, что и как делать, опережают события. Может, они находятся уже на следующей ступени эволюции и обладают возможностями, которых нет у обычных людей? Невеселая мысль.

Впереди показался проржавевший остов «ГАЗ-63» ~ бледно-зеленый, с дощатым кузовом без тента. Не добежав до машины, мы свернули, пересекли дорогу и побежали вдоль другого края.

Кустов стало меньше, обзор улучшился. Миновали садовый домик с прогнившей крышей — балки, затянутые какой-то белесой гадостью, напоминали ребра в развороченной грудной клетке; колодец, покрытый необычным ярко-зеленым мхом, сетчатый забор. Садовое товарищество заросло крапивой и репейником, над зарослями торчали развесистые лопухи. Дома показывали нам языки жгучего пуха, свисающие из ртов-окон, на столбах с обрывками проводов болтались ржавые волосы. Зашелестело, из зарослей возле недостроенного сарая высунулась башка псевдопса, здорового, как теленок.

— Спокойно! — сказала Аня.

Вслед за Вторым мы перешли на шаг. Пес стоял на одном месте, башка с грязно-коричневыми кругами вместо глаз поворачивалась, будто он провожал нас взглядом. Аня подняла руку ладонью к нему и что-то пробормотала. Споткнулась, я ухватил ее за локоть. Мы сделали еще несколько шагов — и пес бесшумно исчез в бурьяне.

Опять послышались приглушенное грохотание и хлопки. Вялая какая-то перестрелка, без огонька. Короткая очередь, одиночный выстрел винтовки... тишина. Еще один выстрел. Спустя почти полминуты — вновь очередь, патронов на четыре-пять, не больше.

Вскоре мы подошли к широкому шоссе, мало отличающемуся от бетонки — асфальт в трещинах и кусты. Припомнив карту, я решил, что по нему можно выйти прямо к четвертому блоку ЧАЭС, минуя железнодорожную станцию Янов, но Второй стал все больше забирать на северо-запад, уводя группу от основной цели. Редкие выстрелы — переключки СВД и «Калашникова» — звучали все тише. Монолитовец уверенно шел дальше, не обращая на них внимания.

Вновь потянулись остовы садовых домиков, торчащие из моря бурьяна. Сухой шелест и жужжание насекомых висели над шоссе. Мы прошли мимо сваленных в кучу двухколесных тележек, мимо фонарного столба, сплошь заросшего ржавыми волосами. Удивительно — фонарь до сих пор работал, из гущи стеблей аномального растения пробивался тусклый свет. Хотя ржавые волосы — не растение в нормальном смысле, просто эта аномалия похожа на колючие водоросли. Возьмите магнит, поднесите к мелкой железной крошке, она налипнет шершавым «ежилом». Знакомая со школы картинка? Вот так примерно и выглядят ржавые волосы.

За садовым товариществом шла короткая лесопосадка, а дальше открылась железнодорожная станция: заросшие травой насыпи, горы щебня, рельсы, ржавые вагоны на них. За насыпями виднелся большой полуразвалившийся пакгауз, рядом высился мостовой кран.

Ведущий дал знак, мы остановились и быстро рассредоточились для контроля секторов вокруг. На проекции последнее время было пусто, я свернул ее до минимума, но совсем отключать все же не стал. Аня шагнула ближе и поправила лямку рюкзака на моем плече. Бугров, не поворачивая головы, сказал:

— Это территория зомби, здесь почти нет аномалий.

Ага, вот почему монолитовцы так спокойно шли последний километр. Зомби — ходячие

куски плоти с полусгнившими мозгами, некоторые натываются на аномалии и гибнут, но другие как-то ощущают их, обходят и скапливаются в чистых районах.

Бугров поманил меня, монолитовцы и Лабус перегруппировались, изменили порядок наблюдения за секторами, чтобы мы могли спокойно поговорить. Офицер достал электронный планшет, включил карту.

— Идем в Припять, — он показал карандашом. — Пересечем железную дорогу, потом к гаражам.

Бугров откалибровал изображение — появились улицы и названия.

— Вдоль Заводской, на северо-запад. С нее на эту улицу, — карандаш пробежал по горизонтальной черте, — строго на восток. Пройдем перекресток с Лесей Украинкой, прямо около пяти сотен метров и опять поворот. Поднимемся на север по Лазарева, дальше свернем на Курчатова. Там колесо обозрения в парке...

Я кивнул — знаю, слышал рассказы.

— Лабусу напони: к колесу близко не подходить, долго на него не смотреть. По Курчатова выйдем на Огнева в районе кафе «Припять» — карта сдвинулась, мелькнул значок речного вокзала, — дальше опять гаражи и начинается лесополоса.

Я ниже склонился над планшетом. С востока от улицы Огнева был небольшой речной залив, еще в паре километров расположился припятский грузовой порт.

— Пойдем вдоль берега, — добавил Бугров.

— Слишком опасно. Лишаемся возможности для маневра.

— Через Янов идти нельзя, там сильный фон, ваша защита с ним не справится. Значит, идем через Припять. От речного вокзала до самого порта лесистая местность, деревья вплотную подходят к воде, будем двигаться под их прикрытием. За лесом, до станции Семиходы, открытая территория. Для нас главной опасностью будут снарки, они часто появляются на станции. В конечном счете нас интересует здание пускорезервной котельной, оно вот здесь.

Картинка на планшете поползла дальше, и возник отдельный фрагмент территории ЧАЭС.

— Ладно, понял, — сказал я.

— Семиходы перестраивали после аварии в восемьдесят шестом, для нас это хорошо. Сейчас станция закрыта со всех сторон, изолирована, в случае огневого контакта со снарками или кем-то еще с ЧАЭС этого не заметят. Хотя перестрелок все равно следует избегать всеми возможными способами.

Я кивнул. Интересно, сколько Бугров на своих стимуляторах протянет? Повязка на его плече из белой давно превратилась в бурую.

Он убрал планшет и добавил:

— Переодевайтесь в комплекты защиты, у вас три минуты. На Семиходах фон слабее, чем на Янова, но ощутимый.

Я полез в рюкзак, из непромокаемого мешка достал две скрутки, развернул: куртка и штаны. Маслянистая на ощупь ткань в мелкую сетку, белая подкладка, похожая на полиэтилен, никаких премудростей с застежками. Куртка-балахон — резинки на рукавах и ворот на липучке. Все из легкого материала, раскраска камуфляжная.

Лабус проворчал:

— А без этого нельзя обойтись? Может, мы Семиходы обойдем как-то?

Бугров не обратил на него внимания — отвернувшись, шагнул к своим бойцам. Зато ответила Анна, достававшая из рюкзака защитный костюм с маской:

— Возле Семиходов могильник, туда нам нельзя. Другого пути нет, только через станцию.

Девушка совсем не казалась уставшей после многочасового перехода, лишь едва заметные морщинки протянулись от углов глаз. Она стояла рядом, в профиль ко мне, и смотрела в сторону города — мягкие черты, прямой нос, маленький округлый подбородок... Как и тогда, под Радаром, на меня нахлынуло тоскливое чувство, ощущение

скорой утраты. Будто тяжелый черный плед набросили на голову. Она погибнет, не вернется на болота к Доктору. Я даже вздрогнул от пронзительной ясности этого ощущения: ей не выжить, никак. И понял, как сильно не хочу, чтобы она погибла. Надо заставить Аню остаться, любым способом... но ведь и мы, скорее всего, не дойдем до ЧАЭС без нее. Даже с ней не дойдем — впереди не просто снорки и повышенный фон, там вся группировка Монолит во главе с этим их доктором Кречетом. А нас шестеро, считая девушку, и без ее способностей мы застрянем где-то на подступах к ЧАЭС.

Надо оставить ее.

Но идти без нее нельзя.

Но она погибнет.

А так — погибнем все мы.

Я сморщился, не видя выхода из этой ситуации, сцепил зубы.

--- Эй!

— Ну, что?! — прошипел я, поворачиваясь.

Стоящий сзади Лабус удивился:

— Так одевайся же. Чего застыл? Идти надо, давай комплект натягивай.

Я несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Стараясь больше не смотреть на Анну, стал переодеваться и, чтобы отвлечься, принялся рассказывать напарнику историю про колесо обозрения в парке Припяти. Сам я ее услышал от бывшего десантника, которого все почему-то называли Пригоршней (один из главных героев романа А. Левицкого "Выбор оружия" и "Сердце Зоны" - прим. автора) — странная кличка. Мы познакомились случайно, Пригоршня, как выяснилось, знал много всяких историй, собирал их, как антрополог какой-нибудь собирает легенды племени папуасов. Про колесо Пригоршня говорил, что оно гипнотизирует; когда смотришь на него — теряешь рассудок, садишься в одну из люлек и уплываешь куда-то...

— Куда? — спросил практичный Лабус, выслушав меня. — Оно ж по кругу, как уплывешь, так и назад приплывешь.

Я пожал плечами.

— Не знаю. Факт тот, что не только Пригоршня про это рассказывал, но и некоторые другие люди. К колесу, короче, подходить нельзя, издали тоже лучше подолгу не глядеть. Те, кто на него садится, назад не возвращаются.

Напарник махнул рукой.

— Ладно, я уже ничему не удивляюсь после того, как наша красавица лампочки взглядом тушила, а потом в метро под Радаром на реактивной дрезине прокатился.

Я сказал Бугрову:

— Мы готовы.

— Выдвигаемся, — сразу скомандовал он. — Порядок прежний.

Быстро пересекли шоссе, Второй по-прежнему шел первым. Дальше раскинулось поле, за ним — железнодорожная станция. Судя по карте и рассказу Бугрова, никаких особых препятствий впереди не было.

Короткими перебежками мы двигались от одного прикрытие к другому; от кучи строительного мусора — к проржавевшему вагону, потом — зигзагами между частями древнего паровоза, к пустой цистерне из-под топлива, к дырявому железному ангару... Пока что все было тихо, проекция высвечивала только зеленые шестиугольники нашей группы. И ни одной аномалии на пути.

Вот и разбитый пакгауз. Железнодорожные ветки остались далеко за спиной, когда совсем близко раздалась автоматная очередь. Второй дал сигнал к остановке, все замерли.

Я прокрутил проекцию — чисто. Но через секунду аналоговая шкала вероятных целей вытянулась и налилась оранжевым. На краю картинки всплыли семь окрашенных красным шестиугольников, за ними ползли другие.

Глава 15

Начальнику штаба Объединенного Командования полковнику...

...года, в 06:34, лагерь на озере Янтарь подвергся нападению снорков.

Атака отбита дежурной сменой охранения, имеются значительные потери среди персонала лагеря и личного состава караула (цифры уточняются). Среди снорков наблюдалась очень крупная особь (предположительно — вожак стаи).

Для усиления и контроля обстановки вокруг лагеря: выделено и отправлено три группы военных сталкеров второго отряда. Группы доставлены на место отдельной вертолетной эскадрилей в расчетное время.

Оперативный дежурный по группировке майор...

Картинка задергалась, покрылась рябью и исчезла. Что за черт?! Я тряхнул головой. Нашупал клавишу под шлемом, попробовал перезагрузиться. Опять тот же результат — нет проекции. Я сильно хлопнул ладонью по затылку.

— Что? — спросил Бугров.

— Засек семь целей на востоке, около семидесяти метров. Проекция исчезла. Картинки нет, пробую перезагрузить — не запускается.

— Это действие ионизированного облака. Все в укрытие!

Мы побежали к пакгаузу, большому зданию с раздвижными воротами. Огромная створка, выломанная какой-то чудовищной силой, лежала на асфальте, внутри стояли поддоны со сгнившими тюками и напивавшиеся влагой, расползшиеся коробки. Сквозь прореху в одном я разглядел выпуклый кинескоп древнего телевизора, скорее всего, еще черно-белого. Пробежав между квадратными колоннами, штабелями и поддонами, мы увидели в противоположной стене большой разлом. За ним открывался вид на далекие кроны деревьев и шиферные крыши между ними. Бугров и Третий присели за перевернутым электрокаром, прицелились в пролом, я и Лабус — возле поддонов с тюками, повернув стволы в противоположном направлении. Аня опустилась на корточки рядом — я заметил, что она старается держаться поближе к нам двоим, — рюкзаком на спине привалилась к рваному тюку с торчащим наружу пенопластом.

Второй встал сбоку от пролома, скользнул вдоль стены, подняв стрелковый комплекс стволами вверх, осторожно выглянул и сразу отпрянул. Показал нам четыре пальца.

Напарник потер запаянную в металл мутно-прозрачную шайбу над левым глазом, постучал пальцами по темени. Второй с Третьим разъединили модули своих комплексов — и в руках у них оказались штурмовые винтовки. Оружие-трансформер. Громоздкие автоматические гранатометы с электронными прицелами сектанты забросили за спину, Бугров перезарядил «Сааб», снял с него компьютеризированный блок наведения.

— Не работает, — указав на шлем, сказал Лабус.

— Наше оружие выстрелит? — спросил я у Бугрова.

— Отключились только электронные устройства, на кинематику ионизированные облака не действуют.

Теперь стало ясно, почему на железнодорожной станции и в пакгаузе не встретилось ни одной аномалии. Ионное поле нейтрализует любую активную среду, несущую заряды — положительные, отрицательные, неважно. Электронный вычислитель, подсветка целей, компьютерное наведение, дистанционный подрыв летящего боеприпаса... А Зона — раз! — и уравнила шансы.

Впрочем, монолитовцы разобрались в ситуации быстро. Полуавтоматическая перезарядка позволяла Бугрову стрелять из «Сааба» даже с отключенной электроникой, а Второй и Третий быстро трансформировали комплексы и теперь хотя бы могли пользоваться штурмовыми винтовками.

— Есть контакт, — прошептал Лабус, и я вскинул голову.

В ворота вбежал зомби — по прямой, вдоль ряда колонн, поддерживающих потолочные балки. Впрочем, «бежал» — не совсем подходящее слово, скорее он быстро ковылял, переставляя негнувшиеся ноги, как ходули. Одна рука висела плетью, за спиной болтался автомат, ключья волос торчат во все стороны, левого глаза нет.

Он не замечал нас. Лабус проводил мертвяка стволом, и, когда я принял эстафету, развернулся в другую сторону.

— Ты ворота контролируй, а я ту дверь в стене, — прошептал он. — Вон, за ящиками, видишь? Там вроде...

Напарник не договорил — сверху стукнуло.

И через миг всего в паре шагов от меня, выбив из пола облако пыли и крошек пенопласта, упал снарок. Зомби как раз выбрел из-за высокого штабеля с телевизорами, прыгун очутился прямо на его пути, боком ко мне. Я услышал дыхание Ани — не меняя положения, она повернула голову, наблюдая за тварью. Лабус застыл, не зная, что делать, переводить ли ствол на мутантов или продолжать контролировать сектор с дверями. Бугров, Третий, Второй возле пролома — все замерли. Краем глаза я заметил, как что-то мелькнуло в проломе, наверное, остальные этого не видели, — а потом все внимание сосредоточилось на происходящем рядом.

Припав на одно колено, снарок широко развел руки, будто заботливая мамаша, которая ловит сбегающего с крутой горки малыша. Он был совсем близко, я ощущал тяжелый кислый запах, видел, как сквозь рваную гимнастерку сочится кровавый гной из покрывающих спину нарывов. Зомби ковылял к нему, расшвыривая ногами грязно-белое крошево пенопласта, неловко дергая руками, пытаясь стащить со спины автомат. Снарок подался вперед, готовясь схватить его... Вдруг голова дернулась, качнулся хобот противогаза, и затянута резиной морда обратилась ко мне.

Я был готов к этому, заранее просчитал дальнейшие действия. Присел, нагнувшись вперед, согнутые ноги напряжены, винтовку сжал двумя руками. Как только снарок заметил нас — я скользнул вперед, на ходу распрямившись, дал три короткие очереди, резко переводя ствол после каждой: в голову снарка сзади, в гниющее лицо зомби, опять в обтянутый резиной затылок... — Огонь! — скомандовал Бугров. Снарок повалился мордой вперед, мертвяк — на спину, но все же не упал, зашатался, семена назад. Подошвы с неприятным сухим скрипом поехали на пенопластовых крошках. Шагнув следом, я ударил его каблуком в брюхо, опрокинул. Развернулся, широко расставив ноги, поднял винтовку, упер приклад в плечо. Нагнулся — ствол устался в голову снарка. Тот дергался, пытаясь подняться. Я тремя выстрелами покончил с ним — голова стала напоминать тыкву, по которой несколько раз вмазали молотком.

Сзади стучали выстрелы, звуки отражались от стен, накладывались и будто резонировали, разгоняясь в пространстве пакгауза, врезались в коробки, в тюки — все вокруг дрожало. Чтобы не оставаться на открытом пространстве, я отскочил к куче битого кирпича, присев за ней, выглянул. Монолитовцы стреляли в пролом, Костя — в сторону двери, где дергались два тела. Я уже собрался бежать обратно к Ане, когда увидел, что она переместилась к поддону, за которым укрылся Лабус. Присела там, нагнула голову, закрыв уши руками, отгородившись от окружающего. Что это с ней?

Напарник вскинул «Миними» к потолку, машинально следуя его примеру, я рывком поднял «М4». Высоко на балке мелькнула тень. Лабус выстрелил, пули с визгом ударили в металл, но тень уже исчезла — и почти сразу возникла далеко в стороне, где была дыра, сквозь которую виднелось небо. Ствол винтовки и пулемета одновременно сдвинулись туда... Пусто, никого не видно — снарок выпрыгнул на крышу. В ней много дыр, теперь он может появиться где угодно над нами.

Справа, совсем рядом, раздалось шарканье. Я упал на бок, повернулся. Плечо уперлось в бетон, ствол обратился наискось вверх — там шел мертвяк, на ходу медленно поднимая тяжелую длинную винтовку. Черт знает, что за модель, что-то древнее...

«М4» уставилась зомби точно между ног, и я вдавил спуск.

Его будто ножом взрезало, от паха полетели кроваво-коричневые ошметки. Я повел оружием вверх, и зомби начало разрывать напополам, дыры потянулись по животу, внутри колыхнулось что-то лилово-синее, брюхо провалилось, брызнув слизью. Я прекратил стрельбу. Зомби сделал еще шаг, выпустив винтовку, повалился на бок. Тело булькнуло, внутри плеснулось, по бетону разлетелись зеленоватые брызги.

Вскочив на колени, я увидел головы трех мертвяков за коробами далеко в стороне. Прицелился, но стрелять не стал: они почти сразу исчезли из виду. Развернулся, вскинул «М4» вертикально, отклонившись назад и задрав голову, — ведь там снарк надо мной, он в любую секунду может спрыгнуть...

Монолитовцы прекратили огонь, и тут же Лабус проорал:

— Ты его видишь?!

— Нет! — крикнул я, пятась обратно под прикрытие поддона с тюками.

— Бугров, там снарк на крыше! Может спрыгнуть, мы не знаем куда...

Костя не договорил — застрочила штурмовая винтовка Третьего, через мгновение к нему присоединился Второй.

— Курортник, возьми право десять! — донесся сквозь грохот крик Бугрова.

Я к тому времени стоял за поддоном. Услышав приказ, присел, поставив локти на тюк. В глубине пакгауза шли два зомби, я прицелился, выстрелил. Один упал.

Вверху протяжно скрипнул металл. Отправив на тот свет второго мертвяка, я поднял голову. Мелькнула тень — очень быстро мелькнула, — Костя крикнул, запоздало выстрелил. Снарк перемахнул на дальнюю часть балки, где она вплотную подходила к стене, и кирпичная кладка образовала уступ.

Мать, какой же он здоровенный! Только сейчас я понял: тварь в два раза больше самого крупного из тех, что я видел раньше. Несмотря на габариты, монстр очень легко и небрежно, будто танцуя, скользнул вбок — и скрылся от Лабуса с Бугровым за двумя массивными колоннами, поддерживающими потолочные балки.

Но я все еще видел его. Заметив, что напарник привстал, собираясь переместиться в мою сторону, сделал знак: на месте! Он застыл. Монолитовцы вновь стали стрелять в пролом, должно быть, снаружи приближалась целая толпа зомби.

Снарк-гигант присел на длинном уступе, словно обезьяна на суку. Хотя я не мог разглядеть его глаз, мне показалось, что наши взгляды встретились. Хобот огромного противогаса — и где он такой размер раздобыл? — начал раскачиваться из стороны в сторону — медленно, гипнотически...

Я открыл огонь. Мутант плавно сместился в сторону, я двинул стволом следом — вновь не попал. Снарк грузно, но очень пластично, почти красиво танцевал, уклоняясь от выстрелов. Пули врезались в кирпичи, дробили их, брызгала оранжевая крошка. Плавно ведя стволом, я прижал его к углу здания, где выступ упирался в другую стену. Сейчас, сейчас... На линии огня прямо за тюками неожиданно поднялся зомби — тот самый, которого я очередью чуть не разорвал напополам. Он сразу рухнул обратно с разнесенной вдребезги башкой, а у меня закончились патроны.

Но и снарк не удержался на кладке, ступни соскользнули с края, он повис на одной руке, извиваясь, пытаясь влезть обратно. Я отпустил винтовку, вырвал «файв-севен» из кобуры. Хорошо, на боевых моделях в отличие от полицейских обычного механического предохранителя нет — не надо терять даже доли секунды; там особый ударно-спусковой механизм. Так называемого двойного действия, то есть при нажатии на крючок сначала сжимается пружина ударника, а уж потом он соскакивает с боевого взвода.

Я выстрелил — и попал. Длинные пальцы разжались, тварь полетела вниз. Вскочив на тюки, я повел пистолетом, раз за разом вжимая спусковой крючок, спрыгнул с другой стороны и зашагал, стреляя на ходу. Я отчетливо видел, как на падающем теле взрываются красные фонтанчики. На выходе пули вырывали из него куски мяса, те шмякались в кладку позади, оставляя цепочку темных пятен.

Снорк рухнул на бетон. Я был уверен, что он мертв, но всадил еще две пули в бесформенную, пузырящуюся кровью кучу, хорошо видимую на фоне светлой дыры в стене. Согнул руку в локте, обратив ствол «файв-севена» к потолку.

Снорк подскочил, как акробат, сделал заднее сальто и канул в дыре.

Твою мать!!! Я кинулся туда, перескочил через неподвижного зомби, запрыгнул на кирпичный бордюр под стеной, выглянул. Трава, кустарник, мусор... ушел, скотина! Зато далеко в стороне брели фигуры, полускрытые зарослями и кучами мусора, — несколько десятков зомби приближались к пакгаузу по пустоши, переступая через тела тех, кого успели положить монолитовцы. Если плюс к этим доходягам сейчас еще и снорки пожалуют... Вдруг это был их главарь? Такой здоровый! Король снорков? Понятия не имею, есть ли вожаки у этих тварей, но если так — он сейчас приведет за собой своих «подданных». Надо валить с этого склада, да побыстрее!

Выстрелы стихли. Я бросился назад, увидел обращенные ко мне лица, крикнул на ходу: — Он жив! Может вернуться с подмогой!

— Отступаем, — скомандовал Бугров. — Через ворота, в обход здания с востока. Лабус, расчищай дорогу.

Вскочив, Костя бросился к выходу с «Миними» на изготовку. Второй перебежал к электрокару, для чего ему пришлось пересечь пространство перед проломом. Тут же снаружи несколько раз приглушенно хлопнуло, но зомби не попали — стрелки они аховые. Я перезарядил винтовку, спрятал пистолет. Лабус приближался к воротам, сектанты разом показались из-за кара: Третий — со стороны кабины и стрел погрузочного блока, Второй — у капота, а здоровяк Бугров просто вскочил на машину и тяжело спрыгнул на бетон.

Где Аня? Я дернулся было к поддону, за которым они с Костей прятались, но тут же увидел ее голову в шлеме. Девушка побежала впереди монолитовцев, стараясь держаться так, чтобы не помешать им при необходимости выстрелить в ворота.

Пулемет Лабуса застучал короткими очередями, и я подскочил к напарнику. Машинка у него неплохая, получше моей «М4», если сравнивать их в своем классе оружия, надежней, питание у него двух типов: магазин и лента. С лентой скорострельность выше, а магазин Лабус у меня всегда может взять, да и с собой у него несколько штук есть.

Мы выскочили наружу. Перед воротами лежало с десятков тел, некоторые еще дергались, один зомби поднимался, судорожными рывками подтягивая за ремень винтовку. Я на ходу выстрелил в него, но попал не в голову, как хотел, а в руку, которой он упирался в асфальт. Локоть взорвался красно-коричневым облачком, зомби упал обратно, и тогда я выстрелил ему в висок.

Напарник побежал вдоль стены, шелестя торчащими из трещин кустами. С востока от пакгауза находилась площадка, обнесенная П-образным земляным валом. Зомби возникали на его вершине, тащились вниз, качаясь, переставляя ноги, будто ножки циркуля, некоторые падали, катились по склону. Лабус на ходу стрелял по ним, как по движущимся мишеням в тире. Не замедляя шага, я тоже открыл огонь. В ответ прозвучало несколько выстрелов, пули пронеслись мимо, несколько ударили в асфальт под нашими ногами. Лабус метнулся в сторону и встал на колени за пышным кустом. Он отстрелял ленту до конца, крикнул:

— Заряжаюсь!

Мертвяки были совсем близко. Когда я присел за приземистым столбом из вонючих черных шин, почти вскользь к шлему пронеслась пуля. Найдя в прицеле стрелявшего зомби, я короткой очередью перечеркнул его голову. Лабус сбросил пустой короб на землю, достал магазин, вставил в приемник, дослал патрон.

Волна зомби накатывала на нас, передние ковыляли всего в нескольких метрах. Я выстрелил — еще раз, еще, еще, быстро двигая стволом из стороны в сторону. Повернул «М4» почти на метр левее и всадил одиночный сбоку в лоб мертвяка, который почти добрался до напарника.

— У тебя коробка с лентами закончились? — прокричал я, хотя Лабус был совсем недалеко.

— Нет, — ответил он в паузе между выстрелами. — В рюкзаке один на сотку. Долго перезаряжать, не рассчитал.

В зданиях ему удобней бегать с магазином — скорострельность ниже, ствол меньше греется, а длинные очереди в помещениях обычно и не нужны, наоборот, можно на рикошет нарваться.

— Магазины побереги, — сказал я, и он ответил:

— Знаю.

Сзади донеслись шаги. Костя открыл огонь по последним оставшимся на ногах зомби, я глянул через плечо: монолитовцы с Аней бежали к нам от склада.

Пулемет напарника смолк, Лабус сказал: «Всё» — и тогда я крикнул Бугрову:

— Чисто!

Он бросил на ходу: «За мной», — и побежал к земляному валу.

Не самая удачная идея. Когда окажемся прямо под склоном, сверху будет удобная позиция для противника, могут всю группу накрыть. Но другого пути не было — вал длинный, с одной стороны вплотную стена склада, с другой надо бежать метров триста, к тому же неизвестно, что там дальше.

* * *

Пока мы взбирались по скользкому травянистому склону, нас никто не атаковал. С вершины открылся вид на гаражи — длинные ряды проржавевших черно-рыжих коробок. Мы сбежали вниз, обошли наполовину сгоревший сарай и углубились в гаражный кооператив.

По дороге я несколько раз косился на Анну. Девушку трясло, лицо в проеме шлема побледнело. Что это с ней? Всю дорогу она нормально переносила трудности, стрельбу и смерти, а теперь...

Пошел мелкий дождь. Мы быстро двигались между гаражами, вел Второй, за ним я, потом Бугров, Аня, Лабус и Третий. Прошли мимо распахнутых ворот, из которых торчал передок красного «запорожца», миновали лежащий на боку мотоцикл «Ява» с раскуроченным двигателем, потом впереди показалась мотоциклетная коляска... Аня вдруг сказала:

— Стойте!

Все остановились.

— Что? — не оборачиваясь, спросил Бугров. Проекция все еще не работала, дважды я включал ее, но в голове лишь шипело, и почему-то начинало покалывать в кончиках пальцев. Я присел возле мотоцикла, подняв винтовку к плечу. Второй направил ствол вперед, Бугров — вправо, Лабус — влево, Третий целился обратно по ходу движения. Мы застыли на плотно утоптанном земляном пятачке между железными коробами. Плохое место. Если на крышу одного из гаражей кто-то выскочит и спрыгнет на нас... крыши низкие, не успеем отреагировать.

— В чем дело? — повторил Бугров. — У нас осталось очень мало времени, чтобы...

Монолитовец смолк — все мы услышали этот звук одновременно.

Он доносился из мотоциклетной коляски, лежащей на боку днищем к нам. Шуршание, писк... потом будто кошка поскребла когтями по паркету.

Штурмовая винтовка Второго и моя «М4» одновременно дернулись в ту сторону, «Сааб» Бугрова уже смотрел на коляску. Пули наверняка пробьют эту штуку...

— Стойте! — повторила девушка.

Мы замерли.

— Что там? — спросил из-за спины Лабус, но я не ответил.

Шорохи раздались вновь. Бугров покосился на Аню и сказал:

— Там мутант.

Он шире расставил ноги, встал к коляске вполоборота, прицелился. Девушка ударила кулаком по стволу, и «Сааб» ушел вниз.

— Не стрелять, я сказала!

Еще один удар — по раненой руке.

Бугров зарычал, развернулся, плечом оттолкнув Аню так, что она чуть не упала. Перехватив оружие за широкий ремень, занес над ней кулак в черной перчатке.

— Эй, эй! — Я прыгнул мимо Второго и резко присел, выставив правую ногу, крутанулся на левой.

Опрокинуть такого борова непросто, но мне повезло, он как раз приподнял ногу, чтобы шагнуть к отпрянувшей Ане.

Бугров упал, оружие громко лязгнуло, длинное тело в броне с глухим стуком ударилось о землю. Услышав сзади шелест, я развернулся на корточках, вскинул винтовку. Ствол чуть ли не уперся в поясницу Второго. Его оружие сверху вниз смотрело на меня, между длинным стволом и моим теменем было не больше нескольких сантиметров. Чуть дальше Лабус и Третий тоже целились друг в друга. Краем глаз я увидел, как Бугров приподнялся, на лице его мелькнуло удивление — надо же, хоть какое-то подобие человеческого чувства наш Фан-томас проявил, — потом злость. Так, это уже хуже, нас все-таки двое, а их трое.

Нет, нас тоже трое.

Моя кобура дернулась, когда Аня вытащила из нее «файв-севен». Бугров сел, широко расставив ноги, потянулся к своему оружию, но замер — пистолет смотрел ему в лоб.

Писк и шуршание все это время доносились из мотоциклетной коляски, теперь к ним добавилось негромкое ворчание.

— Урод, — холодно произнесла Аня. — Выродок Зоны. Не смей прикасаться ко мне, понял? Еще раз дотронешься — я тебя убью.

Бугров опять мало походил на человека — лицо застыло, даже глаза не бегали. Он глядел мимо Ани и не шевелился, казалось, его это все вообще не касается.

Опустив пистолет, девушка прошла мимо него в сторону коляски. Мы не шевелились, я смотрел на Второго, готовый выстрелить, его ствол глядел мне в лоб. Лабус, не меняя позы, чуть повернул голову, сплюнул и опять уставился на Третьего в прицел «Миними». Бугров сидел, расставив ноги, и пялился перед собой, будто манекен. Капли дождя с тихим шелестом падали вокруг.

— Бугров, мы сейчас выглядим очень глупо, — сказал я.

Он резко подогнул ноги и встал, сграбастав в кулак ремень. Гранатомет закачался, чиркая по земле единственной рукояткой.

— Отставить, — негромко приказал Бугров.

Второй и Третий опустили оружие. Ворчание в коляске стало громче. Я выпрямился, посмотрел в мертвые глаза офицера, на Лабуса — он тоже опустил пулемет, но поглядывал на Третьего недоверчиво, — и повернулся; «М4» держал двумя руками, направив ствол к земле.

Аня сидела возле коляски и, судя по движению губ, что-то говорила, хотя слова сюда не доносились.

— Что там? — спросил я у нее, но девушка не ответила.

Я направился к ней, проходя мимо Бугрова, зацепил его плечом — не намеренно, случайно, — но он не заметил или сделал вид, что не заметил. Когда до коляски оставалось несколько шагов, Аня выпрямилась — на руках ее была небольшая псевдоплоть. Я шарахнулся, сзади крикнул Лабус. Моя винтовка взлетела сама собой...!

— Нет! — крикнула она.

Я едва сумел сдержать движение, не вдавить спусковой крючок. Помог даже не ее крик, скорее понимание, что могу зацепить девушку.

Хотя я не видел этого, но чувствовал, ощущал спиной: все стволы позади меня

нацелились на псевдоплоть. Раздался шорох — кто-то из группы переместился немного в сторону, чтобы я не перекрывал линию огня.

Аня не смотрела на нас, опустив голову, она разглядывала псевдоплоть. Та была непривычно мелкая и слабо шевелилась на руках девушки, двигала клешнями. Из коляски донесся писк, псевдоплоть потянулась к ней. Анна окинула нас взглядом исподлобья, огляделась и сказала:

— Не шевелитесь. На месте стойте!

Она пошла к гаражу со сломанными воротами. Я не мог без дрожи смотреть на мутанта, все инстинкты, успевшие появиться за время службы в Зоне Отчуждения, кричали, вопили: «Это враг, убей его, быстрее!» Не отпуская рукоять «М4», тыльной стороной ладони я вытер пот со лба. Псевдоплоть на руках у человека! И они не дерутся, не пытаются убить друг друга... Да как такое возможно?!

Теперь стало понятно поведение Ани в пакгаузе и после него — почему она закрывала лицо руками, почему была так бледна. Ведь мы убивали мутантов — а девушка жалела их. Для нее, родившейся и всю жизнь прожившей в этих местах, мутанты — обычные существа, животные, такие же, как для других людей зайцы, лисицы, бобры. Опасные зайцы, с клыками и когтями, но все равно не монстры, нормальные живые создания. Они не могут не нападать на людей, таковы их инстинкты. Сколько мутантов мы перестреляли с начала операции? А она смотрела на все это и терпела.

Оглянувшись на пороге гаража, Аня шагнула внутрь.

— Теряем время, — процедил Бугров и широко зашагал к мотоциклетной коляске.

Я направился за ним. Офицер заглянул в коляску, Достал нож, но я не дал ему сделать задуманное — схватил за широкое запястье и отвел руку в сторону.

Внутри лежали пять дрожащих детенышей — розовые, как новорожденные крысята, с мягкими клешнями, похожими на изогнутые морщинистые стручки. Ножки — как мой мизинец, головы как орех. Они ползали по куску мокрого дерматина, сорванного с сиденья в коляске, и пищали. Замерзли под дождем? Или есть хотят? Человечинки им, может, надо...

— Мы должны идти, — произнес Бугров глухо. Я все еще держал его за руку, он не пытался вырваться, хотя, наверное, мог бы легко сделать это. Я ощущал его напряжение, Бугров был готов отшвырнуть меня в сторону — а ведь он явно сильнее меня — и раскромсать детенышей широким клинком.

— Убьешь их, и что дальше? — спросил я. — У нее будет истерика. Нам же хуже.

Странное впечатление производили дрожащие розовые существа в коляске. Они казались мерзкими — и в то же время трогательными. Мне одновременно хотелось растоптать их каблуком тяжелого армейского ботинка — и сунуть за пазуху, чтобы согрелись. Детеныши млекопитающих, включая и человеческих, вызывают умиление и желание защитить их, это на подсознательном уровне, так нас природа спроектировала. То же самое и с детенышами мутантов, но тут вступали в дело и другие инстинкты, не врожденные, не генетические, а приобретенные в Зоне, из-за этого я ощущал растерянность и тревогу.

— Отойдите!

Вышедшая из гаража Аня увидела нас возле коляски и побежала к ней. Она оттолкнула Бугрова, заметив, что я держусь за руку с ножом, протиснулась между нами. Из гаража высунулась голова лежащей под стеной псевдоплоти, тварь наблюдала за нами, слишком слабая, чтобы вмешаться. Аня потянула дерматин из коляски, детеныши запищали громче, псевдоплоть тревожно залопотала.

— В гараже теплее и безопаснее, — сказала она, выпрямившись. Крошечные существа сбились в розовую кучку, пытаясь спрятаться друг за другом от опасностей окружающего мира. Аня осторожно понесла их к гаражу.

— Быстрее, — сказал Бугров ей в спину, убирая нож, и повернулся к остальным. — Всё,

идем!

* * *

За гаражами протянулась объездная трасса, так называемая «кольцевая», дальше был лес, между кронами виднелись крыши городских домов.

Бугров остановил группу и выглянул из-за угла крайнего гаража.

— Отдых три минуты, — сказал он, изучая окрестности.

Мы присели под ржавой стенкой: Третий и Второй по краям, я посередине, справа от меня Лабус, слева Аня — совсем близко, плечом к плечу. Про инцидент возле коляски никто не обмолвился ни единым словом.

— Спасибо, — негромко сказала девушка, глядя перед собой.

Я ответил:

— Ты можешь поблагодарить меня другим способом.

Голова в шлеме повернулась ко мне.

— Каким?

— Остаться здесь. Вернее, идти обратно.

— Без меня ничего не получится, Алексей. Скорее всего. Я вам нужна.

Я знал, что она так ответит, и не видел никакой возможности заставить ее поступить иначе.

— Почему ты хочешь, чтобы я ушла? — спросила она.

Лабус достал флягу, свинтив колпачок, глотнул, ткнул меня локтем в бок. Я качнул головой — пить не хотелось. Второй и Третий сидели неподвижно, подняв оружие.

Бугров смотрел куда-то за гаражи, стояла полная тишина, ветер стих, дождь закончился.

— Почему? — повторила она.

— Женщинам не место в таком отряде.

— И только?

Я пожал плечами с деланным безразличием.

— Хочу, чтобы ты осталась жива.

Несколько секунд девушка глядела на меня, потом вдруг наклонилась, коснувшись лобовой частью шлема моего виска, толкнула в плечо и отодвинулась. Я покосился на нее — она улыбнулась, улыбка сразу растаяла — и тут Бугров позвал:

— Курортник, сюда.

Когда я встал рядом, он сказал:

— Кажется, мы вышли за границу ионизированного облака. Но источники питания после него надо менять в облаке они разряжаются.

— Ну и где этот источник взять? То есть источники...

— У нас есть.

Бугров отстегнул от боковины ранца продолговатую коробку.

— Защитный контейнер, — пояснил он. — Стенки из экранирующего материала.

Внутри лежали три аккумуляторные батареи разного калибра. Бугров заменил энергоблок в «Саабе», поставил новый источник питания в компьютеризированный прицел. Пощелкал кнопками управления на оружии — все заработало.

— Попробуй загрузиться, — предложил он.

Я включил чип. Несколько секунд потрескивания — и в сознании развернулась картинка. Поползли во все стороны зеленые линии, сетка расширилась, внизу проросла аналоговая шкала...

Сбоку на сетке возникли белесые шестиугольники: три, пять, семь... десяток. Мигнули — и стали красными. Я стоял на границе гаражного кооператива, спиной к пакгаузу, лицом к Припяти, а они приближались сзади и справа.

И они не просто ползли к ярко-зеленым иконкам «союзников» — передвигались быстрыми рывками, то есть скакали. Я схватился за винтовку.

— Что? — спросил Бугров.

— Работает, но ерунда какая-то — цели скачут.

— Это снарки. Направление, количество?

— На пять часов, близко. Где-то полтора десятка. Шестиугольники заметались, выстраиваясь дугой, и когда до меня дошло, что это значит, я выкрикнул:

— Группируются для атаки!

Значит, у стаи есть вожак, и он каким-то образом отдает команды. Я вспомнил Годзиллу, скачущего по стенам пакгауза, — ну да, наверняка это он.

Второй и Третий вскочили, направив собранные стрелковые комплексы на ближайшие крыши. Лабус, подняв «Миними», присел на одно колено рядом с Аней. Бугров пробежал мимо меня, сунул бойцам батареи из контейнера. Крикнул:

— Сколько у нас времени?

— Три минуты. Откуда здесь снарки? Я думал, все ушли к дому Доктора, только тот здоровяк остался...

— Значит, вернулись. Сколько целей?

— Восемнадцать. Аня, иди сюда!

Лабус вскочил, девушка пронырнула под стволом и подошла ко мне. Бугров скомандовал своим:

— Оставайтесь здесь, прикрываете нас. Встреча в гостинице «Полесье» через полчаса, ждем вас там, но не дольше двадцати минут. Остальные — за мной!

Бугров пробежал мимо.

— Лабус, Аня, давайте! — крикнул я.

Они тоже побежали. Я задержался еще на несколько секунд — дождался, когда между гаражами, там, где сектанты не могли увидеть, соберется с десяток целей, и транслировал картинку Второму. Тот кивнул, не оборачиваясь, и тогда я прыгнул на шоссе, за которым начинался мертвый город.

Часть четвертая

Эндшпиль

Глава 16

*Докладная записка начальника блока "С"
руководителю экспедиции*

Озеро Янтарь

Выявлено отсутствие четкой связи между погодными условиями, сменой времен года и возникновением очага выброса. Предположительным местом происхождения данного явления является территория ЧАЭС. Прошу рассмотреть возможность осуществления силами малой экспедиции, при поддержке командования группировки и отряда военных сталкеров, исследование очага выброса путем доставки специального оборудования как можно ближе к прогнозируемому эпицентру.

Когда мы пересекли шоссе и поле за ним, начало темнеть. Со стороны гаражей доносилась стрельба, иногда хлопки и частый стук заглушали взрывы реактивных гранат. Сразу за полем начался город. Детектор бегущего впереди Бугрова то и дело давал сигналы о приближении аномалий, но темпа мы не снижали. Я двигался вторым; миновали ряд тополей, растущих вдоль покосившейся сетчатой ограды, остов трактора и

двухэтажный дом, из окна которого торчал изогнутый ствол березы. Она взломала фундамент, проросла сквозь пол... Обычное растение на такое не способно, значит, мутация. За домом начались непролазные заросли в человеческий рост, над ними виднелась остроконечная крыша кирпичной башенки. Рядом на боку лежал автобус, из окон высунулись кроны молодых деревьев.

Бугров повел группу вокруг зарослей, взял в сторону, огибая жарку, потом по прямой, опять свернул...

— Куда спешим? — не выдержал Лабус. — Детектор надрывается!

Зарослей стало поменьше, мы наконец достигли улицы, вдоль которой росли деревья. Над кронами виднелись крыши пятиэтажных домов.

На краю улицы Бугров остановился и сказал, не оборачиваясь:

— Отдых — пятнадцать секунд. Снорки двигаются быстрее нас, если не оторвемся, Лабус, останешься, будешь прикрывать.

Посреди дороги между взломавшими асфальт кустами помигивала синими молниями электра, дальше виднелись две жарки. На проекции было пусто: снорки остались вне сферы контроля БТС.

Из-за деревьев сзади донеслась череда взрывов, и Бугров побежал вдоль края улицы.

Беспорядочная стрельба вскоре стихла, лишь иногда доносились приглушенные хлопки. Небо серело, на город напозлали тени. Захлопали крылья, все машинально подняли головы — с крыши девятиэтажного дома сорвалась стая ворон. Оглашая пустынные улицы карканьем, птицы полетели на север, к ЧАЭС.

Бугров повернул, вслед за ним мы пересекли проезжую часть. Обогнули бетонную будку, возле которой лежал скелет, перескочили через гниющий овраг. Под кронами стало темнее, я попал шлемом в паутину, тихо ругаясь, стер ее с очков. Бугров выскочил на свободную от растительности площадку перед высоким жилым домом, мы побежали вдоль стены. Вверх тянулись ряды одинаковых балконов, с козырька под крышей свисали ржавые волосы.

— Бугров, куда точно мы направляемся? — спросил я.

Возле угла здания он остановился, выглянул и поспешил дальше.

— В порт через гостиницу «Полесье», — донеслось спереди.

— Речной порт? — переспросил Лабус, но монолитовец не ответил.

За домом открылась площадь, окруженная одинаковыми жилыми домами с темными окнами. Сколько людей здесь жило — тысяча, две? Во дворах играли дети, по утрам взрослые спешили на работу, сигналили машины, гул голосов лился из магазинов... Я моргнул — вот сейчас вспыхнут гирлянды ламп на фонарных столбах, сквозь занавески на окнах проникнет свет, голоса взрослых, детский смех и плач заполнят улицу. В сознании эта картина наложилась на реальность и будто проникла в нее, мне показалось, улица вот-вот оживет... Ничего такого не произошло, безлюдный город застыл в холодной вечерней тишине.

Бугров спешил дальше. Темнело быстро, пора включать фонари. Я потянулся к ремню, когда на другой стороне площади темноту разорвали искры сработавшей аномалии. Меня на миг ослепило, колыхнулись тени...

Споткнувшись, Аня упала на асфальт, я отскочил в сторону, чтобы не наступить на нее. Бугров на бегу повернул стрелковый комплекс, но Лабус уже открыл огонь. В гаснущем световом пятне возле аномалии корчилась фигура в лохмотьях, второй зомби силился подняться, далеко отставив ногу. На бегу офицер выстрелил ему в колено — разлетелись ошметки гнилой плоти, зомби повалился на асфальт.

— Не останавливаемся, — сказал Бугров.

Мы включили фонарики, я ухватил Аню за плечо, поднял и потащил дальше, направив винтовку вправо, чтобы контролировать часть площади. Лабус бежал, повернув ствол влево.

Достигнув поворота на Лазарева, свернули. Лучи фонарей качались, вокруг извивались и

прыгали тени, Вот и Курчатова — наверное, нет на карте бывшего СССР города атомщиков без улицы с таким названием. Это как статуя Ленина на центральной площади, визитная карточка.

Впереди стоял городской универмаг, за ним — комплекс разномастных зданий. Дом культуры «Энергетик» и гостиницу «Полесье» дугой соединяла крытая колоннада, широкие проемы между колоннами сплошь заросли кустами. К «Полесью» примыкало здание горисполкома, а дальше на восток по Курчатова виднелся кинотеатр «Прометей».

На повороте Бугров остановился, разглядывая открытое пространство впереди. Дал знак погасить фонари. Несколько секунд после этого глаза привыкали — и потом в разных местах на площади будто включились тусклые разноцветные лампы: синие, зеленые, желтые.

Аномалий было не меньше десятка, а скорее — куда больше. Холодцы, электры, жарки, наверняка и другие, не дающие свечения.

— Вот так вот... — пробормотал Лабус и потянулся за фляжкой.

Высокие тополя почти закрывали от нас гостиницу. Перед «Энергетиком» тоже росли деревья, но там их было меньше, между ними я разглядел низкий гранитный бордюр — ограждение фонтана. Любые препятствия, небольшие постройки, выступы и углубления сами собой притягивали взгляд — возможное укрытие и для нас, и для противника.

Бугров негромко сказал:

— Сейчас по очереди двигаемся к гостинице. Я первый добегаю до главного входа, за мной Курортник. Поднимаемся на три этажа, с южной стороны здания, вон оттуда, — он показал. — Даю сигнал фонариком. Три раза коротко мигну. Анна и Лабус, ваша очередь бежать, мы будем прикрывать.

— Сколько ждем? — спросил я.

— Полчаса, не больше. Заодно осмотримся с «Полесья». Не могу объяснить это, но в городе что-то изменилось.

— Изменилось? Может, Осознание устроило нам засаду?

— Не знаю. Такая возможность есть. Снорки откуда-то появились на железнодорожном узле, хотя их там быть не должно. Возможно, доктор Кречет пригнал их туда. А может, просто случайность.

— Хочешь сказать, это Кречет за нами наблюдает? — удивился Лабус. — Как?

— Не знаю, — повторил Бугров. — Прямое наблюдение мне не представляется возможным. Хотя, вероятно, противник опосредованно контролирует наше передвижение.

— Он повернулся к девушке. — Ты выдержишь темп?

Когда Аня кивнула, монолитовец продолжил:

— В городе много крыс. Внутри здания старайтесь не заходить в узкие помещения, там часто висят жарки, детектор на них может не сработать, стены экранируют. Некоторые аномалии ночью разгораются ярче, их видно издалека, из-за этого многие расслабляются. Помните: не все аномалии излучают в видимом диапазоне, не забывайте про детекторы. Лабус, Анна, когда будете пересекать площадь, держитесь восточней, за деревьями. В сторону «Энергетика» не смотреть, может затянуть колесо обозрения. Вопросы?

Мы молчали.

— Курортник, фонарик не включать. Интервал пять метров, за мной — марш!

Он сорвался с места, через две секунды я последовал за ним. Поборол желание глянуть на запад, в просвет между тополями, где краем глаза заметил большое, мерно кружащееся колесо. Бугров впереди повернул, я тоже. Кинул взгляд на гранитный бассейн — его наполняла грязная вода. Детектор, все это время беспорядочно пищавший, чуть ли не заверещал, я отшатнулся, едва не угодив в мерцающий зеленым кисель, запрыгнул на бордюр, пробежав по нему несколько метров, опять соскочил на асфальт.

Вот и парадный вход «Полесья». Монолитовец встал сбоку, спиной к стене, контролируя участок позади меня. Взгляду открылся темный холл; подняв винтовку, я вбежал туда, и Бугров заскочил следом.

Холл оказался не очень большим. Сломанная мебель, выцветшие картины на стенах, в глубине — выбитые двери двух лифтов. Скорее всего, их кабины заклинило где-то в шахтах.

— Вправо, стой. Двигаешься за мной.

Я повернул, офицер обогнал меня, и мы стали подниматься.

Лестница тянулась длинными зигзагами, каждая площадка — очередной этаж. На втором — все почти то же самое, что и на первом, только помещение поменьше.

Сломанный стол дежурной, диванчик с вылезшими пружинами, темные проемы лифтовых шахт...

На третьем этаже Бугров показал влево.

— Посмотри с той стороны.

Помня о его предупреждении насчет аномалий, я решил не заглядывать в номера, сразу направился к широкому окну. На подоконнике стояли горшки с высохшими цветами; стекло было разбито, из рамы торчали осколки. Я выглянул.

И увидел Чернобыльскую атомную электростанцию.

Она находилась в нескольких километрах от Припяти — приземистые массивные здания посреди разноцветного озера аномалий. Над Саркофагом торчала полосатая труба, блеклое свечение аномальной энергии волнами накатывало на ЧАЭС. То и дело в темном лабиринте крыш разгорались и гасли едва различимые пятнышки далекого света. Станция высилась посреди Зоны, как мрачный остров, — главный рубеж, центр Притяжения, недостижимый для большинства местных обитателей.

- Курортник! — окликнул Бугров, ушедший в глубь коридора за лифтами. — Контролируй внизу, со стороны «Прометея».

Я наконец смог оторвать взгляд от ЧАЭС. На площади под окном натужно гудела и пыхала огнем пара сработавших жарок, в их свете от «Прометея» к гостинице длинными скачками приближались тени.

— Снорки! — крикнул я.

Несколько тварей уже взбирались на здание горисполкома по соседству.

Внизу зазвучали шаги, я развернулся, подняв винтовку, хотя знал, кто там идет. На лестнице показался Лабус. Он увидел меня и сказал:

— Хреново дело.

— Много их? — спросил я.

— Слишком много. По Курчатова скакали. Через пару минут будет весело.

Вслед за Костей на этаж поднялась Аня.

— Что делать? — крикнул я Бугрову, выбежавшему из коридора.

— Крыша, — бросил монолитовец, поворачивая к лестнице. — Фонари не включать!

Правильно, надо подниматься, в узких коридорах на этажах никакого маневра, друг друга покروшим. Снорки твари шустрые, живучие, если окружают на этаже, вряд ли отобьемся.

Раз они здесь, да еще и появились так быстро, значит, Второй с Третьим мертвы. Или нет? Способны монолитовские бойцы отступить, сбежать, нарушив приказ? Я не знал этого.

Прыгая через куски бетона и торчащую из ступеней арматуру, мы достигли технического этажа. Бугров остановился перед проемом, за которым короткая железная лесенка вела на крышу, я тоже встал, Аня ткнула мне в спину, позади всех выругался, споткнувшись о верхнюю ступень, Лабус.

В проеме кружился мелкий мусор. Аномалия, хотя я не мог понять, какая. Напоминает воронку, но что-то не так с ней. Смерч вроде вращается быстрее, но с другой стороны — он гораздо меньше тех, что образуются даже над молодыми воронками. Рядом под стеной светились несколько спиралей, похожих на скрученную пружиной раскаленную проволоку — это что, артефакты у нее такие?

— Что за ерунда? — спросил Лабус негромко.

Аня ответила:

— Волчок. Разновидность воронки, которая бывает только в Припяти.

— А-а, — протянул он. — И что делать будем?

Вытащив похожий на фонарик цилиндр, Бугров приказал:

— Всем на пролет вниз.

Лабус, прыгая через ступеньку, слетел на промежуточную площадку, за ним спустилась Аня, потом я.

Бугров зажег проблесковый переносной маячок, похожий на те, что используют спасатели, и побежал за нами. Костя присел под стеной, отдыхая, мы с Аней встали рядом. БТС ничего особенного не показывала, гостиничные стены экранировали сигналы.

Забросив за спину гранатомет, офицер перегнулся через перила и поглядел вверх. Оттуда донесся шорох крыльев и надрывное карканье. Лабус поднял голову, Аня сморщилась, как от боли. Вслед за Бугровым я выглянул в просвет между пролетами. Загудело, карканье стало громче, в темноте над нами что-то мелькнуло — быстрее, еще быстрее... Ага, значит, парочка птиц попала в смерч, приманенная устройством Бугрова. Раздался глухой шлепок, тут же второй. Гудение смолкло.

— Вперед! — Бугров побежал,

И тут же снизу донесся грохот, зазвенело стекло — снарки ворвались в гостиницу.

Вслед за Бугровым мы вновь поднялись на технический этаж. Аномалия погасла, на стене остались разводы с прилипшими перьями, под ними на полу лежали дохлые вороны. Бугров нырнул в проем, я последовал за ним, потом Аня и Лабус. Ржавая лестница скрипела, стонали утопленные в бетон штанги. Когда я встал на верхнюю ступень, сзади донесся недовольный голос Кости — он торопил девушку.

Выскочив на крышу, я глянул через плечо и позвал:

— Быстрее!

— Сейчас, — отозвалась она. — Лабус, не мешай!

Над лестницей показалась голова напарника.

— Артефакт она там голой рукой схватила, — проворчал он. — Спираль эту, теперь в контейнер свой сует...

Донесся голос Ани:

— Все, готово.

На западной стороне крыши высилась надстройка вроде смотровой площадки, по пожарной лестнице мы забрались на нее.

— Всем к восточному краю, на запад не смотреть! — скомандовал Бугров.

Сбоку торчали верхушки больших букв, образующих название гостиницы. Когда-то они светились, теперь все лампочки были разбиты. Рассматривая их, я повернул голову, взгляд зацепился за что-то вдалеке — что это там движется посреди темного пейзажа, да так спокойно, неторопливо? И тогда оно позвало меня. Все смолкло. Стало легко, спокойно, тревоги схлынули, весь мир отступил вместе с ними, осталось только это медленное вращение — захотелось приблизиться к нему. В затылке кольнуло, на мгновение передо мной проявился прямоугольник крыши, фигуры рядом, донесся неразборчивый голос, который что-то спрашивал, внизу замигали аномалии... И опять тишина, все пропало.

Раздался звук удара, голова качнулась. Едва не потеряв равновесие, я отступил на шаг. Еще один удар — узкая ладонь врезала по скуле, и я упал на колени. Стоящая надо мной Аня ударила в третий раз, я машинально перехватил руку, сжал запястье. В гулкую тишину ворвался грохот пулемета. Стоящий у края надстройки Лабус оглянулся и крикнул:

— Что, Леха, прокатиться на колесе решил?!

Отвернувшись, он вновь открыл огонь, стреляя в сторону «Прометей».

В затылке ломило. Отпустив руку девушки, я поднялся на дрожащие ноги, мотнул головой. Ведь чуть не попался! Столько баек слышал про это колесо, напарника предупреждал — и сам же свои предупреждения забыл.

Аня отошла от меня. На проекции светился широкий квадрат надстройки, со всех сторон от него мерцали красные шестиугольники. Они приближались вдоль вертикальных стен, которые на выдаваемой БТС картинке выглядели как линии и накладывались одна на другую. Я видел лишь какое-то шевелящееся месиво, невозможно было определить, сколько врагов ползет к нам. Мелькали пунктиры векторов направления, скакали цифры скорости, аналоговая шкала то наливалась оранжевым, то тускнела.

Бугров присел, поставив локти на бордюр и подняв к плечу гранатомет.

— Южную сторону проверь! — не поворачивая головы, крикнул монолитовец в паузе между выстрелами «Миними». — И Лабусу помоги!

Боль в затылке исчезла. Тряхнув головой, я поднял винтовку и шагнул к напарнику, который стрелял короткими очередями, пытаясь сбить тварей с крыши горисполкома. Расстояние было велико. Некоторое время я целился, потом дважды выстрелил и со второго раза попал в обтянутую резиной башку. Мутант упал — и пополз под защиту парашюта. Я выстрелил еще раз, в грудь. Он полз. Чертыхнувшись, я опять прицелился, но тут Лабус быстро повел стволом в сторону — снарк задержался под пулями — и сразу опять перенес огонь куда-то на дальнюю сторону крыши. Мутант замер.

Я уже хотел перебежать к южному краю, когда напарник крикнул:—

— Заряжаю!

Пришлось шагнуть к бордюру с низкими перильцами, присесть за ним и взяться за дело всерьез.

Лабус уже поднял пулемет, когда снизу донесся звон стекла, застучали падающие камни. Я перегнулся через перила, выглянул. Из окна на два этажа ниже выбрался снарк, оттолкнулся и в длинном прыжке перемахнул целый этаж. Ухватившись за подоконник, уперся подошвами в стену, согнулся, собираясь прыгнуть дальше. Когда он поднял голову, на меня уставились круглые стеклянные глаза. Я перехватил «М4» одной рукой, навалившись животом на перила, выставил ствол далеко вниз и трижды выстрелил. Пули разможили голову в противогазе, длинные пальцы соскользнули с подоконника, и мутант, кувыряясь, полетел к земле.

Заработал пулемет. Я выпрямился и повернулся. Бугров стрелял с противоположного края надстройки, Аня присела на корточки посреди крыши.

— Курортник, южная сторона! — Крик монолитовца едва донесся сквозь громовые хлопки «Сааба».

Да, черт, южная сторона! Красных шестиугольников там больше всего, линии стены вообще не видно, сплошная шевелящаяся масса. Я побежал туда. На крышу запрыгнул снарк, на ходу я разрядил в него остатки магазина — пули сбросили мутанта обратно. Два десятка красных иконок приближались к прямоугольнику крыши, снизу нарастала волна звуков: стук, шелест, фыркание, тяжелое дыхание. Заряжать винтовку времени не было. Перебросив ее за спину, я выхватил из кобуры «файв-севен», достал второй из потайного кармана. Нагнувшись над бордюром, выстрелами сбил со стены четырех снарков. Краем глаза заметил, как за углом, где надстройка опиралась на массивную колонну, возникла голова. Огромный снарк перебросил ногу через ограждение... Тот самый, которого я ранил в пакгаузе! Отскочив от края, я выстрелил из обоих пистолетов.

Моторика стрельбы с двух рук отрабатывается долгими нудными тренировками. Снарк будто ждал, когда я начну неоконченную дуэль, — и высоко подскочил, уйдя с линии огня. Я поднял пистолеты выше, но он каким-то образом пронырнул под пулями. Справа мелькнула голова, продолжая выцеливать здоровяка «файв-севеном» в левой руке, я дернул правой в сторону. Всадил две пули в лоб мутанта, показавшегося над бордюром, вновь направил оба ствола на жоака. Тот прокатился под пулями, нырнул вперед, потом вбок, двигаясь с неестественной скоростью и ловкостью. Я прекратил стрельбу. Он застыл на перилах, согнувшись в три погибели, упираясь в узкую перекладину подошвами и цепляясь руками. Я прицелился ему в лоб. Все, конец тебе...

Он прыгнул. Но не вперед, как я рассчитывай, а назад — и пропал за бордюром. Тут же

оттуда вылетел другой, поменьше. Я выстрелил, пули разбили оба стеклянных глаза, и мутант свалился обратно.

Я ждал, широко разведя руки, быстро поворачивая голову то в одну сторону, то в другую. Взгляд скользил по краю бордюра — влево, вправо... На проекции было слишком много целей, БТС больше мешала, чем помогала.

Сзади Лабус стрелял короткими очередями, иногда начинал хлопать «Сааб» — и почти сразу смолкал. Я ждал. Сейчас-сейчас, ты переместишься вбок и опять вылезешь. Ведь не сбежал, наверняка где-то там, внизу, ждешь, чтобы я подошел к краю, выглянул — хочешь подпрыгнуть, схватить меня за голову, сдернуть вниз. А мы умнее, мы тут будем стоять и целиться, пока у тебя терпение не лопнет.

Вожак выскочил на том же месте, где и в первый раз, — этого я не ожидал. Он взлетел на перила, я резко свел руки, стволы нацелились прямо в него, пальцы вдавили спусковые крючки, но он, вместо того чтобы прыгнуть на меня — а он бы успел, и тогда мне конец! — провалился обратно за бордюр. «Файв-севены» запоздало громыхнули, пули ушли к темному горизонту. Да что же это такое?! Выругавшись, я шагнул вперед, чтобы выстрелить в него сверху, и только тогда понял, что стало светлее. Тусклые тени протянулись по крыше. Я повернулся. Вдалеке над крышами ЧАЭС небо наливалось тяжелым сиянием.

Глава 17

Штаб Объединенного командования

Начальнику разведки группировки приказываю:

Основываясь на полученных сведениях от научных групп лабораторий блока «В» и «С» на озере Янтарь, произвести классификацию всех изученных аномальных явлений. Разработать справочник следующего содержания:

- 1. Характеристики аномальных явлений;**
- 2. Методы преодоления аномального явления;**
- 3. Побочный продукт отработанных аномальных явлений;**
- 4. Действия побочных продуктов аномальных явлений.**

Разработке присвоить гриф «совершенно секретно».

**Начальник штаба Объединенного командования
полковник...**

Выброс, сейчас будет выброс! Сунув пистолет в потайной карман, я шагнул к Бугрову. Лабус повернулся, подняв «Миними» стволом вверх, Аня подошла ко мне. Бугров замер, глядя в северном направлении. Снизу доносился стихающий стук, шелест и хруст отваливающихся от стены кусочков бетона — снарки спешили прочь. Все населяющие Зону твари, ощутив приближение выброса, либо бегут в панике, либо пытаются укрыться в норах и подвалах, в любых защищенных землях, бетоном или железом местах. Выброс — это опасно. Попавшие под него люди погибают или сходят с ума, их парализует, они впадают в кому или превращаются в зомби...

Чтобы спастись, надо скрыться за толстыми стенами. Лучше всего прятаться под землей, в каком-нибудь бункере или блиндаже, но подойдут и наземные строения. Если там есть окна, их необходимо закрыть хотя бы листами железа. Все это помогает сохранить жизнь.

Зарево над ЧАЭС стало ярче. Я увидел узкий луч прожектора — он выстрелил в небо с крыши Саркофага, качнулся; будто клинок, пропарывая черные облака, достиг полосатой охладительной трубы, скользнул по ней, осветив плоские диски каркасов жесткости, и погас.

Зарево поблекло и сразу начало разгораться вновь. Сжав голову руками, Аня всхлипнула. Я шагнул к ней, взял за плечо.

— Что такое?

Сбросив мою руку, она попятилась. Девушка была куда чувствительнее к аномальным излучениям, чем обычный человек, значит, и к выбросу тоже. Надо прятаться, а мы торчим тут, будто на вершине горы в грозу, и ждем, пока в нас ударит молния.

— Бугров... — начал я.

Он перебил:

— Шахты.

— Лифт! — сообразил Лабус, закидывая пулемет на плечо. — Точно, Леха. Туда давай!

Монолитовец перескочил через перила на бордюре и полез вниз, напарник поспешил за ним.

— Леха! — позвал он.

Потянув девушку за собой, я перешагнул через ограждение, помог перелезть ей.

Спустившийся до середины лестницы Лабус поднял голову.

— Держи ее! — крикнул я.

Стало еще светлее, теперь мы отчетливо видели друг друга, на бетоне извивались тени. Аня поникла, голова ее тряслась. Лабус подхватил девушку, прыгнул и понес к лестнице, ведущей на технический этаж. Я соскочил следом, побежал, обогнав их, нырнул в проем за Бугровым. Спустившись, услышал сзади восклицание, развернулся и поднял руки. В проеме возник напарник, передал мне девушку.

— Что? — спросил я.

— Ногу подвернул. — Он полез следом. — Там арматура, блин...

— Быстрее! — крикнул Бугров. — Сейчас начнется!

Льющийся сквозь проем густо-красный свет стал ярче. Казалось, помещение заливают кровь. Я перескочил через труп снарка, свернул, увидел массивные шестерни, лежащие на верхнем люке лифтовой шахты, какие-то ящики... Нет, отсюда в шахту не залезть. Шаги Бугрова доносились снизу, и я побежал к лестнице.

Все вокруг мелко дрожало, Аня на моих руках сипло дышала, узкие ноздри раздувались.

— Ты как? — спросил я у бегущего следом Лабуса.

— Нормально... — Он не договорил, снизу раздался взрыв.

Весь этаж вздрогнул, Лабус споткнулся, слетев по нижним ступеням, толкнул меня в спину. Я упал на бок, локтем подняв голову Ани, чтобы не ударились затылком. Напарник выругался, чихнул. Когда я поднялся, в воздухе висела пыль, под ногами хрустели куски штукатурки и кирпича.

Мы поспешили дальше, Костя прихрамывал и кряхтел. На следующем этаже увидели Бугрова, он заглядывал в проем лифтовой двери, проломленной выстрелом гранатомета. Рядом валялся толстый железный лист.

— Там есть тросы. Курортник, давай первым.

Ясно дело, я самый легкий, не считая Ани, — значит, тросы испытывать мне.

Бугров шагнул в сторону, я передал девушку Лабусу и встал на самом краю. Все вокруг дрожало, кусочки бетона отрывались от стен, летели в темноту. Вытянув перед собой руки, я «солдатиком» опрокинулся вперед. Пальцы в перчатках ухватили трос, заскользили. Сжав зубы, я стиснул его ногами, даже подбородком прижался — холодный вязкий солидол испачкал лицо.

Съехав немного, обвил трос вокруг предплечья. Зажег фонарь, осветил вверх. Лабус уже висел на тросе, Бугров передавал ему девушку — она слабо шевелилась и постанывала. Сжимая трос ногами и одной рукой, напарник обхватил Аню, она обняла его за поясицу. Я повел лучом по стене, а Лабус выдохнул сипло:

— Перчатку разодрал! Леха, не качай трос!

Когда я повернул фонарь дальше, луч озарил горизонтальную балку. Ага, так они сдвоенные — то есть одна шахта для двух кабин, — и на высоте каждого этажа расположена толстая поперечная перекладина, как бы делящая колодец на две вертикальные половины. От балки по стенам шли железные штанги, сваренные уголками,

— узлы жесткости.

По бетону с тихим журчанием сочилась вода. Дрожь нарастала, шахту наполнял стук падающих камешков. Я решил, что на балке можно будет пересидеть выброс, носком ботинка дотянулся до нее, пытаюсь перелезть.

— Не качай трос!!! — донеслось сверху.

— Держись крепче, — сквозь зубы процедил я.

— Спускаюсь! — это Бугров.

Над головой лязгнуло, и тут же стало темнее — теперь шахту озарял только мой фонарь, густо-красный свет погас. Офицер сказал:

— Дверь была привалена листом железа, я снял его, перед тем как стрелять, теперь поставил на место.

Под весом четверых трос натянулся, а я слишком поздно сообразил, что можно перелезть, сейчас добраться до балки стало куда сложнее. Я повис в наклонном положении — ни туда ни сюда. Одна рука держится за трос, в другой фонарь, ступни упираются в балку. Надо качнуть трос, хотя это опасно для тех, кто вверху, особенно для Лабуса с Аней. Выброс вот-вот начнется, он может стряхнуть нас всех вниз. Я сказал:

— Сейчас сильно дерну трос.

— Э, ты чего... — заволновался напарник, но времени больше не было, и я перебил:

— Держитесь! На счет три. Раз, два... три!

Носки ботинок соскользнули с балки, я качнул ногами назад, потом вперед. Фонарик выпал, сверкнув напоследок в глаза, провалился во тьму и погас.

Что-то сильно дернуло за ногу.

Хорошо, что обе ступни к тому моменту были уже на балке, а то бы я полетел вниз. Но все равно произошло это очень неожиданно, да к тому же в непроглядной темноте, воцарившейся после того, как погас фонарь. Я выпустил трос, закачался, размахивая руками, но сумел устоять и присел на корточки.

Ударивший сверху широкий луч офицерского фонаря осветил снорка, который, будто огромный темный паук, притаился подо мной. Блеснули стеклянные глаза, качнулся хобот. На теле его запеклась кровь из десятка ран — как он вообще еще жив? И не просто жив, а что-то соображает, додумался вот укрыться в шахте, но сорвался и повис, уцепившись кончиками пальцев за узкий выступ под балкой.

Под мутантом в квадрате второй шахты висело одеяло ржавых волос.

— Что там?! — завопил сверху Лабус.

Я завозился, пытаюсь в сидячем положении вытащить пистолет. Снорк, выбросив вверх руку, вцепился в лодыжку и дернул.

Извернувшись, я упал на балку боком, мутант потянул, я навалился на нее грудью и со всей силы лягнул здоровяка. Каблуки врезались в обтянутую резиной морду, один с хрустом продавил стекло, вбил осколки в глаз. Я не смог удержаться на балке — соскользнул и лишь в последний миг ухватился одной рукой. Снорк повис, обняв мои ноги; свободной рукой я врезал ему в лицо — раз, второй. Удары были слабые, в таком положении сильно не ударишь — он дернулся и вдруг перехватил меня за кисть. Сустав хрустнул, я чуть не взвыл от боли. Пальцы второй руки медленно заскользили по железу.

Снорк вдруг выкрикнул что-то. Голос у него был странный, высокий и гортанный, произнес он нечто неразборчивое — будто проклял меня на каком-то дикарском наречии Зоны. Сорвав измазанную солидолом перчатку, мутант полетел вниз и врезался в полог ржавых волос. Тот прогнулся, разрываясь, вожак провалился дальше, но волосы росли толстым слоем, и он застрял.

Мутант забился, будто к нему подключили ток. Тысячи крошечных колючек впивались в его тело — снорк дергался, извивался, пытаюсь подползти к ближайшей стене, вырваться из обжигающих объятий аномалии — и погружаясь в нее все глубже. Схватившись за край балки второй рукой, я стал подтягиваться. Забросил одну ногу, другую. Качнулся, чуть не вывалился с другой стороны балки, наконец боком улегся на ней, обняв, достал

пистолет и направил ствол вниз.

Снорк медленно подтягивал себя к стене. Я вел пистолетом за ним, целясь в голову.

— Не стреляй, свалишься, — сказал Лабус.

Он висел в той же позе, обнимая Аню, над ними, направив вниз фонарь, застыл Бугров. Шахта мелко дрожала, кусочки бетона пролетали мимо меня, падали в полог ржавых волос. Очень хотелось всадить в снорка пулю, но Костя прав, слишком рискованно стрелять в таком положении. К тому же здоровяку и так конец. Он больше не полз — подергивая конечностями, тонул в коричнево-рыжей массе, как в трясине.

Я понял, что не дышу уже с полминуты, и медленно перевел дух. Сердце громко стучало в груди. Убрал «файв-севен» в кобуру, кое-как сел на балке, подался вперед. Ухватил трос, потянул на себя и сказал:

— Спускайся, только медленно.

— Подсвети, — отозвался Лабус.

— Не могу, фонарь уронил.

— А на винтовке?

— Да неудобно с оружия светить, пусть Бугров тебе освещает.

Напарник засопел, раздался шорох — перчатки скользили по тросу.

— Держи, держи ее!

— Я трос держу!

Сопение стало громче, я пригнул голову, чтобы Костя не ударил меня подошвами. Прямо перед лицом оказались его ноги, дернулись, напарник сполз ниже, поставил Аню на балку под стеной. Я подался в другую сторону, Лабус встал рядом.

— Придерживай ее, а то свалится, — сказал я.

— А ты трос держи.

Я остался сидеть, а Лабус шагнул к Ане, прижав к стене, ухватился за идущую вдоль нее штангу жесткости.

— Сейчас начнется, — сказал он.

Все затряслось сильнее, Еще сильнее. Отголосок далекого грохота проник в шахту. По тросу к нам соскользнул Бугров, успевший прицепить фонарик на шлем. Луч описал дугу, качнулся — и монолитовец перемахнул на балку.

— Держитесь! — выкрикнул он, приседая.

Грохот нарастал — казалось, по ночной Зоне к городу катится цунами.

— Лабус, крепче ее держи! — повторил я, растянувшись на балке во весь рост лицом вниз, — и потом выброс накрыл Припятъ.

* * *

Гостиницу потрянуло. Шахта накренилась, толчок отбросил Лабуса назад. Проекция в моей голове вспыхнула обжигающим зеленым огнем. Я вскрикнул. Аня попыталась ухватиться за штангу узла жесткости, отпрыгнувший напарник вцепился в трос и заскользил по нему. Аня упала с балки, и я свалился за ней.

Трос будто маятник качнулся в обратную сторону, и девушка попала прямо в объятия Лабуса. Он скользил, вопя на всю шахту, обхватив вымазанные солидолом железные волокна ногами и рукой в порванной перчатке. Напарник прижал Аню к себе, они понеслись дальше с удвоенной скоростью.

Сильные руки вцепились в плечи и втянули меня обратно.

— Держу! — выкрикнул снизу Лабус.

Монолитовец, посадив меня рядом, выпрямился. Морщась, я положил ладонь на затылочную часть шлема. Проекция мелко дрожала, рассылая по сознанию короткие резкие импульсы, каждый раз в ушах нарастал и стихал звон. Я потер лицо ладонью, размял шею сзади под шлемом. Напарник с Аней находились на поперечной балке этажом ниже, девушка лежала лицом вверх, Костя сидел в изголовье, свесив ноги, положив руку

ей на плечо, — придерживал. Она не шевелилась, глаза закрыты. Рядом лениво колыхались ржавые волосы, в которые погрузился вожак снайпера.

Было душно и тепло, запахи железа, машинного масла и солидола наполняли неподвижный воздух. Фонарь Бугрова качался, желтый луч то падал вниз, то скользил по стене и упирался в бетонный потолок шахты с тремя квадратами люков: монолитовец осматривался.

— Леха, как? — спросил Лабус.

— Хреново, — отозвался я. — БТС чудит после выброса. У вас что?

— Я в порядке, только руку подрал, а вот с ней что делать? Жива, но вырубилась совсем. Стимуляторы, может, какие-то вколоть?

Звук голосов вязнул в шахте, эха не было, приходилось выкрикивать каждое слово. Бугров сказал:

— Не надо, сейчас сама в себя придет.

Когда он замолчал, повисла звенящая тишина. Меня затошнило, накатила дурнота, и, чтобы не упасть, я лег на балке, лязгнув о металл цевьем висящей за спиной винтовки. Мигнув, проекция свернулась в точку и тут же развернулась — да как! Она вышла за границы, которые занимала раньше, будто смогла покинуть зрительный участок мозга, края рванулись в стороны, картинка расширилась — и заняла все сознание, вытеснив остальное. Я выпучил глаза, вцепился в балку. Бугров с напарником и Аней исчезли, шахта исчезла — все исчезло. Осталось только зеленое поле, координатная сетка, раскинувшаяся в бесконечность, и на ней — карта Зоны. Подробная, с жирными пунктирами относительно безопасных маршрутов и значками. Вот мишень в треугольнике — эмблема военной базы, а я и не знал, что в том районе у ОКа есть такая, наверное, она секретная. На западе — крошечные перекрещенные вилка и ложка, это, что ли, какой-то тайный бар сталкерский? Рядом черепок с костями, значит, опасная точка, кружок с изображением звериного следа, вот Агропром, а вот Янтарь, и все это испещрено многочисленными значками радиоактивной опасности. А там? На севере, что это за странная область, что за названия? Река Артерия, озеро Гниль, какая-то Синяя Кожа, Плесень, Подъяремье — почему я ничего не слышал про тот район?

Толчок, удар... Проекция погасла, и я осознал, что уже не лежу, а вновь сижу на балке, сильно отклонившись назад, и присевший рядом Бугров поддерживает меня ладонью под спину, — и еще понял, что если бы не он, я бы сейчас умирал в колючих объятиях ржавых волос.

Он подтолкнул меня, я сел прямо.

— В чем дело? — спросил монолитовец.

— БТС чудит, — хрипло сказал я. — То отключилась, а то вдруг вспыхнула...

— Вспыхнула? — он внимательно глядел на меня.

— Да, показала что-то непонятное.

— Что показала?

Я отмахнулся от него.

— Ладно, забудь. Что у нас? Лабус...

— Она в себя пришла, — перебил он.

Я поглядел вниз: Аня сидела, привалившись плечом к Лабусу.

Бугров еще секунду смотрел на меня, будто хотел задать какой-то вопрос, потом выпрямился и посоветовал:

— Оружие проверьте.

— Не могу, руки трясутся, — проворчал я.

Хотя вообще-то он прав. За последние сутки столько раз падал, ударяя винтовкой о землю, бетон, асфальт и всякие предметы... Надо заново пристреливать — но только не до того сейчас.

— Сиди ровно.

Не снимая с меня «М4», Бугров взял оружие за цевье, повернул к себе. Сменил магазин,

проверил затвор, Включил фонарь на стволе — работает, потом лазер - нормально. Тогда он громко сказал:

— Все пришли в себя? Лабус, спускаемся.

По штангам мы обогнули ржавые волосы и встали на кабине лифта. Я включил фонарик висящей за спиной винтовки, и луч озарил нижний слой аномалии в нескольких метрах выше.

— Ох ты ж! — Лабус ткнул туда пальцем. — Гляньте!

Все подняли головы. Из ржавых волос свисала рука, рядом виднелось колено согнутой ноги. Запястье покрывали мелкие крапинки, будто следы от укола иголок — сотни уколов. Бугров тоже направил фонарь вверх, Лабус включил свой, и тогда сквозь темно-серые пушистые наслоения аномалии стал различим неподвижный силуэт снарка. Аня отвернулась.

— Вон куда сполз, — протянул Лабус. — Э, а если он сейчас дальше провалится, нам на головы? Давайте в сторону отойдем.

Между перекошенной крышей кабины и проемом раздвижных дверей была широкая щель, я протиснулся в нее, вылез в холл.

Прикинул, пройдет ли Бугров, — вряд ли. Лабус — может быть, но лучше не рисковать, еще застрянет. Крикнул в шахту:

— Выше поднимитесь! Попробуем открыть двери в холле!

Взбежав на второй этаж, всунул пальцы в щель перекосившихся створок, дернул. Двери поддались, но совсем немного.

— Сейчас помогу, — донесся голос Лабуса с другой стороны. — Давай... Раз! Еще!

Створки раздвинулись, я уперся в одну ногой, другую отжал спиной. Напарник выпрыгнул в холл, повернулся, помог вылезти Ане. Ей все еще было нехорошо — глаза большие, лицо осунулось. Напарник усадил ее под стеной, а из шахты показался Бугров.

Я отпустил двери, они с хрустом закрылись под действием пружин. Монолитовец присел, положив перед собой гранатомет, занялся своим оружием. Лабус достал флягу, отпил, сунул Ане. Она молча взяла, глядя перед собой остановившимся взглядом, отпила — вода потекла по подбородку.

— Слушайте, а с чего вдруг выброс начался? — спросил Лабус. — Совсем недавно ведь был, трех суток не прошло.

— Отец говорил, что Осознание может генерировать выбросы, — тихо произнесла девушка.

— Да? Так это они нас так остановить пытаются, что ли?

Мы с напарником посмотрели на Бугрова, но он молчал. Лабус взял у Ани флягу, предложил мне, я отказался.

— Ладно, куда теперь?

— Сейчас идем по Курчатова, — сказал Бугров. — После выброса мутанты затаились, снарки на какое-то время оставят нас в покое. Но возникли новые аномалии. Анна, ты сможешь идти?

Она начала вставать, я шагнул к ней, протянул руку, и девушка вцепилась в запястье.

— На тебя выбросы всегда так влияют? — спросил я.

Закусив прядь свесившихся на лицо волос, она кивнула. Подняла на меня взгляд.

— Алексей, я...

Из шахты донесся звучный шлепок, и Аня замолчала. Все поглядели на дверь.

— О! — сказал Костя. — Это Годзилла наш свалился. Слушайте, а патронов совсем мало у меня. У тебя как, Курортник?

— И у меня мало.

К парадному выходу мы не пошли, там уже разлился мерцающий зеленым кисель, пришлось выбираться из «Полесья» через окна первого этажа. Под гостиницей лежало несколько снарков, я разглядел того, которому прострелил оба глаза из «файв-севенов».

Бугров шел первым, то и дело сверяясь с датчиком аномалий, но тот, судя по всему,

сбоил после выброса — офицер двигался неуверенно, хлопал по корпусу датчика ладонью, щелкал чем-то.

— Я поведу, так будет скорее, — сказала Аня.

— Но учти, мы спешим, — сказал он, пропуская ее вперед.

Она побежала, и мы поспешили следом.

Аня часто поворачивала, один раз даже описала петлю вокруг приземистого здания бойлерной. Ночь посверкивала огнями аномалий, искрилась и мерцала, потрескивали молнии электр, иногда доносилось шипение огненных струй жарок. Впереди показалось кафе «Припять», на крыше его горела незнакомая аномалия, то вспыхивала ярче, то почти гасла. Мы остановились, разглядывая здание причального комплекса возле кафе. Здесь все заросло деревьями и кустами, теперь это место напоминало скорее парковые постройки, чем портовые сооружения. Дальше был залив и река, вниз по течению — ЧАЭС, окруженная так называемым Обводным каналом, выкопанным для охлаждения реактора. И, конечно, железнодорожный Мост Смерти, куда после первой аварии ветер сдул продукты горения топлива четвертого энергоблока. Припяти очень повезло, дул бы ветер в другую сторону, все горожане погибли бы. А в Обводном канале плавают всякие твари... когда-то, я слышал, атомщики там сомов разводили — и в кого теперь те сомы превратились?

Мы все еще стояли на углу Курчатова и набережной. Аня почему-то не решалась идти дальше, что-то ее останавливало.

— Ну так что? — спросил Лабус. — Идем, чего встали?

Девушка ответила:

— Там что-то большое впереди. Большое и очень тяжелое. — Она коснулась пальцами лба. — От него идет странный сигнал.

Глава 18

...из протокола совещания начальника штаба группировки:

...научная лаборатория блока «В» на озере Янтарь проводила такие исследования. Ученые и инженеры доказали возможность установки на легкобронированную технику специального оборудования, способного гасить энергетические всплески аномалий. Начальнику бронетанковой службы группировки необходимо откомандировать в лагерь на Янтаре двух офицеров. Принять чертежи и доработать установку в кратчайшие сроки.

Переходим к следующему вопросу...

— Какой сигнал и что странного? — спросил Лабус. Я не слушал их, пытался настроить проекцию. После выброса система отказалась нормально работать, модули сбоили, никак не удавалось толком развернуть картинку. Я уже собрался задать вопрос Бугрову, но он будто прочел мои мысли и сказал:

— Шлем барахлит, ничего не вижу.

— Ага, и у меня... — начал Костя. Монолитовец перебил его:

— Тихо!

Он выключил фонарь, махнул нам с Лабусом, чтобы погасили свои, и стал пробираться между кустами.

Вскоре в темноте проступили контуры какой-то приземистой махины, но в мерцании аномалий на крыше «Припяти» трудно было разобрать, что это. Вроде танк... но где тогда пушка? Сделав еще несколько шагов, офицер остановился. Напарник пробормотал:

— Вот черт. Леха, это ж машина огневой поддержки!

Я кивнул. Да уж, неожиданно. Я не узнал ее потому, что приземистая башня мало

напоминала танковую — там были люки, но не отсек для людей, ведь это просто большой оружейный модуль. Торчали стволы спаренных пушек, смонтированных вместе с танковым пулеметом Калашникова, по бокам были установлены четыре длинных контейнера цилиндрической формы — ПТРК, противотанковые ракетные комплексы, наверное, «Корнет». Перед башней по краям — курсовые автоматические гранатометы, между ними три люка, ведущие в отсек механика-водителя и операторов. Командир машины и наводчик попадают внутрь через люки в башне. Я был хорошо знаком с подобными машинами, помнил расположение приборов, работу узлов и агрегатов, артиллерийский комплекс, прицелы, звук, с которым управляемая ракета «Атака-Т» прошивает воздух...

Вверху затрещало, мы вскинули оружие. Аномалию на крыше раздуло в багровый шар, она вспыхнула огнем. Улицу перед кафе озарил струящийся свет, и стало видно, что возле гусеницы лежит тело.

— Стойте на месте.

Бугров побежал к танку, мы с Лабусом шагнули в разные стороны, контролируя улицу, хотя в прыгающих тенях трудно было бы заметить противника.

Офицер склонился над телом, оглядел и махнул рукой. Не опуская стволов, мы подошли. Аня держалась позади, труп не вызвал у нее особого интереса — кажется, мертвые мутанты пробуждали в девушке большее сочувствие.

У машины лежал Второй. И убил его не выброс — монолитовца застрелили, на асфальте остался кровавый развод. Получив смертельное ранение, он сумел добраться до машины, причем, как я понял, последний метр подтаскивал себя, ухватившись за гусеницу.

Багровый шар на крыше кафе медленно гас, по поверхности его еще пробегали молнии, но все более тусклые. Бугров знаками показал: нам с Лабусом осмотреть окрестности, Ане оставаться на месте. Мы разошлись, офицер полез на брону.

За танком — я по привычке называл так машину огневой поддержки, созданную на базе «Т-72», хотя танком в нормальном смысле она не являлась, — скорчились два сектанта. Головы запрокинуты, кисти неестественно вывернуты. Их явно убил выброс. На броне за башней лежал третий, Бугров как раз осматривал его, когда я обогнул машину.

— Пулевое ранение, — сказал монолитовец. — В голову.

А вот его Второй застрелил, решил я. Выходит, деле было так: перед самым выбросом он набрел на танк, для чего-то остановившийся в этом месте, — может, сектантам по нужде приспичило или еще что-то они хотели сделать, неисправность, например, устранить, — один полез наружу, и Второй этим воспользоваться. Открыл огонь, убил его, но с остальными не справился. Тут начался выброс и вывел двоих монолитовцев из строя. Второй, смертельно раненный, пополз к танку, надеясь спрятаться в нем. Укрытий надежнее рядом не было, а танковая броня — хоть какая-то защита от аномальной энергии. Но не дополз, не хватило сил.

А ведь Второй пытался увести от нас снайперов — вот почему они со стороны «Прометея» появились.

Рядом с телами лежало оружие, модифицированные немецкие винтовки «Джи-36 Компакт»: короткий ствол, складывающийся приклад. Я поднял одну, выщелкнув прозрачный пластиковый магазин, понюхал срез пламегасителя — стреляли недавно.

Я достал магазин из второй винтовки, в подсумках нашел еще три. Так, боеприпасами для «М4» и «Мини-ми» Лабуса разжились. А то у меня в рюкзаке всего пара рожков, у Кости короб на сотню патронов, и все. Правда, Бугров говорил — Северов поможет с оружием.

Сбросив тело с брони, Бугров заглянул в боевое отделение через люк перед башней. Появившийся из темноты Лабус доложил:

— Вокруг тихо.

Бугров выпрямился, мы с ним обменялись взглядами. Офицер кивнул.

— Вспомним молодость? — спросил я Костю.

- Чего ее вспоминать, — проворчал он, залезая на гусеницу. — Я и так молодой еще.
- Ладно, значит, я рулю, ты стреляешь.
- Что? — не понял он.
- Я вперед — за рычаги, ты сзади — на место наводчика.
- Сдурел? Я ж на «копейку» учился. Такую технику только в кино видел. У нас машины первого поколения были в полку и в учебке!
- Костя, каждый десантник знает: лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

Он что-то заворчал в ответ, но я не слушал: сзади раздался шорох. Я дернулся, схватившись за пистолет, и увидел, что это Аня, вслед за мной обошедшая танк. Я залез на гусеницу, подал ей руку. Бугров присел позади башни, над которой показалось недовольное лицо напарника.

- Ничего, время заполнять пробелы в знаниях, — сказал я ему. — Освоишь сразу третье поколение машин. Давай, лезь. Бугров со своим ростом под башней не поместится, поедет рядом со мной.

Монолитовец лег на краю башни, сунул фонарь в люк и заглянул.

- Не поместишься, — повторил я.

Он кивнул и слез к трем люкам в передней части — два для гранатометчиков, один для механика-водителя. Собственно, все пять люков ведут в одно помещение, разделенное на два неравных отсека: передний, более просторный, где предстоит сидеть нам с Бугровым, и задний. Такие машины не для здоровяков — все танкисты небольшого роста, их специально отбирают, Вон и трое мертвых монолитовцев ниже Лабуса, а ведь он тоже не долговязый. Хорошо, что я со своим ростом метр семьдесят пять в отсек механика-водителя кое-как протиснусь.

Я присел над овальным люком в передней части. Снизу шел запах нагретого металла и отработанного выхлопа солярки. В темноте тускло фосфоресцировали шкалы приборов. Дотянулся до тумблера, щелкнул — загорелась лампочка, голубовато-зеленый свет озарил отсек. Хорошо, есть питание. Оглядел приборную панель — вроде бы все знакомо. Бортовые рычаги управления, ручка переключателя скоростей, педали... Ладно.

Сбросив рюкзак на место водителя, я полез обратно, чтобы осмотреть боевое отделение.

- В машине стоит неплохой детектор аномалий, — сказал Бугров. — Кажется, он соединен с защитным экраном в передней части, эта конструкция выполняет также роль антенны, то есть сканера для детектора. Показалось мне, или сектант теперь говорит немного иначе по сравнению с тем, как изъяснялся в доме Доктора? Менее монотонно и глухо — все еще как машина, но теперь интонации слегка изменились и, главное, построение фраз? Будто что-то человеческое очень медленно просыпается в нем.

- А ты в курсе был, что у вас такая техника есть? — спросил я.

- Слышал кое-что, но конкретно про эту машину не знал. В круг моих обязанностей входило электронное оборудование, Радар и расчетные аппаратные средства, а не средства передвижения.

Может, это из-за общения с нами, с тремя обыкновенными людьми, Бугров нормальным постепенно становится? До того ведь с кем он разговаривал по большей части? С рядовыми бойцами — которые молчат как партизаны, — с другими офицерами, да еще, может, с кем-то из Осознания. Те, конечно, не такие, как монолитовцы, но тоже ведь не люди в привычном понимании.

- Ладно, со мной поедешь, — заключил я. — Займешься гранатометом. Они здесь курсовые, только вперед стреляют. Сейчас пока контролируй окрестности, я поставлю остальных задачу.

Монолитовец спрыгнул на асфальт и пошел вокруг танка, подняв ствол «Сааба».

- Лабус, лезь в боевое. Не сюда, — я подтолкнул Костю к башне, — на место наводчика. Аня, в соседний люк. Рюкзаки снимайте.

Протиснувшись между пушками и контейнерами ПТУР, улегся на броню, сунул голову в люк. Напарник включил фонарь. На щитке я отыскал нужный тумблер, щелкнул — в

отсеке загорелась еще одна зелено-голубая лампочка.

— Костя, смотри. Да подвинься ты, убери башку, я ничего не вижу. Так, вот «Чебурашка». — Я показал на матовую панель с двумя вертикальными ручками, кнопками и лампочками.

— Это понятно, — откликнулся он недовольно. — Джойстик вооружения. Только здесь кнопок много. На «копейке» всего две было.

— Ничего, сейчас разберешься. Тут спаренный автомат. Питание двухленточное, как у БМД-2, там пушка такая же. Вот буква на переключателе, «О» — осколочный. А вот...

— «Б» — это не то, что мы сейчас подумали, а бронебойный. Знаю.

— Молодец, раз знаешь. Переключать можно и вид боеприпаса, и темп стрельбы. Стрелять лучше всего малым темпом и короткими очередями. «Калашников» спарен с пушками, ну ты сам наверху видел. Пока доступно?

— Ага.

— Так, подвинься дальше. Смотри, у тебя все заряжено и готово к стрельбе. Это хорошо, а то пришлось бы сейчас тратить еще время на объяснения. Вот прицел, — я ткнул пальцем в окуляр, прикрытый мягким наглазником. — Справа экран, на него идет изображение с тепловизора. Режимы «день—ночь», изображение попадает на два телевизионных блока. Аня, — я повернулся к девушке, — у тебя все то же самое — вот, видишь на полке маленький телевизор? И управление аналогичное. Но ты в работу Лабуса не вмешиваешься, тебе я на всякий случай говорю.

— Да. Поняла, — сухо сказала она и отвернулась.

Опять, что ли, мною недовольна из-за чего-то, как тогда, после перестрелки возле огромной зыби? Но я же вроде не толкал и не орал на нее, да и мутантов мы не убиваем в данный момент... Ладно, не до того сейчас.

Повернувшись к Лабусу, показал на приборы с его стороны.

— Вот настройка яркости сетки в прицеле. Не вздумай стрелять наугад, слышишь? Шкалы и деления помнишь еще? Куда и по какой стрелять? Режим переключаешь здесь...

Я показал, как включить и настраивать прибор. Лабус кивнул, все еще хмурый: не нравилось это ему, не хотел напарник управлять оружиевыми системами машины, в которой до того ни разу не ездил.

— Хорошо. Вот кнопки управления ПТУРами. Они заряжены ракетами «Атака-Т». Те обычно двух видов, пара с tandemным боеприпасом, пара с термобарическим.

— Ого!

— Во-во, это тебе не из пулеметика твоего стрелять. Но термобарические я бы приберег, могут пригодиться. Хотя черт знает, в каком контейнере какие. Ладно, кажется, все.

Оставив Лабуса гладить усы и разбираться во всех этих премудростях, я перебрался к командирскому люку, где сидела Аня, и сказал:

— Если что, поможешь ему. Теперь смотри. Значит, вот это, которое мигает, — шкала детектора аномалий. А здесь панорамный прицел, можешь в своем кресле крутиться независимо от башни, если что-то заметила, сразу говори Лабусу. Он в бою будет вращать оружейный модуль на все триста шестьдесят градусов. Но мне, сидящему за рычагами, должен кто-то сообщать, что на дороге впереди, какие там аномалии, — вот ты и будешь этим заниматься. Ясно?

Она кивнула.

— Ладно, все мы поняли, хватит на мозги капать, — заворчал Лабус. Он попытался выпрямиться и треснулся головой о металлический выступ.

— Осторожно, — я уже собирался вылезти обратно, но снова повернулся к ним. — Вон танковые шлемы висят, наденьте. Похоже, монолитовцы ими не пользовались. Ты сам разберешься, как подключиться и внутреннюю связь врубить?

— Да разберусь я! — в сердцах гаркнул он, потирая темя.

— Ну тогда и Ане объяснишь. Ларингофоны на шею, а то не услышу ничего, когда в движении будем и тем более в бою.

Я опять полез вверх, и тут Лабус окликнул:

— Погоди.

— Чего?

— А ты точно справишься с этой хреновиной на гусеницах?

Я огляделся и кивнул.

— Справлюсь.

— Ну ладно, — не слишком уверенно сказал он.

Бугров, широко расставив ноги, стоял на башне с «Саабом» наперевес.

— Пора ехать, — произнес он. — Долго вам еще?

Покачивая головой, я прыгнул на гусеничную полку.

Так, баки спрятаны под ней, скорее всего, они невзрывоопасные. Хотя это конструкторы так считают, взорваться баки все равно могут. Осмотрел шахты дымовых гранат, проверил — заряжены. Вдоль бортов висели броневые «шторки» — заполненные брикетами динамической защиты, они наполовину скрывали гусеницы, одно из самых уязвимых мест танка. Впереди на корпусе — металлическая конструкция вроде противоминного трала. Хотя у трала гребенка и катки, а тут какая-то сетка, катков с гребенкой нет... так это же противоаномальный экран! Ну да, тот самый, про который Бугров сказал, что он также выполняет функцию сканера для детектора аномалий.

Через люк механика я слез в головной отсек, рюкзак перебросил на свободное сиденье стрелка-гранатометчика, сел. И как монолитовцы без прибора ночного видения сюда доехали? Или они давно под кафе стояли, ждали кого-то? А может, нас и ждали? Тогда надо спешить, вдруг подмога к ним пожалует.

Я отстегнул зажимы и вытащил из шахты дневные окуляры. Пошарил под сиденьем в поисках укладки с прибором ночного видения. Нашупал подсумок, поднял, раскрыл — четыре гранаты РГН. Хорошо, пригодится, отдам две Лабусу, две себе возьму. Переложил их в жилет. Нашел металлическую коробку, вытащил — ага, вот и танковый прибор наблюдения для темного времени суток. Установил его в шахте, подключил шнур питания. Снял шлем БТС, надел вместо него танковый, штекер гарнитуры воткнул в разъем переговорного устройства. Сдвинул зажим на шнурке у шеи, чтобы ларингофоны плотно прилегали. Щелкнув переключателем, перешел на внутреннюю сеть. В наушниках послышалось ворчание Лабуса, Аня что-то отвечала ему.

— Слышите меня?

Они замолчали, потом девушка сказала:

— Я поняла, что за сигнал шел из машины, когда мы на нее наткнулись. Это маяк.

Я кивнул: ага, скорее всего, так и есть. На борту работает сигнальный маячок, значит, найти нас нетрудно. Удивительно только, что Аня способна без всяких приборов ощущать его сигнал — именно ощущать, как другие чувствуют температуру воздуха, сильный ветер или падающую с неба воду. Пора уже и привыкнуть к этим ее способностям, но я каждый раз вновь удивлялся.

По броне забухали тяжелые шаги, я высунулся из люка. Спрыгнувший с башни Бугров сказал:

— С юга, приблизительно в километре, три движущиеся цели, идут с зажженными фарами. На ЧАЭС много броневиков с безоткатками в кузове, это может быть патрульная группа оттуда. Возможно, они ищут этот танк.

— В машину, быстро! — Я нырнул обратно. — Лабус, к нам гости!

Когда я сдвинул рукоять запирающего устройства, приподнявшаяся крышка люка бесшумно повернулась и опустилась, закрыв проем. Бугров просунул ноги в соседний люк, но застрял — из-за брони верхняя часть тела не пролезала.

— Снаряжение снимай, не поместишься! — крикнул я.

Пока он устраивался, я приготовил второй танковый шлем, и когда монолитовец наконец уселся, бросил ему на колени.

Проверил, выключена ли передача. В голове всплыло: «воздух — стартер — помпа»...

Так, теперь давление в двигателе... Дизель взревел, машина затряслась. Рядом с педалью газа я нащупал рукоять подачи топлива, потянул, выставив обороты двигателя на тысячу.

Бугров надел шлем и стал готовить к бою правый курсовой гранатомет. Я сказал:

— Костя, они прямо по ходу движения, расстояние — километр. Сейчас решим, куда ехать.

Выжал сцепление — на танках это главный фрикцион, — включил вторую передачу, положил руки на рычаги. Ну, с богом! Машина дернулась и поехала по дороге. Я вдавил педаль — двигатель натужно взревел, — перебросил ручку передач на третью позицию.

— Доложить о готовности к бою.

— Готов, — тут же отозвался Бугров.

— К бою готов! — по-молодецки гаркнул Лабус и добавил другим тоном: — Ну, почти. Леха, ПТУР находу запускать можно?

— Нет. Все действия как на «копейке». Командуешь «короткая», я останавливаюсь. На общем блоке жмешь тумблер противотанковой ракеты, найди там надпись «ПТР». Все замирает. Навел на цель — выстрелил. Командуешь: «Вперед». Я трогаюсь. Понял?

— Ага. Теперь точно готов.

— Только их лучше беречь. ПТУР — последний довод танкиста.

Бросив взгляд на стрелку показателя топлива — маловато будет, — я спросил: — Бугров, куда нам?

— На юго-восток по проселку, в припятский порт. Он за городом, в двух километрах.

Раздался голос Ани:

— Алексей, прямо по курсу аномалия, возьми влево. Направо нельзя, там целый фронт висит.

Я потянул левый бортовой на себя. Машина повернула, съехала с дороги по наклонной насыпи, проломила кусты. Хорошо, что мы вдоль берега движемся, — здесь не так много деревьев.

Лязгало, корпус трясся, что-то глухо стучало под полом, пахло соляжкой.

— Теперь обратно на дорогу, — сказала Аня.

— Наблюдаю три цели, двигаются медленно, — доложил Лабус.

Еще бы они не медленно двигались — после выброса новых аномалий как грибов после дождя. Напарник добавил:

— Разворачиваются в боевой порядок. Одна остановилась.

Услышав это, Бугров резко выпрямился на сиденье, а я заорал:

— Огонь! Лабус, огонь по этой цели!

Танк почти выбрался на дорогу, когда возле левого борта шарахнуло так, что даже под броней заложило уши. Кажется, сработал блок динамической защиты. Я утопил педаль газа, дизель взревел, как раненый медведь. Машина в сорок семь тонн весом, задрал нос на склоне придорожной насыпи, буксанула и перевалилась на асфальт. Нас сильно качнуло.

Затрещали спаренные пушки. Я довернул в направлении противника, сузив для него ширину проекции — теперь попасть в нас будет тяжелее, — и приник к окулярам. Над головой вдаль улетали трассы снарядов. По броне застучали сыпавшиеся гильзы, в отсек просочился кислый запах пороха.

Далеко впереди вспух шар разрыва — скорее всего, снаряды скорострельных пушек пробили чужака навывлет и вспороли бензобак.

Пламя позволило хорошо разглядеть остальные машины, похожие на американские «хаммеры». Они медленно разворачивались, я заметил несколько фигурок, бегущих к деревьям.

— Лабус, уничтожь пехоту! — скомандовал Бугров. — Это гранатометчики!

— Принял, — отозвался Костя.

Длинная очередь прорезала темноту, дотянулась до силуэтов. Одного монолитовца разорвало в клочья, второй упал. Сбоку прилетели трассеры, пули цокнули по броне.

Бугров вдавил кнопку огня, справа часто застучало, гулкие хлопки, от которых тяжело скало в груди, наполнили кабину. В ночь ушла длинная очередь, череда разрывов накрыла изготовившегося для стрельбы гранатометчика.

Сквозь грохот донесся голос Ани:

— Алексей, снова влево! Впереди аномалии!

Пришлось опять съезжать с асфальта на обочину. В окуляры я разглядел яркую точку реактивного двигателя гранаты, пронесшейся мимо. Вовремя Аня про аномалии заговорила, иначе хреново нам было бы. Граната влетела в частокол деревьев на другой стороне дороги и взорвалась.

Проехав глубокую придорожную канаву, машина клюнула носом. Впереди росла толстая сосна, я потянул правый бортовой, объезжая.

— Нет, прямо! — крикнула Аня.

— Врежемся!

— Нельзя, опасно!

Но я уже не успевал свернуть и поехал по аномалии. Корпус содрогнулся, когда сработал трал-экран. Взрыв! И куски разорванной конструкции на мгновение закрыли обзор. Шипящие молнии озарили пространство вокруг танка, я сощурился. Дизель рыкнул, глухо взревел, машина сильно дернулась, мгновение мне казалось — сейчас встанем, но нет, она выдержала. Мы ехали дальше, однако экрану пришел конец.

— Лабус, они не должны уйти, приведут подмогу, — сказал Бугров.

— Понял, — раздалось в шлемофоне.

Башня плавно повернулась в сторону противников. Стабилизированное в двух плоскостях вооружение позволяло вести стрельбу на ходу — танк качался на ухабах, кренился с одного борта на другой, но электронный вычислитель не терял цель.

Как и мы, монолитовцы не могли двигаться быстро, аномалий после выброса было слишком много. Наверняка на «хаммерах» тоже стоят датчики вроде нашего — только у них нет Ани.

Снаряды настигли второй внедорожник, но у третьего появился шанс ускользнуть. Стоящий на его крыше крупнокалиберный пулемет стрелял в нашу сторону, светлячки-нули потоком проносились мимо, иногда ударялись о броню, разлетаясь фейерверком, и тогда отсек наполняло звонкое дребезжание. «Хаммер» раскачивался на ухабах, пулеметчик не мог хорошо прицелиться.

— «Короткая»! — прокричал Лабус.

Я вдавил педаль тормоза. Выжал главный фрикцион, переключил передачу. Машина дернулась и затарахтела на холостых.

Гулко громыхнул ПТУР, тут же Костя крикнул:

— Вперед!

В темноту из контейнера ушла управляемая ракета. Пара секунд — и внедорожник окутало облако плазмы, значит, Лабус использовал термобарическим боеприпас. Все, конец им.

— На дороге пока чисто, Курортник, так держать, — сказала Аня.

Я включил пятую передачу, чтобы как можно быстрее уйти с места боя. Надо осмотреть машину, но не сейчас, позже, если будет возможность.

Оглядел приборы. Давление масла — норма, а вот топлива мало.

— Бугров, сколько до порта? — спросил я.

— Меньше полутора километров.

— Дотянем. Но дальше не поедem, если там не будет топлива.

— А оно там есть? — вставил Лабус.

— Надеюсь, — сказал монолитовец. — Сворачивай на проселок.

Во время боя мы проехали улицу Огнева, оставили слева гаражные постройки и теперь выбрались из города.

Я вытер пот со лба, повел плечами, разминая задеревеневшие мышцы, — спинки

сидений в танках маленькие, неудобные.

Дребезжали гусеницы, силовая установка иногда всхрипывала, будто со сна. Лабус сказал;

— Эх, через мапупу вас всех! Я весь потный. В баню бы сейчас, в сельскую, с квасом и вениками. Сколько я уже в бане не был... и не сосчитать.

Машину затрясло сильнее, я сбросил обороты и переключил передачу. Миновав глубокую лужу, выбрались на сухой грунт. Я спросил:

— Бугров, какое оружие нам даст Северов?

— У меня нет информации, — ответил он.

— Без дополнительных боеприпасов плохо будет, у нас их мало осталось.

— Да и пара стволов еще не помешала бы, — добавил напарник. — И гранаты.

Танк катил по буграм и рытвинам, легко преодолевая препятствия. В окулярах уныло качалась картинка: набегающая колея, возвышенность, кусочек темного неба, полоска леса и снова колея... вверх-вниз... вверх-вниз... Иногда Аня говорила повернуть, я тянул рычаги, объезжал аномалии.

Лабус развернул башню в сторону ЧАЭС — любовался, наверное, в приборы на цель нашего путешествия.

Наконец Бугров потянулся к бортовой радиостанции, и я сказал:

— Переключитесь на внешний канал связи. Аня, если хочешь что-то сказать мне, зажми верхнюю половину тангенты, тогда услышу.

Монолитовец выставил частоту и забубнил в переговорное устройство позывные — пытался связаться с охраной Северова. Через минуту ему ответили.

— Нас проведут, — перекрикивая рев двигателя, сказал мне Бугров.

Из темноты выплыли искореженные груды металла, в которых лишь с трудом можно было узнать останки легковых автомобилей, за ними потянулись гаражи.

— Что за обломки? — спросил я.

Бугров пояснил:

— В этом месте ликвидаторы аварии восемьдесят шестого года уничтожали личный автотранспорт жителей города.

Опять он как автомат говорит. Стоило нам помолчать какое-то время, сосредоточившись на бое, — и речевой центр монолитовца будто погрузился в спячку.

Земля сменилась асфальтом, машина выкатилась на открытое пространство — ни деревьев, ни построек впереди. На фоне неба проступили силуэты портовых кранов, похожие на огромных журавлей. Слева потянулась стена из бетонных блоков, и я вспомнил про П-образный вал у пакгауза на железнодорожной станции. Скорее всего, такие стены и валы создавали после первой аварии возле важных транспортных узлов вроде железнодорожной станции и порта, способных обеспечить подвоз необходимых для ликвидации аварии грузов. Снижали таким способом засветку этих мест радионуклидами, которые излучал разрушенный взрывом реактор.

Впереди дважды мигнул фонарик, потом еще два раза, с более длинным интервалом. На ходу Бугров открыл люк, вылез на броню и стал сигналить в ответ. Мы въехали на территорию припятского порта, где нас ждал один из хозяев Зоны.

Глава 19

Докладная записка начальнику штаба Объединенного командования:

Провести подробное картографирование местности города Припять, русла реки и близлежащих объектов не представляется возможным. Слои плотного излучения аномальных облаков препятствуют проведению съемки со спутников-разведчиков. Попытки пролетов над указанными объектами привели к потере одного БПЛА из

состава батальона РЭР группировки. Обеспечить картографирование местности представляется возможным единственным путем: формирование отдельной экспедиции при поддержке бойцов отряда специального назначения.

***Начальник топографической службы группировки
майор...***

Не хотелось покидать машину огневой поддержки, вылезать из-под брони даже на короткое время, но нам предстояла важная встреча.

Мы остановились на грузовой площадке рядом с одним из портовых кранов. На краю бетонного квадрата тускло светились подвешенные на столбах лампочки, их соединял кабель, протянувшийся от строительной бытовки. В темноте за площадкой был пирс, дальше — залив. Посреди площадки стоял огромный бульдозер. Молодые елки проросли сквозь трещины в бетоне — впрочем, после Припяти, где некоторые деревья ухитрились пробиться сквозь фундаменты, это не удивляло.

В конце площадки виднелась темная осветительная вышка с разбитыми прожекторами, за бытовкой стояла мачта линии электропередачи. И все — никакого блокпоста или укрепленной огневой точки, никаких военных объектов. Охрана Северова могла, конечно, заложить фугасы на въезде в порт и установить мины с дистанционным подрывом. Пространство перед портом открытое, все как на ладони, на кранах можно посадить снайперов-наблюдателей... А Бугров толком не знает, какая охрана у его босса, можно и не спрашивать.

Сняв шлемы, мы выбрались наружу. От реки порывами налетал ветер, в порту стояла тишина. Аня села под башней, Лабус до поясицы высунулся из люка, положил перед собой рюкзак и стал копать в нем. Я похлопал себя по щекам, размял шею, взъерошил волосы. Пригнувшись, взял из отсека шлем БТС, опять выпрямился и спросил у Бугрова: — Сколько людей в распоряжении Северова? Как его охраняют?

Офицер не успел ответить — раздалось гудение, из-за бытовки вынырнул электрокар с железной бочкой на длинных погрузочных вилах.

— Горючее, — сказал монолитовец.

Я выпрямился на башне, заглядывая над бочкой в открытую кабину. Кар подъехал ближе, и стало видно, что в нем сидят два сектанта в такой же форме, как и бойцы Бугрова. Напарник, шумно выдохнув, поднял «Миними» — рефлекс.

— Они не нападут, — сказал Бугров. — Опустите оружие.

Костя сплюнул и положил пулемет на броню, из рюкзака достал две пластинки гематогена, бросил одну мне, сорвал со второй обертку и сунул в рот. Спросил у Ани:

— Конфетку хочешь?

Она сидела впереди, спиной к нам, и не оборачивалась.

Бугров прыгнул на бетон, повесил гранатомет за спину. Погрузчик остановился возле танка, вилы с гудением поползли вниз. Один сектант остался сидеть, второй вылез, ухватился за бочку, и, когда вилы опустились до предела, перевернул ее на бетон.

— Бугров, мы ведь тут не слишком долго пробудем? у спросил я.

— Меньше часа. К утру надо быть на ЧАЭС.

Я повернулся к Лабусу.

— Оставайся с машиной. Когда заправишься, осмотри приборы на башне, ладно? Артиллерийский комплекс погляди, броню, катки с гусеницами. Ну и отдохни потом. Или ты на Северова хочешь поглядеть?

— Да не очень, — Костя пожал плечами. — Он не плейбой, чего мне на него глядеть.

— Давай тогда. — Вслед за Бугровым я прыгнул на бетон.

Один монолитовец неподвижно сидел в кабине электрокара, второй стоял рядом с бочкой. Офицер махнул ему рукой, сектант повернулся — четко, как на плацу, только что каблуком о бетон не пристукнул — и зашагал в сторону пирса. Бугров пошел за ним, а я приблизился к Ане.

— Ты остаешься?

Она покачала головой, привстала, я протянул руку, но девушка спрыгнула сама. И оступилась, качнувшись, оперлась на мой локоть.

— Устала? — спросил я.

Закусив прядь волос, она мотнула головой.

— Ладно, идем. Хотя выглядишь ты плохо.

Под глазами ее лежали темные круги, лицо осунулось, черты заострились.

— Это не физическая усталость, — сказала она. — Я... я ментально устала.

Мы пошли вслед за Бугровым, она продолжала опираться на мою руку.

— Как это? — спросил я.

Девушка глядела перед собой остановившимся взглядом, и мне казалось, что она видит не разрушенный порт, огромные силуэты кранов и черную, маслянистую гладь залива за пирсами, а что-то совсем другое, открытое только ей. Положив другую руку на мое запястье, Аня заговорила отрешенным тихим голосом:

— Просто здесь очень тяжело. Чем ближе к ЧАЭС — тем тяжелее. Все очень темное, косматое. Кажется, что впереди горит много костров — сотни, может, тысячи, но в них не обычные ветки жгут, а... Не знаю, старые шины, резину, всякий мусор. Гнилье, ветошь, а еще трупы.

— Что? — удивился я.

— Трупы зверей. И, может быть, людей. От всего этого идет дым. Темно-коричневый, почти черный, он жутко пахнет. И он стелется над землей, но не очень низко, а я будто иду к этим кострам сквозь него. Подхожу все ближе, понимаешь?

Я понюхал воздух — хотя понимал, что никакого дыма нет, что Аня просто пытается описать то, что творится в ее голове, — посмотрел в черное беззвездное небо, огляделся. Странные силуэты со всех сторон, портовые здания и старая техника в темноте напоминают останки какого-то фантастического оружия на другой планете. Под ногами хрустит мелкий мусор, растрескавшийся бетон порос мхом. Куда тебя занесло, Курортник? Думал ты, что когда-то в такие места попадешь? Припятъ позади, мы в порту, до ЧАЭС всего ничего...

— А в центре горит самый большой костер, — продолжала Аня. — От него идет такой тяжелый дым, плотный. Он не воняет, просто пахнет очень непривычно. Ужасно пахнет. И в нем что-то прячется. Проявляется и пропадает, какие-то тени, фигуры. — Она подняла руку, неуверенно коснулась пальцами лба. — Но ведь всего этого нет, на самом деле это только в моей голове.

— И кто сидит вокруг этого большого костра? Участники Осознания?

— Нет, — она покачала головой. — Ты не понял, Алексей. Костер и есть участники Осознания. Это их коллективный разум.

— А у них коллективный разум?

— Когда они лежат в коконах — да.

Я решил не спрашивать, что это еще за коконы, — не хотел забивать голову информацией, которая вряд ли пригодится в ближайшие несколько часов. И так слишком много всего навалилось — не продохнуть.

По краю площадки тянулась низкая ограда, монолитовцы перебрались через нее. Я обернулся: Лабус зажег фару и развернул ее к броне, танк стал островком тусклого света в озере темноты. От машины доносился едва слышный лязг, какой-то очень домашний, деловитый и спокойный. Вот человек занимается нормальным делом, чинит танк. А я что? Иду вслед за двумя психами на встречу с еще одним психом, боссом этих двух — то есть самым психованным из всей компании...

Я помог девушке перелезть через ограду и остановился по другую сторону. За площадкой начинался пологий склон, весь порт был как на ладони.

От погрузочного комплекса до берега его накрывала пелена сполохов.

— Какой зараженный участок, — прошептала Аня.

Двое впереди быстро спускались, Бугров махнул нам рукой.

— Идем. — Она опять взяла меня за руку.

Под склоном монолитовцы остановились, дождавшись нас, пошли дальше. Скорее всего, аномалии выполняли функцию минного поля, дополнительной защиты для Северова. Но безопасный маршрут был, и боец повел нас по нему — мимо контейнеров, брошенной техники, катушек с остатками кабелей и лежащих на асфальте частей башенного крана, напоминающих в полутьме обломки упавшей космической ракеты. Фонарей не включали, мерцание и вспышки аномалий освещали дорогу блеклыми сполохами. В темноте что-то урчало, потрескивало, иногда доносился скрип и приглушенное гудение — ночной порт жил своей тайной жизнью. С одного контейнера свешивалась почти разорванная напополам псевдоплоть, возле другого лежали двадохлых слепых пса, попавших, скорее всего, в трамплин и отброшенных сюда. Боец нырнул в узкий просвет между ребристыми стенами, мы гуськом пошли за ним, я пропустил Аню вперед. Чиркнул стволом висящей за спиной винтовки по железу — будто гвоздем по стеклу; резкий скрип разнесся, казалось, по всему порту, но идущие впереди даже не оглянулись.

За контейнерами начался пирс, посреди прибрежных зарослей на боку лежал остов баркаса, торчала сломанная мачта с остатками антенны. Дальше был залив и наполовину затонувшие корабли в нем.

Туч стало меньше, показалась полная луна, по воде протянулась серебристая дорожка. Легкие волны набегали на заваленный мусором берег. Из воды выступала бетонная плита с наполовину обнажившейся сеткой арматуры, рядом покачивалась весельная лодка, веревкой привязанная к прутьям.

Провожатый вошел в воду, подтолкнув лодку ближе к берегу, стал отвязывать. Бугров прыгнул на плиту, с нее — в лодку, сел. Забравшись на нос, я помог Ане. Сказал офицеру: — Подвинься.

Перебирая руками вдоль борта, боец развернул посудину, залез на корму и показал направление.

Мы стали грести. Когда выплыли из-за плиты, взгляду открылась грузовая речная платформа с подъемным краном на корме.

- Нам туда, — сказал Бугров.

* * *

Бросив весло, офицер ухватился за лесенку между крышками, примотанными к борту с помощью цепей. Бугров поднялся первым, потом залезли я и Аня, провожатый в это время привязал веревку.

Платформа завалилась набок, подошвы скользили по мокрой поверхности, пришлось цепляться за хлипкие перекладины ограждения. Внизу плескалась вода, набегала на сильно наклоненную палубу. Боец обогнал нас, провел вдоль надстройки с выбитыми окнами, из которой несло бензином, мимо крана, под кабиной крановщика. Длинная стрела стояла на шестерне поворотного механизма, круглое основание которого исчезало где-то в недрах платформы. Я ожидал, что в кабине будет сидеть снайпер, но там было пусто. Кажется, людей у профессора Северова — всего ничего. Трое, четверо... сколько бойцов его охраняет? А сколько их на стороне Кречета?

Мы вышли к корме, где стояла железная будка, провожатый зажег маленький фонарик, острый луч пропорол темноту. Дверь со скрежетом отворилась, Бугров стал спускаться по ржавой лестнице. Опять заскрипели петли. Лестница закончилась, мы вошли в темное помещение, Бугров посторонился, отступил куда-то вместе с бойцом. В темноте горели блеклые огоньки, слышались щелчки и шелест. Рядом клацнуло, загорелся свет.

Не слишком яркий — горели две сорокаваттные лампочки под потолком, — но я все равно заслонился рукой и прищурился.

На другом конце длинной комнаты в кресле на колесиках сидел худой старик, по

сторонам застыли два монолитовца. Без шлемов, в иссиня-черных блестящих комбезах, будто из пластика. Стену за ними скрывал покосившийся стеллаж, там мерцали выпуклые мониторы, стояла большая радиостанция и принтер, по экрану осциллографа бежала, оставляя за собой тонкую волнистую линию, светящаяся точка. Мигали диоды, вращались бобины с магнитными лентами на панелях магнитофонов.

От стеллажа несколько проводов тянулись к тележке с кубом какого-то аппарата, дальше шел толстый кабель, взбирался по спинке кресла, примотанный скотчем. Изоляция на конце срезана, оттуда веером расходятся разноцветные провода, концы припаяны к тусклому металлическому кольцу, надетому на голову старика... то есть профессора Северова. Спереди на кольце закреплена планка с окуляром, закрывающим левый глаз. Вроде монитора БТС на шлемах Бугрова и Лабуса, но тут все куда более древнее, окуляр этот словно со старого бинокля свинтили.

Правый глаз человека в кресле показался мне неестественно белым, я пригляделся — так и есть, бельмо.

Профессор не пошевелился, когда зажегся свет, и не издал ни звука. Я оглянулся на Аню, на Бугрова, вставшего под дверь вместе с бойцом. Девушка исподлобья глядела на Северова, и одобрения в ее взгляде не было. Бугров застыл, даже глаза не бегали — будто отключился.

Сделав шаг в сторону Северова, я остановился. Наверное, ближе лучше не подходить. Охранники не двигались, но что-то в их позах настораживало. Очень уж напряженно они выглядели, будто тугие пружины, сжатые и готовые распрямиться в любое мгновение. На поясе у каждого висел небольшой черный арбалет со снайперским прицелом и толстым ложем — внутри, скорее всего, отсек, где находятся стрелы, автоматически выскакивающие наружу после взвода оружия. А взвести его можно очень быстро при помощи рычага и системы пружинок. Таких моделей я раньше не видел, выглядели арбалеты опасно.

Я окинул телохранителей взглядом. Светловолосые, с короткой стрижкой, прямыми носами и выступающими раздвоенными подбородками... да они ж близнецы! Интересно. Слышал я кое-что о том, как Зона может повлиять на близнецов. Иногда между ними здесь любопытная связь возникает...

С момента нашего появления ни сектанты, ни тот, кого они охраняли, не шелохнулись. Мне вдруг вспомнился один старинный фильм, захотелось сказать:

«Профессор, мы к вам, и вот по какому делу...» — но я не рискнул шутить в такой момент.

Северов чуть двинул головой, и экраны позади него мигнули. Два показывали что-то непонятное, еще на двух видны деревья, пятый отключен, а на шестом я разглядел здания Агропрома. Снимали издали, экран снежил, к тому же картинка черно-белая, но я узнал их. Вот только откуда снимают? Неужели камера спрятана где-то в роще неподалеку? Хотя ведь есть артефакт под названием «око», сквозь который можно видеть разные участки Зоны. Что, если монитор к артефакту подключен — такое вообще возможно?

Аня сказала:

— Доктор передает вам привет, профессор.

Тонкая, поросшая седыми волосками рука поднялась, рукав задрался, обнажив запястье. На коже виднелись красные точки, похожие на следы укусов. Дрожащие пальцы ухватились за кольцо с проводами. Аппарат на тележке загудел, бобины с магнитными лентами на магнитофонах стали крутиться быстрее. Северов снял кольцо с головы, неловко изогнувшись, повесил на торчащий из спинки кронштейн. Только сейчас я заметил, что обе лампочки висят в одной половине помещения, и там, где находятся хозяин с охранниками, куда темнее.

Профессор положил руки на подлокотники, сел ровнее. Значит, парализована у него только нижняя часть тела. Или даже не парализована, просто он так стар, что не может толком ходить? Или дело не в возрасте — у членов Осознания меняется физиология?

Левый глаз Северова тускло блеснул. Я сделал еще один шаг, попавшийся под ноги

осколок стекла хрустнул — вроде и не очень громко, но старик в кресле вздрогнул. Монолитовцы одинаковым движением положили руки на арбалеты.

Кожа на лбу профессора собралась складками, левый глаз часто заморгал. Правый, скрытый огромным выпуклым бельмом, оставался неподвижен и пялился в пустоту.

Сухие серые губы раздвинулись, слабый голос прошелестел:

— Не подходите близко, не надо.

— Стоять, — негромко произнес один из охранников.

Северов провел дрожащими пальцами по лбу и прошептал:

— От вас идет пелена.

— Что? — спросил я.

Он опять затрясся.

— Тише, тише. В этом мире все так... так громко, так выпукло и ярко. Все шершавое, острое, мне трудно в нем. Шершавый мир, очень плотный, жесткий.

— В этом мире? — переспросил я негромко. — В каком «этом»?

— В мире реальных вещей, физическом мире. — Я едва слышал его, казалось, это умирающий шепчет столпившимся у постели родственникам. — Я привык к иному. Долгие годы мы обитали там, где есть только энергия, в пространстве чистой информации. В коконах так легко дышится, так тепло и безопасно, безопасно... — С каждым словом он говорил все тише и наконец смолк, будто заснул. Или умер. Левый глаз закрылся, бельмастый пялился в никуда. Я растерянно оглянулся — наш проводник ушел, Бугров стоял в той же позе, Аня смотрела на Северова, подавшись вперед, прижав руки к груди. Она казалась напуганной и в то же время рассерженной.

А меня все это начинало злить. Ну вас в мапупу, как сказал бы кое-кто. Что за ерунда? У нас есть дело, а разговоры про другие миры и чистую энергию — бессмысленная болтовня. Я повернулся к Северову, чтобы сказать ему это... и не сказал.

На подлокотнике был маленький джойстик, профессор тронул его, и кресло поехало ко мне. Тележка с аппаратом, затарактев, сдвинулась с места, качнулись провода. Телохранители одновременно сделали шаг вперед, потом второй. Кресло остановилось. Северов так и не покинул тень под стеллажом, но теперь видно хозяина Зоны стало лучше.

И вдруг мне стало жалко его. В этом лице с запавшими глазами, в большом выпуклом лбу и вялом подбородке с обвисшей кожей еще остались следы былой силы. Когда-то... когда-то очень давно Северов был настоящим человеком. Из тех, кто оставляет след в истории, кто попадает в учебники. На что он поменял все это? На могущество в границах Зоны? На жизнь в «пространстве чистой информации»? Почему его тело превратилось в развалину, что выжгло нервную систему и так расстроило органы чувств, что теперь его пугает любой резкий звук, а обычные предметы кажутся слишком выпуклыми и шершавыми?

— Вы должны завершить свою миссию утром, — прошептал он.

Я нахмурился. Хоть что-то внятное, наконец-то.

— Почему утром?

— Плутоний должен пройти определенные стадии облучения, для этого на стенде собрали большую установку. Если...

— Где? — перебил я, и Северов опять вздрогнул. — Где собрали?

— В машинном зале третьего энергоблока, — прошелестел он. — Трансмутация проходит в три этапа, это связано с истечением быстрых нейтронов. Процесс завершится к одиннадцати часам дня, может, к полудню. Преждевременный взрыв не имеет смысла для Кречета.

— Кречет находится там же, в этом зале?

Пальцы на подлокотнике шевельнулись, кресло стало отъезжать от меня. На стеллаже мигнули диоды, тихо загудел выключенный монитор, что-то треснуло в принтере. Охранники застыли, руки лежали на арбалетах, и я решил не идти за профессором.

— Не шевелитесь, прошу вас, — прошептал он. — По крайней мере, не делайте резких движений. Вы будто бьете меня ножом, когда двигаетесь быстро, бьете ножом прямо в мозг, в мой мозг. Да, он там, Кречет там. Конечно. Он ждет. Это же игра, а доктор хороший игрок. Он ждет моего хода, ждет контратаки, моей атаки, прохода пешек по флангу... Я...

— Как нам попасть в машинный зал? — спросила Аня, подходя ко мне.

Руки Северова потянулись к кольцу с окуляром.

— Не подходи, не подходи ближе, — зашептал он, снимая устройство с кронштейна. — Что это, почему от тебя так сквозит? Я могу простудиться, мой мозг простудится, стой на месте!

Я положил руку на плечо Ани и заставил отступить на шаг. Северов надел кольцо на голову, повернул, чтобы окуляр пришелся на левый глаз. Темный монитор за креслом мигнул, разгорелся — на экране проступила карта. Сплошные линии и зигзаги, надписи, стрелки... Профессор поднял руку, морщинистая ладошка обратилась к нам, он переместил ее, будто сдвигал что-то в воздухе, — изображение на мониторе поползло в сторону. Рука опустилась — и карта вслед за ней. Поднялась, качнулась вбок, два пальца сложились «ножницами», перерезали что-то невидимое... Изображение съехало в сторону, вдоль левого края протянулась линия разреза. Примерно треть, где были железнодорожная ветка и Припять, отпала от остального изображения. Северов сделал жест, будто сминал лист бумаги, и эта часть карты сморщилась, свернулась в комок, полетела в левый угол монитора, где мерцало стилизованное изображение мусорной корзины. Комок исчез в ней, оставшаяся часть карты развернулась на весь экран, увеличилась, там проступили линии, невидимые раньше. Северов ткнул перед собой указательным пальцем. Одна из клавиш стоящего под монитором принтера с клацаньем ушла в корпус. Рука профессора без сил упала на колени. Зашелестело, затрещало, из принтера полез лист бумаги.

— Вениамин, мальчик мой, возьми это.

Вениамин? Раздались шаги, Бугров медленно прошел мимо. Вот, значит, как его зовут. Много лет назад, на полигоне во время испытания БТС, нам не сказали имя таинственного эксперта.

Со щелчком передняя панель принтера отпала, повисла на почти сломанном зажиме, и морщинистый гном в кресле содрогнулся, будто через провода эта поломка каким-то образом передалась в его тело вспышкой боли. Лист с отпечатанной схемой спланировал на пол, Бугров поднял его и попятился, разглядывая.

— Так что мы должны сделать? — спросил я. — Не допустить взрыва... как?

— Убейте Кречета. Ведь вы на танке? Я знаю, я видел. Двигайтесь к ЧАЭС. Обычно там не проехать, ни на чем не проехать, и не долететь, аномалии. Но я дал маршрут. После выброса аномалии перестроились, старые погасли, новые возникли, я уже вычислил... мне видно все, все, всю Зону, я вижу изменения, которые на ней происходят, вижу наперед! Поедете по нему, по маршруту, точно по нему, тогда сможете попасть к ЧАЭС. Герман!

Один из близнецов повернул голову к креслу.

— Герман, аппараты.

Второй охранник достал арбалет из чехла, и я чуть было не схватился за «файв-севен», сдержался лишь потому, что Аня положила ладонь на мое запястье. Тот, кого профессор назвал Германом, отошел к неприметной двери в стене сбоку и вернулся с четырьмя узкими коробками, украшенными иероглифами и картинками людей в масках и лапах. Положил их у моих ног, отошел. Второй убрал арбалет в чехол.

— Герман, мальчик, ты пойдешь с ними, — прошептал Северов. — Ты поможешь им, хорошо?

Охранник молчал.

— Зачем нам это? — спросил я, подтолкнув коробки носком ботинка.

— Я позже объясню, — сказал Бугров сзади.

— Вениамин объяснит, он видит по схеме. Информация — это энергия. Энергия информации. Она может все. На схеме информация о том, как попасть в зал. Но на пути слоны Кречета. Черные слоны. Пять или семь, не знаю. Может, все десять? Нет, трое должны заниматься остальным, не больше семи. Слоны — это я их так называю. Офицеры — они сильны. Будут ждать вас.

Бойтесь их, бойтесь.

— Слоны? — спросил я. — Что это значит?

— Теперь идите, — попросил Северов. Не приказал, а именно попросил. Он съёжился в своем кресле, я увидел слезу, текущую вдоль морщины под бельмастым глазом. Неужели этот короткий разговор так утомил его?

— Идите же, идите, прошу вас!

— А оружие? — напомнил я, поднимая с пола легкие коробки. — Бугров сказал, вы поможете с оружием. У нас осталось несколько магазинов и меньше десяти гранат на всех...

— Ах да, оружие! Оно здесь, где-то здесь. Герман, Герман, где же оно? Я...

Шагнув вперед, Аня спросила:

— Почему вы вмешались во все это? Какое вам дело до нас, остальных? Почему вы...

Профессор всхлипнул, и она замолчала. Когда девушка подошла ближе, он затрясся, как лист на ветру, вцепился в подлокотники. Кресло поползло назад, замигали мониторы, осциллограф погас.

— Нет, не подходи, не надо!

Телохранители достали арбалеты из чехлов.

— Э-э! — Бросив коробки, я выхватил пистолет, увидел наконечники с крошечными серебристыми набалдашниками, дернул стволом влево, вправо, не зная, в кого целиться. Стоящий сзади Бугров не пытался вмешаться.

— Не подходи, девочка, сквозит! Как сквозит от тебя, какой ветер! — Северов почти плакал. Тележка с аппаратом откатилась в сторону, спинка кресла врезалась в стеллаж, тот качнулся, тяжело скрипнул. — Сквозит! Я простужусь, ты простудишь мой мозг, я умру... Откуда эта сила в тебе? Ты сильна, я вижу! Многое можешь! Можешь уничтожать энергию, информацию, впитывать в себя, ты как черная дыра, страшная, страшная!

— Аня, возьми коробки — и назад, — приказал я, не опуская «файв-севен».

Мониторы разом вспыхнули и погасли. Бобины на одном из магнитофонов завращались с бешеной скоростью, лента порвалась, конец захлестал по панели. Кресло повернулось и поехало вдоль стеллажа. Лампочки под потолком начали гаснуть, потрескивая, глубокие тени окутали комнату. Вспыхнул один монитор — и показал ночную реку, по которой быстро плыл катер. Это еще что такое? Я пятился вместе с Аней, прижавшей к груди дыхательные аппараты. Безымянный телохранитель пошел за креслом; Герман, опустив арбалет, глядел нам вслед.

В комнату проникло тарахтение мотора. Откуда-то из темноты донесся стон Северова.

— Скройтесь! — зашептал он. — Кристиан, спрячь меня, быстрее! Кречет вычислил меня... быстрее, быстрее!

— Катер, — произнес Бугров, распахивая дверь возле лестницы. — Сюда плывут на катере.

* * *

Луна исчезла из виду, лишь иногда ее свет пробивался к земле — в небе будто горел прожектор, луч которого очерчивал контуры облаков.

На берег вернулись тем же путем, но каким-то образом Герман ухитрился обогнать нас. Когда мы подбежали к танку, боец на электрокаре уже укатил, зато телохранитель стоял рядом.

А Лабус сидел на башне и неодобрительно поглядывал на него.

— Как дела? — спросил он, когда я запрыгнул на гусеничную полку.

— Черт его знает. — Я положил коробки дыхательных аппаратов между люками на башне. — Странная какая-то встреча получилась.

— Что, Северов этот с причудами?

— Это очень мягко сказано, Костя. Ладно, я даже вспоминать не хочу, он совсем какой-то зашибленный. Эй, все! Возьмите по коробке. Аня, нам с тобой придется одним на двоих пользоваться.

— Курортник, быстрее, — поторопил Бугров. — Отряд Кречета наверняка уже высадился.

— Значит, конец вашему профессору? — спросил я. — Ему же некуда деться с той баржи.

— Он скроется, — уверенно ответил Бугров. — И отряд может направиться за нами. Отдых пять минут, потом едем.

— А патроны? — спросил Лабус. — Почему не принесли? У нас же мало совсем...

— Не успели взять, катер приплыл.

— Ну ладно, а что узнали-то? — Лабус отодвинулся, чтобы Бугров мог подняться на башню.

— Едем к ЧАЭС, вот что. В машинном зале третьего энергоблока собрана облучающая установка, попасть туда можно по схеме, которая у Бугрова. Пыль еще трансмутирует, то есть там что-то в ней перестраивается, закончится процесс к одиннадцати утра, может, к двенадцати. Если не успеем уничтожить до этого Кречета — будет взрыв, ну и все тогда.

— А как доедем-то? Там же сплошные аномалии вокруг станции...

— На самой станции аномалий вроде не так много. А вообще Северов дал маршрут и схему ходов. На танке с детекторами аномалий и Аней, да с маршрутом этим — доедем.

Лабус протянул руку, помогая девушке забраться на броню. Герман торчал на том же месте, Бугров присел перед башней, разглядывая схему. Через его плечо я видел, что лист разделен на две половины жирной полосой, на одной стороне — сложное переплетение ходов, на другой — черно-белая карта центрального района Зоны и петляющий по ней пунктир.

— Ладно, Костя, что с машиной? Осмотрел?

Он степенно разгладил усы.

— А то. На командирском люке посекло осколками или пулями прибор наблюдения. Вон, видишь? Это так, ерунда. Остальное исправно. Полностью загружать баки топливом я «черному» не дал, меньше половины залили. Нам ведь только до станции добраться, а там черт знает что у них стоит. И гранатометы, и стационарные ПТУРы, и еще какое-нибудь тяжелое вооружение может быть. Ну его, баки хоть и невзрывоопасные, но лучше перестраховаться.

— Правильно, — согласился я. — Бугров, скажи своему человеку, чтобы сел на кресло второго гранатометчика, слева от меня. И объясни ему, как с оружием управляться.

— Я опять повернулся к Лабусу. — А сколько ты из пушек настрелял?

— Процентов сорок боекомплекта.

— Ага, тогда береги снаряды.

Герман полез в люк наводчика, Аня скрылась в командирском. Бугров, оторвав от листа половину, сунулся за ней, что-то сказал и вылез обратно уже без той части, где был маршрут. Остальное спрятал куда-то под бронежилет и шагнул на гусеничную полку.

— О каких слонах говорил этот ваш профессор? — спросил я.

— Он имел в виду штурмовиков, — Бугров стал разбирать «Сааб». — Их десять. Скорее всего, трое осуществляют координацию охранных постов, остальные будут ждать нас.

Монолитовец поднял разряженный гранатомет, сделал контрольный спуск, зажал между колен приклад и стал чистить ствол.

— Что еще за штурмовики? — подал голос Лабус, успевший спрыгнуть на бетон по другую сторону танка и раскладывавший на второй полке части «Миними».

- Так у нас называют старших офицеров Монолита. А профессор называет их слонами.
- Из люка вылез Герман, сел на броню, натянул танковый шлем и уставился в темноту.
- Каждый старший офицер носит на правом плече серебристый маркер, — продолжил Бугров.
- А у тебя, гляжу, нету, — заметил Костя.
- Я не старший офицер.
- Лабус пожал плечами и опять занялся пулеметом. Перевесив винтовку на грудь, я сказал:
- Ладно, увидим, что там к чему с этими штурмовиками. Как мы попадем в зал, где находится Кречет и стенд с аппаратурой?
- Бугров закончил с «Саабом», посмотрел на меня и сказал:
- Труба.
- Что-о? — удивился Костя. — Эта та, что ли, полосатая... ну, фотки которой во всех газетах... символ ЧАЭС?
- Со стороны реки донеслись приглушенные хлопки, их заглушил взрыв гранаты.
- Да, — сказал Бугров. — В третий энергоблок проникнем через вентиляционную трубу. Теперь едем.

Глава 20

Выдержка из научного отчета

Блок «D»

Озеро Янтарь

...судя по проведенным исследованиям, бюреры (далее: операторы) способны поддерживать телекинетическую связь с управляемыми ими предметами (далее: объектами) в любой среде. Физические параметры среды не оказывают заметного влияния на телекинетические способности операторов. Ограничения пространственной связи требуют проведения дополнительных опытов. Выявлено, что сила (понятие абстрактное) оператора зависит как от физических параметров объекта (вес, форма, атомная структура), так и от...

Вибрация корпуса передавалась на рычаги управления, и они мелко дрожали под пальцами. Монотонно гудела силовая установка, лязгали гусеницы. Прокручивая в голове схему расположения объектов станции, я следил за дорогой и часто поворачивал, следуя указаниям Анны, которой Бугров отдал лист с маршрутом. Офицер по-прежнему сидел справа, Герман устроился на месте оператора левого гранатомета. Далеко впереди, в серой дымке рассвета вырастали, словно мираж в пустыне, здания ЧАЭС. Я уже видел стрелу исполинского башенного крана перед Саркофагом.

Деревья здесь не росли, вокруг раскинулся унылый пейзаж — пустошь, пологие холмы, одинокие развалюхи да кусты. Мы выехали к развилке, от которой одна дорога сворачивала к Семиходам, а другая вела к пруду охладителя. Я повернул влево, оставив по правому борту огромный могильник, полускрытый цепью длинных холмов с остатками бетонной ограды. Бугров оторвался от гранатометного прицела и долго смотрел в призму приборов наблюдения: с могильника могло появиться все что угодно.

В сумерках впереди показалось пятиэтажное здание с темными окнами, через дорогу стояла будка подстанции. Я спросил у Ани: «Нам между ними обязательно проезжать?» — и услышал в наушниках шлемофона: «Маршрут проходит мимо здания». В разговор вмешался Бугров: «Следуйте точно по маршруту, иначе завязнем в аномалиях».

Ну ясное дело. А иначе по Зоне все на танках раскатывали бы, мы едем только благодаря схеме Северова и Ане. Но все равно не нравилось мне это — вокруг свободное пространство, а пятиэтажка стоит у самой дороги, удобное место для засады.

Бугров вновь прикинул к прицелу. Герман сидел неподвижно — он отличался от погибших рядовых сектантов из нашего отряда только внешностью, но не поведением. «Костя, внимание!» — сказал я, и в шлемофоне раздалось: «Есть». Танк ехал прямо к пятиэтажке. Бугров левой рукой сжимал рукоятку управления гранатометом, большой палец застыл над кнопкой, правой держался за рычаг, изменяющий угол наклона. «Алексей, правее», — сказала Аня. Я отжал бортовой, машина повернула, в окуляре здание поползло влево, а подстанция вообще исчезла из виду. Впереди дрожало облачко горячего воздуха, дальше, под кирпичной стеной, раскинулось озеро жгучего пуха.

«Так держи. Только не разгоняйся. Прямо... Теперь влево, быстро!» — Я уже и сам разглядел глубокую яму, над которой то и дело возникали зеленые молнии. Почему зеленые, что это значит? Электра синяя, а холодец не дает молний... — Гранатометчик на три часа! — заорал Лабус. Башня за спиной стала поворачиваться. Из-за угла пятиэтажки выскочил «черный» с коротким гранатометом на плече, сверкнула вспышка.

Хорошо, что гусеницы прикрыты экранами. Да и я вовремя развернул танк, иначе стрелок всадил бы заряд по перпендикуляру к поверхности, и нам не помогла бы никакая броня.

Граната ударила в борт по касательной, и сработавший блок динамической защиты спас нас.

Она все же пробила броню, но осколки удержало спецпокрытие из прочной кевларовой ткани, которым изнутри покрыт отсек. Уши заложило, я съежился на сиденье. Сквозь наполнивший голову пронзительный звон донесся частый стук: Лабус открыл огонь из спаренных пушек.

Танк ехал вдоль здания, в десятке метров я видел заросшую ржавыми волосами стену. На углу из окон второго и третьего этажей высунулись монолитовцы с гранатометами, но выстрелить никто из них не успел — тридцатимиллиметровые снаряды вломились в здание.

Бронебойные снаряды из «А4» могут уничтожать легкобронированную технику в полутора километрах. Лабус к тому же переключился на максимальный темп, а ствол этой пушки повышенной крепости и позволяет отстрелять боекомплект без пауз для охлаждения и прочих задержек...

Наклонная полоса разрывов прочертила парадную стену, взломав кладку между окнами. С крыши повалилась черепица, красно-коричневой пылью разлетелся сырец и разорванные выстрелами ржавые волосы.

Через мгновение постройка сложилась внутрь. В последний миг с падающего фасада соскочил «черный» — и свалился в яму, где притаилась незнакомая аномалия. Когда монолитовец выпрыгнул из нее, одежда на нем тлела и отпадала лоскутами вместе с кожей, шлем потек, фигура плавилась, будто он попал в бассейн с серной кислотой. Сектант выбрался из ямы, сделал неверный шаг, упал — и потом руины остались позади.

Грохот смолк. Я похлопал ладонью по шлему, сглотнул, зажмурился, раскрыл глаза и спросил:

— Все целы? Аня, ты как?

— Я цела, — ответила она.

— Лабус?

— Архг! — прорычал напарник и вдруг заухал своим совиным смехом. — По нервам продрало! Выдержала наша машинка, а?

— Не очень-то она выдержала, — проворчал я. — Не слышишь, что ли?

В гул дизеля и обычные звуки, сопровождающие передвижение танка, вплеталось кое-что новое — неприятный лязг, доносящийся с правого борта.

Герман на своем сиденье пошевелился — а я и забыл про него, так неподвижно и тихо он сидел все это время, — повернул голову, скользнул по мне отрешенным взглядом и опять уставился в окуляры.

— Светает, — сказал Бугров.

Тусклый свет лился с неба — зябкий, холодный. Мы ехали мимо холма, трава на склоне ходила волнами в порывах ветра.

— Морозный день будет, — заметил Костя.

— Алексей, влево вокруг холма, — сказала Аня. — Так. Теперь... Смотрите, впереди!

За холмом была железнодорожная ветка, возле покосившегося шлагбаума стояла будка обходчика. Я вдавил педаль газа, дизель взревел, лязг стал громче.

— Костя, внимание на будку.

— Вижу, — проворчал он. — Нет там никого.

За обводным каналом маячило здоровенное здание башенного охладителя с непропорционально широким основанием, будто расплющенное собственным весом.

Когда машина миновала старый переезд, ее качнуло, доски перекрытия между рельсами с треском полопались. Я приник к окулярам. Стало светлее, теперь атомная станция была хорошо видна впереди. Вот она, цель операции. Огромные строения, бетонные пролеты, крыши и стены, провешенный на столбах трубопровод, решетчатые мачты, навесы, колючая проволока... Торчит в небо полосатая труба, укрепленная восьмиугольными дисками. И все это блеклое, серо-синее, невзрачное. Рядом свинцовая гладь пруда охладителя, в стороне — длинное недостроенное здание, окруженное подъемными кранами.

— Никто нас не встречает, — сказа Лабус. — Затаились они, что ли?

— Затаились, — подтвердил Бугров. — Но они там, ждут.

Что-то странное было в его голосе, и я оторвался от окуляров. Офицер сидел, сгорбившись на слишком маленьком для него сиденье, наклонив голову. Профиль — будто из камня высеченный, прямой нос, выступающий подбородок... вдруг я понял: губы его дрожат. Или нет, скорее он что-то быстро шепчет. Несколько секунд я рассматривал его, наконец Бугров повернулся ко мне. Глаза не бегают, но и не застыли, как тогда, у дома Доктора или на барже при встрече с Северовым, они просто стали человеческими! Лицо Бугрова ожило. Это что, близость станции так на него действует? Монолитовец вновь уставился в окуляры прицела, и я отвернулся от него.

Мы проехали мимо брошенной пожарной машины — краска облупилась, поблекла, сквозь радиатор проросли кусты, из лобового окна торчали ветки дерева. ЧАЭС осталась по правую руку. Вдалеке виднелся комплекс пускорезервной котельной, через которую, по словам Бугрова, группа и проникнет на станцию.

— Гранатометчики на позициях, — произнес вдруг Герман.

Он заговорил впервые, и я чуть не подскочил на сиденье. Голос у монолитовца был тихий, вежливый и звучал с едва уловимым акцентом. Немец он, что ли?

Машина набрала приличную скорость, приближаясь к воротам в бетонной ограде — въезду на территорию станции. Рядом был блокпост: мешки с песком, сложенные полукругом. Над ними мелькнула голова, и Бугров с Германом одновременно открыли огонь.

Гранаты из курсового гранатомета и снаряды спаренной пушки разнесли блокпост за несколько секунд — в ответ так и не прозвучало ни одного выстрела. Миновав ворота, машина выскочила на заасфальтированную площадку перед трубопроводом на приземистых толстых опорах. Я на скорости повернул, гусеницы со скрежетом взломали старый асфальт, и мы понеслись по объездной дороге.

Над башней промелькнула реактивная граната, далеко в стороне грохнул взрыв. Тут же второй прозвучал слева, сработал блок реактивной брони, машину тряхнуло. Борт осыпало осколками разорвавшегося боеприпаса.

В отсеке пронзительно запищал сигнализатор — машину захватил лазерный луч вражеского дальномера. Тревожно замигал индикатор на приборной панели.

— Лабус!! — заорал я.

Теперь он должен нажатием кнопки разомкнуть электрические цепи в шахтах

многоспектральных гранат, чтобы автоматика не могла выстрелить ими, позволить ей повернуть башню в сторону противотанковых средств противника и уничтожить их огнем из пушек... это секунд семь. Либо довериться автоматической системе управления так называемых «точных индикаторов вычислителя» — секунды четыре максимум. Костя выбрал второе. Я сжался на сиденье: вот-вот в нас полетят противотанковые ракеты. Четыре секунды истекли, башня с жужжанием развернулась. Автоматика задала нужный вектор, запустила дымовые гранаты. Затем поворот еще градусов на тридцать — опять пуск гранат. В окулярах я заметил край аэрозольного облака. Тревожный писк смолк, когда оно заглушило настройку чужого лазерного луча, и тогда Лабус открыл огонь из пушек.

Дорога круто повернула, я потянул на себя рычаг.

И увидел, куда стреляет напарник. Далеко в стороне стояло длинное здание из серого бетона, по краю крыши потянулась цепь разрывов. За пару секунд они накрыли ее почти по всей длине.

Здание осталось позади, теперь мы ехали между трубопроводом и обводным каналом. Эта часть пути мне сразу не понравилась: слишком узко, справа деревья и бетонный спуск к воде, слева закрепленные на опорах толстые трубы.

Зато пускорезервная котельная была теперь рядом.

На крыше ее мелькнула крошечная фигурка, в нашу сторону протянулась тонкая белая полоса. Гранатометчик выстрелил с упреждением, но находился слишком далеко и плохо рассчитал траекторию. Мне даже не пришлось тормозить — граната ударила в трубопровод. Лабус развернул башню в сторону стрелка, подняв пушки, дал длинную очередь. Сектор обзора у механика слишком узок — я не видел, куда полетели снаряды.

Застучал танковый пулемет Калашникова, смолк, опять громыхнули пушки. Вражеская ракета пронеслась высоко над нами, улетела куда-то в обводной канал. Танк несся на предельной скорости. Трубопровод хорошо прикрывал нас, если бы не он, противник давно бы сжег машину. Гранатометчикам и расчетам ПТУР только и остается атаковать с возвышенности, но их давил огнем Лабус, я постоянно слышал жужжание поворотных приводов башни и короткие очереди.

Два взрыва раскололи асфальт перед самым танком, осколки ударили в лоб, заскребли по броне, я машинально зажмурился, но тут же раскрыл глаза. Бугров что-то прорычал.

— Что?.. — начал я, и он крикнул:

— Вправо!

Из-за взрывов я чуть не проскочил поворот. Выжал главный фрикцион, перебросив передачу, потянул на себя рычаг бортового. Вдавливая тормоз, машинально хотел включить ручник, как на автомобиле, но вовремя опомнился. Бортовые рычаги не выпустил — танк крутанулся на одном месте, я услышал сдавленный возглас Ани, наверное, ударила обо что-то в башне. Опять взвыл сигнализатор — нас захватил лазерный дальномер. И тут же левый борт потряс мощный удар.

Танк содрогнулся и закрутился на месте. Выстрел наверняка повредил силовую установку, гусеницу разорвало, скрежет резанул по ушам. Я бросил рычаги, вырубив передачу, прокричал:

— Покинуть машину!!!

Корпус вновь дрогнул, будто в него врезали мощным тараном. Приборная панель мигнула, сработала пожарная сигнализация. Автоматически включились фильтровентиляционная установка и система пожаротушения.

Бугров с Германом откинули люки, выбросили наверх ранцы и полезли следом. Я замешкался, одной рукой потянул рюкзак, второй схватил шлем БТС. Винтовка зацепила прикладом край люка, я рванул, ремень сдавил шею. Выпрыгнув наружу, оглянулся — Аня перебросила ноги через контейнеры ПТУР на гусеничную полку, соскочила и спряталась за машиной. По броне барабанили пули, одна врезалась в металл возле плеча, вторая ударила между расставленных ног. Я съехал по наклонному лобовому листу,

откатился вбок, упав на асфальт возле девушки, вскочил. Пригнувшись, стащил с головы танковый шлем, бросил, надел другой.

Нас подбили возле обводного канала, перед въездом на стоянку у котельной. Рядом влажно поблескивал бетонный спуск, под ним плескалась вода. Пули с визгом рикошетили от брони. Я загрузил БТС, сдвинул на лицо очки. Бугров и Герман залегли позади кожуха какого-то агрегата, подключенного к трубопроводу, усеянного разбитыми манометрами и ржавыми вентилями. А где Лабус, почему не вылезает? Машина стала неподвижной мишенью, теперь ее легко расстреляют, тут уж много навыков не надо. — Костя! — крикнул я, но голос утонул в грохоте. Ухватил Аню за руку, дернул к себе и прокричал в ухо:

— Где твой рюкзак?!

— Внутри остался! Но аппарат для дыхания у тебя!

— Ладно, бежим по моей команде!

Она кивнула.

По нам били с верхних этажей, машина содрогалась, из корпуса вырывались клубы едкого дыма. Герман приподнялся, целясь из арбалета, но тут кто-то с крыши здания полоснул по агрегату очередью, и монолитовец упал обратно,

— Лабус! — опять проорал я. Повернулся к девушке, собираясь сказать, чтобы бежала к Бугрову с Германом, и тут башня сдвинулась с места. Значит, напарник разрешил вычислительно отыскать вражеские противотанковые средства, и теперь положенное на это время истекло, Башня задрожала, трассы снарядов прошли холодный утренний воздух, впились в верхние этажи, кроша облицовку стены, взламывая армированный бетон. Плавно поползли в сторону спаренные стволы, опустились и поднялись, волнообразная полоса разрывов прошла по зданию, выкашивая все, что находилось там,

— Наружу! — крикнул я, в бессилии сжимая кулаки.

Нет, не мог Лабус просто так бросить машину, ему хотелось поставить жирную точку, а скорее уж — восклицательный знак в конце нашей поездки. Когда боекомплект тридцатимиллиметровых пушек иссяк, напарник откорректировал прицел и запустил три оставшиеся ракеты. Танк качнулся, из цилиндрических контейнеров ударило пламя. Аня присела, зажав уши. Я отскочил от машины и чуть не свалился в канал, взмахнул руками на самом краю бетонного скоса. Одна ракета врезалась в здание, две ушли выше, пронеслись над крышами... И впились в торчащий над котельной кирпичный цилиндр.

Эта труба была поменьше, чем знаменитая полосатая громада над Саркофагом, но тоже велика. Ракеты ударили в ее середину и взорвались. Труба просела.

Распахнулся люк на башне, Лабус выпрыгнул наружу, лязгнув пулеметом о ствол пушки. Прижимая к груди рюкзак, скатился на переднюю часть машины. Я схватил Аню за плечо, крикнул:

— Бежим!

Труба кренилась в нашу сторону — медленно, тяжело. Грохот разрывов смолк, стрельба из полуразрушенного здания прекратилась, и мы услышали приглушенный хруст сминаемой кладки.

Толкнув Аню перед собой, я побежал. Бугров с Германом выскочили из-за укрытия, Лабус помчался за нами.

Мы вылетели на стоянку перед главным корпусом котельной. Я глянул через плечо — напарник почти догнал нас.

— Не тормози! — крикнул он, просовывая руку в лямку рюкзака.

Труба рушилась в нашу сторону. Мы почти достигли дверей, когда надломленная верхушка кирпичного цилиндра со штырями антенн и громоотводом оторвалась, полетела вниз — она падала стремительно, но движение огромной массы казалось неспешным.

Монолитовцы нырнули под козырек, вбежали в распахнутые двери. Я вновь толкнул Аню перед собой, мы оказались в узком холле. Ботинки Лабуса забухали по гниющему

паркету. И потом здание содрогнулось — будто пятисоткилограммовая фугасная бомба обрушилась на него.

* * *

Впереди хлопнул «Сааб». Преодолев два коридора и трижды свернув, мы с Аней и напарником оказались в просторном зале. Монолитовцы уже стащили крышку канализационного отверстия, открыв колодец с уходящей вниз лесенкой. Под стеной лежал труп «черного» с развороченной грудной клеткой — края бронепластин вогнулись внутрь раны, вокруг тела растекалась кровь.

В углу зала шипел клубок молний. Я шагнул к ним, Пригляделся — что за странная аномалия? Вроде и электра, но почему зеленая? И что там мерцает в сердцевине светового облака? Ага, это такая же, как та, которую мы видели возле дома на подъезде к ЧАЭС, где монолитовцы устроили засаду, — та, что разъела одного из них будто кислотой.

— Алексей, не подходи близко, — попросила Аня. - От нее очень неприятное излучение.

Пожав плечами, я вернулся к люку. Развернул проекцию БТС — давно ею не пользовался, — оглядел зеленую сетку. Шкала целей нейтральная, никаких иконок, кроме трех зеленых шестиугольников и желтого квадрата.

Включив фонарь, Бугров встал возле люка и скомандовал:

— Все вниз.

Первым полез Герман, за ним Лабус, я и Аня. Короткая лестница метра на два не доставала до пола, пришлось прыгать. Выпрямившись, я запрокинул голову и поднял руки. Повисшая на нижней скобе Аня сказала:

— Нет, отойди, мешаешь.

Я шагнул вбок, она спрыгнула. В широком туннеле было сыро и холодно, сквозь бетон проникал гул — где-то рядом шел поток воды.

— Это коллектор обводного канала? — спросил я. — Северов хотел, чтобы мы по нему добрались до Кречета?

Бугров, спрыгнувший последним, ответил:

— Так и есть, Курортник. Вокруг станции много отстойников, с водой и без. Все бассейны связаны коллекторами, но находятся на разных горизонтах, в некоторых сброс воды происходит самотеком. Поднимаются в нужной комбинации заслонки, и все, понимаешь?

«Так и есть, Курортник», «понимаешь»... Он говорил совсем не так, как раньше, использовал выражения, каких до того не употреблял, к тому же теперь голос офицера наполняли нормальные, живые интонации.

По наклонному туннелю спускались больше минуты. Проекция свернулась трубой, вскоре книзу от нее протянулась другая труба, короткая, соединенная с третьей, — вместе они напоминали перевернутую набок букву «Н». Герман, потом Бугров исчезли из виду, раздался приглушенный плеск. Лабус повис на руках, сдвинув ноги, спрыгнул в лаз. Внизу шумела вода — если уровень поднимется, затопит и этот туннель. Я сказал Ане: «Давай за ними», — и спрыгнул.

Лаз вел в извилистую кирпичную кишку. Впереди загорелся свет, я включил наствольный фонарик. Кладка заросла белесым мхом, когда я случайно коснулся его перчаткой, на ткани остались маслянистые пятна. Пахло отвратительно, да к тому же непонятно чем — то ли мертвечиной, то ли отбросами и гнилой водой, а скорее и тем, и тем.

По стенам сбегали грязные струйки, под ногами хлюпало, мы брели по коричневой жиже с зеленоватым налетом. Иногда луч фонаря выхватывал наросты на потолке водоросли — вроде и не ржавые волосы, но как-то подозрительно похожи. Все пригибались, чтобы не задевать их. Запах стал еще хуже, от него уже першило в горле. Лабус, чихнув несколько раз подряд, сказал:

— Да ну его в мапупу! Давайте аппараты дыхательные наденем, зачем мы их вообще

тащим?

— Затем тащим, что скоро они нам понадобятся, — ответил Бугров, не оглядываясь.

«Все же как изменился его голос», — опять подумал я. Ответ прозвучал совершенно по-человечески — немного раздраженно, уверенно, с легкой снисходительностью.

— И тогда нам может пригодиться весь их ресурс, — добавил офицер.

— Ну так хоть идите быстрее, — буркнул Костя. — И почему за нами никто не бежит? Леха, ты видишь что-нибудь?

— Пусто на проекции, — ответил я.

— Ага, а почему? Они должны за нами сейчас...

— Ты там трубу обвалил, Костя. И вообще, такой шум поднял в конце... Они, наверное, еще не очухались. Вот очухаются — тогда и побегут.

Кишка закончилась большим залом, сухим бассейном водоотстойника. Полоска дневного света падала на пол из широкой щели в потолке — бассейн закрывали не сошедшиеся до конца металлические створки. В конце помещения темнел перекрытый решеткой зев туннеля. Очень большого туннеля — туда и грузовик-десятитонник въедет. Бугров погасил фонарь, поднял «Сааб» и дважды выстрелил, положив гранаты точно в основание решетки. Часть ее провалилась, гулкое эхо разнеслось по залу, отразившись от пола и стен, вырвалось наружу сквозь прореху между створками.

— Ну вот, теперь они знают, где мы, — сказал Лабус. — И если...

Сверху спикировали шелестящие тени. Раздался писк, Аня вскрикнула, захлопали крылья. Все присели, я выхватил «файв-севен», Лабус выстрелил. Стая здоровенных летучих мышей пронеслась низко над нами — и пропала в глубине зала, оставив на бетоне несколько разорванных пулями тел. Одно еще дергалось, било изломанными крыльями по полу. Выругавшись, Лабус выпрямился, шагнул к нему, занес ногу, Аня крикнула: «Не надо!», — но поздно — ботинок опустился, каблук размозжил черную башку. Девушка отвернулась, отходя в сторону. Затем подняла голову и сказала:

— Что это за звук?

Проникший в бассейн гул насторожил и меня. Он быстро нарастал. Может, потому-то нас никто и не преследует, они решили поступить иначе...

— Гудит что-то, — сказал Костя. — Причем все громче. Э, да оно совсем близ...

Я едва успел отключить БТС, как поток воды ударил из лаза за спиной и сбил нас с ног. Меня потащило по бетону, я уперся руками, встал, преодолевая течение, шагнул вбок. Широкая мутная струя била под сильным напором, заполняя бассейн пенящейся жижей, полной грязи и мусора.

— Курортник! — закричала Аня.

Треугольный плавник рассек поверхность воды между нами и повернул к напарнику. Я крикнул:

— Лабус, сзади!

Он выхватил нож, повернув клинком вниз, двумя руками обрушил на тварь. Вода забурилась, Костю отбросило назад, плавник развернулся вместе с торчащей вертикально рукоятью ножа, рванулся к нам с Аней.

— Берегись! — заорал Бугров из-за спины Лабуса и сильно толкнул его. Напарник отлетел в сторону, с головой исчез в воде, и тогда стал виден стоящий за ним Герман. Широко расставив ноги, он поднял арбалет и выстрелил. Я успел подумать, что если подводную тварь не взял широкий армейский нож, то уж тем более ничего с ней не сделает тонкий наконечник стрелы. Хотя ведь там какая-то штука серебристая прикручена... А потом стрела вонзилась в тварь и взорвалась.

Меня опрокинуло на Аню, мы очутились под водой. Высокая волна прошла над нами, ударила в стену, покатила обратно. Девушка задергалась подо мной, я вскочил, поднял ее. Вода еще бушевала, мусор качался на ней, и вместе с мусором — остатки твари. Бурлящий поток вынес на поверхность оторванную лапу: гладкая скользкая шкура, когти-крючки, между ними перепонки.

— В туннель! — крикнул Бугров, поворачиваясь.

— Леха, давай! — это уже Лабус.

«М4» давно намокла, но все же я стащил ее со спины и поднял над головой.

Подталкиваемые в спину потоком, мы добрались до решетки. Течение усилилось, вода вливалась между прутьями, закручиваясь пенными водоворотами, неслась дальше по темному туннелю. Уровень поднялся до груди. Аня поскользнулась, с головой ушла под воду, я подхватил ее.

Течение втокнуло нас в широкий зев туннеля. Когда стало совсем темно, в руке Бугрова тускло загорелась ХИС-трубка. Монолитовец несколько раз взмахнул ею, встряхивая реактив, — своды озарило зеленоватое свечение.

Туннель оказался длинным, поток все набирал силу, стал слышен нарастающий гул водопада. Уровень еще поднялся — выныривая на поверхность, я цеплял свод шлемом. Намокший рюкзак тянул книзу все сильнее. Боеприпасы на жилете — значит, можно избавиться от него. Я скинул с плеча лямку, вторую, рюкзак камнем провалился ко дну, и сразу стало легче. Перевесил винтовку за спину. Работать она не будет, пока не просушить, тут все понятно, — но вот испортился ли сканер на шлеме?

Мы с Аней плыли последними, зеленая полоска ХИС-трубки то мелькала под потолком впереди, то исчезала в воде. Гул водопада усилился, вода забурилась, течение стало стремительным. Трубка погасла, в темноте рука девушки ухватилась за мое плечо, я накрыл ее своей, сжал тонкое запястье, но сразу отпустил: потянуло вниз; я забил руками по поверхности, пытаюсь удержаться на плаву. Пальцы соскользнули с плеча. Туннель закончился — поток устремился вниз.

Он выбросил нас в следующий отстойник. Пролетев пару метров, я свалился в заполненный больше чем наполовину бассейн, ушел под воду, оттолкнулся от дна и увидел мерцание трубки в стороне. Вынырнув, поплыл к ней. Крикнул:

— Аня!

С глухим гулом вода падала позади. Металлические створки потолка были сведены вплотную, дневной свет сюда не проникал.

— Аня! — прокричал я громче.

Зеленый свет мелькал совсем близко, то угасая, то разгораясь, я сделал несколько сильных взмахов и разглядел качавшуюся в волнах трубку. Схватил ее, поднял над головой. Ноги едва доставали до пола, приходилось подгребать рукой.

Мерцающий свет озарил девушку, вынырнувшую рядом. Донесся голос Бугрова:

— Сюда, быстро!

Аня подплыла, фыркая и булькая, я сказал: «Возле меня держись», — повернулся — в тусклом свете трудно было что-либо толком разглядеть. Потолок далеко вверху, в стене слева темнеет что-то круглое — лаз там вроде? — рядом с ним двигаются фигуры.

— Леха!

— Лабус, я тут! — выкрикнул я.

— Курортник, сюда! — опять Бугров.

— Плыдем к ним, — сказал я Ане, и тут сверху в нас полетели какие-то предметы.

Они врезались в воду передо мной, по сторонам, один чуть не зацепил голову, в лицо ударили брызги... Да это же гайки с болотами, а еще куски арматуры! Что за дела, кто это там в нас...

Кусок железа ударил по трубке, едва не выбил из рук. Аня ойкнула.

— Что? — крикнул я.

— В плечо попали!

— Плыдем к стене! Кто в нас кидает...

— Это бюреры!

Теперь я понял, что происходит: под потолком шли узкие мостки, там и появились карлики. Мимо просвистела гайка, и я отшвырнул ХИС-трубку далеко в сторону. Вот так, попробуйте теперь прицелиться...

— Ныряй, — сказал я девушке. — Слышишь?

— Да.

— Ныряй к тому лазу.

Запущенный с приличной скоростью болт ударил по шлему, в голове загудело, и я нырнул. Проплыв несколько метров, поднял голову над водой. Так — лаз ближе, и бюеры теперь не знают, где я. А девушка?

Раздалось фыркание, ее голова показалась над поверхностью совсем рядом, дыхание коснулось щеки. Все, они нас потеряли. Зал озарила вспышка — Герман снова выстрелил из арбалета.

Ярко-красный свет отразился от воды, загоревшейся мириадами всполохов, лизнул стены и потолок. Со скрежетом один из мостков просел, кренясь.

В три взмаха я достиг лаза в стене — и понял, что никакой это не лаз, а большой, наглухо задраенный железный люк. Возле него маячили головы Лабуса и Бугрова, второй монолитовец нырнул сразу после выстрела. Офицер надел дыхательную маску, повернувшись ко мне, ткнул пальцем вниз, потом показал влево и исчез под водой.

— Леха, ты как... — начал Лабус. По стене и люку забарабанили снаряды бюеров, он крикнул: — За нами давай!

Он нырнул. Я достал из сумки на ремне аппарат, вставил загубник в рот, повернул клапан — работает. Вытащил, протянул девушке. Большая гайка больно ударила по запястью. Загнутый, как бумеранг, кусок арматуры с лязгом врезался в люк.

— Ты первая! — прокричал я. — Держимся за руки. Под водой ни черта не видно, считай до шестидесяти, делай глубокий вдох и передавай аппарат мне. Ясно?

Она кивнула, вставив в рот загубник, схватила меня за руку и опустилась с головой. Я нырнул следом, мы поплыли вдоль самого дна.

Воду пронзали прямые трассы пузырьков, словно сверху кто-то стрелял из автомата; куски металла падали на дно. Меня ударило в спину между лопатками, потом в поясницу. Впереди замерцал холодный свет — Бугров разжег еще одну трубку, отпустил ее, зеленое облако стало медленно всплывать. Я увидел проем, в котором мелькнули ноги Лабуса.

А ведь и карлики наверняка заметили свет, он для них как маркер, обозначивший цель.

Сильно ударило в затылок, даже шлем не помог, — я выдохнул, от боли позабыв, что вдохнуть не смогу. Перед глазами поплыли разноцветные круги. В губы ткнулось что-то мягкое, уже ничего не соображая, я задергался, увидел загубник, поднес его к лицу и вдохнул. Что-то угловатое, тяжелое давило сверху, прижимая ко дну левое плечо и руку. Я попытался перевернуться, не смог, завел правую руку за спину, нащупал шершавую поверхность арматуры. Они что, сорвали один из мостков со стены? Или это тот, поврежденный взрывом, обвалился? Аппарат, имеющий нулевую плавучесть, покачивался в воде рядом. Трубка всплыла, зеленый свет лился сверху, я разглядел Аню неподалеку. Упираясь ногами в стену и пол, она пыталась стащить с меня мосток.

Вдохнув еще дважды, я махнул ей рукой, показывая, что хочу отдать аппарат, — и тут в воду бухнулся карлик. Он врезался в дно между нами, перед глазами мелькнула оскаленная морда. Бюеры совсем охренели, стали сородичами швыряться?! Я задергался, шаря у пояса в поисках ножа, а бюер вцепился мне в шею. Когти продрали кожу, карлик подтянул себя ближе. За ним возникла Аня, ухватила бюера сзади, тонкие пальцы надавили на выпученные глаза, выворачивая голову. Бюер разинул пасть в неслышном крике, и девушка сунула в нее что-то, зажатое в кулаке. Рука вынырнула обратно, Аня оттолкнулась от дна, отлетела к стене. Какая-то сила крутанула бюера, будто юлу, рванула вверх. Тело ракетой вылетело из воды, упало обратно и стало опускаться ко дну... уже мертвое. Пасть разорвало, она превратилась в темно-красную рану, череп треснул.

Аня подплыла ближе, я протянул ей загубник. Сделав несколько вдохов, девушка вставила его обратно мне в рот, перекинула ремешок аппарата через мою шею и уже собралась опять налечь на мосток, но я схватил ее за руку. Потянул к себе, показал три пальца и ткнул в мосток. Она кивнула.

Длинный, как копье, арматурный прут пропорол воду рядом, со стуком врезался в дно, пробил плитку и застрял наискось. А ведь карлики могут проталкивать предметы под водой, те не замедляют скорость, как обычная пуля или снаряд, попавшие из одной среды в другую...

Аня присела, схватилась правой рукой за край мостка. Я положил ладонь на пол, как мог подогнул ноги. Она распрямила один палец, второй, третий... Что было сил я оттолкнулся от пола, а девушка потянула. Давление на спину уменьшилось, я вырвал из-под ребристого металла руку, сразу уперся ею в пол, нажал. Ну же, ну... Погруженное в жидкость тело теряет столько веса, сколько весит вытесненная им жидкость... Мосток не такой уж тяжелый, ты можешь его поднять. Давай, еще немного... В ушах звенело, от напряжения свело челюсти, сердце выскакивало из груди.

По голове ударили сразу два болта, большая гайка врезалась в поручень мостка. Сбоку что-то мелькнуло, я скосил глаза: два карлика плыли к нам, причем, судя по искаженным ромам, их тоже спихнули вниз. Значит, бюеры боятся воды.

Они приближались. Я подтянул ноги, встал на четвереньки. Ржавое железо плавно поехало по спине... и я вырвался из-под него.

Вдохнув, сунул аппарат Ане, обхватил ее и потащил к лазу, где скрылись монолитовцы с напарником. Впихнул девушку внутрь, глянул через плечо, но не увидел бюеров в мутно-зеленом свете: их скрыл опустившийся на дно мосток.

Мы поплыли в непроглядной тьме, держась друг за друга. Я то и дело цеплял шлемом бетонные поверхности. Вытянутая вперед рука ткнулась в преграду — стена. Но это не может быть тупиком, ведь здесь никого нет, куда-то наши спутники отсюда попали, может, вверху отверстие? Аня потянула меня вправо, я оттолкнулся от дна, поплыл — оказалось, лаз в этом месте поворачивал.

Вдалеке возникло пятно света, вода стала холоднее. Она и раньше была прохладной, но теперь будто тысячи иголочек начали покалывать кожу. Аня вернула мне аппарат, я вдохнул. Кислород заканчивался — попавшая в легкие смесь была разреженной. Пальцы начали неметь от холода. Я вдохнул, сунул загубник обратно, ощутил, как девушка отталкивает его, нажал, сдал ее кисть. Она подчинилась, потом протянула загубник мне, я попытался вдохнуть — все, кончился кислород. Выплюнул, отбросил аппарат, сорвав ремешок с шеи. Свет горел все ярче. От ледяной воды тело задеревенело и плохо слушалось. Я сильно оттолкнулся от дна, загребая свободной рукой, потащил Аню вверх.

Когда мы вынырнули, кто-то схватил меня за лямки жилета и выволок на покрытый плиткой уступ, протянувшийся по краю бассейна. Я отпустил Аню, она отползла, легла на живот и свесила голову к воде, тяжело дыша. Я сел, харкая и отплеываясь.

Мы находились в помещении с низким потолком и толстыми трубами. Над тем местом, где они входили в стену, были массивные вентили и проем в рост человека, дальше — серое небо. Стоящий на вентиле Герман выглядывал наружу, подняв взведенный арбалет.

Что-то гудело, по комнате шел ровный поток теплого воздуха. Лабус повернулся лицом к забранной решеткой нише в стене, для чего-то расставив руки. Как и я, он был без рюкзака.

— Мы в распределительном узле охлаждающей системы, — сказал Бугров.

Аня громко закашлялась.

— Костя! — позвал я, содрогаясь от холода. — Вколи нам что-нибудь!

Он повернулся — гудение стало громче, поток воздуха усилился, — быстро пошел к нам. Я увидел его аптечку, лежащую у ног Бугрова. Раскрытую — значит, они уже использовали стимуляторы.

— Там обогреетесь, — напарник махнул рукой в сторону ниши и склонился над аптечкой. Выпрямился с двумя шприцами, подошел к девушке. Меня колотило, зуб на зуб не попадал. Кое-как поднявшись на ноги, я направился к нише, встал перед ней, стащил разгрузочный жилет, куртку и шлем, бросил под ноги. Поток горячего воздуха нес запахи машинного масла и дизельного топлива. Откуда он дует? Наверное, вентиляция,

обслуживающая какие-то технические помещения. Наслаждаясь теплом, я замер лицом к нише. Раздались шаги, Лабус спросил над самым ухом: «Уколов боишься, сынок?» — и вонзил иглу мне в руку прямо сквозь ткань.

— Через минуту подействует.

Он отошел, я постоял еще немного и повернулся, чтобы согрелась спина. Хотел позвать Аню, по-прежнему сидящую у бассейна, но она вдруг ударила ладонью по плиткам. Не хлопнула, а именно ударила — сильно, зло.

— Что такое? — спросил Лабус и присел рядом на корточки. — Чем тебе помочь, красавица?

— Не надо мне помогать.

— Я, между прочим, санинструктор. Могу искусственное дыхание сделать, ну и всякое другое.

— Не надо! — повторила она и хмуро добавила: — Я малыша убила.

— Кого? — изумился он.

Стимулятор начал действовать: кровь в жилах словно нагревалась, и вслед за ней нагревалось тело. Все вокруг стало ясным и четким — зрение улучшилось.

— Это ты бюроера так называешь? — спросил я, отходя от ниши.

Аня встала, глядя под ноги, сказала:

— Он — живое существо. Я убила его из-за тебя. Я... правильно поступила, знаю. Но мне все равно тяжело.

Герман, не оборачиваясь, махнул рукой, и Бугров пошел к проему.

— И чем же ты его убила? — спросил Лабус.

— Спиралью. Это артефакт волчка, той аномалии, на которую мы наткнулись в гостинице.

— Ну и молодец, — заключил Костя. — Леха, надо проверить оружие после купания и просушить возле вентиляции.

Вернувшийся Бугров сказал:

— Слушайте внимательно. Мы внутри укрепрайона, противник не ожидает нашего появления именно здесь. Выйдя наружу, окажемся прямо у Саркофага. По трубопроводу нужно достигнуть лестницы и подняться на первый ярус. Рядом стоит башенный кран. Лабус, идешь замыкающим, прикрываешь огнем.

— Понял.

— Вопросов пока нет? Тогда продолжаю...

Я смотрел на офицера, стараясь не выдать удивления. Он изменился. Теперь передо мной стоял не робот — живой человек. Немного угрюмый, с глухим голосом и малоподвижным лицом, но — человек. В отличие от того же Германа, который напоминал подвижный манекен. Костя с Аней тоже ощутили перемену, оба поглядывали на Бугрова и недоуменно хмурились. Понимали: что-то не так, но не могли пока сообразить, что именно.

Офицер достал мокрый лист бумаги, присев, расстелил на полу и поманил нас. Аня встала возле ниши, чтобы согреться, а мы с напарником прислонили оружие к решетке и вернулись к Бугрову.

— Смотрите внимательно, — сказал он. — Саркофаг накрывает третий и четвертый энергоблоки. В этом углу — схема воздухопроводов под вентиляционной трубой. Там узел, где сходятся трассы из обоих энергоблоков, от него идет магистральный вентиляционный туннель, дальше развилка, где расходятся пять труб. Мы сворачиваем в ту, что слева, потом три небольших помещения технических кладовых и перекресток — идем направо.

— Поплыла твоя схема, — меланхолично заметил Лабус, снимая жилет. — И бумага порвалась.

Бугров выпрямился.

— Единственная возможность добраться до трубы — двигаться очень быстро. Как только появимся на поверхности, про нас станет известно всем. Если замедлимся хоть

ненадолго, противник подтянется со всех сторон, тогда конец. Пока что штурмовики не знают, где мы, вынырнем у них в тылу, главное, чтобы они не успели сменить позиции. По трубопроводу достигаем здания, на первом ярусе двигаемся прямо, по лестнице поднимаемся на второй, снова прямо, опять лестница — третий ярус. С него последняя лестница выводит на крышу Саркофага. Там есть покатые места у стен, не упадите. По Саркофагу бежим к вентиляционной трубе.

— Труба, — со значением повторил Костя и разгладил усы.

— Нужно залезть на нее. Наверху техническая площадка, где смонтирован лебедочный механизм, катушка с тросом. Стравливаем трос, спускаемся. Вопросы?

— Надо еще подсохнуть — вот какой у меня вопрос, — сказал Лабус и пошел к нише с решеткой.

Я надел шлем и попытался загрузить БТС. Картинка не развернулась, вместо нее побежали строчки букв и цифр, что-то едва слышно защелкало. Раздался треск, мигнула надпись

ERROR

Потом уже на русском, крошечными буквами:

...проверка...

...проверка...

...проверка...

Последнее слово погасло, несколько секунд темноты и тишины, и возникла жирная рамка. В ней проступило:

МЭП [модуль электронного позиционирования]

...готов к работе

ТУМ [тактический универсальный модуль]

...готов к работе

ЦП [центральный процессор]

...готов к работе

МНС [модуль нейронных связей]

...готов к работе

МСК [модуль соматического контроля]

...готов к работе

Последняя надпись почему-то была красной. «Эй, эй!» — чуть не сказал я вслух. МСК ведь должен быть отключен. Что там говорил Бугров возле дома Доктора? МЭП занимается иконками объектов, ТУМ просчитывает расстояния и высвечивает векторы направлений, МНС выводит информацию в кору головного мозга, ЦП считает для всех остальных... А МСК? Эта штука опасна, она как-то там связана с «сомой», то есть телом, и может наделать бед.

Не видя никакой возможности отключить модуль, я пошел к проему, возле которого неподвижно стоял Герман.

В голове раздался щелчок. Мгновение темноты — и проекция БТС привычно развернулась в панораме моего сознания. Красные значки наполняли ее.

Глава 21

*Докладная записка начальника блока «В»
руководителю экспедиции:*

В рамках научной программы изучения аномальных явлений, а также их побочных продуктов (артефактов) установлен следующий факт: имеется возможность скрещивания побочных продуктов. Данный процесс позволяет создать принципиально новую схему оружия, не содержащего поражающих элементов, способного к избирательному действию (только к мутагенным формам жизни или только к людям). Самым весомым доводом к продолжению исследований в этом направлении является возможность начинать уже существующие боеприпасы таким видом оружия. Принято решение: данный вид оружия именовать «спайка» либо «сборка». В целях безопасности проекта прошу...

Шкала целей налилась алым, будто заполнилась кровью. За проемом на мощных опорах протянулись три плотно прилегающие друг к другу горизонтальные трубы, впереди они изгибались к Саркофагу. В том месте была развилка, влево шли другие трубы. До земли — метра два. Справа открытая площадка, там стоит башенный кран, дальше — бетонная черепаха Саркофага, над ней торчит полосатый цилиндр, окруженный дисками.

Впереди бежал Герман, потом Бугров, я, Лабус, Аня. Мягкий изоляционный материал пружинил под ногами. Я двумя руками держал винтовку перед грудью. Шел мелкий дождь со снегом, порывы ветра бросали в лицо влагу и ледяную крупу.

Красные треугольники быстро приближались со стороны Саркофага. Я не поворачивал головы, но видел краем глаза вывалившую из-за крана толпу бюреров. Потом в проекции мигнул кружок, погас, разгорелся вновь... Иконка где-то вверху — почему вверху, где находится объект?

— Снайпер на кране!!! — заорал я, толкнув Бугрова. Мы почти добрались до развилки, где стоял агрегат вроде того, за которым монолитовцы прятались, когда выскочили из подбитого танка: железный кожух, вентили, манометры, — только этот был побольше, с массивными выступами по бокам. Звук выстрела не долетел до трубопровода, но Герман дернулся и полетел головой вперед — в него попали.

Бугров упал позади агрегата, через мгновение я очутился рядом, отпрыгнул, позволяя Лабусу спрятаться за укрытием, схватил Аню и дернул к себе. И тут же пуля впиалась в изоляцию трубы, другая ударила в кожух, он загудел.

— Бюреры! — выдохнула Аня. — Тут нельзя оставаться, они сюда бегут.

На плече Германа была рана. Вскинув арбалет, он развернулся, поставил локти на край кожуха и выстрелил. Коротким резким движением взвел оружие — скрипнули пружины, щелкнул фиксатор рычага, выстрелил второй раз — опять взвел, третий... В это мгновение первая стрела достигла крана, а по металлу ударила пуля снайпера, и Герман спрятался.

Цель была слишком далеко. Сектант засел на железной коробке кабины, монолитовец не попал в него, всадил стрелы ниже. Силы взрывчатки не хватило, чтобы разрушить металлическую конструкцию — когда прогремели взрывы, кран и не шелохнулся. Бугров попытался выстрелить из гранатомета, но пули залязгали по агрегату рядом с его головой, и он растянулся на трубе.

— Сиди здесь! — прошептал я Ане. Протиснувшись мимо офицера, выглянул сбоку от кожуха. По усеянному снежной пылью асфальту к нам бежали бюреры. Мимо пронесся камень, я отпрянул. Герман поднял арбалет, собираясь открыть огонь по карликам. Прилетевший по крутой дуге кусок асфальта врезался в его шлем и взорвался черным крошечком. Монолитовец начал заваливаться на спину, зрачки поползли вверх и скрылись под веками.

Камни барабанили по трубе. Бюрерам осталось подойти лишь немного ближе, чтобы метать снаряды точно в цель, — тогда конец, нас просто закидают. И не высунуться никак...

Бугров толкнул Германа в спину, усадил ровнее. Боец мотнул головой, несколько раз хлопнул ладонью по шлему. Аня вскрикнула — камень попал ей в живот, — легла в

углублении между трубами, поджав ноги, чтобы снайпер не увидел из-за кожуха. Болт чиркнул по шлему Лабуса, и напарник зарычал.

— Леха, подсвети цель! Остальные — прикройте!

Я транслировал картинку в его нашлемный целеуказатель. Герман улегся на боковую трубу и через короткие промежутки выпустил несколько стрел. Бугров, сидящий спиной к кожуху, поднял «Сааб» над головой, обратив стволом к крану, выстрелил не глядя. Лязг ударявших в металл пуль и метательных снарядов на несколько мгновений смолк, и тогда Лабус вскочил.

Застучал «Миними» — напарник выпустил в будку весь магазин одной длинной очередью. Граната из «Сааба» пронеслась мимо крана, но Бугров вдавил кнопку дистанционного подрыва на блоке прицела, и начиненный электроникой взрыватель разнес боеприпас на сотни осколков. Они накрыли кабину. Снайпер не успел снять Лабуса, пули из пулемета добрались до сектанта — черная фигурка кувыркнулась через край будки и полетела вниз. Бугров в этот момент перебросил через агрегат две ручные гранаты.

— Мапупа тебе! — рявкнул Лабус, скалясь. Взрывы гранат и арбалетных стрел разбросали бюреров, камнепад вокруг нас прекратился, хотя из-за крана бежали новые карлики.

— Откуда здесь столько бюреров?! — крикнул Костя. Перезарядив пулемет, он вслед за Бугровым и Германом побежал дальше. Подняв Аню на ноги, я крикнул ему в спину:

— Наверное, их использовали для выгрузки ТВЭЛов!

Мне пришло это в голову, когда мутанты только появились из-за крана. Тепловыделяющие элементы хранились в помещении с таким уровнем радиации, что ни один живой организм не выдержит. А бюреров Кречет принудил дистанционно перегрузить ТВЭЛы и потом оставил на станции как дополнительную защиту.

Герман на бегу повел арбалетом в сторону башенного крана, карлики разбежались. Трубопровод тянулся прямо, Саркофаг приближался — отвесная стена, над ней массивные «ступени» и покатый край крыши.

Мы почти поравнялись с краном, когда я заметил в толпе карликов самого рослого. Он поднял руки, и остальные взвыли.

Туча, состоящая из кирпичей, камней и арматуры, поднялась в воздух.

— Ложись! — заорал я, сбив с ног Аню, упал. Загрохотало, трубы затряслись. Меня ударило по спине, по шлему, в поясницу, опять в шлем...

Грохот смолк, я встал на колени, покачнувшись, вскочившая Аня поддержала меня под локоть. Рядом матерился Лабус: осколками брошенного бюрерами стекла разрезало пулеметный ремень, ему пришлось отстегнуть обрывки, чтобы не мешали. Бугров держался за голову, оглушенный Герман пытался подняться и раз за разом падал.

Толпа карликов шла за рослым вожаком. Он опять вскинул руки над головой. Рыжий от ржавчины контейнер медленно воспарил над асфальтовой площадкой, развернулся и полетел к трубам, набирая скорость. Герман выстрелил, стрела взорвалась в паре метров от здоровья. Тот отшатнулся, летящий в нас контейнер будто напоролся на невидимую стену, дернулся в сторону, опять понесся к трубам.

Он вломился в них немного впереди, стенка смялась, ржавая коробка застыла на мгновение и рухнула. Мы упали. Бюреры взвыли — и трубопровод затрясся, наращивая амплитуду. Лопнула одна из несущих опор, со скрежетом стала надламываться другая. Я поднялся, широко расставив ноги, направил на вожака винтовку, не устоял, свалился опять. Лабус дважды выстрелил, а потом его швырнуло спиной назад, он едва не сорвался, выпустил пулемет — тот полетел на асфальт.

— Мать!!! — взревел напарник, от ярости колотя кулаком по изоляции. Бугров, попытавшийся выстрелить, получил куском арматуры в лицо и растянулся на трубах. А те качались все сильнее, опоры стонали, выламываясь из креплений. Лопнула вторая штанга, третья накренилась и рухнула, основанием выворотив кусок асфальта.

Герман сунул арбалет в чехол, перекатился через трубу и прыгнул. Растянулся на асфальте, вскочил, хромая, побежал к толпе карликов,

— Огонь! — крикнул Бугров и начал стрелять.

Я дал короткую очередь, Лабус выхватил пистолет. Все равно что палить, раскачиваясь на детских качелях: руки дергало вверх-вниз, ствол то подбрасывало к небу, то тянуло к земле. Перед глазами мелькнула площадка с краном, ушла из поля зрения, возникла опять. Герман, стреляя из арбалета, бежал к толпе карликов, а те валили ему навстречу. Я свалился на бок, кое-как поднялся на колени. Вдруг одна труба глухо загудела, по ней побежала круговая трещина. Герман ворвался в толпу мутантов, расшвырял их, вокруг него образовалось пустое пространство. Качка внезапно прекратилась — трубы застыли.

— Дальше, бегом! — Бугров, вскочив, за шиворот поднял Аню, поволок вперед.

Прямо перед Германом появился вожак. Монолитовец всадил в него стрелу, брюхо здоровяка разорвало... это была последняя стрела, как я понял спустя мгновение.

Мы побежали, я повернул ствол к площадке, стреляя на ходу, стараясь не зацепить фигуру в черном. Герман отбросил арбалет, выхватил пистолет и нож. Карлики окружили его. Монолитовец пристрелил одного, второго, ударил ножом сверху, пробив клинком череп, выдернул, полоснул наотмашь. Сделал еще несколько шагов, двигаясь будто по вязкому болоту, все медленнее... Бросил пистолет и поднял высоко над головой серебристый контейнер.

Бугров крикнул, падая:

— Закрывать глаза!

Я в очередной раз повалился на трубу, зажмурился, накрыл голову руками. Взрыва не было — полная тишина, только белый свет мягко коснулся плотно сомкнутых век и угас.

И когда он исчез, смолкли вопли бюреров и грохот выстрелов — лишь снежная крупа еле слышно шелестела о трубопровод да завывал ветер у стен Саркофага.

— Вперед, — приказал Бугров.

Мы вскочили. Большинство карликов валялись вокруг крана, некоторые стояли на четвереньках, четверо брели куда-то, шатаясь, слепо шаря перед собой руками. Посреди кучи тел лежала фигура в черном комбинезоне.

— Что это было? — крикнул сзади Лабус.

— Артефакты, — не оборачиваясь, ответила Аня. — Аномальная граната, в ней око, кровь камня и еще кое-что...

Проекция очистилась, я видел лишь четыре красные иконки, медленно отползающие от нас. Впереди зеленая сетка изгибалась под прямым углом и тянулась вверх — мы достигли Саркофага.

* * *

Бугров и Аня стали подниматься, я убрал винтовку за спину, с разгона прыгнул на поручни. Когда преодолел несколько перекладин-ступеней, лестницу тряхнуло — внизу то же самое проделал Лабус.

До крыши первого яруса добрались быстро. Пробежали по ней, снова прыжок — начались ступеньки второй лестницы. Стало холоднее, ветер усилился. Все повторилось: короткая перебежка — прыжок — лестница. Пологий скат, железные скобы на нем...

И впереди открылась крыша Саркофага. Бугров с Аней ждали за бордюром на краю. Монолитовец командовал:

— Курортник, за мной. Замыкающий Лабус.

Мы побежали. Вокруг раскинулись бесконечные бетонные поля, скаты и высокие бордюры, вентиляционные колодцы, карнизы... да уж, здесь есть где спрятаться. Бугров свернул под прикрытые кирпичной башенки, я прыгнул за ним, обернулся — Лабус с Аней не отставали. Жестом приказав нам остановиться, монолитовец выглянул из-за угла. Сверху донеслось сухое и какое-то болезненное, астматическое карканье, Бугров не

обратил на него внимания, а мы втроем машинально подняли головы. От крыши башенки к бордюру вдалеке тянулся ржавый прут, там в ряд сидели тощие вороны и мрачно пялились на нас.

— Сто раз ее на фотках видел, а не думал, что такая здоровая, — пробормотал Лабус.

Он имел в виду вентиляционную трубу, которая возвышалась над всем окрестным пейзажем. Полосатый красно-белый цилиндр был окружен каркасом жесткости, состоящим из штанг и шести горизонтальных дисков.

— Почему встали? — спросил я.

— Штурмовики могут быть где угодно, — ответил Бугров, не оборачиваясь.

Лабус напомнил ему:

— Ты говорил, мы в тылу у них появились, они нас вообще прощелкали.

Монолитовец оглянулся. Его лицо расцвело, лоб разгладился, мне даже показалось, что узкие прямые губы едва заметно изгибаются — офицер улыбался.

— Скорее всего, штурмовиков здесь нет, но лучше перестраховаться.

— На проекции пусто, — сказал я. — Хотя после того бассейна с водой БТС может глючить.

Бугров выглянул опять и наконец решил:

— Это ненадежное укрытие, надо переместиться. За мной!

Может, оно и было ненадежным, но башенка хоть немного прикрывала нас от ветра. Как только мы побежали, сразу стало холоднее. Ветер уже не просто дул — бил мощными резкими порывами, сек лицо каплями и снегом. Ступни утопали в мутно-белой поземке, стелившейся по крыше, как плотная, дрожащая на ветру простыня. Белесая сухая крупа горками накапливалась у бордюров и стен. По небу совсем низко неслись облака — казалось, верхушка трубы погружена в них.

Низко пригнувшись, мы взобрались по скошенной части крыши. Пробежав немного, свернули. Ветер нес снежную пелену, норовил сбить с ног. Бугров тремя длинными прыжками вырвался далеко вперед. Нам осталось преодолеть последнюю небольшую лесенку у самого основания трубы.

На пути откинулась крышка люка, и тут же почти в центре проекции БТС зажегся красный кружок. Высунувшийся по пояс сектант с серебристым шевроном на плече направил автомат в спину Бугрова, но я с разбегу налетел на монолитовца, выбил оружие. Нога зацепилась за крышку, я упал на самом краю крыши. Оттолкнув Аню, Лабус врезался в стоящую вертикально крышку, придавил сектанта и сам не удержался на ногах.

Я заскользил по мокрой наклонной поверхности, Втянув ноздрями воздух, попытался рывком выбраться наверх, не смог, съехал почти на метр, глянул через плечо — далеко в серой пелене виднелись присыпанные снегом контейнеры и асфальтовые дорожки между ними.

Напарник упал, ударившись о люк, приподнялся, схватился за крышку и несколько раз сильно толкнул, ударя застрявшего в проеме штурмовика.

— Лабус! — проорал я. — Аня!

Пальцы скользили, я съезжал. Бугров побежал обратно, не рискуя стрелять на таком расстоянии из «Сааба»: осколки могли задеть всех.

Монолитовца в распахнутом люке видно не было, он провалился. Аня бросилась ко мне, Лабус, отпустив крышку, тоже. Проехав на животе, они ухватили меня за руки и потащили.

Когда Бугров подбежал к люку, оттуда возникла фигура штурмовика. Сильным ударом он сбил офицера с ног, тот упал, тут же вскочил и ударил Бугрова кулаком в челюсть; монолитовец опрокинулся навзничь. Штурмовик бросился на него, Бугров поднялся, и в холодном зимнем свете тускло блеснули лезвия ножей.

Лабус с Аней почти вытащили меня наверх, когда в люке возник второй штурмовик.

— Пригнитесь! — заорал я.

Встав на колени, выхватил «файв-севен». Костя растянулся на крыше, дернул Аню вниз,

и я начал стрелять над их спинами, сжимая пистолет обеими руками. Голову штурмовика защищал шлем, но на такой дистанции остроконечные пули пробивают кевлар. Шлем вмялся, от него разлетелись влажные розовые ошметки с белесыми осколками височной кости. Я продолжал стрелять, пока сектант не упал. Над крышкой люка показался третий, взмахнул рукой и скрылся. К нам покатилась ручная граната. Костя крутанулся на одном колене, отфутболил ее — глухо стукаясь о бетонные выступы, граната закатилась куда-то за бордюр. Аня начала приподниматься, но я подбил ее руки, уложив обратно.

Громыхнуло, взвизгнули осколки. Лабус крикнул и схватился за плечо.

— Зацепило? — крикнул я, вставая.

Он рыкнул что-то, прижимая ладонь к ране, перекатился за бетонный выступ, неподалеку.

— Давай к нему! — крикнул я Ане. — Спрячься!

Бросив разряженный пистолет, вскинул «М4», выпрямился во весь рост. В люке мелькнула тень, и я открыл огонь короткими очередями. Высекая искры, пули рикошетили от свинцовой крышки, ударялись в бетон, влетали в круглый проем.

Мелкими шагами приближаясь к люку, я кинул взгляд поверх прицела. Бугров и штурмовик кружились в потоке снега, то сходились ближе, то отскакивали. На фоне полосатой трубы посверкивали клинки. Шаркали подошвы, черные ботинки разбрасывали по бетону снежную крупу, резкое «хэк!» разносилось над крышей. Из люка никто не показывался. Прекратив стрельбу, я поднял винтовку выше, попытался поймать в прицел штурмовика. Тот будто ощутил что-то, быстро переместился вбок, я дернул за ним стволом... В прицеле мелькнул силуэт офицера, потом опять его противник. Короткими шагами я приближался к люку и монолитовцам. Надо стрелять, но слишком опасно, зацеплю Бугрова,...

Он поймал штурмовика на контрвыпаде, поднырнув под нож, вонзил клинок в подмышку. Штурмовик упал на колени, Бугров выдернул нож и всадил в шею. Подпрыгнув, пнул в грудь, опрокинул противника навзничь и метнулся к надстройке рядом.

Место, где он только что находился, пересекла длинная полоса трассеров — из люка появился третий сектант.

Я уже стоял над ним. Опустив ствол, вдавил спусковой крючок, «М4» дважды выстрелила, раздался глухой щелчок: магазин опустел. Пули выбили автомат из рук штурмовика. Он подпрыгнул, мелькнул серебристый шеврон, в шею вцепились сильные пальцы. Противник дернул меня вперед и вниз, ударив коленями о круглую свинцовую крышку. Я врезал стволом ему по голове, а он саданул меня кулаком в висок. Мир поплыл, темнея...

Щелчок, треск, пронзительный писк.

Проекция, ярко вспыхнув, свернулась в слепящую точку, прожгла мозг. Штурмовик все еще душил меня я вытянул руки, схватил его за голову. Густо-красные дрожащие буквы загорелись в сознании:

МСК:

...готов к работе

[инициирована

адреналиновая

капсула]

Я закричал — показалось, что падаю в гулкую пропасть без дна. Бетонные поля вокруг полыхнули огнем. Проекция погасла, модуль соматического контроля заглушил остальные элементы БТС. Тело прошила молния — вдоль хребта, взрывая позвонки на своем пути. Я захлебнулся силой, яростью, злобой. Сердце лопнуло, забрызгав легкие кровью, перед глазами возникла голова штурмовика, я видел ее очень четко и ясно: резко

очерченные скулы, прямой нос, очки, низкий лоб, черная сфера шлема. Казалось, его лицо находится прямо передо мной, и в то же время — очень далеко. Мои руки, сильные и длинные, как у великана, протянувшиеся на километры, сжали его голову. Крепче. Еще крепче. Шлем затрещал. Мир полыхал красками, каждая снежинка стала слепящей искрой света, небо расцвело огнями.

Это длилось одно бесконечное мгновение — а потом сверкающий мир начал гаснуть. Я нажал сильнее, рванул и отпустил, превратив шею сектанта в кашу из раздробленных хрящей и позвонков. Он провалился обратно в люк, а я упал на бетон, содрогаясь от боли. Из носа в такт ударам сердца выплескивалась кровь.

Я пополз прочь от люка. Пространство то становилось ярче, то затухало, пульсирующий звон наполнял голову. Подбежавший Бугров схватил меня за ворот жилета и потащил куда-то, затем отпустил. Я сел, увидел Аню, высунувшуюся из-за бордюра, и Лабуса — он бежал к нам с гранатой в руке.

— Накатим по триста? — крикнул напарник.

— Не глядя! — проревел офицер, все еще не отошедший после ножевого боя со штурмовиком. Голос его искрился весельем, щеки пылали румянцем — теперь Бугров был жив, по-настоящему жив!

Вес ручной гранаты — приблизительно триста граммов. Я поднялся на трясущихся ногах, широко расставил их, чтоб не упасть. Рядом с люком лежали два убитых мной штурмовика, снег таял в луже крови. Бугров с Костей бросили в отверстие четыре гранаты, офицер врезал ногой по крышке, та стала опускаться, неторопливо сдвигаясь на рычагах. Костя вдруг выкрикнул что-то и отпрыгнул назад. Из сужающегося проема высунулся ствол стрелкового комплекса, грохнул выстрел, и двадцатимиллиметровая граната врезалась в грудь Бугрова.

Рвануло одновременно и под крышкой, и сверху. Массивный свинцовый диск сорвало с рычагов, а монолитовца отбросило на край крыши, с которого я едва не соскользнул недавно. Перевернувшись набок, он приподнялся на локте. Посмотрел на рану в груди, сел и протянул руку, медленно заваливаясь назад. Я бросился к нему, упав на живот, схватил за кончики пальцев. Взгляд офицера был полон удивления. Серые губы шевельнулись, и Бугров прошептал:

— Курортник... Они меня убили.

Дождь и снег падали на него, капли стекали по шлему и лицу.

— В Монолите много миров, — прошептал он. — Я видел в нем такое, чего люди не способны даже представить.

— О чем ты? — прохрипел я, мучительно пытаюсь удержать его на краю.

Тихий голос едва доносился сквозь завывание ветра.

— Я видел межэфирные корабли, горящие над Марсом. Видел, как лучи си-энергии сверкают во тьме у Каабы. Но с моей смертью все эти мгновения потеряются во времени. Исчезнут... — Он махнул другой рукой, сжал ее в кулак, пытаюсь поймать сеющиеся с неба капли. — Исчезнут, как слезы под дождем.

— Что? — выдохнул я, ощущая, как пальцы в перчатках выскальзывают из моей хватки.

Они выскользнули — Бугров завалился назад и поехал по скату крыши — все быстрее, быстрее... исчез из виду в серой пелене. На плечо легла рука, я повернулся — это была Аня. Вместе со мной она посмотрела вниз. Раздались шаги, из пурги вышел Лабус, постоял над нами, глядя через край, повернулся и ушел. Я поднялся на колени, опираясь на плечо девушки, выпрямился, помог встать ей. Когда мы пошли к трубе, Костя уже стоял у ведущей вверх лестницы. Он сказал: «За мной давайте», — и полез. Аня поддерживала меня. Шатаясь, я плелся дальше. Сказал ей:

— Лезь, я за тобой.

— А если свалишься? — возразила она. — Нет, давай, я последняя.

У меня не было сил возражать. Достигнув нижнего диска, напарник остановился, глянув вниз, и махнул рукой. Я кивнул, подобрал винтовку, лежащую у развороченного взрывом

люка, перекинул ремень через голову. Повернулся кругом, отыскивая взглядом пистолет. То ли он соскользнул вслед за Бугровым, то ли замело снегом — попробуй найди теперь.

Поставил ногу на нижнюю перекладину и ухватился за штанги, но, преодолев несколько ступеней, обернулся. Бетонная пустыня раскинулась вокруг — нигде никого, лишь мертвые тела лежат возле темной дыры люка. В потоках снега едва виднелись крыши вокруг. Я стал подниматься.

* * *

Встав на краю последнего, шестого, диска, я взялся за вертикальную штангу и посмотрел вниз. Зона погрузилась в снежную полумглу, я едва различал дома Припяти, причальный комплекс, темно-серую ленту реки и лес вокруг. Пустынные земли уже начали промерзать, ветер гнал над ними снеговые облака, все дальше и дальше, к Кордону. В пурге темной громадой высился башенный охладитель.

— Есть, — сказала Аня сзади.

Она застопорила трос на катушке лебедочного механизма, теперь все было готово к спуску.

— Выдержит? — спросил я.

Стоящий возле края площадки Лабус пожал плечами.

— Эту штуку для ремонта трубы использовали, там же фильтры внизу. Работят здоровых выдерживала, инструменты, запчасти — значит, и нас выдержит.

Мы посмотрели друг на друга, и я спросил:

— Ты как?

Подумав немного, он ответил:

— Пулемет потерял. Без него хреново.

— А у меня проекция вырубилась. -- Почему?

Я похлопал по шлему.

— Отключилась вся система. Сработал один модуль, когда я тому штурмовику чуть башку не раздавил, и потом все заглохло.

— Так подожди, а как же мы теперь? Я без пулемета, ты без этой БТС своей?

— А что ты предлагаешь? Назад, что ли, лезть? Лабус подошел ближе, глянул с края, присвистнул и покачал головой.

— Нет, Чапаев, назад я не поплыву...

Аня встала рядом со мной, губы ее дрожали от холода. В порыве ветра девушка покачнулась, переступила с ноги на ногу и схватилась за меня. Я обнял ее за плечи.

— Сколько сейчас времени? — спросила она.

— Десять.

— Тогда надо спускаться быстрее.

— Знаю.

Я посмотрел в лицо Ани. И отчетливо понял: я хочу, чтобы она осталась со мной. До самой смерти.

— Не ходи вниз, — сказал я, . Она подняла глаза.

— Что? Ты опять об этом...

— Не ходи. Останься здесь.

— На таком холоде? Я замерзну.

— Я высох, пока бегал. Да еще адреналин в кровь выплеснулся — мне жарко. Отдам тебе свою куртку и...

— И что? Что мне делать здесь? — Она топнула ногой. — Торчать на трубе, на Зону смотреть? Сколько? А если вы не вернетесь? Алексей, это глупо! Куда мне потом...

Она что-то еще говорила, но я не слушал — и сам уже понял, что сказал ерунду. И дело даже не в холоде. По дискам и штангами подняться легко, наверняка снизу вскоре пожалуют гости. Она должна остаться — но не здесь. Вершина вентиляционной трубы —

слишком холодное и опасное место.

Блеснула молния, холодный свет разгорелся в снежной пелене и погас. Над ЧАЭС прокатились приглушенные раскаты.

— Леха, у тебя что осталось? — спросил Лабус. — У меня два магазина, забирай. И все, больше вообще ничего.

— А я один «файв-севен» у люка забыл. Хорошо, во втором полный магазин. И еще один есть, к винтовке. И четыре гранаты. И нож.

— Негусто, — констатировал он. — У меня и ножа нет. А пистолет я в том бассейне потерял.

Аня повернулась, чтобы ветер не бил в лицо, и прижалась лбом к моему плечу. Повторила:

— Надо спускаться.

— Отдать тебе винтовку? — спросил я Костю.

— А может, лучше пистолет? Я покачал головой.

— «Файв-севен» — нет, извини.

— Ладно, давай винтовку, — легко согласился он и тут же добавил: — И пару гранат,

Перекинув ремень через голову, я отстранил Аню, протянул напарнику «М4», отдал две гранаты.

— Костя, мы... — начал я.

Отступив, он повернулся ко мне спиной и занялся винтовкой, но я видел: напарник ждет моих дальнейших слов. Я сказал:

— Лабус, мы со станции, наверное, уже не выйдем.

— Это я понимаю, — пробормотал он.

— Понимаешь... хорошо. А то я никак смириться не могу с тем, что умру сейчас, скорее всего. Не могу в это поверить.

— А ты и не верь, Леха, — предложил он. — Верить можно в Бога, зачем верить в смерть? Бог, может, есть, может, нет его, это каждый для себя решает, а она точно есть, чего в нее верить. Как будет, так и будет, не думай про это — вот что я тебе скажу.

— Ну да — не думай. Это ты беззаботный человек, а я так не умею. И еще вспоминаю наш разговор в доме Доктора. Вечером, помнишь?

Он повернулся, закинув «М4» за спину, вопросительно посмотрел на меня.

— Ну, когда ты сказал: какой смысл жертвовать собой ради других, ведь так и не узнаешь, спас ты их этим или нет.

Лабус покачал головой.

— Не, не помню.

— Не помнишь! — возмутился я. — Нет, ну твою мать! Ты мне, можно сказать, душу тогда растревожил, а сам забыл все нафиг...

Он ухмыльнулся, пожал плечами. В небе блеснула еще одна молния.

— Ладно, идем, — сказал Лабус. Шагнув к лебедке, остановился, поднял голову и вдруг произнес: — Гроза и снег... Необычно как-то. Люблю грозу.

Тусклый зимний свет озарял его фигуру. Окруженная снежной пеленой, она казалась какой-то очень объемной, густой, налитой красками. Куртка на плече была порвана, под ней виднелась повязка, пропитанная засохшей кровью. Поверху напарник, не мудрствуя, склеил края ткани прозрачным скотчем, который достал из аптечки.

— Ну что, окропим Зону красненьким? — спросил Лабус.

— Да, спускаемся, — сказал я.

Глава 22

Докладная записка начальнику штаба Объединенного командования.

В связи с поступившим запросом начальника особого отдела штаба личные дела военнослужащих отрядов специального назначения направлены в отдел.

Подготовлены и переправлены в финансовую часть списки безвозвратных потерь группировки с целью дальнейшей выплаты компенсаций семьям погибших.

Начальник строевой части группировки майор...

В трубе завывал ветер. Мы спускались осторожно, медленно съезжая по тросу. На карнизе стыковочного кольца увидели истлевший труп здоровенной летучей мыши, похожей на тех тварей, что обитали под потолком водоотстойника.

Лабус включил фонарь на винтовке, посветил вниз - луч озарил трос и какое-то оборудование. Спустившись еще на десяток метров, мы разглядели проломленные пластины кассетных фильтров. Раз они пробиты, значит, иногда этим путем пользуются местные обитатели, спускают что-то в Саркофаг или, наоборот, поднимают с него.

Вершина трубы превратилась в круг холодного света далеко над головой. Будто огромный круглый глаз — Зона заглядывала внутрь, наблюдая за нами. Когда мы по очереди протиснулись между обломками пластин, стало темнее, напарник снял фонарь с цевья, отдал мне и достал второй. Трос цеплялся за рваные края пластин, дальше спускаться с его помощью было нельзя. Пришлось огибать карниз стыковочного кольца и спускаться по протянувшейся вдоль стенки лестнице.

Внизу был узел подвода вентиляции третьего энергоблока. Я жестом показал Ане с Костей, чтоб соблюдали тишину, поставил ноги на срез широкого вытяжного канала, посветил внутрь — вдаль убежал железный туннель, где можно будет идти, не пригибаясь. По схеме Северова выходило, что впереди он разделяется на несколько рукавов. Вентиляционная система энергоблоков была замкнута в единый узел, через который мы и проникли внутрь, теперь главное — не перепутать направление на развилке. Бугров говорил, свернуть надо в первый рукав слева.

Я достал пистолет и первым пошел по туннелю, за мной Аня, потом Лабус. Шаги отдавались коротким эхом. Мой фонарь вдруг затрещал и начал угасать, потом разгорелся опять, снова пригас... В полную силу лампочка так и не вспыхнула — мерцала, потрескивая.

На развилке я остановился, увидев не пять, а шесть рукавов.

— Ну, что там у нас? — Лабус заглянул через мое плечо.

— Не шуми, — сказал я, насторожившись.

В туннеле было слышно только наше дыхание да приглушенное ровное гудение воздуха. Наверху, отойдя от боя с бюроерами и штурмовиками, я бы уже начал мерзнуть, но тут тепло. Что, если БТС проверить? Вдруг сканер поможет, высветит эти трубы? Я просунул пальцы под край шлема, нажал клавишу. Щелчок, укол в затылке... Что-то хрустнуло в голове, блеснула вспышка, и тут же нахлынула темнота. Качнувшись, я упал на колени.

— Что, Леха?! — донеслось сзади.

Меня будто огнем обожгло. Я вскинул руку, собираясь стащить шлем, но забыл, что держу пистолет, сильно ударил стволом по затылку и повалился на бок.

— Что, что?! — Лабус стоял надо мной, переводя ствол из стороны в сторону. Решил, видимо, что в меня выстрелил кто-то, притаившийся в одной из труб.

— Алексей! — Аня присела рядом. Бросив пистолет, я сунул большой палец под шлем и вдавил клавишу, потом сорвал его с себя.

Жжение прекратилось, но голова сильно кружилась, все вокруг плыло, труба качалась.

— Алексей? — повторила она и дотронулась до моей руки.

— Нормально, — просипел я. — Сейчас встану, сейчас... Лабус, не суется, никто в меня не стрелял.

Поднявшись на колени, я оперся на плечо девушки, выпрямился. Ноги подкосились,

пришлось прислониться к стене тоннеля.

— Так в чем тогда дело? — спросил Костя, опустив винтовку.

— БТС попробовал включить.

Я подобрал шлем и чуть не упал при этом. За пистолетом уже не рискнул наклоняться

— Аня подняла его, протянула мне.

— Ну, попробовал, и что вышло?

— Глюкнуло в ней что-то окончательно.

— Так не включай больше, а то... — он сморщился и схватился за раненое плечо.

— Больше уж точно не буду. Что с тобой? Болит?

— Ясное дело, болит. Ладно, неважно.

— Где фонарь мой?

Он лежал на полу — окончательно сдохший. Плохо.

— Костя, посвети в эту трубу, которая слева.

Надев шлем, я подошел ближе к ней, присел на корточки и провел рукой по гладкой поверхности. Поднес пальцы к глазам, потер — чисто.

— Леха, пол-одиннадцатого уже, — сказал Лабус.

— Теперь давай в другую.

Когда перешел к соседней трубе, под ногами захрустел песок, и я сразу остановился. Даже свет не нужен, и так видно. Провел ладонью по стене — на перчатке остался слой пыли.

Выходит, где-то впереди она завалена, вентиляции в ней нет, хотя сквозь соседнюю воздух нормально проходит. Бугров сказал — идти в трубу слева, а еще сказал, что их пять. Но их шесть, и самая крайняя где-то впереди перекрыта. Значит — что? Идем в пятую по счету...

Я пошел по ней, подняв пистолет стволом кверху. Счетчик радиации на часах молчал. Голова еще кружилась, подташнивало — ощущение как с похмелья, причем сильного. Интересно, сколько нейронов у меня сгорело из-за этой выходки БТС?

— Костя, свети, — сказал я.

Он не ответил — мы одновременно заметили в стене справа три темных прямоугольника.

— Это чего там? — спросил напарник.

Я посмотрел назад — Аня шла последней, — сделал еще пару шагов и остановился перед узкими дверцами со скобами, где когда-то находились засовы. Сказал Лабусу:

— Пройди вперед немного.

— Курортник, времени мало совсем осталось. Это кладовки технические, Бугров про них говорил. На черта они тебе сдались...

— Вперед пройди! — прошипел я, открывая дверцу.

За ней была узкая ниша и полки с инструментами. Стенки тонкие совсем — на стыках железных листов попадались отверстия с выпавшими винтами, сквозь них внутрь лился тусклый свет.

Убрав пистолет в кобуру, чтобы обе руки были свободны, я быстро оглядел скобы засовов, покосился на Аню, шагнул внутрь и окинул взглядом содержимое полок. Так, вот это подойдет...

— Что там? — спросил девушка, встав в проеме.

Приникнув к отверстию, я увидел зал внизу. Большой, заставленный штабелями ящиков и стеллажами с каким-то оборудованием. Наша труба проходила вдоль стены под потолком. Сверху лился рассеянный свет, в зале вроде никого не было, хотя за штабелями мог спрятаться целый взвод...

— Алексей... — начала девушка, и тогда я решил: ладно, пора.

Повернулся к ней и сказал:

— Прости.

— Что?.. — начала она.

Взяв с полки обрезок изогнутой трубы, я шагнул наружу и втолкнул Аню в кладовку.
— Ты что?!

Я подался вперед, быстро поцеловал ее, шагнул обратно, захлопнул дверь и просунул трубу в скобы.

Дверца дернулась. Лабус стоял дальше по туннелю и молча наблюдал за мной.

— Курортник! — крикнула она.

— Извини, — повторил я. — Оставайся там.

— Алексей, нет!

— Я не хочу, чтобы ты умирала. Останься здесь. Это место далеко от зала, где находится Кречет.

— Выпусти меня! — Дверца дрогнула, когда девушка навалилась на нее. Скрипнула, слегка провернувшись в скобах, труба. — Ты не понимаешь! Я должна дальше...

— Ты сможешь выйти, — сказал я. — Долго эти скобы не выдержат. И когда выйдешь — возвращайся. Ведь ты можешь управляться с мутантами, пройдешь. Штурмовиков мы убили, а бюеры тебя не тронут, если ты будешь не с нами. Отведешь им глаза, задужишь мозги...

— Леха, время, — напомнил Лабус.

— Прости, — повторил я, развернулся и зашагал прочь, на ходу доставая пистолет.

— Алексей! — прокричала она вслед, но я не ответил.

* * *

Через сотню метров, оказавшись на перекрестке, где под прямым углом сходились две широкие квадратные трубы, мы повернули вправо. Я пытался не думать про Аню — получалось плохо. Перед глазами стояло ее лицо, а в ушах звучал голос, крик «Алексей!» — одновременно возмущенный, жалобный и просительный. Лабус молча шагал сзади и вопросов не задавал — понимал, что мне не хочется говорить обо всем этом.

Теперь мы удалялись от сектора аварийного реактора, приближаясь к третьему энергоблоку. Туннель шел под уклон, я двигался все осторожнее и медленнее. Стихло гудение воздуха, остался лишь звук шагов и наше дыхание. Фонарь озарял уходящий вдаль широкий коридор. Тьма впереди — будто ватная заглушка, луч фонаря проталкивал ее дальше, как шомпол, которым чистят ствол.

Сквозь железо и бетон в трубу проник странный звук, я не понял толком, что это. Вроде где-то заработали сервомоторы, причем на пределе возможностей, чуть не лопааясь от натуги. Их вой слился со скрежетом и стоном... а может, это был крик боли? Или человеческий крик мне только почудился, до нас донесся звук работы какого-то необычного механического устройства? Раздался тяжелый лязг — и все смолкло. Я замер, вслушиваясь.

— Кто может так выть? — тихо спросил Лабус сзади.

Я пожал плечами и зашагал дальше.

— Леха, а ведь мы уже, считай, над этим Кречетом, — сказал он. — Слышишь? Где-то он внизу, близко уже.

Труба плавно повернула, уклон стал сильнее, подошвы заскользили. Я шел дальше, расставив руки и упираясь носками ботинок в стыки. Далеко внизу показалось пятно серого света. Я прошептал:

— Тише иди. Видишь?

Мы бесшумно спускались еще почти минуту, а свет, льющийся в трубу откуда-то снизу, разгорался все ярче. Наклон еще увеличился — если так дальше пойдет, скоро труба станет вертикальной. С трудом сохраняя равновесие, я перешагнул узкий выступ — скорее всего, на этом месте снаружи была приварена опорная балка, хотел предупредить Лабуса, но не успел. Раздался сдавленный возглас, напарник сильно толкнул меня в спину. Ствол винтовки ударил по затылку, я шагнул вперед, нога поехала — хорошо, что

не рухнул лицом вниз, опрокинулся на спину.

Я заскользил на зад, приподняв согнутые ноги. Судя по доносящимся сзади звукам, Лабус сопровождал меня таким же манером. Пятно света рванулось к нам, труба стала почти отвесной, какое-то мгновение я падал, потом она изогнулась горизонтально, спину вдавило в металл. Свет был совсем близко — он шел сквозь мелкоячеистую решетку вспомогательной вытяжки. Решетка проломилась подо мной, с лязгом выскочила из пазов, и я полетел вниз.

На мгновение взгляду открылся огромный прямоугольный зал, заставленный штабелями, заваленный старым оборудованием и запчастями — компрессорами, кожухами трансформаторов, лопастями разобранных вентиляторов. Мы выпали из трубы примерно на середине зала, сзади высилась облицованная свинцовыми плитами стена, а впереди, в торце прямоугольного помещения, стоял самолет.

Я упал на штабель плоских деревянных коробок и откатился, чтобы Лабус не свалился на меня. Он рухнул позади, коробки просели, осыпались, и мы съехали на пол как с горки. — Ты видел? — заорал Костя, вскакивая. — Видел?! Самолет!

Я поднялся, отдернул рукав — счетчик радиации тихо щелкал, показывая повышенный фон. Не такой уж и сильный, почти безопасный.

— Видел, видел, — сказал я. — Не кричи. Похож на «Ф-111» вроде. Его американцы еще в том веке с вооружения сняли.

— А левее самолета, под стеной, заметил... — Костя смолк, морщась от боли, схватился за плечо.

— Что-то там есть, — согласился я. — Коробка какая-то непонятная. И приборы, я плохо разглядел.

— Наверное, Кречет где-то в том месте. Идем.

Мы быстро пошли между штабелями в сторону самолета. Я сказал:

— Значит, ТВЭЛы были за этой стеной свинцовой, которая сзади. Толстая, наверное, иначе у меня бы счетчик зашкаливал.

Зал озаряли длинные ряды ламп на потолке — некоторые светили ровно, другие мигали, третьи давно погасли.

— Вроде перед самолетом ворота были, — начал Лабус, но его прервали те же звуки, которые мы слышали в трубе: натужный вой сервомоторов, скрежет, будто осколком стекла по железу провели, и стон (опять не разобрать, издает ли его человек или это результат работы какого-то механизма). Лабус остановился, вскинул винтовку, хотя от стены с воротами нас отделял лабиринт штабелей. Я поднял пистолет. Скрежещущий стон завершился лязгом, пол дрогнул.

— Блин, да что же это такое? — спросил Костя. — Это Кречет так шумит?

Пожав плечами, я пошел в обход штабеля из длинных железных ящиков с выдвигаемыми крышками. Обычно в таких держат наборы инструментов. Ага, так и есть — на другой стороне часть ящиков осыпалась, некоторые были раздавлены, будто по ним проехал трактор, среди раскрошенной древесины и гнутой жести виднелись разводные ключи, отвертки, плоскогубцы и стамески. Впереди висела кран-балка с обрывком троса, за ней в ряд стояли передвижные трансформаторы; желто-оранжевые корпуса, черные колеса, штанги, чтобы цеплять к грузовикам. Сколько же лет этой технике? Тридцать, сорок?

За трансформаторами бетонный пол заканчивался, дальше была решетка, в полуметре под ней — еще одна, между ними трубы. В некоторых местах из старых вентилей били струи пара.

Лабус остановился и присел. Одну ладонь прижал к плечу, другой уперся в пол.

— Ты бы уколол себе что-нибудь, — сказал я. Он тяжело выпрямился.

— Нет больше ничего, мапула моей аптечке настала. Только бинт да спирта немного. Надо осколок из мяса вытащить, а времени нет. Даже винтовку тяжело нести.

Он взял «М4» в другую руку, направив стволом вперед, прижал локоть к боку. Перехлестывающий через шею ремень натянулся.

— Давай ее мне, возьми пистолет, — предложил я, но напарник покачал головой и зашагал дальше.

Подняв «файв-севен», я нагнал его, мы пошли на некотором расстоянии друг от друга, поворачивая стволы то влево, то вправо, лавируя между штабелями, техникой и горами мусора. Чем-то это помещение напоминало тот пакгауз, где наша группа столкнулась с зомби и снайками, только железнодорожный склад озарял дневной свет, там было светло, просторно, снаружи доносился шелест листвы, а тут — мигающие лампы и глухая, мертвая тишина.

Я перешагнул через участок, где не было решетки, следующий квадрат качнулся под ногой и просел, пришлось перепрыгнуть на изогнутую трубу, пробежать по ней сквозь бьющую вверх струю горячего пара. Вой сервомоторов больше не повторялся, но было четкое ощущение, что мы приближаемся к чему-то важному и опасному, — впереди был источник энергии, от которой шевелились волосы на голове и по спине пробежала дрожь. Я уже видел конец помещения поверх штабелей. Теперь стало понятно, что ворота находятся возле стены справа, и там же, носом к ним, стоит самолет.

Костя вдруг поканулся, сделав неверный шаг, оперся спиной о большую, в полтора человеческих роста, катушку с плотными рядами черного кабеля. Морщась, стащил шлем — бледное лицо блестело от пота. Винтовку напарник отпустил, она повисла на боку стволом вниз. Пальцы разжались — шлем упал на решетку.

— Что... — начал я.

Спереди донесся усиленный мегафонами голос:

— Вы, двое! Я видел, как вы свалились сюда. Подходите, быстрее.

Спокойный, суховатый — в общем, обычный человеческий голос. И все же было в нем что-то пугающее. Казалось, обладатель этого голоса испытывает невыносимое внутреннее напряжение и едва сдерживает его, не позволяя вырваться наружу.

— Быстрее, а то испортите игру, — повторил голос и смолк.

— Какую еще игру, твою мать?! — зло крикнул Лабус в ответ.

Он тряхнул головой и быстро зашагал вперед, оставив шлем валяться на полу. Лицо его покраснело, усы грозно встопорщились.

Я поспешил следом. Мы прошли последние стеллажи, обогнули бьющую из пола струю пара и увидели длинный грузовой вагон. Колесная пара с одной стороны продавила решетку и трубы под ней, из-под вагона ползли белые клубы. В стенках зияли проломы, внутри темно и пусто. Но как его затащили сюда, ведь здесь нет рельсов... И тут же я заметил один — далеко в стороне тускло поблескивала приваренная к полу металлическая полоса.

Вагон закрывал от нас пространство перед торцевой стеной зала, зато теперь мы видели самолет, стоящий на рельсе.

* * *

Под брюхом бомбардировщика висела «М-61», в народе известная как «Вулкан», — шестиствольная авиационная пушка. От фюзеляжа к стоящим неподалеку пластиковым цистернам тянулись шланги. Фонарь кабины откинут, крылья смонтированы наполовину, гладкая обшивка закрывает не всю поверхность — видны узкие лонжероны. Как они эту машину сюда затащили, по частям, что ли? И зачем? Стойка переднего шасси была закреплена на рельсе, протянувшемся к воротам. Ага, так это нечто вроде палубной катапульты, как на авианосцах.

У стены гудели металлические шкафы, на одном мерцало окошко с дисплеем. Крышки с аппаратов были сняты, оттуда торчали собранные в пучки силовые кабели.

Разглядев все это, я сделал несколько шагов и оказался возле вагона. Махнув напарнику, пошел вдоль стенки. Пистолет поднял стволом вверх. Костя показал вниз — мол, давай под вагоном проползем? — но я отрицательно качнул головой. Слишком узко, ведь колеса

пробили верхнюю решетку пола, да и пар оттуда горячий валит...

Усиленный мегафонами голос разнесся по залу:

— Ну, где вы? Курортник! Ведь это ты был? Я видел тебя в Зоне, знаю. Осталось меньше двадцати минут, поспешите!

Напарник шел за мной, ведя ладонью по стене. Я достиг конца вагона, остановился, обернулся к Лабусу. Он кивнул, и тогда я выглянул.

Неподалеку от бомбардировщика в полу зияла дыра с крошащимися бетонными стенками, рядом валялись два отбойных молотка. Из дыры торчали верхушки ТВЭЛов — длинные и узкие, всего пара сантиметров в диаметре. Поблескивала композитная оболочка, скрывающая от взгляда керамический сердечник. ТВЭЛы были расположены широким кругом, между ними возвышался хромированный цилиндр двухметрового диаметра, от него к тепловыделяющим элементам тянулись разноцветные провода.

Я поднял голову. Над воротами по потолку и стене шел извилистый ряд блестящих шайб, соединенных кабелем. Что это там, магнитные мины? Да, точно. Если взорвутся, обвалится большая часть перекрытий на этой стороне зала. Там, откуда мы пришли, над помещением много всякого — слои бетона и железа, вентиляция, другие залы и комнаты, панцирь Саркофага, крыша, наконец, полосатая кирпичная труба. А здесь что? Наверное, эта часть очищена от «корки», созданной когда-то строителями, и после взрыва содержимое хромированного цилиндра выплеснется наружу в потоках раскаленного воздуха, повинувшись атмосферным течениям, разлетится над округой, превратится в облако, потом в дымку аномальной пыли, которая будет расходиться все дальше и дальше...

— Ну что там, Леха? — спросил напарник, и я шагнул дальше, выставив перед собой пистолет.

Стрелять в нас было некому. Впереди стояла строительная бытовка без колес и торцевой стены, внутри было темно, там мигали три тусклых зеленых огонька. Сбоку — стойки с оборудованием и мониторами, на которых мерцали диаграммы, ползли столбцы цифр.

Под бытовкой был приставной столик с компьютерным терминалом. На экране мигала красная надпись:

**доступ заблокирован
введение пароля невозможно**

Рядом в большом кресле сидел человек. Кресло напоминало то, в котором нас встретил Северов, хотя не знакомец был совсем не похож на профессора.

Мы вышли из-за вагона, не опуская оружия, сделали несколько шагов к нему. На бытовке висел прикрученный проволокой мегафон. Когда человек в кресле открыл рот, из раструба прогремело:

— Наконец-то!

Узкое лицо, крючковатый нос, остроконечная темная борода. Не молодой, но явно младше Северова, во всяком случае, с виду. Одет в обычные брюки и рубаху навыпуск. На голове обруч — куда новее того, которым пользовался профессор, тоньше, золотистого оттенка. От него к гнезду на боку терминала протянулся ярко красный провод.

Я заметил розоватую каемку под обручем и понял: его не снять. Наверняка с другой стороны торчит игла, как в шлеме БТС, может, и не одна. В черепе доктора Кречета просверлены отверстия, иглы погружены в них...

— Ну так что? — негромко спросил Лабус. — Чего мы ждем?

Шагнув к доктору, он попал в бьющий из решетки поток пара. Отошел в сторону, скинул с шеи ремень винтовки и поднял оружие одной рукой.

Человек в кресле засмеялся. Откинув голову, хлопнул ладонями по подлокотникам, привстал, вглядываясь в нас, опять сел. Губы зашевелились, из мегафона раздалось:

— Вот она, армия профессора Северова. Стальные десантники, воины Зоны! Жалкое

зрелище. Вы думаете, что выиграли, пешки в чужой игре?

— Он нам зубы заговаривает, и все дела, — сказал Лабус, целясь. Рука задрожала под весом оружия, и он согнул другую в локте, положил на нее ствол как на подставку.

— Видите, я подключен? — спросил Кречет и вновь рассмеялся — будто залаял. — Меня нельзя убивать.

— А что будет? — спросил я.

Смех смолк, доктор Кречет удобнее сел в кресле, заложил ногу за ногу. Он двигался вроде бы непринужденно, но было видно, что тело переполнено напряжением. Сидящий в кресле человек постоянно сдерживал его, из-за этого казалось, что даже оставаясь неподвижным, он преодолевает ураганный ветер, вот только ветер этот дул внутри него.

— ТВЭЛы взорвутся! — каркнул мегафон. — Если я умру, цепь разомкнется. Нет-нет, не хочу вводить вас в заблуждение, пешки: они взорвутся и сами по себе, когда приборы покажут, что реакция завершена. Это произойдет через... через... — он посмотрел на стенд с оборудованием. — Трудно сказать точно. Двенадцать-пятнадцать минут.

— Ну так и ты ведь взорвешься, — сказал Костя. Он все еще держал винтовку в поднятой руке. Ствол очень медленно опускался, и я не мог понять, осознает ли напарник это.

Из мегафона донесся смешок, Кречет пренебрежительно махнул рукой.

— Нет, весь я не умру.

— Что это значит? — спросил я.

— Взорвусь — да. Но кто сказал, что погибну?

— Как это? — не понял Лабус. Винтовка опустилась, ствол устоял в пол.

— Погибнут пешки. Я собою вас. Пешки для того и нужны, чтобы жертвовать ими. А мое сознание уйдет в пространство чистой информации. Через него буду иметь доступ ко всему! Эти трусы из Осознания, — он махнул рукой куда-то в сторону, — затаились, ждут, что будет дальше. Слишком боятся за себя, за шаткое равновесие на доске Зоны. Они ведь тоже фигуры, как и вы, хотя и постарше: ладьи, офицеры. Только Северов осмелился противодействовать мне — второй игрок. Но теперь он мертв. Когда Зона мутирует, я стану властвовать над ней. Как материальное тело я исчезну, но буду иметь доступ ко всему, воспарю над миром новой Зоны! А она расползется, как плесень, затянет собою все... — Он замолчал, ненадолго и потом произнес другим голосом, будто цитировал что-то: — Земля станет безвидна и пуста, и тьма, над бездною, и дух мой будет носиться над нею!

Я показал на бомбардировщик.

— Тогда для чего тебе самолет?

Кречет широко улыбнулся, блеснув зубами, темная борода встопорщилась,

— Сначала я думал спасти и свое материальное тело. Я не очень-то привязан к нему, но... пусть живет. Оно вроде старого приятеля, больного, надоедливое, с постоянными жалобами, я испытываю к нему сентиментальные чувства. Но не слишком глубокие, нет. Приборы начнут отсчет, последний отсчет до полного заражения — сяду в самолет, колпак захлопнется, и тогда автоматически включится циклограмма старта. Все рассчитано, упаду в реку, течение отнесет от станции, потом вернусь... Но когда стало понятно, что вы пробились через охрану, когда вы были уже на трубе, когда бюреры притащили ко мне его, тогда я подключил себя. Решил: это достойный финал игры. Эндшпиль, кульминация, развязка!

— Бюреры? — повторил я. — Кого они притащили? И где они?

Доктор махнул рукой.

— Неважно, неважно, теперь я отослал их, я почти всех отослал, хотел остаться наедине с вами.

— Но там же ворота, — Лабус махнул рукой. — Твой самолет в них врежется.

Кречет снисходительно улыбнулся.

— А зачем на нем пушка? Когда колпак захлопнется, автоматика все сделает: разнесет

ворота, даст старт. Останется только дернуть рычаг катапульты, уже снаружи. Курортник, я давно слежу за тобой. С того момента, как ваша группа подошла к вертолету. Следил через ваши переговоры, через глаза мутантов и аномалии. Так что же ты хочешь, Курортник?

Я молчал — вопрос был непонятен. Доктор объяснил:

— Вы двое — можете сесть в самолет вместо меня. Захлопнуть колпак и стартовать. Я не буду мешать. Капсула отделится, упадет в реку, вы спасетесь. Для вас это будет проход через всю доску, прямо в ферзи, — он вновь рассмеялся. — Взрыв будет не так уж силен, ведь я не хочу разрушить здесь все, в этом нет необходимости.

Я вспомнил про ту, кто находилась сейчас далеко отсюда, — собственно, я все это время ни на секунду не забывал о ней — и спросил:

— Дальняя часть Саркофага не пострадает?

— Нет, только этот зал. Так что же ты хочешь...

— Убить тебя.

— Да! Прямо сейчас? Конечно. Твой друг мечтает об этом, я вижу. — Кречет посмотрел куда-то в сторону, я проследил за его взглядом — на одном мониторе была шкала, по которой медленно ползла красная полоска. — Трансмутация почти завершена, но в этом деле даже секунды решают многое. Если вы убьете меня, то взрыв произойдет прямо сейчас и разлетевшаяся пыль не причинит вреда. Но вы погибнете, Курортник. Все, кто находится в этом зале, погибнут. Или вы спасетесь в катапульте самолета. Но тогда через несколько минут взрыв разнесет трансмутировавшую пыль на многие километры. Выбери. Ты хочешь умереть?

— Нет, — сказал я, поднимая пистолет и целясь ему в лоб. — Не хочу. Но это не важно, я уже выбрал. Иначе не пришел бы сюда, вернулся к Периметру, мимо постов...

— Ты решил за себя — хорошо, хорошо. Но можешь ли ты решать за своего друга? Можешь обречь на смерть и его?

Еще мгновение я целился в Кречета, потом опустил пистолет. Посмотрел на бледного, дрожащего Лабуса. Он тоже посмотрел на меня — и вдруг приосанился. Плечи распрямились, в глазах блеснуло что-то. Я уже видел такое выражение на его лице — перед тем как на трубопроводе у Саркофага Костя вскочил и дал длинную очередь по снайперу на подъемном кране, и еще раньше, но всего пару раз. Это было опасное, недоброе выражение.

Лабус разгладил усы. И спросил:

— Кладовки те, где девчонка, далеко отсюда?

— Далеко, — сказал я. — Если тут взорвется, она не пострадает.

Он кивнул, поднял винтовку и выстрелил в доктора Кречета.

Глава 23

Начальнику особого отдела штаба Объединенного командования

совершенно секретно.

Взводное тактическое занятие отдельного десантно-штурмового взвода отменяю в связи с пропажей экспериментального образца. Всех операторов боевых усиливающих костюмов изолировать в отдельном блоке на территории части. Задействовать агентуру в пределах Периметра на предмет возможной утечки информации. Особое внимание уделить...

Руки Лабуса дрожали, да и вообще, чувствовал напарник себя явно очень хреново — он попал не в голову, а в плечо.

Доктор Кречет закричал.

Но сделал это беззвучно.

Откинувшись в кресле, продавив затылком спинку, он выгнулся, разинул рот. Наполнявшее его напряжение вырвалось наружу и волной покатилося вокруг.

Кречет сработал как мощная аномалия. Когда мы пересекали Пустошь и неподалеку включился трамплин, произошло что-то похожее, но сейчас — куда сильнее. Незримый вал искажения покатилося во все стороны от человека в кресле. Затрещали напольные решетки.

Там, где проходила выгнутая граница искажения, из труб одна за другой выстреливали струи пара. Вал достиг нас, ударил по ногам — я едва устоял, а Лабус упал.

Доктор Кречет громко, с сипом вдохнул сквозь сжатые зубы, прижал ладонь к ране и крикнул:

— Предатель! Где ты? Послужи мне еще раз, Иуда!

Зеленые огоньки в темноте бытовки на мгновение погасли и сразу загорелись вновь — теперь они были ярко-красными. Кресло покатилося назад вдоль стены. Я трижды выстрелил вслед доктору, и оно перевернулось.

Вой включившихся сервомоторов почти заглушил звуки выстрелов. Заскрежетало, пол начал содрогаться — сильнее, сильнее... В бытовке возник силуэт. Раздался хлопок, ставший хорошо знакомым за последние сутки, и я отпрыгнул в сторону вагона. Между мной и Лабусом взорвалась сорокамиллиметровая граната.

Высокая угловатая фигура шагнула наружу.

В одной руке человек сжимал «Сааб», во второй пулемет. На нем был экзоскелет, я видел похожие во время тренировок на полигоне ОКа, только этот казался выше и тяжелее. Щелкали сегменты, жужжали сервомоторы-усилители, поблескивала кольчатая изоляция, защищающая кабели. Не слишком новая машина — кое-где налет ржавчины, по выпуклой стальной ступне течет струйка масла, черная крышка электронного блока перекосилась на винтах.

Внутри всего этого находился Вениамин Бугров. Причем экзоскелет не просто надели на него — монолитовца *вишили* внутрь машины.

* * *

Черный комбинезон и покатый шлем исчезли, монолитовец остался лишь в коротких рваных штанах. Сбоку между ребрами появились три раны, наскоро залитые прозрачным медицинским пластиком. От них отходили изогнутые трубки, приваренные к боковине длинной прямоугольной рамы, основной части экзоскелета. Кто-то — должно быть, сам Кречет, ведь недаром его называли доктором — снял кожу с кадыка, теперь там поблескивала выпуклая решетчатая нашлепка, за которой вверх-вниз ритмично двигалось что-то красное. От нашлепки к полусфере, облегающей верхнюю часть головы, спиралью тянулся провод. Колпак очень плотно прижимался к голове, слишком плотно... Я понял: черепа под ним нет, верхушку спилили, полусфера заменяла кость, а не прилегала к ней.

Граната «Сааба» взорвалась через мгновение после того, как я свалился за углом вагона. Осколки врезались в стенку, некоторые пролетели сквозь проломы, взвизгнули над головой.

Бьющий из-под днища пар окутал меня. Закашлявшись, я вскочил и с криком «Лабус!» бросился обратно.

Красный столбик на мониторе терминала увеличился почти на сантиметр. С воем сервомоторов, визгом и стоном трущихся друг о друга металлических частей Бугров сделал шаг. Лабус лежал на боку, спиной ко мне, ноги дергались. Я побежал к напарнику, на ходу стреляя, пули «файв-севена» ударили в стальные трубки, одна врезалась в полусферу на голове, другая срикошетила от пластины внизу живота, прикрывающей пах. Если бы монолитовец выстрелил из гранатомета второй раз, нам с Костей пришел бы

конец, но он решил использовать пулемет в левой руке.

Незнакомая модель с коротким стволом - никогда такой не видел. К раме экзоскелета был приварен металлический ящик, от него к оружию тянулась лента.

Бугров поднял пулемет, а я сорвал с жилета гранату и выдернул кольцо, упав ногами вперед, бросил по крутой дуге. Сектант открыл огонь - пули полетели низко над полом. Я обхватил Лабуса, граната цокнула о решетку перед монолитовцем и взорвалась. Очередь захлебнулась, Бугров качнулся назад, взвыли сервомоторы, он отступил на шаг с лязгом и стоном железных суставов. Задержался, раздуваясь и опадая, скрытый железными кольцами шланг, укрепленный к боковине рамы. Из неплотно пригнанной заглушки на конце брызнули струйки масла.

Левый бок напарника заливала кровь, руку он неловко подогнул, в бедро вонзился изогнутый стержень напольной решетки. «М4» отлетела к компьютерному терминалу, и у меня не было времени бежать за ней. Широко расставив согнутые ноги, я обхватил Лабуса, вдохнул полной грудью и с громким «Ха-а-а!» поднял, как атлет, выжимающий штангу. Ввалил напарника на плечо, качнулся, сделал шаг к вагону.

Отголоски взрыва стихли, монолитовец пошел вперед, поднимая пулемет. По лицу текла кровь - посеколо осколками. Придерживая Костю правой рукой, я сорвал с жилета вторую гранату, выдрал кольцо и неловко бросил. Бугров махнул рукой - тяжело, медленно. Ствол пулемета ударил по гранате, она отскочила, упала в стороне от сектанта, крутясь, звонко лязгая по прутьям. Я побрел к вагону, повернувшись спиной к монолитовцу. Граната взорвалась.

* * *

За вагоном я не остановился, поплелся дальше, едва не падая под весом Лабуса. Позади лязгнула патронная лента, пулемет загрохотал, и пули прошли вагон, круша деревянные стенки. Очередь подошла совсем близко, я заковылял прочь от нее. Вагон ходил ходуном, медленно рассыпаясь, воздух дрожал, очередь нагоняла меня, кожей лица я ощутил дыхание пуль... Грохот смолк.

Стал слышен визг моторов и тяжелый лязг. Пол ритмично содрогался: Бугров пошел в обход препятствия.

Впереди был высокий железный шкаф, дверца приоткрыта, изнутри вывалились кишки перепутанных проводов, трубок и шлангов. Агрегат стоял торцом к вагону, я едва успел спрятаться за ним, как показался монолитовец.

Боковина шкафа оказалась совсем узкой. Посадив под ней Лабуса, я опустил на колени и сорвал аптечку с ремня напарника. Офицер вновь дал очередь, пули понеслись вдоль стенки, врезались в агрегат, тот затрясся. Я ссутулился, сжался. Открыл аптечку, вытащил бинт, зубами разорвал упаковку индивидуального пакета. Пулемет грохотал, дрожал пол, лязгали сочленения экзоскелета — Бугров шел к нам. Пули летели мимо шкафа то слева, то справа. Я казался сам себе дистрофиком, спрятавшимся за шваброй, — очень ненадежное укрытие этот агрегат, стоит на несколько сантиметров отклониться влево или вправо, и меня станет видно.

Но с другой стороны, этот аппарат, полный электронной начинки, не пробьет даже граната «Сааба». И не опрокинет — ножки прикручены к решетке.

Лабус полулежал, привалившись к железной стенке, и смотрел на меня, но я не мог понять, видит ли напарник хоть что-то, осознает ли мое присутствие.

Я спорол ножом лямки жилета, прорезал дыру в куртке, отведя в сторону напившийся кровью лоскут, стал бинтовать. Наложил повязку, захватил марлевой петлей порезанное осколком плечо, этим же бинтом зафиксировал руку в локте. Вылил бутылек перекиси. Выстрелы смолкли, но лязг приближался, Бугров шел между вагоном и шкафом. Из карманов на жилете напарника я выудил последнюю пару гранат, удерживая Лабуса, привалившегося к железной стенке. Пулемет застрочил опять, пули ударили в металл,

очередь отклонилась, они понеслись вдоль агрегата, едва не задевая плеч. Я обернулся: сзади лабиринт штабелей, но до него далеко, зато рядом стоит катушка с черным кабелем.

Пальцы Лабуса легли на мое запястье. Взгляд стал осмысленнее, он моргнул. Губы шевельнулись, но за грохотом выстрелов я не мог расслышать слов. Обхватив напарника за плечи, подался вперед, повернул голову. Слабый голос прошептал:

— У меня две гранаты... возьми...

— Уже взял! — крикнул я, цепляя рычаги предохранителей гранат за лямки на своем жилете.

— Ага... Может, я теперь сам смогу идти. Подними только...

Выстрелы смолкли, прямо за шкафом раздался лязг: Бугров приблизился почти вплотную.

— Давай, — сказал я. — Раз, два... Ну!

Я поднял его под мышки, потащил. Хлопнул «Сааб», граната пролетела мимо, врезалась в штабель далеко впереди и взорвалась.

Пол дрогнул. Лабус едва шел, ноги подгибалась я волок его, обхватив обеими руками. Пистолет был в кобуре, гранаты висели на жилете. Катушка с кабелем все ближе...

Мощный удар вновь сотряс пол. На ходу я глянул назад — шкаф кренился, с мучительным скрежетом выламывая квадраты напольной решетки. За ним мелькнул край стальной рамы; Бугров ударил еще раз, и агрегат упал. Монолитовец вышел из-за него, поднял обе руки. Я втащил напарника в укрытие.

Хлопок, грохот, опять хлопок. В катушку врезались две гранаты и пули. Тяжело заскрипев, она покатила на нас.

— Двигаемся! — прохрипел я.

Ноги совсем не слушались напарника, идти он не мог, я волок его, прижав к себе. Штабели были рядом, между ними узкие проходы. Я вошел в один, повернул, а сзади катушка врезалась в гору коробок, покатила дальше, давя их.

Выстрелы смолкли, но ритмичный лязг наполнял зал. Голова Кости свесилась на грудь, ноги волочились по полу. Остановившись, я положил его на решетку. Лязг звучал совсем близко, но мне надо было передохнуть хоть несколько секунд — перед глазамиплыли круги, в ушах звенело. Взыли сервомоторы: Бугров повернул. Лязг, Скрежет металла. Снова лязг. Сейчас он будет здесь. Я обхватил Костю, поднял и потащил дальше.

Успел преодолеть два ряда поддонов, когда напарник пришел в себя, — он слабо толкнул меня в грудь, приподняв свесившуюся голову, сказал:

— Почему не было взрыва?

Я молчал, вдыхая и выдыхая широко раскрытым ртом.

— Почему? — повторил он. — Разве я его не убил?

— Ты в плечо попал.

— Так надо его убить! — сказал Костя. — Леха, слышишь? Сейчас эта мутация, транс эта... закончится сейчас!

— Как? — спросил я, поворачивая за поддон, полный запаянных в целлофан синих комбинезонов. — Ты Бугрова видел? Кречет прикрутил его к экзоскелету. И что-то сделал с ним, с мозгами, он как зомби...

Я умолк: Лабус потерял сознание.

За поддоном грохнул пулемет. Куча пакетов просела, полетели клочья ткани. Оружие смолкло, но лязг не прекращался.

Я потащил Лабуса за ряд передвижных трансформаторов, дальше, дальше... Скоро подойду вплотную к свинцовой стене, перегораживающей зал. Сквозь нее не пробиться, никакие гранаты не помогут, она, наверное, пару метров толщиной, чтобы вязли радионуклиды. Я задрал голову: потолок далеко, между рядами ламп протянулась квадратная труба с дырой, из которой мы выпали. К стене справа, метрах в трех над полом, приварен мосток с низким ограждением, от него вниз идет лестница. Повернул было к нему — и остановился. Что я вообще делаю?! Напарник прав — взрыва не было,

Кречет жив, красный столбик в шкале на мониторе все еще растет. Как остановить трансмутацию?

Никак, но я могу вызвать преждевременный взрыв плутониевой бомбы.

Лязг стал отдаляться и вскоре смолк. Я остановился, глядя по сторонам. Между тремя штабелями железных ящиков оставался узкий закуток, тупик, скрытый с трех сторон. Лязг зазвучал опять. Я поковылял к ящикам, но не добрал до них, свалился по дороге. Все поплыло, темнота сгустилась... потом отступила. Сердце колотилось где-то в горле, рук и ног я не чувствовал. Лабус неподвижно лежал рядом. Пол содрогался — Бугров шел к нам.

Ползком я подтащил напарника к штабелям, втиснул между ними. Привстал, обхватив за плечи, пропихнул дальше и уложил навзничь. Костя пришел в себя, голова приподнялась, но тут же упала затылком на бетон. Бинт на боку потемнел от крови. — Лежи здесь, — прошептал я и попятился. Скинув с поддонов несколько ящиков, завалил проход.

Стало немного легче, слабость отступила. Я отошел, оглядел штабели — нормально, не разберешь, что внутри человек прячется.

Вдруг я понял, что уже некоторое время не слышу лязга. Схватился за пистолет, прислушался. Где Бугров? Его сильной стороной была огневая мощь и неуязвимость, слабостью — неповоротливость, малая скорость и невозможность двигаться скрытно. Но теперь он затаился где-то там, за стеллажами и горами мусора.

Это шанс, решил я. Вдоль стены можно пробраться к бытовке и добить спрятавшегося там Кречета. Или уничтожить приборы? Просто расстрелять их — разбить мониторы, оборвать кабели... Где-нибудь цепь разомкнется, и взрыв произойдет раньше, чем нужно доктору.

Я побежал к стене зала, стараясь не топать громко, На ходу выщелкнул магазин — всего пять патронов! Плюс две гранаты и нож...

Протяжный треск донесся со стороны бытовки. Коротко продребезжали сервомоторы, и в мою сторону Метнулось что-то темное. Развернувшись, я вскинул пистолет, машинально выстрелил, прежде чем до меня дошло, что это.

Оставляя за собой шлейф из упаковок с комбинезонами, ко мне летел поддон.

Даже мощи экзоскелета не хватило на то, чтобы швырнуть его высоко, хотя, скорее всего, монолитовец и не стремился к этому. Я упал, поддон врезался в штабель позади, посыпались целлофановые упаковки. Расшвыряв их, я вскочил на колени — и увидел несущийся прямо в меня большой железный короб.

С оглушительным лязгом он свалился на пол рядом, наружу вылетело облако ржавой пыли, раскатились обрезки труб и стальная стружка. Вновь дребезжание сервомоторов — и длинная лопасть винта, вращаясь, пронеслась над штабелями, взрезала вершину одного, ящики накренились, сползая. Пригнувшись, я побежал вбок. Бугров не видит меня, он швыряет все это наугад...

Последний штабель находился в метре от стены, и я заглянул в узкий проход вдоль нее. Некоторые стеллажи стояли ближе, другие дальше. До торца зала шагов двадцать, на середине из пола вырывалась струя пара. Ничего, пройду.

Грохот и лязг смолкли, в зале стояла тишина, лишь издали доносилось едва слышное щелканье приборов облучающей установки да шипел пар. Я шагнул в проход, подняв пистолет двумя руками перед собой, побежал, то и дело задевая плечом ящики. Старался двигаться тихо, но самому казалось, что толстые подошвы ботинок стучат по бетону — а потом и по решеткам — на весь зал. Когда до струи оставалось немного, на другом конце прохода сбоку выдвинулся силуэт. Что бы ни сделал Кречет с офицером, тот еще мог соображать — он понял, каким путем я попытаюсь добраться до бытовки, предвидел мой ход.

Но экзоскелет был слишком массивен, у Бугрова не получилось выбраться в проход. Тогда механический зомби вставил в него ствол «Сааба» и выстрелил.

Выпустив в ответ две пули, я присел.

Разметав пар, граната понеслась вдоль стеллажей, с ревом пролетела над головой и взорвалась далеко позади. Бугров закачался, задергался, сервомоторы взвизгнули... Отодвинув крайний стеллаж, он протиснулся в проход. Сквозь пар я увидел поднявшийся ствол пулемета и бросился вбок.

Там был штабель дощатых ящиков, я вломился в них, заколотил кулаками, пытаюсь повернуться, разбросать...

Пулемет застучал, пуля впилась в левое плечо, другая задела шлем по касательной, он треснул.

Меня будто молотком стукнули по черепу. Я закричал, забился, как попавшая в паутину муха, — и пробил гору ящиков.

На голову посыпались гайки, дощатая стена провалилась, и я провалился вместе с ней. Содержимое ящиков посыпалось вперед, вместе с грудой расщепленных досок и липких от масла гаек я вывалился в проход по другую сторону. Вскочил, упал, опять поднялся и похромал прочь.

Плечо пульсировало болью. Обернувшись, я увидел, как сдвигается один из стеллажей. Сервомоторы уже не выли — визжали от напряжения. Стеллаж сползал рывками, Бугров толкал его перед собой.

Теперь успею добежать до бытовки прежде, чем монолитовец освободится. Я метнулся вбок, стараясь не обращать внимания на рану... и вдруг понял: пистолета нет! Где я его потерял? Ну да, когда пробивался сквозь ящики — оставил в грудке досок и гаек! Теплый пар наполнял воздух. Катушка с кабелем опрокинула один из трансформаторов, из-под него текло масло, сочились сквозь прутья решетки. Вот он, изрешеченный пулеметной очередью вагон, — сквозь пробитые пулями дыры виднеется бытовка и оборудование на стойках.

Лязг сзади. Сорвав с жилета гранату, я обежал вагон. Разогнул усики, выдрав кольцо, отвел руку в сторону — отстрелился рычаг предохранителя у детонатора. Я на бегу размахнулся и швырнул ее, она влетела внутрь бытовки, покатилась, звонко лязгнула обо что-то и взорвалась.

Вспышка озарила длинную комнату, нечто среднее между операционной и мастерской. На кронштейнах висели части экзоскелета, трубки, корпуса сервомоторов, изогнутые пластины, кольца и полусферы. В центре стоял операционный стол, рядом — столик с хирургическими инструментами. Взрыв опрокинул его, посыпались скальпели и ножницы, отлетела, вращаясь, табуретка на колесиках...

Бросая гранату, я приготовился умереть. За этим взрывом должен последовать другой, куда более мощный. Первый убьет притаившегося в бытовке хозяина Зоны, второй — меня, Бугрова, Костю, если только он еще не умер от ран, выживет лишь Аня, кладовые далеко от этого зала...

Все произошло не так. В яркой вспышке я разглядел много чего, но не доктора Кречета. Его не было в бытовке.

* * *

Стальные ступни все громче лязгали о пол. Сделав по инерции несколько шагов, я остановился. Плечо болело, по руке текла кровь. Куда делся Кречет? Ведь должен быть там, вспышка, кроме прочего, озарила его кресло, лежащее у стены... Так, а это что такое?

По полу перед бытовкой тянулась влажная полоса, изгибалась вокруг столика с терминалом. Пунктирная линия крови, обозначающая путь того, кто полз прочь от бытовки... Куда полз? Я посмотрел на оборудование. Заметил лежащую неподалеку «М4», выпавшую из рук напарника после взрыва первой саабовской гранаты, увидел красный столбик на мониторе: он подобрался к самому краю шкалы, до окончания трансмутации осталась минута, если не меньше.

Что-то шевельнулось за оборудованием, и я приподнялся на цыпочках.

Доктор Кречет подползал к самолету. Но если он там, значит, цепь разомкнута? Нет — за Кречетом вились два провода, один заканчивался где-то у дыры с ТВЭЛами и цилиндром бомбы, второй огибал ее, тянулся дальше, к стенду с приборами.

Я не успевал добежать до него, Кречет почти добрался до трап-лестницы, приставленной к кабине бомбардировщика. Но он мне и не нужен, достаточно перерезать провода... Шагнув в сторону самолета, я взялся за нож на ремне.

Стена вагона обвалились, и в облаке трухи ко мне шагнул Бугров.

Пулемет монолитовца загрохотал, и я ничком бросился в струю пара, бьющую из трубы. Он обжег лицо, зажмурившись, я пополз навстречу лязгу. Пули летели над самой головой. Добравшись до прорехи, где не хватало решетчатого квадрата, свалился в нее, стал протискиваться дальше вдоль толстой горячей трубы. Лязгало все ближе, верхняя решетка, к которой я прижимался спиной, содрогалась. Труба изогнулась под прямым углом, сбоку была другая, да к тому же торчал вентиль — дальше никак, тупик.

Сервомоторы взвыли прямо надо мной, я перевернулся на спину и замер. Бугров стоял вверху, лицом к самолету. Не поворачивая головы, я скосил глаза в сторону оборудования.

В этот миг красный цвет целиком заполнил шкалу. Монитор мигнул, погас на секунду, а когда разгорелся вновь, шкалы там уже не было. И тут же остальные приборы ожили — в цепи кабелей, реле, переключателей, компьютерных терминалов и механический устройств что-то сдвинулось с мертвой электронной точки. На мониторе медленно проступили большие густо-зеленые цифры, тройка и два нуля. Они мигнули. Тройка стала двойкой, нули — пятеркой и девяткой. Потом цифра девять превратилась в восемь, семь, шесть...

Теперь не было смысла убивать Кречета или крушить оборудование, уже ничто не могло остановить реакцию. Трансмутация завершилась, система начала обратный отсчет.

Глава 24

Из протокола совещания командующего группировкой.

Штаб Объединенного командования

...настаиваю на проведении крупномасштабной войсковой операции. Необходима немедленная эвакуация лагеря на Янтаре. Судя по докладам лабораторной группы, необратимые сверхмутации животного и растительного мира Зоны могут начаться в ближайшие часы. Как начальник разведки вынужден заявить, что вся полученная информация в кратчайшие сроки была перепроверена подчиненными мне подразделениями. Убежден, что медлить нельзя, слишком дорого это нам может обойтись в случае...

Сервомоторы запели на разные голоса, защелкали реле в коробке электронного блока, и Бугров повернулся. Я прижал колени к животу, с громким выдохом распрямил ноги. Подошвы врезались в прутья, выломали старые, почти распавшиеся от ржавчины винты, выбили квадрат вверх. Решетка ударилась о руку с гранатометом, отлетела в сторону. Я вскочил, большим пальцем подцепил кольцо гранаты на жилете, повернул, помогая усикам разжаться.

В другой руке был нож, и я вонзил его под крышку электронного блока. Нажал — он вошел глубже, круша микросхемы. Посыпались искры, зашипело и затрещало. Что-то хрустнуло, Бугров начал поворачиваться в другую сторону, опустив голову, и совсем близко я увидел мертвые глаза. Мне показалось, что лицо его теперь — маска, надетая Кречетом на сознание офицера, и под нею остался тот, настоящий, живой Бугров, которого я видел за несколько секунд до его смерти. Он был там, он пытался вырваться,

кричал, бился, но не мог порвать ментальные цепи, которыми хозяин Зоны сковал его. Что-то розово-серое сочилось из-под колпака, неплотно пригнанного к срезу черепа.

Долбя ножом микросхемы, я сунул гранату в ящик, из которого торчала пулеметная лента.

Нож застрял. Бугров рывком опустил руку, пытаясь ударить меня стволом гранатомета, я откатился за спину монолитовца, вскочив, побежал к вагону. Сервомоторы выли, дрожал пол. Загрохотал пулемет, хлопнул «Сааб» — зомби поворачивался, описывая очередью круг. Пули врезались в бытовку, пошли дальше, за ними потянулись разрывы — по стене склада, по штабелям... Сейчас он развернется на сто восемьдесят и ударит мне в спину.

Сзади раздался взрыв, и я упал, прикрыв голову.

По залу прокатился дробный грохот. Когда эхо смолкло, я перевернулся на бок, глянул назад. Механический зомби все еще был на ногах. Патронный ящик разворотило, выгнутые наружу железные лепестки торчали во все стороны. Взрыв погнул раму, превратил бок монолитовца в дрожащие красные лохмотья и чуть не оторвал руку с пулеметом. Бугров сделал шаг и начал заваливаться на спину. Из развороченного электронного блока, откуда до сих пор торчал нож, ударили искры. Левая нога, зажата в тисках стальных трубок и кабелей, сделала второй шаг. Искры посыпались опять — переместилась правая. Еще шаг. Еще. Я видел, как исказилось лицо Бугрова, как он пытается повернуться ко мне, чтобы выстрелить, — и не может. Он шел, дергаясь из стороны в сторону, будто сломавшийся робот, рывками отклоняясь назад и вперед, едва не падая, по диагонали через зал.

Я поднялся. Зеленые цифры на мониторе показывали, что до взрыва осталось две минуты.

Доктор Кречет вползал в кабину бомбардировщика.

* * *

Ноги не слушались его. Кречет вцепился в край кабины и подтягивался. Наверное, он дал сигнал через подключенные к нему провода — двигатель самолета взвыл.

Так материальное тело не имеет значения для тебя? Почему же ты убегаешь — или в последний момент решил, что с телом все же лучше, чем без него? Наверное, ты понял: все это — не игра, Зона не шахматная доска. Или, возможно, осознал вдруг, что и пешки могут поставить мат королю? Доктор Кречет, ты все еще хочешь попасть в пространство чистой информации — или уже раздумал?

Я побежал к нему,

Неважно, хочешь ты или нет, сейчас я отправлю тебя туда.

Увидев валявшуюся возле терминала винтовку, свернул к ней, поднял и прицелился. В последний миг Кречет ощутил что-то. Уже до половины забравшись в кабину, он оглянулся, и тогда я выпустил в него все, что оставалось в магазине. Тело задергалось под пулями, а потом соскользнуло на пол.

Магазин опустел, я бросил оружие. На мониторе было: «1.52». Приборы жужжали, щелкали реле, мигали лампочки. От хромированного цилиндра, окруженного торчащими из бетона головками ТВЭЛов, шло тепло.

В глубине зала раздался грохот, вершина одного штабеля осыпалась, донесся лязг. Бугров может растоптать Лабуса! Я бросился вслед за монолитовцем, понимая, что это уже не важно, что напарник и так погиб, а если не погиб, я не успею доволочь его до самолета, но даже если успею — нам все равно конец, фюзеляж с двигателем и скорострельной пушкой далеко не улетит, мы останемся в эпицентре плутониевого гриба... И увидел Костю, ковыляющего навстречу.

Он слабо ухмыльнулся мне, сделал еще один шаг и упал.

Двигатель бомбардировщика ревел. Из дальнего конца зала донесся протяжный лязг, завывли сервомоторы. Я схватил Лабуса, поднял. Должно быть, в этот момент Бугров

врезался в стену — идущий вдоль нее мосток задрожал и обрушился. Я поковылял к самолету. В зале становилось жарко, хромированный цилиндр раскалялся, наливаясь тяжелым вишневым свечением. Медленно переставляя ноги, мы добрались до трап-лестницы. От шума двигателя барабанные перепонки болезненно вибрировали, вот-вот лопнут. Я обошел неподвижного Кречета, уткнувшегося лицом в пол. Выстрелы разворотили его спину, в ранах виднелся покрытый кровавыми ошметками белесый столб позвоночника и какие-то серебристые нити в нем. От шеи тянулся провод, второй шел из разъема на затылке, где был выбрит круг волос.

Я втащил Костю в кабину, усадил в кресло штурмана и перекинул через плечи ремни. Повалился в соседнее, стал пристегиваться, глядя на пульт: часть верхней панели отломана, туда грубо впаяны провода без изоляции, клеммы искрят, что-то помигивает внутри. Потянув рукоять у плеча, я захлопнул колпак. Щелчок — на пульте зажегся ряд светодиодов, и вдруг сам собой сдвинулся рычаг тяги. Внизу зарокотало: врубилась пушка. Грохнули выстрелы, ворота впереди разлетелись обломками. Снаружи было тускло и серо, снег не шел, дождь закончился.

Тяжелый, горячий свет лизнул самолет сбоку. В пульте жужжало. Шевельнулся другой рычаг, повернулась рукоять. Корпус бомбардировщика вздрогнул. Напарник что-то прохрипел и попытался сесть ровнее, ремни вдавились ему в грудь. Я оглянулся. Окруженный ТВЭЛами цилиндр пылал, воздух дрожал от жара, по бетону ползли клубы сизого дыма.

На фоне сияющего раскаленного пятна плутониевой бомбы стояла Аня.

* * *

Я не успел выбраться обратно, не успел даже поднять фонарь — ничего не успел. Бомбардировщик рванулся с места.

Мне хочется думать, что она заметила мое лицо сквозь колпак кабины, заметила, что я смотрю на нее — но я не уверен. Кажется, она кивнула, хотя, возможно, я лишь придумал это. «Ф-111» понесся по рельсу, а плутониевая бомба взорвалась.

Не могу поручиться, что действительно видел эту картину. Слишком быстро все происходило — разве мозг способен расшифровать настолько стремительный поток событий, разбить его на последовательные блоки? Или человек все-таки находится на новой стадии эволюции, как любят утверждать некоторые умники, и в нас просыпаются способности, которыми люди не обладали раньше?

Я не знаю. Но вот что я видел в те мгновения, когда бомбардировщик несся к воротам.

Цепочка разрывов побежала вдоль извилистой линии магнитных мин вверх. Потолок провалился.

Хромированный цилиндр извергнул шар огня. Но не яркого: цилиндр наполняла бушующая серебристая взвесь, из-за чего пламя казалось грязным, багрово-серым. Шар распух, поглотил ТВЭЛы, захлестнул человеческую фигуру.

Штанга переднего шасси лопнула, когда рельс закончился. Самолет подбросило, он вылетел из ангара в холодный осенний день и заскользил низко над землей. Прижатый к спинке, я оглядывался, выворачивая голову так, что трещали позвонки.

Расширяющийся шар огня нагонял, пламя вырвалось сквозь ворота, оно уже поглотило хвост самолета — и вдруг втянулось обратно. Я увидел — или мне лишь привиделось это? — фигуру в огне. Аня раскинула руки и подняла голову, окруженная сияющим ореолом. Силует ее дрожал, извивался. Он начал плавиться, потек, как свеча. Исчез.

Правая рука сама собой легла на рычаг между сиденьями, рванула его. Ремни сдавили тело. Сквозь рев двигателя донесся треск — взорвался заряд, отделяющий кабину от фюзеляжа. Включившийся ракетный двигатель выбросил капсулу вверх, и серое небо Зоны приняло нас в свои объятия.

Мелькнула полоска канала, кабину развернуло — атомная станция открылась взгляду.

Из огромной бетонной черепахи Саркофага, из всех ее вентиляционных труб и отдушин вырвались багрово-серые струи. Увеличились, как лучи вспыхнувшей звезды, пронзая воздух... и втянулись обратно, пропали.

Бомбардировщик врезался в бетонную ограду перед воротами, пробив ее, упал посреди набережной обводного канала. От машины повалил темный дым.

Капсула дернулась, купол основного парашюта раскрылся над нами, наполнился воздухом. От боков капсулы вверх протянулись стропы.

Рядом застонал Лабус. Канал остался позади. Мы медленно опускались, ветер сносил кабину к реке.

— Леха, что с тобой? — прошептал Костя. Я повернулся к нему и пробормотал:

— Со мной... Что со мной?

— Ты будто умер. Лицо как... как у зомби. Что там? Рвануло, теперь конец?

— Нет, не конец, — сказал я. — Там Аня появилась. Она... Я не знаю, что я видел.

— О чем ты? — не понял он.

— По-моему, она поглотила взрыв. Ничего не произошло, понимаешь?! Вся энергия... все исчезло, и пыль тоже, — просто исчезло!

— А она?

Я откинулся назад и закрыл глаза.

— И она тоже.

Капсула покачивалась, за тонкими стенками гудел ветер. Река приближалась.

— Аптечка, — сказал напарник. — Найди под сиденьем аварийный запас. Вколи мне обезболивающее. И стимулятор.

Капсула дернулась, плеснулась вода, с шипением вокруг корпуса раздулись поплавки.

* * *

Я откинул колпак, встав коленями на сиденье, посмотрел назад. Быстрое течение несло нас прочь от Чернобыльской электростанции.

Напичканный обезболивающим Лабус хрипло сказал:

— Ни хрена не понятно. Черт знает, что там случилось. Какой этот, остаточный, эффект может быть после такого взрыва? Что, если часть пыли все-таки разлетелась? И что теперь будут остальные члены Осознания делать, раз эти двое... гм, игроков погибли? Или Северов все же жив?

— Не знаю, — сказал я. — Ничего я не знаю, Костя. Ветра не было, стояла тишина, холодный осенний день раскинулся над Зоной. Капсула плыла мимо холмистых берегов, деревьев и брошенных зданий. Волны плескались в борта.

— В себя приди, Леха, — сказал напарник, с трудом приподнимаясь. — Надо что-то делать. Я тут подумал: код на нашу ликвидацию передало не Осознание, то есть не вся группа, а лично Кречет. Теперь он погиб... ну или улетучился в это свое пространство информации, неважно, в общем, нет его, а код так и остался, никто его не отменял. Значит, у нас проблемы впереди. Курортник, слышишь? Да очнись ты! — Он слабо хлопнул меня по плечу и тут же скривился от боли.

Придерживаясь за спинку, я повернулся. Меня знобило, хотелось заползти куда-то в темную тихую нору и заснуть там на сутки... а лучше лет на сто. Река полого изгибалась, Саркофаг исчез из виду, лишь полосатая труба торчала над холмистым берегом. Я закашлялся, стукнул себя кулаком в грудь и выкрикнул:

— Мы живы! — Голос, отразившись коротким эхом от склонов, быстро смолк, увяз во влажном воздухе, но я все равно продолжал кричать: — Слышишь? Живы! Ты нас спасла, и не только нас! Знай это! Все было не зря!

Лабус молчал, по-моему, его смутила эта сцена. Слова прозвучали слишком патетично, напыщенно, но мне надо было сказать то, что я сказал, пусть даже она не слышала меня. Я сел, положив кулаки на колени, уставился перед собой. И сидел неподвижно очень, очень

долго. Вдалеке гроыхнул гром, приглушенные раскаты прокатились над Зоной и смолкли. Волны тихо плескались о борт, река несла нас прочь от станции. В воду упали первые капли дождя.

* * *

Начальнику штаба Объединенного командования, полковнику...

расшифровка радиопереговоров между группой военных сталкеров 2-го отряда специального назначения и бортом №403:

05:47 «...я Четыре сотни третий, встречайте в точке через две минуты...»

«...понял, Четыре сотни третий, ждем...»

«...командир, движение прямо пятьдесят, вроде сталкер... или... не пойму пока...»

«...Тарас, уточни, кого видишь?..»

05:48 «...командир, это Тарас, объект на предупреждения не реагирует, открываю огонь на поражение...»

«...Бобер, это командир, прикройте нас огнем... Тарас ранен... противник сменил направление, уходит на юг... »

«...я Четыре сотни три, командиру: что у вас происходит?..»

05:49 «...командир, Четыре сотни третьему: вступил в бой, два двухсотых, один трехсотый...»

«...Болтун, командиру: сейчас эта сука выйдет на меня, я его... это Давыдов!»

«...Болтун, повтори...»

«...Болтун командиру: Давыдов, это он! Что у него с лицом?!»

«...Болтун, ответь командиру... почему молчишь?.. Ты уверен, что опознал Давыдова?..»

«...Болтун убит, это Кот, коман...»

05:50 «...я Четыре сотни третий, кто-нибудь, ответьте, я Четыре сотни третий, кто-нибудь слышит меня...»

05:51 «...я Четыре сотни третий, Полсотни пятому: наблюдаю семь неподвижных тел по границе поляны, сигналы с ПДА военсталов, только наши... все мертвы... больше никого не наблюдаю, запрашиваю указания...»

05:53 «...Полсотни пятый, Четыре сотни третьему: выжечь поляну вместе с телами... возвращайтесь на базу... конец связи...»